

Управление культуры Минобороны России
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

**Труды Шестой Международной
научно-практической конференции**

13–15 мая 2015 года

Часть IV

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2015

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Информационная поддержка

ISBN 978-5-7937-1284-2

© ВИМАИВиВС, 2015
© Коллектив авторов, 2015

С.А. Пивоварчик (Гродно, Республика Беларусь)

ОСОВЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1915 г. весь мир следил за событиями, происходящими в крепости Осовец. Небольшая российская крепость, расположенная недалеко от германской границы, выдержала 190-дневную осаду неприятельских войск с применением артиллерии и удушающих газов. Этот факт дал возможность назвать Осовец «русским Верденом».

В год 100-летия Первой мировой войны важное значение приобрели новые источники, которые в той или иной степени дополняют или дают возможность по-новому раскрыть события, связанные с Осовецкой крепостью. К таким источникам относится отчет об обороне крепости, который составил последний ее комендант генерал-майор Н.А. Бржозовский! (рис. 1). Комендантом

Рис. 1. Последний комендант Осовецкой крепости Н.А. Бржозовский. На фото 1917 г. в чине генерал-лейтенанта, командующего 44-м армейским корпусом

крепости он был назначен в конце января 1915 г., до этого исполняя обязанности начальника крепостной артиллерии. В отчете лаконично, но достаточно подробно дается описание крепостных позиций, характеризуются состав и действия российских и германских войск в каждый период обороны, отдельное внимание уделяется газовой атаке в июле 1915 г., причем Н.А. Бржозовский делает выводы о наиболее эффективной защите живой силы от газов. Вообще в отчете присутствует достаточно много личной оценки комендантом происходящих событий, что делает его важным источником по истории Осовецкой крепости².

Необходимо отметить, что истории Осовецкой крепости посвящены несколько специальных работ. В 1924 г. в «Военном сборнике» была издана статья В. Буняковского «Краткий очерк обороны крепости Осовца в 1915 г.», в которой в сжатой форме описываются боевые действия в районе крепости в ходе Первой мировой войны³. Наиболее известной и популярной в среде военных историков является книга С.А. Хмелькова «Борьба за Осовец»⁴. Она содержит военно-географическое описание крепостного района, краткую, но достаточно содержательную характеристику фортификационных сооружений и историю их строительства (сначала постройка большого автономного форта-заставы, а затем постепенное развитие позиции вглубь и вширь). В книге много внимания уделяется боевым действиям в крепости от начала Первой мировой войны и до эвакуации в августе 1915 г.

Известный советский военный инженер С.А. Хмельков после окончания Инженерной академии в 1911 г. был направлен в Осовецкую крепость и был непосредственным участником и свидетелем описываемых событий⁵. Поэтому авторитет С.А. Хмелькова, начальника кафедры фортификации, профессора и дивизионного инженера был настолько непререкаем, что многие поколения исследователей не критически принимали его версию постройки Осовецкой крепости. Однако оказалось, что предвоенная история ее строительства оказалась сфальсифицированной. Выяснилось это после публикации в Варшаве (2004) монографии польского исследователя Богуслава Пержыка⁶. В ней на основании полевых исследований и архивных материалов доказывается, что все укрепления крепости проектировались и строились на самом деле одновременно как часть единой малой крепости-заставы. Свою первую статью о крепости Осовец С.А. Хмельков опубликовал еще в 1921 г. Вероятно, тогда

он не успел еще подробно ознакомиться с историей постройки крепости по архивным документам. История обороны в 1914–1915 гг. и анализ причин ее устойчивости были более актуальны для страны, которой предстояло заново создавать инженерную оборону границ. Исправить ошибку истории создания крепости в книге, изданной в 1939 г., вероятно, не позволили собственные амбиции автора. Безусловно, монография С.А. Хмелькова «Оборона Осовца» остается одним из образцов труда на историко-фортификационную тему, однако требует критического подхода в использовании представленных там фактов. В завершение историографического обзора необходимо отметить монографию польского историка Анатоля Вапа, где впервые в историографии было проанализировано использование крепости польской армией в 1918–1939 гг.⁷ Последующие публикации польских, белорусских и российских авторов на эту тему в основном являются компиляциями из предыдущих работ с редким использованием новых источников.

К началу боевых действий крепость Осовец представляла систему из четырех фортов, из которых № I, III, IV были расположены на левом берегу р. Бобра, на гряде песчаных холмов. Совокупностью этих трех фортов образовывалась крепостная позиция, общим протяжением 6 верст по фронту. Форт № I (Центральный) находится непосредственно у полотна железной дороги, форт № III (Шведский) – западнее в двух верстах. Еще далее к западу в 2 верстах 300 саженьях – форт № IV (Новый). Форт № II (Заречный) был вынесен на правый берег Бобра и вместе с прифортными сооружениями образовывал Заречную позицию на расстоянии до 1½ верст впереди главной крепостной позиции. Ядром крепости являлись I-й и III-й форты, объединенные северо-восточным, северо-западным и южным соединительным гласисами. Площадь между ними представляла незначительный плацдарм, насквозь простреливаемый, но единственный для размещения артиллерийских позиций крепости. Здесь и на фортах были сосредоточены боевые и продовольственные запасы крепости (рис. 2).

Главная крепостная позиция преграждала долину р. Бобра в месте, наиболее удобном для переправы, запирала железнодорожный путь, совпадающий с наиболее вероятным операционным направлением германцев. На правом фланге позиции, на расстоянии 4½ версты находятся Гониондские высоты. Они имели весьма важное значение как для атакующего, так и для обороняющегося, так как

**Рис. 2. Крепость Осовец. Форт № I (Центральный), казармы.
Современное состояние**

главенствовали над окружающей местностью и давали возможность вести огонь во всех направлениях, в том числе по крепостным сооружениям, железной дороге и тылам русских позиций. На этих высотах еще в мирное время предполагалось построить форт, но к началу войны постройка его не началась, и пришлось ограничиться только полевыми укреплениями.

В отчете Н.А. Бржозовский приходит к заключению: *«Из описания верков крепости и окружающей местности видно, что Осовецкую крепость нельзя назвать крепостью в полном смысле этого слова, ибо современная крепость, вообще, представляет собой один или несколько концентрических поясов форт, окружающих охраняемый плацдарм. При устройстве крепости, принимая во внимание усовершенствование современных осадных орудий, удаление форт от центра крепости преследовало цель обезопасить от бомбардировки плацдарм крепости, служащий обычно для жизни войск и населения, для склада боевых и жизненных припасов.*

Осовецкая же крепость, имея Главную крепостную позицию, протяжением по фронту 6 верст и, вообще, крепостную позицию с Гониондской и Будды-Вильяновской протяжением 16–18 верст может быть названа только долговременной укрепленной позицией. Четвертый же форт (№ II), находящийся впереди этой позиции на

правом берегу реки Бобр и обеспечивающий переправу через реку Бобр, дает основание назвать крепость большим тет-де-поном. Наконец, ее можно назвать крепостью-заставой, как запирающей дорогу на Белосток, но отнюдь не крепостью вообще, как нам представляются все современные крепости. В Осовце не было ни пояса фортов, ни плацдарма, безопасного от огня, а позиции вообще слабо развиты. По причине незначительного гарнизона ее она считалась только третьеклассной крепостью»⁸.

С первого дня мобилизации гарнизон Осовецкой крепости прилагал усилия по усилению обороноспособности позиций. 2 сентября на дальних подступах к крепости появились немецкие разведки. 6 сентября комендант издал приказ с принятием мер «*по восприятию противнику безнаказанного подхода к крепости и занятию линии обложения*»⁹. В этот день над крепостью появились неприятельские аэропланы, проводившие разведку.

В ночь с 10 на 11 сентября гарнизоном крепости была произведена усиленная рекогносцировка всего неприятельского расположения, давшая ценные сведения. К вечеру 12 сентября, несмотря на энергичное сопротивление гарнизона крепости, противник обложил ее с правого берега р. Бобр, развернув широкой, охватывающей дугой свои батареи и полевые позиции. Артиллерия немцев была расположена в основном лесном массиве, расположенном впереди крепостных позиций, что затрудняло обнаружение арпозиций и ведение контрбатарейной борьбы.

В 9 ч 30 мин утра 13 сентября немцы открыли огонь своих батарей по воздушным наблюдательным станциям, а потом и по всей крепости. Крепость обстреливалась снарядами крупного калибра и одновременно шрапнелью из полевых орудий. Обстрел продолжался почти без перерыва днем и ночью, большей частью залпами. За четыре дня немцами было выпущено около 60 000 снарядов. Генерал Бржозовский в своем отчете так описывает действия гарнизона в это время: «*Особо трудная работа выпала на долю крепостной артиллерии – бороться с превосходной численно и по калибру артиллерией немцев, отлично к тому же маскированной в лесу. Офицеры и прислуга вели успешно огонь, не будучи все время укрытыми от неприятельского огня, бомб и шрапнелей, рвавшихся кругом. Под тем же огнем приходилось сидеть на наблюдательных вышках, устроенных на деревьях, подносить снаряды и заряды, заменять подбитую материальную часть, вооружать новые батареи, выгружать поезда*

с орудиями и боевыми припасами, тушить пожары с величайшей опасностью для жизни, начинавшиеся в расходных батарейных пороховых и зарядных погребах. В последнем деле особенно отличились штабс-капитан Огороков, штабс-капитан Мартынов и подпоручик Пушкевич.

Несмотря на невыразимо трудные условия борьбы ни одна из наших батарей не замолчала до конца бомбардировки и несомненно имели значительный успех, нанося оглушительный вред и потери немцам.

Нелегко было и другим частям гарнизона крепости: у каждого дела опасного и ответственного было много; об отдыхе, даже ночью, никто и не думал.

Телеграфисты под тем же убийственным огнем исправляли повреждения телеграфных и телефонных линий, пехота несла строевую и разведывательную службу, бодрствуя в ожидании штурма, помогая саперам исправлять повреждения, наносимые неприятельскими снарядами, тушить пожары, помогала вывозу раненых. Последнее в последующие дни затруднялось еще тем, что дороги были изрыты снарядами и завалены деревьями, и раненых приходилось носить на руках»¹⁰.

В ночь на 15 сентября и около полудня того же дня немецкая пехота предприняла попытку штурма позиций русских войск, но была остановлена ураганным огнем крепостной артиллерии.

В свою очередь в ночь с 17 на 18 сентября русские полевые войска перешли в наступление на фронте крепости, в котором принял участие и Осовецкий гарнизон. Немцы, спасая свою артиллерию, отступили и сняли осаду крепости. Таким образом, первая попытка немцев овладеть крепостью ускоренной атакой оказалось неудачной (рис. 3).

Очень подробно описывает Н.А. Бржозовский действия на фронте крепости с 9 февраля по 4 августа 1915г., т. е период, который считается второй осадой крепости Осовец. Особое внимание он уделяет действиям германской и русской артиллерии. В этот период немцы собрали наибольшее количество осадной артиллерии, пытаясь сломить дух защитников мощнейшими обстрелами из крупнокалиберных орудий: *«Начиная с 9 февраля противник постепенно усиливал свои артиллерийские осадные средства. Наши воздушные наблюдательные станции уже с 10 февраля выясняли движение поездов с платформами от Граево к полустанку Подлесок. На фронте об-*

Рис. 3. Крепость Осовец. Форт № 1 (Центральный), горжевая казарма. Современное состояние

наруживали появление новых батарей, особенно тяжелых, а 15 февраля обнаружена батарея 42 сантиметровых (16,8 дм) пушек. Можно считать, что противник за этот период против крепости выставил: не менее 2 орудий 42 сантиметров (16,8 дм) (возможно 4 орудия), 16 орудий 12 дм, 16 орудий 8 дм, 20 орудий 6 дм и 12 орудий 42-лин калибра, в общем около 66 – 68 осадных тяжелых орудий, помимо автомобильных пушек и полевой артиллерии»¹¹ (рис. 4).

Кульминацией второго периода осады стала знаменитая «газовая атака». Складывающаяся для немцев обстановка на фронте рек Нарева, Бобра и Немана вызывала необходимость во что бы то ни стало овладеть крепостью и прорваться к Белостоку. Это создавало угрозу для русских армий, действующих на передовом театре. Помня свои неудачи взять крепость открытым штурмом и «убедившись в невозможности сокрушить верки крепости и подорвать дух защитникам даже при содействии своих 42 сантиметровых чудовищ, коварный враг решил отравить защитников и по их трупам церемониальным маршем войти в крепость и прорваться к Белостоку. Вообще немцы решили ускорить взятие крепости открытой силой, с применением газовой атаки»¹².

**Рис. 4. Крепость Осовец. Разрушенные сооружения форта № I.
Германское фото 1916 г.**

К 24 июля русские войска на крепостной позиции располагались следующим образом: правый фланг Сосненской позиции у д. Бялогронды был занят 1-й ротой 226-го Землянского полка и двумя ротами ополченцев. Они прикрывали справа главный участок Сосненской позиции, а также с севера Заречный форт по дороге, идущей на форт через Будненский мост. Центр Сосненской позиции и левый фланг между Рудским каналом до д. Сосня были заняты 1½ батальонами (батальоном 226-го Землянского полка и двумя ротами ополченцев). Расположение частей было следующим: первый участок Сосненской позиции вдоль железнодорожного полотна до двора Леоново был занят 10-й ротой при поддержке полуроты ополченцев. Эти части прикрывали наиболее важное направление вдоль железной дороги и Рудского канала на Заречный форт. Второй участок заняла 9-я рота, за которой также расположилась полурота ополченцев. Третий и четвертый участки также были заняты 12-й и 11-й ротами 226-го Землянского полка.

В резерве за Сосненской позицией около дома лесника находилась одна рота ополченцев.

Таким образом, вся Сосненская позиция была занята девятью ротами (из них три ополченцев). Для усиления резерва позиции в ночь с 23 на 24 с Заречного форта был выслан еще один батальон Землянского полка, но около 3 часов утра он вернулся обратно на форт для отдыха после ночного дежурства. Оставлять большие силы на Сосненской позиции, за малочисленностью гарнизона крепости, не представлялось возможным.

Германское командование против русских частей сосредоточило около четырнадцати батальонов 11-й ландверной дивизии. В резерве, по показанию пленных, находилось около шести батальонов. Напротив д. Белогронды немцы расположили 5-й ландверный полк с 41-м эрзац-резервным батальоном, задача которых заключалась в прорыве расположения русских войск через Белогронды и занятии с севера Заречного форта.

18-й ландверный полк с 147-м эрзац-резервным батальоном должны были действовать против первого и второго участка русской позиции. На них была возложена задача прорвать центр Сосненской позиции, отрезать войска, занимающие ее левый фланг, и ворваться на Заречную позицию через Рудский мост.

76-й Ландверный полк получил задачу занять д. Сосня, и наступая в направлении дома лесника, действовать на левый фланг Сосненской позиции. Указанные пехотные части были усилены одним саперным батальоном и частями 36-го саперного батальона. В резерве у немцев находился 75-й ландверный полк (вдоль полотна железной) и еще два полка неизвестной нумерации (по показанию пленных).

Приблизительно за две недели до газовой атаки немцы завезли на свои передовые позиции свыше 30 газовых батарей по несколько тысяч баллонов, скрытно установили в четырех местах по 6–7 батарей в каждом и выжидали наиболее благоприятных атмосферных условий для усиления отравляющего действия газа.

Газовая атака началась 24 июля в 4 часа утра. Густое облако темно-зеленоватой окраски уже через 5–10 минут достигло русских окопов, быстро направляясь вперед к крепости, имея большую начальную скорость и расширяясь в стороны и вверх. Действие газового облака, с одной стороны, образовало завесу, скрывающую подступ противника, а с другой стороны, смертельно отравляло все, над чем проходило. Первыми жертвами стали разведывательные партии и секреты, которые все погибли. Несмотря на принятые меры (сжигание пакли и соломы, поливание перед окопами извести, надевание респираторов)

почти все защитники 1-го, 2-го, 4-го и половина 3-го участка Сосненской позиции были смертельно отравлены удушливыми газами. Частично были отравлены и люди из резерва Сосненской позиции. Распространение газов вперед продолжалось до 20 верст, а вверх до 5–6 саженей, но их разрушительное действие сказывалось на расстоянии до 12 верст, после чего сильно ослабевало. Смертельно поразив передовые части, яд газов обессилил большую часть защитников крепости, проникая даже в плотно закрытые помещения. Более чем на 12 верст поступательного пути вся растительность была уничтожена.

Гарнизон был принят все рекомендованные меры для борьбы с газами. Но оказалось, что противогазовые повязки, имевшиеся в то время, очень слабо обезвреживают газ из-за незначительной площади. Применение их в бою было крайне неудобно, так как сделать повязку и поддерживать ее на ходу крайне затруднительно. Особенно для командного состава, которому, руководя нижними чинами, приходилось срывать повязки. Силу действия газов отчасти уменьшили климатические и местные почвенные условия. Утро 24 июля было холодное, туманное, сырое, и газ, пройдя частью над мокрым болотом, рекой и водяными рвами, обезвреживался в значительной степени, что спасло гарнизон от громадных потерь.

После сигнала красными ракетами все немецкие батареи открыли ураганный огонь по Сосненской позиции. Особенно интенсивному обстрелу подверглись д. Осовец (немцы боялись удара оттуда русских во фланг наступающим войскам) и единственная дорога, шедшая от резерва Сосненской позиции через мост на Рудском канале на Заречный форт, откуда могли прибыть подкрепления на Сосню. Огню подверглись также Заречный форт, Заречная позиция и остальные форты и плацдарм, причем артиллерийские снаряды были начинены составом с газами.

Под прикрытием артиллерийского огня и удушливых газов немецкая пехота пошла на штурм. На фронт Белогронды – Сосня (протяженность 5 верст) было направлено почти пять полков 11-й ландверной дивизии Эйнема (5-й, 18-й, 75-й, 76-й), за которыми в резерве следовали еще два полка.

Первоначально немцы обрушились на первый участок Сосненской позиции, к которому они наиболее приблизились до 24 июля. Фронтальная лобовая атака была тяжелой для немцев, но в случае успеха они отрезали центр и левый фланг Сосненской позиции от

крепости, отбрасывая занимающие их русские части на болота, а также разъединяли Сосненскую и Белогрондскую позиции.

На первом участке к этому времени осталось в живых только два пулеметчика, которые хотели открыть огонь по наступающим немцам, но настолько ослабли от газов, что сделать это не смогли. Тогда они разобрали пулемет и его части зарыли в песок. Пулеметчики погибли здесь же, в пулеметном гнезде.

Немцы прорезали около десяти проходов в трех полосах проволочных заграждений перед первым участком и начали движение по обе стороны железной дороги. Крепостная артиллерия открыла сильный заградительный огонь и заставила наступавших остановиться. К позициям резерва Сосненской позиции прорвались только части 18-го ландверного полка. 76-й ландверный полк атаковал д. Сосню, потеряв при этом погибшими от своих же газов около тысячи человек. К тому времени живых русских солдат там практически не осталось, и, разможив черепа 36 мертвым солдатам, немцы атаковали третий участок. Один из крепостных пулеметчиков, захватив с собой пулемет, отошел от Сосни и, став в ходе сообщения между деревней и третьим участком, начал в упор расстреливать немцев. Он успел выпустить две ленты, уложив вокруг себя много врагов. Но когда он вкладывал третью ленту, немцы, воспользовавшись перерывом, набросились на него и зверски убили. После этого они двинулись на третий участок, окружили его и атаковали с трех сторон, но взять не смогли.

Немецкие части, наступающие от первого и второго участков, дошли до окопов резерва и стали преодолевать проволочные заграждения. Своим продвижением они отрезали Белогрондскую позицию от Сосненской и остальной крепости. Немцы, наступающие вдоль железной дороги, торопясь развить свой успех, раздробились на несколько цепей, следовавших одна за другой, и были не в состоянии оказать друг другу поддержку при возможной контратаке русских.

Головные части немцев атаковали позицию резерва, арьергардные в это время интенсивно укрепляли позиции возле господского двора Леоново. Начальник Сосненской позиции капитан Потапов, видя критическое положение своего отряда, приказал находящейся в резерве 7-й роте продвинуться вперед и занять на холме тыловые окопы. Благодаря этому удалось задержать противника, и Потапов обратился за подкреплением к начальнику 2-го отдела обороны.

На Сосненской позиции противник, почти не встречая сопротивления со стороны отравленных защитников 1-го, 2-го и 4-го участков, занял их и подошел к резерву. На Белогрондской позиции немцы, следуя непосредственно за газами силой около двух рот, атаковали с северо-запада Белогронды. К тому времени в живых на участке около 2 верст осталось двадцать человек при двух пулеметах, одним из которых действовал прапорщик Землянского полка Ретюнский, а другим – пулеметчик крепостной артиллерии. Немцы успели срубить один ряд кольев проволочных заграждений на протяжении 50 сажений, но пулеметным огнем были отогнаны. После этого они два раза накапливались для атаки, но были разогнаны пулеметным и артиллерийским огнем.

Гарнизон Сосненской позиции оказался в критическом положении, и сложившаяся ситуация представляла непосредственную угрозу Заречному форту и Заречной позиции, так как немцам, уничтожив резерв, только и осталось ворваться в крепость. Поэтому крепостной артиллерии было приказано устроить огневую артиллерийскую завесу впереди Сосненской позиции, а начальнику 2-го отдела обороны полковнику Катаеву перейти в контратаку уцелевшими частями 226-го Землянского полка.

Крепостные артиллеристы, отравленные газами, не смогли сразу открыть огонь по противнику. Поэтому передовые части и первая линия немцев проникли за передовую Сосненскую позицию, переколов оставшихся защитников и захватив противоштурмовые окопные орудия и пулеметы. Однако резервы противника заградительным огнем крепостной артиллерии были отрезаны от первой линии, опрокинуты и отброшены назад с большими потерями.

Начальник 2-го отдела обороны приказал 13-й роте перейти с Заречного форта на Сосненскую позицию, задержать продвижение немцев на крепость и отбить у противника 1-й участок Сосненской позиции. Вслед за этой ротой были высланы 14-я и 8-я роты, получившие задачи взять обратно д. Сосню и 2-й участок Сосненской позиции.

13-я рота, составлявшая гарнизон Заречного форта, уже потеряла отравленных газами 20 человек. Командир роты подпоручик Котлинский также получил отравление, но остался в строю. Для выяснения состояния и исправления фортификационных построений вместе с ротой был направлен саперный офицер подпоручик Стржеминский. Рота, значительно отравленная удушливыми газами, перешла мост

и гать длиной около версты и под сильным артиллерийским огнем противника повела наступление вдоль полотна железной дороги.

Подпоручик Котлинский лично произвел рекогносцировку. Рота во главе со своим командиром бросилась в атаку на наступающие немецкие цепи с расстояния в 300 м. Немцы открыли по 13-й роте сильный ружейный и пулеметный огонь, но это не остановило стремительной атаки, во время которой был смертельно ранен подпоручик Котлинский. Командование ротой принял подпоручик Стржеминский, который, обнажив шашку, с криком «ура» бросился на немцев, увлекая за собой роту. Местность для атаки была весьма неудобная: развалины старых блиндажей представляли собой ямы, в которые проваливались люди, отовсюду торчали доски и бревна. Однако 13-й роте штыковой атакой удалось выбить немцев последовательно с занимаемых ими позиций, а потом и из передовых окопов 1-го и 2-го участков Сосненской позиции. Захваченные прежде немцами противотанковые орудия и пулеметы были в полной исправности отбиты, при этом взяты 16 пленных. Подпоручик Стржеминский был сильно отравлен удушливыми газами, но остался в строю. Впоследствии подпоручики Котлинский и Стржеминский были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени.

После того, как 1-й и 2-й участки Сосненской позиции были отбиты у немцев, русские войска приступили к атаке двора Леоново. Местность была неудобна для атаки, так как свои же широкие проволочные заграждения перегораживали путь. Атаковать можно было только по ходу сообщения, продольно обстреливаемому немцами из окопа между двумя ближайшими полосами проволочных заграждений. Русским пришлось прибегнуть к траншейному бою ручными гранатами по французскому способу и продвигаться, используя стрелковые щитки.

Крепостная артиллерия начала обстрел двора Леоново, который превзошел всякие ожидания. По небольшой площади был сосредоточен огонь девяти тяжелых и двух легких батарей. С Белогрондской позиции и с первого участка русские войска открыли пулеметный огонь в тыл противника, в результате чего немцы были большей частью перебиты, и лишь немногие смогли отойти. К 10 часам утра последний оплот немцев, самый важный, был занят русскими.

В это время начальник 3-го участка командир 12-й роты подпоручик Чглоков выяснил, что немцы захватили Сосню и стремятся охватить 3-й участок с фланга и тыла. С целью воспрепятствовать

охвату подпоручик немедленно передвинул на фланг взвод и открыл по немцам сильный ружейный и пулеметный огонь. Несмотря на яростные атаки, немцы дважды были отбиты и были вынуждены отойти назад к Сосне, где, прикрываясь складками местности, продолжали отстреливаться.

В это время подоспела высланная на поддержку левого фланга Сосненской позиции 14-я рота. Две роты под командованием подпоручика Чеглокова перешли в энергичное наступление и, несмотря на сильное сопротивление немцев, штыками выбили их из окопов Сосни (4-й участок). При этом у немцев были отбиты захваченные ими ранее орудия, пулеметы и взяты 14 человек пленных. 8-я рота, высланная вслед за 14-й, усилила 2-й участок Сосненской позиции и помогла удержать его.

Таким образом, к 11 часам утра, т. е. в течение 7 часов, знаменитый газовый штурм немцев был самоотверженно отбит частями 226-го Землянского полка. Пленные немцы, взятые во время газового штурма, показывали, что все – от командования до последнего рядового германской дивизии, атаковавшей крепость, были уверены, что ничто не устоит против яда газов. Уверенность, что весь гарнизон погибнет от газов, была настолько велика, что немцы заранее нарядили несколько рот для похорон мертвых, все обозы были запряжены и готовы въехать в Осовец. Поэтому первый выстрел, а затем все усиливавшийся огонь русских произвел поражающее впечатление. Этим комендант крепости Бржозовский объяснял зверства, которые *«коварный враг в бессильной злобе производил над славными героями, павшими за дорогую твердыню»*¹³.

Неудачная попытка немцев атаки с применением газа не остановила его намерений по взятию крепости. Не прекращая интенсивного обстрела, противник начал готовиться к штурму с применением более сильных удушающих газов. Однако провести его немцы не успели – крепость была эвакуирована. 4 августа 1915 г. закончился четвертый и последний период осады и обороны Осовецкой крепости (рис. 5).

В приказе Верховного Главнокомандующего на оборону крепости еще в сентябре 1914 г. указывалось: *«укрепления Осовца считать участком долговременной позиции, долженствующей совместно с полевыми войсками оборонять линию реки Бобра. Поэтому, в случае решения оставить оборонительную линию этой реки, укрепления Осовца теряют свое значение в смысле самостоятельного*

Рис. 5. Крепость Осовец. Форт № IV (Новый), разрушенная казарма. Современное состояние

лишь необходимое продовольствие на общих основаниях, существующих для полевых войск. Из артиллерийских запасов было оставлено необходимое для интенсивного огня в течение примерно недели. Все вооружение оставалось на месте, но были предприняты меры для быстрого разоружения крепости, если бы на таковое последовало приказание. С этой целью был разработан план перевозки орудий с места их установки до железной дороги и определен размер подвижного состава, необходимого для эвакуации крепостной артиллерии. Вывезти всю артиллерию железнодорожным транспортом не удалось – 9 августа немцы перерезали дорогу в районе станции Кнышин. По словам С.А. Хмелькова, орудия пришлось эвакуировать по шоссе на Гродно с помощью «людской тяги»¹⁵. Каждое орудие в зависимости от веса тянули на лямках 30–50 артиллеристов или ополченцев. Вывоз проводился ночью, так как шоссе просматривалось с аэропланов и простреливалось неприятельской артиллерией.

удержания их в наших руках; вследствие чего надлежит теперь же подготовить и в нужную минуту выполнить все необходимые мероприятия по своевременной эвакуации из Осовца имущества и всей артиллерии и по подготовке к основательному взрыву всех укреплений, которыми в случае нашего отхода мог бы воспользоваться противник для упрочения своего положения на берегах названной реки»¹⁴.

Подготовительные работы по эвакуации крепости были проведены в период с 4 по 6 августа. Из крепости были вывезены интендантские запасы и имущество, оставлено

Кроме этого были проведены подготовительные работы по уничтожению укреплений. Эта работа была возложена на начальника инженеров крепости, в распоряжении которого были все крепостные инженеры, две роты саперов и все наличие взрывчатых веществ. Вся территория крепости была разбита на шесть участков с конкретными задачами для каждого. На участках были устроены станции, откуда предполагалось производить подрывы. Взрывчатым веществом служил пироксилин, запасы которого были в большом количестве. Во всех подрываемых сооружениях наглухо закрывали броневые двери и ставни, усиливая рельсами и бревнами. Подготовка к уничтожению жилых деревянных построек была крайне простой: в комнатах собирали горючий материал – солому, дрова, мебель и пр., обливали все бензином или керосином (рис. 6).

Рис. 6. Крепость Осовец. Форт № IV (Новый), разрушенный пороховой погреб. Современное состояние

В ночь с 9 на 10 августа крепость была полностью оставлена русскими войсками. Для уничтожения сооружений остались только инженеры и саперы. Четыре орудия непрерывно вели огонь с целью ввести неприятеля в заблуждение и не позволить ему помешать эвакуации крепости. В 22 часа 10 августа орудия сделали послед-

ние выстрелы и были уничтожены подрывом. Разрушение бетонных крепостных сооружений было полное, все деревянные постройки крепости, Довнарские казармы и Суворовский штаб, находящийся в 10 км, сожжены. Войска из крепости отступили к д. Суховоля, где был сформирован сводный Осовецкий корпус под командованием коменданта крепости генерал-майора Бржозовского. Через несколько дней корпус отошел к крепости Гродно, где принял участие в оборонительных боях.

Таким образом, отчет коменданта крепости генерал-майора Н.А. Бржозовского представляет собой важный источник, позволяющий более полно восстановить исторические события, связанные с обороной Осовецкой крепости.

---

¹ Бржозовский Николай Александрович – последний комендант Осовецкой крепости, генерал-майор артиллерии. Из потомственных дворян Могилевской губернии. Военное образование получил в Полоцкой военной гимназии, 2-м Константиновском военном училище. С 1876 г. – прапорщик, прикомандирован к Динабургской крепостной артиллерии. В 1877 г. по собственному желанию назначен в осадную артиллерию. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В августе 1884 г. переведен в Новогоргиевскую крепостную артиллерию, штабс-капитан. С 1895 г. – в Варшавской крепостной артиллерии. В 1900 г. переведен в Квантунскую крепостную артиллерию и назначен командиром осадной крепостной роты. За боевые отличия произведен в подполковники. Участник Русско-японской войны – начальник артиллерии 4-го участка обороны Порт-Артура. Непродолжительное время находился в японском плену. В 1905–1911 гг. служил в крепостной артиллерии Одессы и Ломжи. За отличие по службе 20.12.1911 г. произведен в чин генерал-майора и назначен командиром Осовецкой крепостной артиллерии. Осенью 1914 г. назначен командиром группы осадных батарей, действующих под Летценом, с 29.01.1915 г. – комендант Осовецкой крепости. Командовал Сводным Осовецким корпусом во время боев за Гродно в августе 1915 г., в декабре 1915 г. вступил в командование XLIV армейским корпусом, произведен в генерал-лейтенанты. Весной 1917 г. находился в резерве чинов Киевского военного округа, 13.05.1917 г. назначен комендантом Свеаборгской крепости. Уволен в отставку в декабре 1917 г. В 20-х гг. проживал в Югославии. Государственный архив Гродненской области. Ф. 377. Оп. 1. Д. 161. Л. 144–146. Послужной список генерал-лейтенанта Бржозовского.

² Оборона крепости Осовец во время осады. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13140. Оп. 1. Д. 368.

³ Буняковский В. Краткий очерк обороны крепости Осовца в 1915 г. Военный сборник, 1924.

⁴ Хмельков С.А. Борьба за Осовец. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

⁵ Хмельков Сергей Александрович (1879 — 09.02.1945) – российский, советский военный инженер-фортификатор, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, основоположник теории построения фортифика-

ционных оборонительных сооружений в виде узлов сопротивления долговременных укрепленных позиций. В 1911 г. окончил Николаевскую инженерную академию и направлен в Инженерное управление крепости Осовец, где принимал участие в обороне в годы Первой мировой войны. В 1919–1945 гг. служил в Военно-инженерной академии РККА. Занимал должности преподавателя, помощника инспектора инженеров полевого штаба РВС, принимал непосредственное участие в проектировании фортификационных сооружений, инспектировал ход строительства. Защитил диссертацию по теме обороны крепости Осовец и получил звание профессор. С 1936 г. занимал должность начальника кафедры сухопутной фортификации и укрепленных районов Военно-инженерной академии, дивизионный инженер, с 02.11.1944 г. генерал-лейтенант инженерных войск.

⁶ Perzyk В. Twierdza Osowiec. 1882–1915. Warszawa, 2004.

⁷ Wap А. Twierdza Osowiec. Zarys dziejow. Bialystok, 1994.

⁸ Оборона крепости Осовец. Л. 5.

⁹ Оборона крепости Осовец. Л. 22.

¹⁰ Оборона крепости Осовец. Л. 23–24.

¹¹ Оборона крепости Осовец. Л. 34.

¹² Оборона крепости Осовец. Л. 12.

¹³ Оборона крепости Осовец. Л. 15 об.

¹⁴ Оборона крепости Осовец. Л. 16.

¹⁵ Хмельков С.А. Борьба за Осовец. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. С. 83.

И.Б. Пинк (Тула)

МЕЧ ИЛИ КИНЖАЛ? К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ХОЛОДНОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ

Коллекция восточного оружия в собрании Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО) невелика и насчитывает несколько десятков предметов. Тем не менее, среди них хранятся необычные образцы.

Таким можно считать экспонат, который в настоящее время атрибутирован как «кинжал «кама»¹. По внешнему виду он выглядит как обычный закавказский или иранский кинжал типа «кама». В Иране такой вид кинжала иногда носит название «кваддара». Этот термин до настоящего времени однозначно не определен. Если некоторые исследователи считают, что под «кваддарой» («кадарой»²) следует понимать кинжал с асимметричным изгибом на конце клинка³, то другие включают в это определение и симметричные кинжалы типа «кама»⁴. В данном случае использование понятия «кама» как оружейно-эвдеческого термина, обозначающего определенный тип кинжала, представляется достаточно приемлемым.

Рукоять кинжала ТГМО образована двумя фигурными щечками из черного рога, соединенными с хвостовиком двумя стальными заклепками с конусовидными шляпками. На щечках наклонные желобки. Прямой двулезвийный клинок имеет один широкий дол по центру и два узких долика, образующих «рамку» вокруг центрального дола. Далее до самого острия идет центральное ребро. С обеих сторон на поверхности клинка выполненный травлением растительный и геометрический декор. В настоящее время он значительно стерт. Ножны этого кинжала состоят из двух деревянных планок, со стальной накладкой с шариком на конце, обтянутых кожей черного цвета. С тыльной стороны имеется карман для дополнительного ножа. Гайка

и фрагмент кожаного покрытия в верхней части ножен в настоящее время утрачены.

Необычными являются только размеры этого оружия. При общей длине кинжала 110,5 см длина его клинка составляет 90,0 см, а ширина – 7,8 см. Размеры ножен 95,0 x 7,8 см, а их вес равен 575 г. Это позволило ранее определить этот музейный предмет как «меч средний двулезвенный»⁵. Интересно отметить, что длительное время этот «меч» экспонировался в разделе экспозиции музея, в котором было представлено «боевое и защитное вооружение XVII века»⁶.

Таким образом, возникает проблема с установлением названия этого оружия. Кроме того, требуется определить его функциональное назначение. Как будет показано ниже, на наш взгляд, ответ на первый вопрос в значительной степени зависит от ответа на второй.

Сразу отметим, что в статье не содержится окончательного аргументированного решения этой проблемы. Ее основной целью является введение в научный оборот предмета из собрания ТГМО, а также привлечение внимания исследователей к данному вопросу.

Образцы, аналогичные кинжалу из собрания ТГМО, удалось выявить в других музейных коллекциях.

Наибольшее сходство с предметом из ТГМО имеет оружие из коллекции Российского этнографического музея (далее – РЭМ), атрибутированный как «меч ритуальный» (РЭМ № 2056 – 18а)⁷. Рукоятки двух этих образцов аналогичны, достаточно близки и размеры. Общая длина «меча» 109,5 см, длина клинка 89 см, а его ширина 8,0 см. Основное различие клинков заключается в их декоре. У «меча» растительный орнамент и фигуры выполнены гравировкой.

Особенно любопытны фигуры на «пяте» и острии клинка. Они изображают пятиголовых антропоморфных монстров. На каждой голове по два рога или стоячих уха, наподобие кошачьих или собачьих. Из одежды на чудовищах только набедренная повязка, закрепленная расширяющимся в стороны поясом с вертикальными полосками, обозначающими, очевидно, прикрепленные к поясу узкие вертикальные металлические пластины. На всем теле мифических существ нанесены вертикальные черточки, передающие, по всей видимости, их шерсть. Вероятно, это дивы (дэвы). Пятиголовые рогатые дивы характерны для грузинского эпоса⁸. Значение этих фигур для исследуемого вопроса будет показано ниже.

Известно, что «ритуальный меч» из собрания РЭМ был подарен этому музею в 1910 г. великим князем Георгием Михайловичем, ко-

торый в 1895–1917 гг. занимал должность Августейшего управляющего Русским музеем императора Александра III. «Меч» атрибутирован как иранский XIX в. Следует отметить, что на персидском оружии, в отличие от остального мусульманского мира, часто встречаются изображения людей и животных. Обычно это связывают с принадлежностью иранцев к шиитскому направлению ислама⁹.

Практически точная копия «меча» из собрания РЭМ представлена на одном из оружейных сайтов, посвященных восточному оружию¹⁰. Он имеет совершенно аналогичный декор, в том числе и изображения рогатых пятиголовых дивов, отличающихся от фигур на клинке «меча» только незначительными деталями. На ножнах сохранилась обойма, конструктивно точно соответствующая этой детали прибора кинжалов «кама». Таким образом, это еще раз подтверждает, что рассматриваемые «мечи» являются увеличенными копиями кинжалов «кама».

Наклонные желобки на рукояти можно видеть на закавказских кинжалах с именами или отдельными буквами, написанными по-армянски¹¹.

Другой «меч» в ножнах из собрания РЭМ (РЭМ № 8761 – 16371 а, б) имеет рукоять, несколько отличную по форме от рукояти кинжала ТГМО¹². Размеры этого «меча» еще больше – общая длина составляет 128,5 см, длина клинка 107,5 см, а его ширина – 9,0 см. На клинке не один, а два центральных дола. Растительный декор, стилизованные фигуры и подгрудные «портреты» гравировкой. На клинке травлением выполнены надпись арабской графикой «Имущество Кубла-хана» и стилизация арабской надписи. Ножны покрыты черной кожей, и также аналогичны ножнам кинжала «кама».

Этот меч поступил в РЭМ в 1948 г. из расформированного Музея народов СССР, куда он был передан из Артиллерийского музея. Это оружие также атрибутировано как иранское XIX в.

Под именем «Кубла-хан», или «Кубилай», благодаря Марко Поло, на Западе известен Хубилай (1215–1294) – монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай. Следует также отметить, что имя «Кубла» стало особенно распространённым после публикации в 1816 г. незавершенной поэмы Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Кубла Хан».

Рассмотрим другие известные случаи использования ножей или кинжалов аномально крупных размеров. К таким предметам из собрания ТГМО относится ритуальный нож «кукри» в ножнах с двумя

дополнительными ножами (ТГМО КП-5711/1-4), произведенный непальской фирмой «Роял Непал кукри» в начале XXI в.

Типичный для кукри изогнутый, однолезвийный, с лезвием на вогнутой стороне клинок имеет у рукояти характерный вырез в форме копыта. Рукоять деревянная, навершие и нижняя втулка латунные. На клинке геометрический орнамент, выполненный гравировкой и инкрустацией латуни. Общая длина 111,0 см, длина клинка 83,0 см, а его ширина 5,0 см. Деревянные ножны также типичны для данного вида ножей. Они обтянуты кожей, черного цвета, изогнутые, с двумя карманами. Петля из кожзаменителя прикреплена четырьмя стальными заклепками. Наконечник латунный. Размеры ножен 87,5 x 9,0 см. Один из дополнительных ножей – «карда» – имеет изогнутый однолезвийный клинок и деревянную рукоять. Общая длина «карда» 33,5 см, длина клинка 20,0 см, а его ширина 3,0 см. Клинок другого дополнительного ножа «чакмак» изогнутый, без лезвий, также с деревянной рукоятью. Общая длина «чакмака» 32,5 см, длина клинка 19,0 см, а его ширина 3,0 см.

«Кукри» таких гигантских размеров используется в Непале при проведении церемоний и ритуальных жертвоприношений. Следует отметить, что его рукоять допускает двойной хват и достаточна удобна для этого.

Также известны испанские ножи «наваха» огромных размеров, например, общая длина одной из них в раскрытом виде составляет 173 см. Практического значения это оружие не имело. Его изготавливали различные фирмы исключительно в рекламных целях, и такие навахи обычно помещали в витрине магазинов в качестве декорации¹³.

Случаи изготовления гигантского оружия также известны в древности. Так, античные авторы сообщают, что когда в сентябре 326 г. до н. э. войска Александра Македонского решили оставить Индию, знаменитый полководец приказал изготовить оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и разбросать их вокруг лагеря. Таким способом Александр хотел внушить туземцам, что его воины и их животные имеют гигантские размеры¹⁴.

Отметим, что рукоять кинжала из собрания ТГМО имеет боковые продольные ребра, что затрудняет удержание этого оружия. Таким образом, он, по всей видимости, выполнял только декоративную функцию и относится к так называемому «ковровому» холодному оружию. Необычные размеры должны были показать, что это оружие принадлежало великану или богатырю. На мифический харак-

тер таких кинжалов косвенно указывают изображения дивов, которых побеждали легендарные богатыри.

Необходимо подчеркнуть, что такое оружие не имеет ничего общего с основными типами мечей, и определение его как разновидности этого вида клинкового оружия продиктовано исключительно размерами.

По-видимому, эти кинжалы можно отнести к комплексу холодного оружия и оборонительного вооружения, которое производилось иранскими мастерами в XIX в. для продажи европейцам. Утверждения, что данный кинжал гигантских размеров принадлежал легендарному богатырю, победителю дивов, могли увеличить привлекательность и стоимость такого оружия. Тем не менее, эта гипотеза нуждается в подтверждении.

Если принять изложенные выше рассуждения, то рассматриваемые предметы следует атрибутировать как «кинжал «кама» декоративный». Несомненно, времена их изготовления – XIX в. или начало XX в. Местом производства может быть Закавказье или Иран, что требует проведения дальнейших исследований.

---

¹ Тульский государственный музей оружия (далее – ТГМО). КП-2141/1-2.

² Ривкин К. Холодное оружие Кавказа. Определитель. История оружия. Альманах № 7/2012. Запорожье, 2012. С. 57–58.

³ См., например: Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX в.: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013; С. 152, Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. История оружия. Альманах № 4/2011. Запорожье, 2011. С. 101; Ривкин К. Указ. соч. С. 57–58.

⁴ Стоун Д.К. Большая энциклопедия оружия и доспехов / Оружие и доспехи всех времен и народов. М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 259, 260; Иллюстрированная история оружия. Минск: Попурри, 1999. С. 37.

⁵ Главная инвентарная книга Тульского музея оружия. 1965–1993 гг. ТГМО КП-2-20724. Л. 76.

⁶ Ащурков В.Н. Тульский музей оружия. Путеводитель. Тула: Тульское кн. изд-во, 1958. С. 14, 17.

⁷ Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2006. С. 183.

⁸ Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 202.

⁹ Художественное оружие из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 66.

¹⁰ <http://www.oriental-arms.com/item.php?id=1558> (12.03.15)

¹¹ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: Атлант, 2004. С. 362; Нератова Е.И., Шереметьев Д.А. Оружие Кавказа в частных коллекциях прошлого и настоящего. Выставка в Российском этнографическом музее. М.: Вече, 2011. С. 88–89.

¹² Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. С. 184.

¹³ <http://forum.guns.ru/forummessage/79/660028.html> (13.03.15)

¹⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр и Цезарь. LXII.

М.А. Приходько (Москва)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КРИГСРЕХТ В 1804–1805 гг. (ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ)

В 1804 г. в Российской империи была предпринята попытка создания высшего военно-морского суда, под названием Генеральный кригсрехт¹.

Как показывают архивные документы, численный состав присутствия Генерального кригсрехта был небольшим – первый (или первенствующий) член, военный советник Н.А. Игнатьев и ассессоры: первоначально генерал-аудитор-лейтенант, надворный советник М.Ф. Магаринский и подполковник Д.А. Андреев², а позднее капитан 3-го ранга И.Н. Алексеев, капитан-лейтенант Ф.И. Деливрон, майор Я.А. Берхман, подполковник И.И. Стрельников, капитан 2-го ранга М.М. Ртищев³.

Непродолжительный период деятельности Генерального кригсрехта – около двух лет⁴ – не позволил развиваться и укрепить структурной организации данного учреждения.

В официальном Месяцеслове на 1805 г. нет упоминаний о канцелярии, отделениях или столах Генерального кригсрехта⁵.

Уже 8 сентября 1805 г., на основании высочайше утвержденного императором Александром I доклада Комитета, учрежденного для нового образования Генерал-аудиториата, Генеральный кригсрехт был упразднен⁶.

Окончательно факт упразднения Генерального кригсрехта был оформлен рапортом генерал-аудитор-лейтенанта М.Ф. Магаринского руководителю Генерал-аудиториата генерал-аудитору С.И. Салагову от 12 января 1805 г. с приложением ведомости о производившихся в Генеральном кригсрехте делах⁷.

Практика государственного управления в данное время пошла по

пути сосредоточения всех военно-судебных полномочий в Генерал-аудиториате⁸.

Между тем, в дальнейшем специализация рассмотрения военно-морских судебных дел была продолжена после создания в 1812 г. Аудиториатского департамента Морского министерства⁹.

Таким образом, информация о деятельности Генерального кригс-рехта в 1804–1805 гг., имеет определенное значение для истории военно-судебных учреждений Российской империи в начале XIX в.

---

¹ ПСЗ-1, т. 28. № 21396. С. 452–453.

² Месяцеслов ... на ... 1805. СПб., 1805. С. 142.

³ РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1об., 167.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 63–64.

⁵ Месяцеслов ... на ... 1805. СПб., 1805. С. 142–143.

⁶ РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 5. Л. 63–64.

⁷ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 454. Л. 1.

⁸ ПСЗ-1. Т. 28. № 21904. С. 1217.

⁹ Там же. Т. 32. № 25124. С. 333–334.

А.О. Пронин (Новосибирск)

ИРАНСКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ В НОВОМ МУЗЕЙНОМ ПРОЕКТЕ¹

Предметы из частных коллекций редко становятся известны широкой публике и доступны профессиональным исследователям. Особенно это касается частных собраний оружия и предметов, связанных со сферой военного дела, в нашей стране традиционно закрытых от посторонних глаз. Тем не менее, независимыми и частными коллекционерами накоплен огромный массив вещественных источников – предметов оружия, доспехов, воинского снаряжения и военного костюма. Зачастую предметы из негосударственных собраний имеют историческую, художественную, научную значимость, относятся к категории культурных ценностей. Учитывая тот факт, что большинство подобных предметов никогда не публиковалось и, в лучшем случае, известно лишь узкому кругу собирателей и специалистов, их изучение и введение результатов исследований в научный оборот является важной и актуальной задачей современного оружейведения.

На протяжении последних 10–15 лет произошел качественный сдвиг в области интереса широкой публики к военной истории, истории оружия и воинских искусств. В активную жизнь вошло новое поколение исследователей, а за относительно благополучные 2000–2014 гг. на территории РФ появилось значительное число частных коллекций предметов, связанных с военным делом. Источником для пополнения таких коллекций зачастую служила практика приобретения интересных предметов не только на территории нашей страны, но и за рубежом, чему немало способствовало упорядочивание норм

---

¹ Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

вывоза и вывоза культурных ценностей в/из РФ, а также формирование внутреннего рынка антиквариата и сообществ коллекционеров. Как следствие этих процессов, мы можем наблюдать признаки качественных изменений ситуации с частным коллекционированием «военных» предметов в целом: появление отдельных публикаций и целых изданий, в которых авторы, наряду с музейными предметами, используют фотографии предметов из частных коллекций; а также первые попытки взаимодействия их владельцев с государственными музеями (организация «коммерческих» выставок, мастер-классов и т. д.).

Конечно, существует немало проблем такого сотрудничества, начиная от возможности неоднозначных трактовок положений законодательства Российской Федерации, сложностей юридического и финансового взаимодействия государственного музея с частным владельцем «оружейной» коллекции и заканчивая справедливыми опасениями со стороны самих коллекционеров, а также нередко предвзятого к ним отношения со стороны отдельных сотрудников государственных музеев и правоохранительных органов.

Несмотря на все объективные сложности, взаимодействие государственных музеев с частными коллекционерами имеет вполне реальные перспективы. Во-первых, государственный музей в силу объективных реалий финансирования, особенностей законодательства и юридических требований к оформлению сделки не всегда способен приобрести даже особо важные для его фондов предметы. Частный коллекционер в таком случае остается ограничен лишь своими финансовыми возможностями. Во-вторых, привлекая частных лиц к сотрудничеству на взаимно удовлетворяющих условиях, музей получает источник для обновления своего экспозиционного пространства, проводя «коммерческие» выставки либо арендуя с целью экспонирования отдельные интересные предметы. В-третьих, предметы из частных коллекций вовлекаются в научный оборот, становятся известны специалистам, а результаты их изучения могут быть опубликованы. Наконец, в-четвертых, помимо извлечения прибыли от государственно-частного партнерства в виде выставочных проектов и аренды экспонатов, коллекционер, экспонируя и публикуя предметы из своего собрания, может повысить ликвидность и стоимость предмета на антикварном рынке; повысить рейтинг в своей среде.

В данной статье мы рассмотрим небольшую экспозицию, основанную на предметах иранского оружия из современных частных

---

² Частные коллекции из Новосибирска.

коллекций России в XVI–XIX вв.² Открытие этой экспозиции состоится в 2015 г. в залах Новосибирского государственного краеведческого музея. Целью настоящей работы является выявление особенностей конструкции и отделки данных предметов, определение основных типов представленной коллекции клинкового оружия и введение результатов исследования в научный оборот.

Описанные в нашей статье предметы еще не становились объектом специального научного исследования и публикуются впервые.

Представленная в нашей статье коллекция персидского холодного клинкового оружия насчитывает 18 предметов, среди которых можно условно выделить группу оружия с короткими и группу с длинными клинками.

1) **Группа короткоклинкового оружия** представлена 10 предметами в двух подгруппах: а) кинжалами, б) ножами.

а) Среди представленных кинжалов выделены следующие типы:

а-1) **Катары персидского производства** (рис. 1) (*хинди, маратх: радж., katār; санскр., джамадхар जमअधअर, जअमअर – jamadhar, jamdhar – клинок, зуб или язык бога смерти*) относятся к индопер-

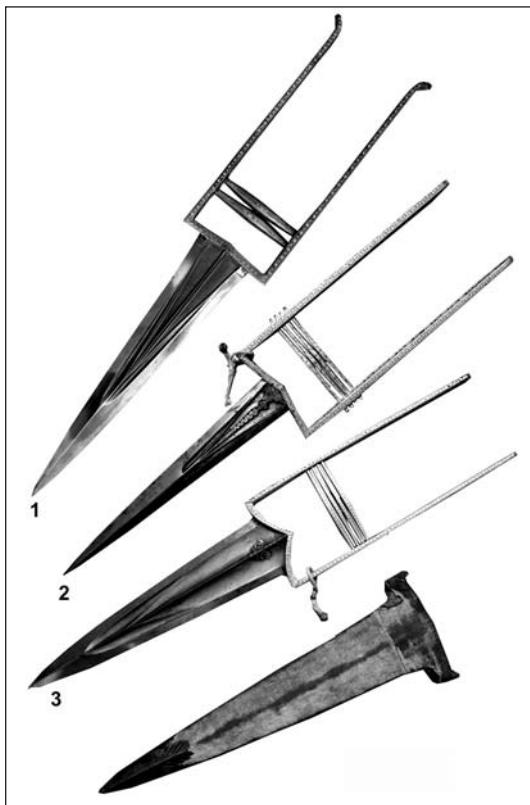

Рис. 1. Катары, Иран, XVII–XVIII вв.:
1–1 – Образец 1; 1–2 – Образец 2;
1–3 – Образец 3

сидским кинжалам тычкового типа и предназначены преимущественно для рубящих и прямых колющих ударов. Такой кинжал был очень эффективен в ближнем бою, позволял наносить глубокие колотые раны, способствующие обильному кровотечению. В отличие от оружия с традиционной рукоятью, которое удерживалось в руке силой сжатия пальцев, поперечная рукоять катара «запиралась» в кулаке, образуя жесткую механическую конструкцию, причем надежность удержания не уменьшалась, даже если рука и рукоять были влажными. Катар имел также символическое и религиозное значение. Помимо своей боевой эффективности, подобные предметы вооружения являлись дорогостоящими и статусными и получили распространение на территории Центральной Азии в результате торговых, культурных и политических взаимоотношений народов Евразии. Представлены тремя образцами. Предметы, подобные представленным в настоящей статье образцам, производились индийскими и персидскими оружейниками в XVII–XVIII вв. (сефевидский период) и представляли собой эффективное оружие ближнего боя.

Образец 1 (рис. 1-1). Кинжал катар длиной 484 мм. Изготовлен из булатной стали (литой булат, вутц) с характерной фактурой поверхности. Клинок обоюдоострый, треугольной (клиновидной формы) с широким основанием, с усиленным боевым концом. Имеет доли и ребра, повторяющие его форму. Длина клинка – 260 мм, ширина у основания – 50 мм. Эфес металлический, рамочной конструкции (в виде буквы «Н»), с поперечно расположенной рукоятью, состоящей из двух перекладин, и боковыми защитными пластинами-хвостовиками. Длина эфеса – 224 мм; ширина – 86 мм. Характерной особенностью данного катара, как и индийского и персидского оружия в целом, является отделка: чем выше статус владельца, тем более сложный и богатый декор применялся мастерами (насечка золотом и серебром, перегородчатая эмаль, чеканка и т.д.). В отделке рассматриваемого нами кинжала применена техника золотой инкрустации кофтгари в виде растительного орнамента на деталях эфеса. Общий вид и форма предмета, а также особенности его изготовления и отделки в целом характерны для индо-персидского оружия XVIII в.

Образец 2 (рис. 1-2). Кинжал катар длиной 450 мм. Изготовлен из булатной стали (литой булат, вутц) с характерной фактурой поверхности. Клинок обоюдоострый, треугольной (клиновидной формы) с относительно узким основанием, с усиленным боевым концом. Имеет доли и ребра, повторяющие его форму, центральное ребро клин-

ка близ основания выполнено в виде рельефного украшения. Длина клинка – 228 мм, ширина у основания – 33 мм. Эфес металлический, рамочной конструкции (в виде буквы «Н»), с поперечной рукоятью, состоящей из четырех перекладин (такая конструкция играла роль амортизатора при сильном ударе), и боковыми защитными пластинами-хвостовиками. Длина эфеса – 222 мм; ширина – 88 мм. В отделке рассматриваемого кинжала применена техника золотой инкрустации кофтгари в виде растительного орнамента на деталях эфеса. Общий вид и форма предмета, а также особенности его изготовления и отделки в целом характерны для индо-персидского оружия XVIII в.

Образец 3 (рис. 1-3). Кинжал катар длиной 455 мм, с ножами. Изготовлен из булатной стали (литой булат, вутц) с характерной фактурой поверхности. Клинок представленного на исследование катара обоюдоострый, треугольной (клиновидной формы) с относительно узким основанием, с усиленным боевым концом. Имеет доли и ребра, повторяющие его форму, центральное ребро клинка близ основания выполнено в виде рельефного украшения. Длина клинка – 240 мм, ширина у основания – 50 мм. Эфес металлический, рамочной конструкции (в виде буквы «Н»), с поперечно расположенной рукоятью, состоящей из трех перекладин, и боковыми защитными пластинами-хвостовиками. Длина эфеса – 215 мм; ширина – 80 мм. В отделке рассматриваемого нами кинжала катар применена техника золотой инкрустации кофтгари в виде растительного орнамента на деталях эфеса. Ножны кинжала, длиной 305 мм, имеют треугольную форму с Т-образным расширением около устья; металлический (предположительно, серебряный) наконечник с листовидным украшением; изготовлены из дерева и покрыты зеленой бархатной тканью. Общий вид и форма предмета, а также особенности его изготовления и отделки в целом характерны для индо-персидского оружия XVIII в.

а-2) Кинжалы пешкабз персидского производства (рис. 2). Подобные предметы производились иранскими оружейниками в XVII–XVIII вв. (поздний сефевидский период) и представляли собой эффективное оружие ближнего боя, позволявшее поразить тяжело вооруженного противника, облаченного в кольчатый либо пластинчатый доспех, и являвшееся атрибутом комплекса вооружения знатного воина. Кинжалы данного типа имеют «Т»-образный профиль (сечение) клинка и предназначены для нанесения мощного колющего удара. Геометрия клинка – узкий треугольник с одной режущей кромкой в сочетании с массивной рукоятью – обеспечивала комфортное удер-

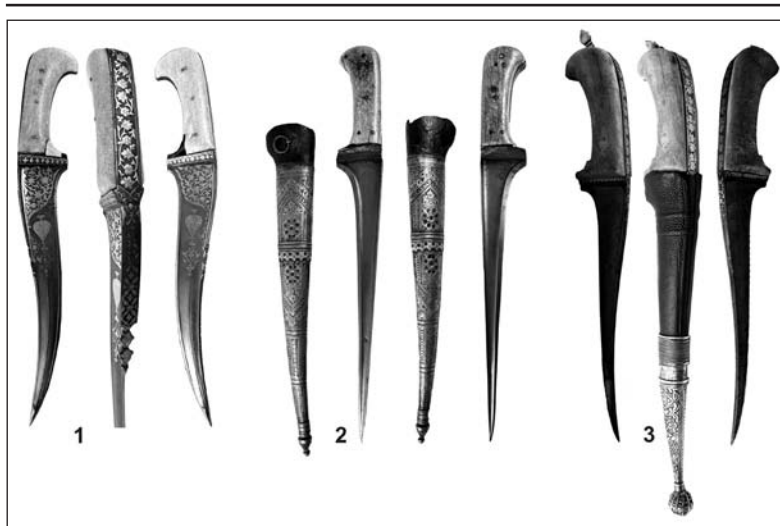

Рис. 2. Кинжалы пешкабз, Иран, XVII, XIX вв.: 2-1 – Образец 1; 2-2 – Образец 2; 2-3 – Образец 3

жание кинжала и приложение значительных усилий как на нанесение колющего удара, так и на извлечение клинка из тела противника. Клинки кинжалов данного типа могут быть изогнутыми либо прямыми; рукояти выполнены из трубчатой кости либо моржового клыка. При ношении в ножах рукояти кинжалов пешкабз остаются открытыми. Помимо своей боевой эффективности, предметы вооружения в подобном исполнении являлись дорогостоящими и статусными и получили широкое распространение на территории Центральной Азии в результате торговых, культурных и политических взаимоотношений народов Евразии. Представлены тремя образцами.

Образец 1 (рис. 2-1). Кинжал пешкабз персидского производства, общей длиной 345 мм.

Клинок выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным «Т»-образным сечением и формой. Боевой конец клинка усилен, клинок имеет выраженные доли и ребро. У основания по обуху, на $\frac{1}{3}$ от основания по обеим сторонам, а также по обуху вдоль рукояти клинок украшен золотой инкрустацией в виде растительного орнамента; пята у основания рукояти украшена золотой инкрустацией в виде растительного орнамента. Рукоять кинжала имеет характерную Г-образную форму, с массивными упором и набалдашником, составляющим единое целое

с рукоятью. Рукоять изготовлена из бивня ископаемого моржа. Материал: булатная сталь, золотая инкрустация, клык ископаемого моржа. Длина – 345 мм, длина рукояти – 100 мм, длина клинка 245 мм, ширина лезвия в основании – 46 мм. Ножны отсутствуют. Предметы, подобные представленному на исследование, производились иранскими оружейниками в XVII в. (сефевидский период) и представляли собой эффективное оружие ближнего боя.

Образец 2 (рис. 2-2). Кинжал пешкабз иранского производства, общей длиной 380 мм. Клинок кинжала длиной 280 мм выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным «Т»-образным сечением и треугольной формой, с прямым обухом. Близ основания и в средней части имеет широкий выраженный дол; пята клинка у основания рукояти переходит в массивный упор. Ширина клинка у основания 44 мм. Клинки данного вида характерны для кинжалов пешкабз так называемого «афганского» типа. Также кинжалы с клинками такого типа называют «каруд» [Stone, 1999; Egerton, 1896]. Они предназначались для поражения противника, одетого в кольчатый панцирь или другой тип доспеха. Рукоять кинжала имеет характерную Г-образную форму, с массивными упором и набалдашником, составляющим единое целое с рукоятью. Рукоять длиной 100 мм изготовлена из бивня ископаемого моржа. Кинжал имеет оригинальные ножны длиной 316 мм; ножны на $\frac{4}{5}$ своей длины от кончика покрыты окладом из белого металла (предположительно, серебро), украшенного чеканным орнаментом в традиционном стиле. Участок ножен у устья покрыт кожей осла темного цвета. Представленный на исследование предмет является подлинным образцом кинжала пешкабз иранского (персидского) производства с клинком из булатной стали. Предметы, подобные представленному на исследование, производились иранскими оружейниками в XIX в. (каджарский период) и представляли собой эффективное оружие ближнего боя.

Образец 3 (рис. 2-3). Кинжал пешкабз персидского производства, XVII в., общей длиной – 347 мм. Клинок выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным сечением и формой. У основания по обуху, а также по обуху вдоль рукояти украшен золотой инкрустацией в виде растительного орнамента; пята клинка у основания рукояти украшена золотой инкрустацией в виде лучистой насечки. Рукоять кинжала имеет характерную Г-образную форму, с массивными упором и набалдашником,

составляющим единое целое с рукоятью. Рукоять кинжала изготовлена из клыка ископаемого моржа. Материал: булатная сталь, золотая инкрустация, клык ископаемого моржа. Длина – 34,7 см, длина рукояти – 10,5 см, ширина лезвия в основании – 4,3 см. Ножны отсутствуют. Подобные предметы производились иранскими оружейниками в

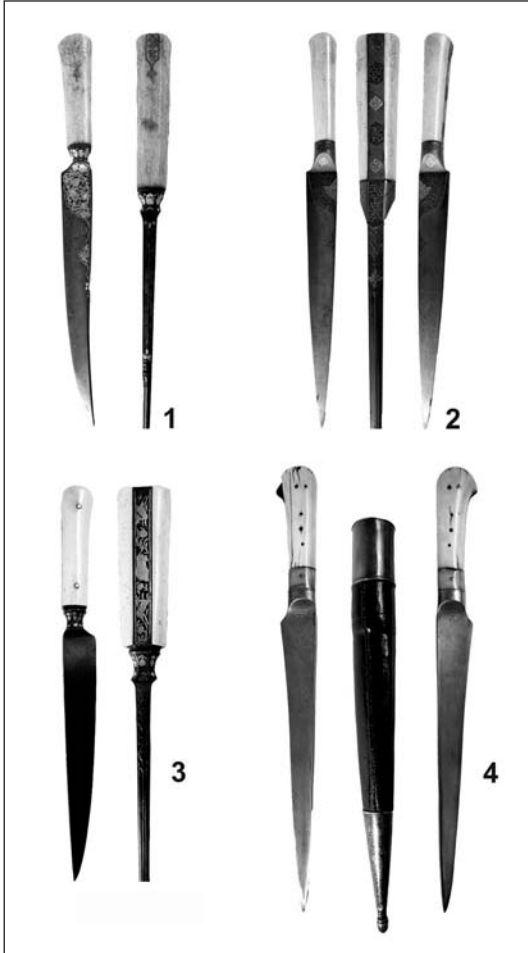

Рис. 3. Ножи кард, Иран, XVII–XIX вв.:
3-1 – Образец 1; 3-2 – Образец 2;
3-3 – Образец 3; 3-4 – Образец 4

XVII в. (сефевидский период).

б) **Ножи** представлены 4 образцами кард персидского производства (рис. 3). Они использовались главным образом в хозяйственно-бытовых целях, однако могли применяться и в качестве оружия. В этом случае клинок у острия имел утолщение, что позволяло наносить эффективные колющие удары. Помимо своей боевой эффективности и широкого распространения на Среднем Востоке и в Индии, ножи кард в дорогостоящем исполнении, подобном представленному в нашей статье, являлись статусными предметами.

Образец 1 (рис. 3-1). Нож кард персидского производства, общей длиной

317 мм. Клинок длиной 212 мм выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным сечением и формой. Ширина клинка у основания 25 мм. У основания по обуху, а также по обуху вдоль рукояти украшен золотой инкрустацией в виде растительного орнамента; основание рукояти также украшено золотой инкрустацией в виде растительного орнамента. Длина рукояти 105 мм. Рукоять ножа имеет характерную простую форму, расширяющуюся к набалдашнику. Изготовлена из кости ископаемого моржа. Ножны отсутствуют. Исходя из особенностей изготовления и оформления, данный нож кард можно отнести к периоду правления династии Занд, 50-е – 79 гг. XVIII в.

Образец 2 (рис. 3-2). Нож кард иранского производства общей длиной 375 мм. Клинок длиной 271 мм выполнен из булатной стали с характерной «ступенчатой» структурой, однолезвийный с характерным сечением и формой. Ширина клинка у основания 29 мм. У основания по обуху, а также по обуху вдоль рукояти украшен золотой инкрустацией в виде растительного орнамента; основание рукояти также украшено золотой инкрустацией в растительного орнамента. Длина рукояти 104 мм. Рукоять ножа имеет характерную простую форму, расширяющуюся к набалдашнику. Изготовлена из бивня ископаемого моржа. Ножны отсутствуют. Исходя из особенностей изготовления и оформления, данный нож кард можно отнести к сефевидскому периоду истории Ирана, XVII в.

Образец 3 (рис. 3-3). Нож кард иранского производства, общей длиной 347 мм. Клинок ножа длиной 240 мм выполнен из булатной стали (так называемый «черный» булат) с характерной структурой, однолезвийный с характерным сечением и формой. Ширина клинка у основания 30 мм. У основания рукояти черен клинка украшен золотой инкрустацией в виде растительного орнамента. Длина рукояти 104 мм. Рукоять ножа имеет характерную простую форму, расширяющуюся к набалдашнику. Изготовлена из бивня мамонта. По обуху на черене имеется золотая инкрустация, выполненная в «зверином» стиле. Ножны отсутствуют. Исходя из особенностей изготовления и оформления, данный нож кард можно отнести к сефевидскому периоду истории Ирана, XVII в.

Образец 4 (рис. 3-4). Нож кард иранского производства общей длиной 377 мм, с ножнами. Клинок длиной 270 мм выполнен из булатной стали с характерной структурой, однолезвийный с характерным сечением и формой. Ширина клинка у основания 30 мм. У основания

украшен золотой инкрустацией; основание рукояти также украшено контрастным тонированным фрагментом кости. Рукоять изготовлена из кости. Длина 107 мм. Имеет характерную простую форму, расширяющуюся к набалдашнику. Длина ножен 345 мм. Ножны изготовлены из дерева, имеют металлический наконечник и оковку устья и обтянуты черной кожей. Исходя из особенностей изготовления и оформления, данный нож кард можно отнести к каджарскому периоду истории Ирана, XIX в.

2) **Группа длиннокликового оружия.** Представлена 8 саблями трех типов: а) шамшир, б) тальвар, в) сайф.

а) Самая многочисленная группа сабель – **шамширы** – представлена 6 предметами (рис. 4). Представленный на исследование предмет является подлинным образцом основного типа сабли индо-иранского региона. За счет значительной кривизны клинка шамшир предназначался для рубящего удара с оттяжкой, использовался и для нанесения рубящих и колющих ударов с лошади.

Образец 1 (рис. 4-1). Сабля шамшир индо-персидского производства, с «охотничьим» оформлением, общей длиной 890 мм. Клинок выполнен из стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерной елманью. По всей длине сабли украшен золотой инкрустацией типа кофтгари с изображениями животных. Крестовина стальная, массивная, также украшена золотой инкрустацией, соответствующей основной композиции. Эфес имеет характерную Г-образную форму, массивный набалдашник из металла с инкрустацией. Рукоять по обеим торцевым сторонам покрыта составными щечками из кости. Материал: сталь, кость, серебро. Сталь, золотая инкрустация типа кофтгари на эфесе, гарде и лезвии. Длина – 890 мм, длина эфеса – 150 мм, ширина гарды – 120 мм, ширина лезвия в основании – 32 мм, прогиб клинка 110 мм. Ножны отсутствуют. Подобные предметы производились иранскими оружейниками в XVIII в. и представляли собой не только эффективное оружие ближнего боя, но и статусные предметы, часть охотничьего костюма.

Образец 2 (рис. 4-2). Шамшир в ножнах, изготовленный в Иране (Персия), общей длиной 882 мм. Клинок выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным заостренным боевым концом. Клинок сабли украшений не имеет. На одной из сторон на основании клинка расположены именные клейма мастера Ассадулла из Исфахана. Крестовина стальная,

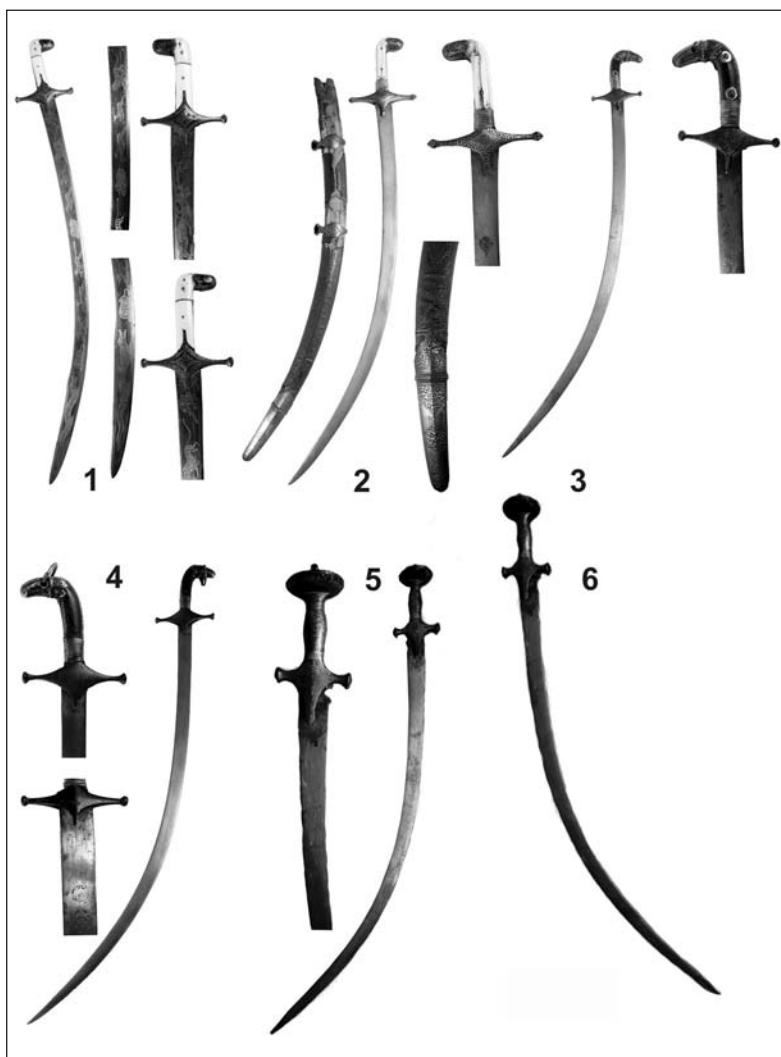

Рис. 4. Шамширы, Иран, XVII–XIX вв.: 4-1 – Образец 1; 4-2 – Образец 2;
4-3 – Образец 3; 4-4 – Образец 4; 4-5 – Образец 5; 4-6 – Образец 6

массивная. Эфес имеет характерную Г-образную форму, массивный набалдашник из металла. Рукоять по обеим торцевым сторонам покрыта составными щечками из кости. В основании рукояти – метал-

лическая (предположительно, сталь) муфта. Металлические детали эфеса украшены рельефным орнаментом. Ножны деревянные, обтянуты кожей осла грубой выделки; имеют металлический прибор, состоящий из наконечника и двух обоймиц-подвесов с кольцами. Детали металлического прибора ножен украшены рельефным орнаментом. Ножны имеют следы использования, повреждения кожного покрытия и незначительные повреждения деревянной основы. Материал: булатная сталь, сталь, кость. Длина – 882 мм, длина эфеса – 155 мм, ширина гарды – 135 мм, ширина лезвия в основании – 30 мм, изгиб клинка – 135 мм. Подобные предметы производились иранскими и индийскими оружейниками в XVIII–XIX вв. и представляли собой эффективное оружие ближнего боя, позволявшее противостоять даже тяжеловооруженному противнику.

Образец 3 (рис. 4-3). Шамшир иранского (персидского производства) общей длиной 895 мм. Клинок выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным заостренным боевым концом. Украшений не имеет. Крестовина стальная, массивная. Эфес имеет характерную Г-образную форму, массивный набалдашник из металла (предположительно, серебро), выполненный в виде стилизованной головы животного. Рукоять по обеим торцевым сторонам покрыта составными щечками из кости темного цвета. Основание рукояти обмотано металлической (предположительно, серебряной) проволокой. Совокупность характеристик данного предмета и особенностей его оформления позволяет отнести его к сефевидскому периоду (XVII в.) истории Ирана. Материал: булатная сталь, кость, серебро. Длина – 895 мм, длина эфеса – 145 мм, ширина гарды – 110 мм, ширина лезвия в основании – 30 мм, изгиб клинка – 135 мм.

Образец 4 (рис. 4-4). Шамшир иранского (персидского) производства, общей длиной 910 мм. Клинок выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным заостренным боевым концом. Украшений не имеет. Крестовина стальная, массивная. Эфес имеет характерную Г-образную форму, массивный набалдашник из металла (предположительно, серебро), выполненный в виде стилизованной головы животного. В отверстие набалдашника продето кольцо для закрепления темляка. Рукоять по обеим торцевым сторонам покрыта составными щечками из кости темного цвета. Основание рукояти обмотано металлической (предположительно, серебряной) проволокой. Совокупность харак-

теристик данного предмета и особенностей его оформления позволяет отнести его к сефевидскому периоду (XVII в.) истории Ирана. Материал: булатная сталь, кость, серебро. Длина – 910 мм, длина эфеса – 143 мм, ширина гарды – 115 мм, ширина лезвия в основании – 27 мм, изгиб клинка – 150 мм.

Образец 5 (рис. 4-5). Шамшир общей длиной 970 мм.

Клинок, характерной для шамширов формы, выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным заостренным боевым концом. Украшений не имеет. Форма и размеры клинка позволяют отнести его к особому типу сабель шамшир, с увеличенными размерами, увеличенным прогибом клинка, усиленным основанием клинка. Подобные сабли применялись только конными воинами, сражавшимися верхом. Этому факту соответствует и балансировка клинка, отличная от обычных сабель, применявшихся пешими воинами. Эфес имеет характерную для тальваров и в то же время встречающуюся на шамширах сложную форму, массивный горизонтальный круглый набалдашник из металла и рукоять с утолщением в средней части. Перекрестье, рукоять и набалдашник составляют единое целое. Эфес покрыт украшениями (серебряная инкрустация кофтгари) в виде сложного растительного узора. Совокупность характеристик данного предмета и особенностей его оформления позволяет отнести его к сефевидскому периоду (XVII в.) истории Ирана. Материал: булатная сталь, серебро. Длина – 970 мм, длина эфеса – 180 мм, ширина гарды – 90 мм, ширина лезвия в основании – 35 мм, прогиб – 150 мм.

Образец 6 (рис. 4-6). Шамшир персидского производства, общей длиной 970 мм. Клинок, характерной для шамширов формы, выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным заостренным боевым концом. Украшений не имеет. Форма и размеры клинка позволяют отнести его к особому типу сабель шамшир, с увеличенными размерами, увеличенным прогибом клинка, усиленным основанием клинка. Эфес имеет характерную для тальваров и в то же время встречающуюся на шамширах сложную форму, массивный горизонтальный круглый набалдашник из металла и рукоять с утолщением в средней части. Перекрестье, рукоять и набалдашник составляют единое целое. Эфес покрыт украшениями (серебряная инкрустация кофтгари) в виде сложного растительного узора. Совокупность характеристик данного предмета и особенностей его оформления позволяет отнести его к сефевидскому

периоду (XVII в.) истории Ирана. Материал: булатная сталь, серебро. Длина – 920 мм, длина эфеса – 165 мм, ширина гарды – 80 мм, ширина лезвия в основании – 30 мм, прогиб – 150 мм.

Рис. 5. Тальвар. Иран, XVII в.

б) **Тальвар иранского производства XVII в.** (рис. 5). Общая длина – 943 мм. Клинок широкий, массивный, выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным заостренным боевым концом. Вдоль обуха клинка проходит выраженный дол. На одной из сторон на основании клинка расположены именные клейма мастера Ассадулла из Исфахана. Украшений не имеет. Эфес имеет характерную для тальваров сложную форму, массивный горизонтальный круглый набалдашник из металла и рукоять с утолщением в средней части. Перекрестье, рукоять и набалдашник составляют единое целое. Эфес покрыт золотом; на крестовине, в средней части рукояти и на круглом навершии имеются рельефные украшения в виде медальонов сложной

бутонообразной формы со сложным растительным узором. Совокупность характеристик данного предмета, особенностей его оформления и наличие именных клейм мастера позволяет отнести его к сефевидскому периоду (XVII в.) истории Ирана. Длина – 943 мм, длина эфеса – 180 мм, ширина гарды – 105 мм, ширина лезвия в основании – 38 мм, прогиб – 120 мм.

в) **Саиф персидского производства XVII в.**, общей длиной 960 мм (рис. 6). Клинок выполнен из булатной стали с характерной структурой поверхности, однолезвийный с характерным долом и елманью. С левой стороны близ основания украшен медальоном с арабской вязью; с правой стороны у основания два крупных клейма округлой

формы (неразборчиво). Крестовина стальная, покрыта оксидной пленкой. Эфес имеет характерную Г-образную форму, массивный набалдашник белого металла (возможно, серебро) с растительным орнаментом и тремя круглыми медальонами для фиксации камней. Средний камень, в верхней части навершия рукояти – бирюза. Рукоять по обеим торцевым сторонам имеет выполненный из белого металла (возможно, серебро) оклад с декоративным орнаментом, выполненном в единой с навершием манере. У основания рукоять, выполненная из тонированной кости, обмотана тонкой проволокой белого металла, также предположительно серебряной. Материал: булатная сталь, кость, серебро. Ножны отсутствуют. Длина – 96 см, длина эфеса – 13 см, ширина гарды – 12 см, ширина лезвия в основании – 3,5 см, прогиб – 13 см.

Предметы, подобные рассмотренным нами, производились персидскими оружейниками в XVII – начале XIX вв. Помимо своей боевой эффективности, такие предметы вооружения являлись дорогостоящими и статусными и получили широкое распространение на территории Центральной Азии в результате торговых, культурных и политических взаимоотношений народов Евразии.

Учитывая изложенное выше, рассмотренные нами предметы клинкового оружия иранского (персидского) производства XVII–XIX вв. имеют безусловную историческую, а также художественную ценность, учитывая особенности их конструкции и оформления.

Рис. 6. Саиф. Иран, XVII в.

В настоящее время подлинные предметы холодного оружия данного периода с булатными клинками исчезающе редки. Учитывая то, что данные предметы еще не были введены в научный оборот, они обладают научной значимостью.

Список литературы

Egerton, Wilbraham (Earl). A Description of Indian and Oriental Armour. London: W.H. Allen&Co., Ltd. 1896. P. 102–109, 130.

Stone, George Cameron. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor: In All Countries and All Times. Portland, Maine: Dover Publications (revised), 1999. P. 493–494.

В.Н. Прямицын (Москва)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕТЕОРОЛОГИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В начале XX века Россию по праву можно было отнести к числу передовых метеорологических держав. К началу Первой мировой войны страна располагала своей сетью наблюдательных станций и обсерваторий, системой подготовки кадров. Ученые, трудившиеся в головном учреждении отечественной метеорологии – Николаевской главной физической обсерватории (ГФО), занимались фундаментальными и прикладными исследованиями, вели методическую работу. Энергичный руководитель обсерватории академик князь Борис Борисович Голицын претворял в жизнь амбициозный план реформирования и расширения отечественной метеорологии, реализации которого помешала мировая война¹.

С открытием боевых действий из учреждений Военного ведомства в Главную физическую обсерваторию стали поступать запросы на предоставление всевозможных данных. Директор ГФО Б.Б. Голицын предложил Николаю II *«ввести на время войны всю метеорологическую службу в военное ведомство, учредив для этого особую организацию»*. Так на рубеже 1915 и 1916 гг. появилось Главное военно-метеорологическое управление (ГВМУ), работавшее на базе Главной физической обсерватории, а также военно-метеорологические отделения при штабах армий и военно-метеорологические станции при авиационных ротах².

Согласно Положению, ГВМУ, которое сокращенно называли Главметом, являлось одним из органов полевого управления действующей армии и имело своей задачей *«обслуживание в области военной метеорологии действующей армии и флота, авиационных и воздухоплавательных частей, химических команд»*. Главмет созда-

вался при ГФО, поэтому все его должностные лица были назначены из числа сотрудников обсерватории, с совмещением новых военных и прежних гражданских обязанностей. В штате ГВМУ было всего 12 сотрудников, получивших с назначением на должности статус военных чиновников. В руках этих людей оказалось *«все дело по военной метеорологии»*³.

Руководить новым органом полевого управления был назначен тайный советник академик князь Б.Б. Голицын. Руководство структурными подразделениями ГВМУ поручили начальникам соответствующих структурных подразделений ГФО: отдел службы предсказания погоды и местных военно-метеорологических органов возглавил коллежский советник Измаил Семенов-Тян-Шанский, заведующим отделом научной разработки методов предсказаний погоды стал надворный советник Борис Мультиановский, инструментальный отдел возглавил надворный советник Владимир Попов⁴. Все трое были известными учеными-метеорологами.

В годы Первой мировой войны военные метеорологи России проделали колоссальную работу. Были разработаны климатические описания для районов действия каждого из фронтов и флотов, созданы, укомплектованы и направлены в действующую армию десятки военно-метеорологических подразделений, налажена система сбора и распространения метеорологической информации, разработаны руководящие документы и учебные пособия по вопросам военно-метеорологического дела. Генерал-лейтенант А.Н. Крылов, возглавивший Главмет после смерти Б.Б. Голицына (4 мая 1916 г.), охарактеризовал самоотверженную работу военных метеорологов как *«патриотический подвиг»*⁵.

В середине февраля 1917 г. пост начальника ГВМУ занял коллежский советник И.П. Семенов-Тян-Шанский⁶. Он стоял у истоков военно-метеорологического дела в России и в силу этого был прекрасно знаком с его сильными и слабыми сторонами. В связи с расширением боевых действий и многократно возросшей потребностью в гидрометеорологической информации, в марте 1917 года он перевел Главмет на новые штаты, в большей степени отвечающие запросам действующей армии на гидрометеорологическое обеспечение⁷. Следующим этапом реформирования отечественной военной метеорологии Семенов-Тян-Шанский полагал реорганизацию подчиненных подразделений в войсках, но реализации этих планов помешали революционные события и выход России из войны⁸.

Советская власть объявила о начале строительства вооруженных сил «нового типа». Однако было очевидно, что при их создании будет широко использован опыт Первой мировой войны⁹. Анализ этого опыта свидетельствовал о необходимости метеорологического обеспечения. По этой причине 16 марта 1918 г. Главное военно-метеорологическое управление приказом Народного комиссариата по военным делам № 214 от 16 марта 1918 г. было принято в состав Наркомвоендела¹⁰ (приложение 1).

В Главмете, как и в Главной физической обсерватории трудились ученые, замены которым не было. Советская власть осознавала, что армию «нового типа» придется строить со старыми кадрами. В.И. Ленин характеризовал это положение так: *«необходимо поставить капиталистов на новую государственную службу. Без руководящих указаний людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя. Их знания, их опыт и труд нам нужны»*¹¹.

В большинстве военные чины Главмета приняли революцию и продолжили свою деятельность под красными знаменами. По своей сути они являлись скорее учеными Главной физической обсерватории, чем белыми офицерами, поэтому сохранили верность своей Альма-матер. Смена власти не сказалась на содержании их работы, ведь война продолжалась. Воспользовавшись междоусобицей, немцы усилили наступление и стремительно приближались в Петрограду. Когда враг вышел на подступы к Пскову и Таллину, было принято решение об эвакуации важнейших военных учреждений Петрограда в тыловые районы¹².

В числе прочих было переведено в Москву и ГВМУ. Так Главмет оказался оторван от Главной физической обсерватории. 18 сентября 1918 г. решением Военно-законодательного совета Главное военно-метеорологическое управление было преобразовано в Военно-метеорологический отдел¹³. Как воинская организация, осуществляющая обеспечение боевых действий, Военно-метеорологический отдел, наряду с Главным артиллерийским управлением, Главным военным инженерным управлением, Главным военно-хозяйственным управлением и другими органами был включен в состав Центрального управления снабжения (ЦУС) Красной армии¹⁴.

Гражданская война охватила огромное пространство, которое характеризовалось отсутствием сплошной линии фронта, активными и решительными действиями войск на отдельных операционных направлениях. Вооруженные силы Республики Советов были сгруппи-

рованы в 5 фронтов и 1 отдельную армию. Они насчитывали 382 000 штыков и сабель, 6561 пулемет и 1697 артиллерийских орудий, оказывая противодействие 511 000 штыков и сабель¹⁵. Созданное в мае 1918 г. Главное управление Рабоче-Крестьянского Военно-воздушного флота и окружные управления к сентябрю 1918 г. сформировали по единым штатам 61 авиационный отряд общей численностью 260 исправных самолетов различных типов¹⁶.

Черноморский флот, чтобы не попал в руки немцев, был затоплен. Военные корабли на Белом море, Тихом океане и в Каспийском море оказались в распоряжении белогвардейцев и интервентов. Из всех сил Балтийского флота, перешедших из Гельсингфорса в Петроград, Реввоенсовет Республики принял решение сформировать действующий отряд в составе линкора «Петропавловск», броненосца «Андрей Первозванный», крейсера «Олег», 4 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок¹⁷. Гражданская война обошла морские театры стороной, зато речные и озерные флотилии приняли в боевых действиях самое активное участие. Были созданы Волжская, Северодвинская, Онежская, Ладожская и Волхов-Ильменская флотилии¹⁸.

Таким образом, перед военными метеорологами Республики Советов стояла задача по обеспечению значительного количества сил на обширной территории. Несмотря на «разжалование» Главного военно-метеорологического управления в Военно-метеорологический отдел, новая структура сохранила за собой права главного управления военного ведомства. Она унаследовала и условное наименование «Главмет», присвоенное Почтово-телеграфной и этапно-транспортной частью Главного управления военных сообщений для удобства переписки¹⁹.

Согласно Положению, которое было утверждено приказом Чрезвычайного уполномоченного совета по снабжению армии 14 июля 1919 г., на Главмет возлагались обязанности по руководству сетью наблюдательных станций, обучению метеорологических кадров, подготовке необходимых карт и бюллетеней, составлению пособий, снабжению войск метеорологическим и аэронавигационным имуществом, а также *«инструктированию авиачастей при производстве воздушных операций в смысле указания наиболее удачных в метеорологическом отношении моментов для них, в той же части инструктированию газовых команд по операциям с удушливыми газами, в предупреждение войсковых частей о наступлении благоприятных моментов для его газовых атак»*²⁰.

По штату в Военно-метеорологическом отделе было предусмотрено 26 должностей (приложение 2), которые укомплектовали, преимущественно бывшими чинами военно-метеорологических органов дореволюционной армии под руководством все того же И.П. Семенова-Тян-Шанского²¹. Штат головного учреждения советской военной метеорологии оказался практически вдвое шире штата царского Главмета²², однако он был укомплектован не более чем на треть. Между тем работы у военных метеорологов заметно прибавилось, ведь они лишились соседства с крупнейшим центром метеорологической науки – Главной физической обсерваторией.

Создавая новую военно-метеорологическую структуру, И.П. Семенов-Тян-Шанский понимал, что помощи извне ждать не следует и что советские военные метеорологи могут рассчитывать лишь на то наследие предшественников, что уцелело со времени Первой мировой войны.

Из всех метеорологических производственных мощностей в руках красных оказались лишь несколько мелких петроградских мастерских, изготавливавших метеорологические приборы, и мастерские Главной физической обсерватории, осуществлявшие еще и ремонт с поверкой²³. Поэтому первым делом Главмет предпринял энергичные меры по сбору и постановке на учет всего гидрометеорологического имущества, оставшегося на территории, подконтрольной Советской власти. Вот фрагмент одного из приказов по Военно-метеорологическому отделу ЦУС (№ 66 от 27 мая 1919 г.), характеризующих эту работу: *«Инспектора отдела Г.В. Киселева полагать убывшим в командировку в Слуцк за метеорологическими приборами, сданными на хранение в мужскую гимназию демобилизованным военно-метеорологическим отделением при штабе 2 армии, а аэролога А.А. Кулакова в город Саратов для учета метеорологического и аэронавигационного имущества, находящегося на складах авиационных и воздухоплавательных частей»*²⁴.

Для хранения, ремонта и поверки всего аэронавигационного имущества Красной армии при Главмете был создан парк-склад. В составе этого учреждения были предусмотрены административно-хозяйственная часть, поверочно-исполнительная лаборатория, мастерские и склад (приложение 3). Начальнику предписывалось отпускать аэронавигационное имущество²⁵ в войска по нарядам военно-метеорологического отдела ЦУС. Сложность ситуации со снабжением Красной армии метеорологическими приборами и имуществом ха-

рактирует один из пунктов Положения о парк-складе: *«при наличии свободного оборудования производить некоторые предметы и части для пополнения складов»*²⁶.

Кроме того, мировая война, революция и междоусобица нанесли сокрушительный удар по сети метеорологических станций, на которую в своей работе опирались военные метеорологи. Если в 1914 г. наблюдательная сеть России насчитывала около 1400 станций и 1500 постов, то в 1920 г. работали всего 200 станций и 125 постов²⁷. Наблюдения в этих пунктах, как и прежде, велись трижды в сутки, в 7, 13 и 21 час, но большая часть этих станций размещалась в Азиатской части страны и не освещала синоптического положения в районах боевых действий. Те же станции, которые продолжили работу в Европейской части страны, оказались по разные противоборствующие стороны. В результате к 1919 г. в адрес Главной физической обсерватории ежедневно поступали синоптические телеграммы всего от 11 станций²⁸.

В таких условиях военные метеорологи Красной армии для обеспечения боевых действий на фронтах Гражданской войны вынуждены были создать свою собственную сеть станций. 30 сентября 1920 г. был издан приказ Чрезвычайного уполномоченного Совета Рабоче-Крестьянской обороны по снабжению Красной армии и Красного флота, об учреждении Положения об Аэрологической сети Военно-метеорологического отдела ЦУС и штатов 10 станций с расположением в Архангельске, Екатеринодаре, Екатеринбурге, Казани, Киеве, Курске, Москве, Петрограде (Павловске), Саратове и Томске²⁹. Аэрологическая станция, расположенная в Москве, объявлялась Центральной (приложение 4). Для укомплектования каждой такой станции было предусмотрено 4 должности (заведующий, помощник и 2 служителя). Этими скромными силами предписывалось вести аэрологические наблюдения, обрабатывать их результаты и передавать в Главмет, на основе своих наблюдений и данных Главмета готовить материалы, которые сообщать военным частям по требованию³⁰.

Как и в Первую мировую, в Гражданскую войну сотрудники Главмета много работали на передовой. В донесении ЦУС от 9 июля 1920 г. говорилось: *«В штатах ЦУСа имеются следующие должности, несение которых вызывает частые разъезды лиц, занимающих эти должности: ...Военно-метеорологического отдела инспектора, ученые-специалисты и заведующий Инструментальным отделением»*³¹.

Первые потери Красной армии и флота в годы Гражданской войны, вызванные неблагоприятным воздействием погодных условий, датированы мартом-апрелем 1918 г. Из-за стремительного наступления немцев возникла острая необходимость перевести силы флота из портов Финляндии в Кронштадт. Сплошной лед и туманы вынудили корабли и суда двигаться малой скоростью и только в светлое время суток. Несмотря на все меры предосторожности и помощь ледоколов, повреждения на переходе получил 21 эсминец, все подводные лодки, минный заградитель, 5 сторожевых судов и тральщиков, посыльное судно, 2 яхты, транспорт-мастерская, 6 транспортов³².

В дальнейшем погода не раз вносила коррективы в планы ведения боевых действий Красной армии. Примером может служить взаимодействие 6-й Отдельной армии и Северо-Двинской военно-речной флотилии в сентябре-октябре 1919 г. Флотилия поддерживала действия армии огнем плавучих батарей, но из-за сильного снегопада и появления на реке льда 17 октября командующий флотилией отдал приказ о переходе кораблей в базы. 18 октября силы флотилии снялись с фронта, а 23 октября прибыли в пункт зимовки Котлас. 6-я Отдельная армия лишилась артиллерийской поддержки³³.

Трагический случай, связанный с отсутствием гидрометеорологического обеспечения, произошел во время десантной операции по захвату острова Чечень на Каспийском море. Время выхода десантных сил было назначено без учета складывающейся гидрометеорологической обстановки, в результате чего ночью 9 апреля 1920 г. отряд кораблей в составе вспомогательных крейсеров «Пролетарий» и «Каспий» и парохода «Константин Кауфман» с десантным отрядом на борту попал в жестокий шторм. На крейсере «Каспий» от воздействия штормовых волн утром 9 апреля разошлись листы наружной обшивки корпуса, и корабль затонул. Погибли 54 человека, в том числе и командир десанта В.А. Арский³⁴.

В годы Гражданской войны, как и в годы Первой мировой, основными потребителями метеорологической информации были авиационные подразделения. Несмотря на все усилия Военно-метеорологического отдела, его деятельность удостоилась низкой оценки со стороны исследователей истории авиации. В ряде работ авторы указывают, что *«метеослужба фактически отсутствовала»*, отчасти связывая с этим неудачи Воздушного флота Республики в боях против уступающей числом авиации Деникина³⁵.

Сколь ни сложно было наладить гидрометеорологическое обеспечение в Красной армии, в стане ее противников ситуация была гораздо тяжелее. Обособленность фронтов не позволила им создать систему гидрометеорологического обеспечения. Как и в Красной армии, основным потребителем метеорологической информации в Белой армии была авиация. На различных фронтах она располагала около 450 самолетами. Руководители белого движения признавали, что в вопросах снабжения и обеспечения им приходится рассчитывать либо на то, что досталось от царской армии, либо на то, что удастся захватить у противника, либо на помощь союзников³⁶.

Ни первое, ни второе, ни третье не оставляло белым авиаторам надежд на метеорологическое обеспечение, столь необходимое при полетах самолетов тех времен. Содействие же союзников в вопросах метеорологического обеспечения порой оборачивалось откровенным вредом. Вопиющий случай пренебрежения союзников к интересам метеорологического обеспечения произошел на Северном фронте. В начале марта 1919 г. из Англии в Архангельск прибыл транспорт, доставивший новые самолеты для укомплектования Славяно-Британского авиационного корпуса, а также нового командира этого объединения. 5 марта полковник Ван дер Спай впервые появился на аэродроме Двинский Березник и, несмотря на разыгравшуюся пургу, приказал старшему унтер-офицеру А.В. Кропинову с летчиком-наблюдателем мичманом Смирновым немедленно вылететь на разведку. Когда ему возразили, что погода нелетная и экипаж рискует разбиться, он надменно ответил: *«Для британских пилотов не существует погоды, для них есть только приказ!»*. А.В. Кропинов пошел на взлет, но на высоте 40 метров мощный порыв ветра опрокинул машину. «Сопвич» скользнул на крыло и врезался в землю. Оба летчика погибли, но несмотря на это британский полковник приказал поднимать в небо следующий самолет. Взлетел капитан Г.В. Слюсаренко, однако через несколько минут был вынужден вернуться. Тогда Ван дер Спай отправил в полет поручика Л.И. Байдака. Когда третий русский летчик не сумел пробиться через плотный снег и с большими усилиями вернулся на Двинский Березник, британский полковник отчитал пилотов за «неумение летать» и покинул аэродром³⁷.

Не лучше обстояли дела и в других регионах, контролируемых белыми. К примеру, 18 июля 1919 г., преследуя свои корыстные цели, японцы уничтожили метеорологическую станцию в Анучино. В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. они полностью разрушили станцию в Спасске,

а в марте того же года сожгли станцию в Николаевске-на-Амуре. В июне 1920 г. со станции Александровск-на-Сахалине японцы изъяли все метеорологические приборы и материалы наблюдений, не позволив выслать во Владивосток даже дубликат архива. Японская интервенция нарушила работу связи, прекратив в Приморье процесс сбора и распространения метеорологической информации, и лишив дальневосточных метеорологов сообщения со своими коллегами из других регионов России³⁸.

На территориях, подконтрольных белым армиям, оставалось значительное количество станций и обсерваторий, среди которых были и крупные. Однако в условиях нарушения связи, централизованного руководства и снабжения, утраты части приборов, архивов и персонала их деятельность ограничивалась лишь производством метеорологических наблюдений. Отсутствие гидрометеорологического обеспечения дорого обошлось белогвардейцам. В частности, армии Врангеля пришлось столкнуться со сложными гидрометеорологическими условиями при эвакуации 157 кораблей и судов Черноморского флота в Бизерту. На переходе к Босфору в Черном море во время шторма погиб эсминец «Живой»³⁹.

Удивительно, что на таком неблагоприятном фоне ученые-гидрометеорологи продолжали самоотверженно работать. Главной физической обсерватории, с которой в годы Гражданской войны были практически полностью сняты обязанности по обеспечению боевых действий, в сложных условиях междуусобного противостояния и экономической разрухи удавалось вести фундаментальные исследования. В 1919 г. здесь был организован отдел климатологии⁴⁰ и отделение экспериментальной геофизики⁴¹, а в 1920 г. создан отдел, задачей которого стало теоретическое изучение закономерностей атмосферных процессов на основе общих законов физики. На протяжении всей Гражданской войны в обсерватории успешно трудились такие крупные ученые, как Б.П. Мультиановский, В.Ю. Визе, В.Н. Оболенский⁴². Не будет преувеличением сказать, что целый ряд направлений отечественной метеорологической науки (долгосрочное прогнозирование, аэрология, метод мировой погоды, активные воздействия на атмосферные процессы, динамическая метеорология, исследования атмосферного электричества) зародился или получил мощный импульс развития именно в годы Гражданской войны. В эти годы отечественными учеными были написаны фундаментальные труды, получившие признание во всем мире.

О том, с какими трудностями приходилось сталкиваться ученым в те страшные годы, красноречиво говорит пример Альма-матер отечественной аэрологии – Аэрологической обсерватории, находившейся в районе деревни Онтолово. В 1918 г. линия фронта подошла вплотную к этому научному учреждению, и в результате боев его здание было разрушено. Персонал вынужден был спасаться бегством. Лишь в конце 1919 г. небольшая группа сотрудников Аэрологической обсерватории с остатками спасенного оборудования и аэрологического архива собралась в Павловске, где на базе змейковой станции принялась создавать обсерваторию заново. Восстановление обсерватории и руководство ее работой было поручено П.А. Молчанову, благодаря усилиям которого уже в начале 1920 г. удалось наладить систематические аэрологические наблюдения⁴³.

21 июня 1921 г. В.И. Ленин подписал Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об организации метеорологической службы РСФСР»⁴⁴. Далее последовал Декрет от 13 октября 1921 г. «О передаче Военно-метеорологического отдела из ведения народного комиссариата по военным делам в ведение народного комиссариата просвещения». Главмет, шесть лет исправно осуществлявший метеорологическое обеспечение сначала российской, а затем Красной армии, был преобразован в отдел военной метеорологии Главной физической обсерватории, вернувшись туда, где был когда-то создан⁴⁵.

Подводя итог деятельности отечественных военных метеорологов в годы Гражданской войны, можно сделать следующие выводы:

– боевые действия в годы Гражданской войны носили достаточно масштабный характер и велись с использованием всех родов сил, из которых наибольшую потребность в метеорологическом обеспечении испытывала авиация;

– каждая из противоборствующих сторон активно пользовалась наследием военно-метеорологической системы Российской империи, причем подавляющее большинство ресурсов этой системы оказалось в руках Красной армии;

– Красная армия создала свою военно-метеорологическую структуру, но ее деятельность не отличалась высокой эффективностью. Белой армии не удалось организовать метеорологического обеспечения своих войск;

– Гражданская война нанесла отечественной метеорологии значительный ущерб, но, несмотря на сложности, связанные с войной и разрухой, в этот период метеорологам удалось не только сохранить

преимущество, но даже расширить научную деятельность и вести фундаментальные исследования.

Опыт гидрометеорологического обеспечения в годы Гражданской войны, являясь дальнейшим развитием опыта обеспечения в годы Первой мировой войны, лег в основу создания системы гидрометеорологического обеспечения боевых действий в Вооруженных силах СССР.

Приложение 1.

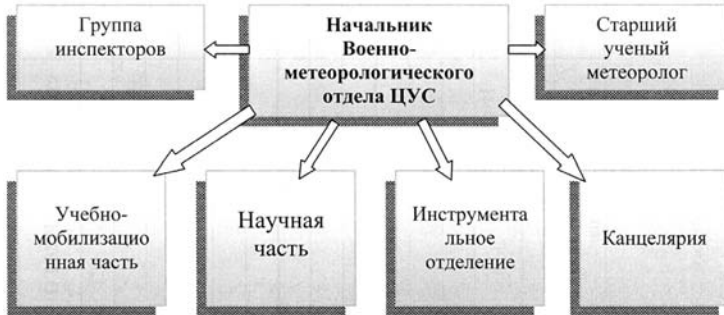
СТРУКТУРА Народного комиссариата по военным делам 1919 г.

Составлено автором по источникам:

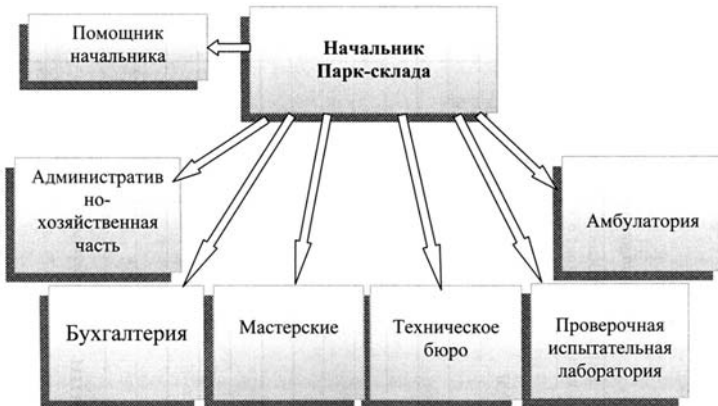
Сборник документов гражданской войны (1918–1920 гг.). М.: ВПА, 1988. С. 65.
РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 437, 437 об.

СТРУКТУРА
Военно-метеорологического отдела ЦУС
(в соответствии со штатом 1917 г.)

Составлено автором по источникам:
РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 437, 437 об.

СТРУКТУРА
Парк-склада при Военно-метеорологическом отделе ЦУС
(в соответствии со штатом 1919 г.)

Составлено автором по источникам:
РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 437 об., 438, 526, 527.

СТРУКТУРА
Военно-метеорологических органов РККА
в годы Гражданской войны
на 30 сентября 1920 г.

Составлено автором по источникам:

РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 429, Л. 433, 433 об., Л. 7, 437, 438 об.

- ¹Будыко М.И. Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова после Великой Октябрьской Социалистической революции // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. Л.: Гидрометиздат, 1967. С. 4.
- ²РГВИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 4, 4 об.
- ³РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 172–174.
- ⁴РГВИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 1 об.
- ⁵Рубинштейн Е.С. Задачи и методы климатического картографирования // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. С. 121.
- ⁶РГВИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- ⁷РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 171, 171 об.
- ⁸Никандров В.Я. Первые шаги метеорологического дела в СССР // Метеорология и гидрология. 1970. № 4. С. 13.
- ⁹Гражданская война в СССР. М.: Воениздат, 1980. С. 91.
- ¹⁰Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. С. 185.
- ¹¹Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 311.
- ¹²Кляцкин С.М. На защите Октября. С. 45–140.
- ¹³РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 170, 170 об.
- ¹⁴Гражданская война в СССР. М., Воениздат, 1980. С. 178.
- ¹⁵Директивы Главного командования Красной армии (1917–1920). С. 153–169.
- ¹⁶50 лет Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат. 1968. С. 46.
- ¹⁷Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М. 1932. С. 140–141.
- ¹⁸Гражданская война в СССР. С. 177, 203.
- ¹⁹РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1 Д. 181. Л. 13.
- ²⁰РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 551 об. – 554.
- ²¹РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 2
- ²²РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 437, 437 об.
- ²³Стернзат М.С. Разработка метеорологических приборов // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. С. 153.
- ²⁴РГВА. Ф. 46. Оп. 12. Д. 1. Л. 6 об.
- ²⁵В начале XX века метеорологическое и штурманское дело в авиации были объединены одним понятием «аэронавигация», поэтому под «аэронавигационным имуществом» следует понимать материальную часть метеорологической и штурманской службы.
- ²⁶РГВА. Оп. 3. Д. 8. Л. 527.
- ²⁷Русин Н.П., Беспалов Д.П. Метеорологическая сеть и методы наблюдений // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. С. 145.
- ²⁸Покровская Т.В., Есакова Н.П. Прогнозы погоды и синоптико-климатологические исследования. Там же. С. 29.
- ²⁹РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 429.
- ³⁰Там же. Л. 431, 433–433 об.
- ³¹Там же. Л. 272.
- ³²РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 174. Л. 1–12.
- ³³РГА ВМФ. Ф. р-1, Оп. 3. Д. 27. Л. 129, 132.
- ³⁴Там же. Д. 210. Л. 42–43.
- ³⁵Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Эксмо, Яуза, 2008. С. 252.

- ³⁶Доронины Ю. Авиация белых армий в России в годы Гражданской войны и послевоенные годы // Авиация и космонавтика. 2000. № 3. С. 11.
- ³⁷Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей империи. С. 152.
- ³⁸Кобылинский Л.В. История создания и развития гидрометеорологической службы России на Тихом океане. СПб.: ЦКФ ВМФ, 2004. С. 85.
- ³⁹Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П. Катастрофы в Черном море. Национальная академия наук Украины. 1994. С. 111.
- ⁴⁰Рубинштейн Е.С. Задачи и методы климатического картографирования // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. С. 121.
- ⁴¹Никандров В.Я. Активные воздействия на облака и туманы. Там же. С. 251.
- ⁴²Покровская Т.В., Есакова Н.П. Прогнозы погоды и синоптико-климатологические исследования. С. 30–33.
- ⁴³Воронцов П.А., Селезнева Е.С. Аэрологические исследования. С. 111–112.
- ⁴⁴Собрание законов, 1921. № 51. С. 289.
- ⁴⁵Никандров В.Я. Первые шаги метеорологического дела в СССР. С. 13.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

ОТ ВАРШАВЫ ДО ЕВФРАТА: СУДЬБА РОССИЙСКОГО ВОЕНОПЛЕННОГО – МУЛЛЫ

В годы Первой мировой войны в рядах российской армии воевали представители многих народов империи, в том числе татар. Сохранилось достаточно незначительное число источников личного происхождения (дневники, письма, мемуары), вышедших из-под пера рядовых участников войны – мусульман. В данной публикации вниманию историков предлагаются небольшие мемуары одного из участников войны – Сулеймана Нагаева, человека сложной судьбы, прожившего большую жизнь.

Сулейман Камалович Нагаев родился в 1885 г. в д. Сэмэн Стерлитамакского кантона Уфимской губернии (ныне д. Семенкино Аургазинского района Республики Башкортостан). Его родители, отец Ахмет-Камал и мать Мафруза, были крестьянами, дед, Геллеметдин Нагаев – муллой. Сулейман получил духовное образование в Оренбурге, что и определило его дальнейший жизненный путь. В возрасте 29 лет в 1914 г. его призвали на войну. По воспоминаниям его детей, он говорил, что на фронте исполнял обязанности дивизионного муллы. В марте 1915 г. под Варшавой он впервые вступил в бой и спустя некоторое время попал в плен. В отличие от русских, к пленникам – представителям других национальностей, в том числе и мусульманам, было особое отношение¹. В лагере Сулейман, благодаря своему духовному образованию, стал одним из учителей в школе. Когда пленным объявили о наборе добровольцев в Османскую империю, то среди них оказался и С. Нагаев. Прибыв в 1916 г. в Стамбул, они были отправлены на войну против арабов, а затем в Османский Ирак. Повоевав, они попали в плен к англичанам примерно в начале 1917 г. и были отправлены в Британскую Индию.

По завершении Первой мировой войны начался возврат пленных. Весной 1920 г. С. Нагаева отправили из Индии в Турцию, затем в Белый Крым. Сулейман попал в число тех, кто не подлежал воинской службе по возрасту. Он остался на несколько месяцев в Джанкое служить надзирателем в госпитале. После перевода на русский язык документов он был освобожден от воинской службы, поехал в Симферополь, где купил себе дом и занимался торговлей. Осенью после захвата Крыма Красной Армией Нагаева снова арестовали, и через некоторое время отпустили. Прожив в Симферополе еще одну зиму, весной 1921 г. он уехал домой. И наконец, почти через семь лет, Сулейман встретился с родными и близкими.

С 1921 по 1924 г. Нагаев работал заведующим детским домом, организованным Наркомпросом РСФСР. В 1924 г. он начал работать муллой в одной из деревень Кармаскалинского района. 5 января 1930 г. Сулейман был осужден Нарсудом Аургазинского района БАССР по ст. 107 УК РСФСР и отправлен в заключение в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, откуда был освобожден 17 октября 1932 г. После освобождения Нагаев вернулся в деревню, где жила его семья, и, забрав ее с собой, уехал в Сибирь, в село Уяр Красноярского района Енисейского округа (ныне Красноярский край), где проживал до 1945 г. В 1945 г. он приехал в Уфу и до 1960 г. был казначеем в Пятой (Второй) соборной мечети, затем вплоть до своей смерти (1963) он работал в Первой соборной мечети.

Воспоминания написаны на тюрки арабским шрифтом в толстой общей тетради. Страницы пронумерованы арабскими цифрами до 162 страницы. Воспоминания расположены в начале тетради (с. 1–9). После них идут стихотворные произведения различных авторов. При переводе воспоминаний переводчиком, кандидатом исторических наук, научным сотрудником Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН А.Г. Салиховым в ряде случаев были сохранены стилистические шероховатости автора. Судя по обилию конкретных дат, имен, названий населенных пунктов, судов, улиц, номеров домов и т. д., в основу воспоминаний, вероятно, легли краткие записи дневникового характера. Традиционно такие записи делались на последних, чистых листах личного Корана. Рукопись воспоминаний хранится в личном архиве внука, Нагаева Закия Талхаевича, с любезного согласия которого они публикуются. Также им сообщены подробности биографии автора. Первая публикация мемуаров была осуществлена в Уфе². Однако в силу ограни-

ченности объема сборника в нее не попала биография С. Нагаева. В данной публикации воспоминания дополнены стихами автора, посвященными азиатскому полку на Месопотамском фронте, которые публикуются впервые.

Текст

17 июня 1914 года началась первая европейская война. Начиная от города Галич, Германия начала большую жестокую войну против русских войск. В тот день нас забрали на войну. И мы, за день проехав на переменных лошадях (то есть меняя их) 132 версты от Стерлитамака до Уфы, прибыли в Уфу. Из Уфы повезли в город Вятку, потом в город Глазов³, в котором мы пробыли до января 1915 года. Потом привезли в крепость Двинск⁴. Позже в Варшаву, где мы вступили в бой. Вечером 22 марта того же года прорвали наш фронт и взяли нас в плен. Три дня нас вели пешком по германской территории и закрыли в лагере Лондздра. В этом лагере мы очень голодали. В день нам выдавали 400 граммов хлеба, 500 граммов бобового супа, 500 граммов сладкого чая. И на этом все. Потом повезли нас в город Литсин. Этот город находится возле Мазурского озера. Там мы пробыли 3 месяца. Здесь питание было немного лучше. Место, где мы жили, было очень чистым. Вшей не было. Однажды комендант вызвал меня, собрал всех мусульман и отправил мыться на озеро. Всех оставшихся русских отправили на работу. Когда мы, одиннадцать человек, возвратились после помывки, нам был уже приготовлен на кухне офицерский обед. Нас хорошо угостили, дали большие вольности. Нас продержали еще один день. Потом к нам присоединили еще 60 человек, и нас отправили. Привезли и поместили в лагерь Вайнберг в городе Зоссен⁵. Там было 12 тысяч мусульман, которые соблюдали пост, было около 12 школ, в которых они обучались. Я был одним из их учителей. После теравиха читали хатим⁶. Во время Курбана⁷ читают сотни генералов, сын Вильгельма⁸. Они дали для нашего жертвоприношения, то есть для 12 тысяч людей, 40 штук овец, 8 штук больших, жирных коров. Мы их принесли в жертву. Они наблюдали за этим. Также присутствовали 60 турецких студентов, обучавшихся в Берлине. Праздник провели с большой радостью. На торжестве присутствовал также уважаемый Ибрагимов Рашид кадый⁹.

21 апреля 1915 года нам объявили, что добровольцы поедут в Турцию¹⁰. Собралось тысяча человек¹¹. Нам всем выдали военную форму. Все одинаковые. В таком виде нас привезли в Берлин. На вок-

зале нас встретили с музыкой. Водили по Берлину, хорошо угощали, потом привели обратно на вокзал. Столько уважения. На вокзале негде яблоку упасть. Везде заполнено мужчинами и женщинами с цветами, платками, подарками на руках. Все они дали нам платки, полные гостинцами. Из Берлина нас проводили с музыкой.

Проехали Карпатские горы. Прибыли в город Будапешт. Там нас встретили, угостили и проводили так же, как и в Берлине. Подъезжаем к Белграду. Проехали Дунай и въехали в Белград. Белград находился в тяжелом состоянии, потому что война началась там. Потом поехали в Болгарию. Начали проезжать Балканские горы. Проехали над скалистыми горами, проехали под скалистыми горами, то есть по тоннелю. Подъехали к городу София. Так же с большой почестью повели во дворец. Там дали обед. Потом поехали в Эдирну¹². Здесь нам дали гусятину на обед. Поехали дальше в Чатаджу. Отсюда до Стамбула 40 верст. 2 мая 1915 года в 2 часа мы прибыли в Стамбул. День был очень жаркий. Встретили с турецкой духовой музыкой. На улицах Стамбула не осталось пустого места. Всюду заполнено народом. Нас встретили. Мы с поднятым духом по-геройски прошли через город. Нас поместили в казарму «Таксим Кашласы», которая находится в центре Стамбула¹³. Собрали германские деньги. На следующий день выдали турецкие деньги. Мы получили деньги, которые назывались лира, маджидия, куруш, металин. В Стамбуле нам дали 10 свободных дней. Можно было пойти, кто куда хочет. Таким образом, мне выпала возможность посетить многие места. Побывали во дворце, совершили парад и увидели султана Шамси¹⁴ Мухаммед Ришад хана¹⁵. Выйдя на балкон дворца, он приветствовал нас. Целый час простоял Мухаммед Ришад перед нами. Энвер-паша¹⁶ ходил среди нас, расспрашивая и беседуя с нами. Когда вышел султан, он вынул свою шашку и приветствовал его.

Потом мы отправились в деревню Алемдар, что в 2 верстах от Стамбула, и пробыли там некоторое время. Возвратились в Стамбул к празднику гаит¹⁷ и снова увидели султана. Потом мы пробыли некоторое время в местечке Шиля на берегу Черного моря. По возвращении в Стамбул мы проводили драгоценные одеяния и вещи нашего господина пророка из дворца Йылдыз¹⁸ до пристани Хайдар-паша¹⁹, которые на поезде были отправлены на родину хаджа в святую Мекку. Казалось, что весь мир пришел в движение. Для движения была оставлена узкая дорожка на середине улицы. Народ был очень воодушевлен и радостен.

Нас отправили в сторону Шама²⁰, Мекки, Медины в Арабистан для подавления бунтующих арабов²¹. Увидели эти места. Пришлось потратить очень много сил, потому что арабы очень враждебно настроены против турков. К тому же занимаются разбоем. Для 10 арабов ничего не стоит противостоять против 100 турков. Однако мы воевали без страха, по-геройски. Наши 3 воина могли выдержать 100 арабов. Потом нас отправили в сторону Ирака. Нам дали приказ: захватить такие арабские города, как Багдад, Мосул, Сида, Хилла, Куфи²². Герои-джигиты выполнили все возложенное на них задание.

На этой стороне, у берегов реки Евфрат, мы пробыли 6 месяцев. Потом прибыли английские войска вдоль рек Евфрат и Диджля²³ выше Басры²⁴. В городе Рамадия у реки Евфрат нас взяли в плен. Привезли в Басру. Здесь мы пробыли 6 месяцев. Потом на пароходе через залив Басра²⁵, Индийский океан привезли нас в Бомбей. Из Бомбея в Беллари. Потом прибыли в Кабрик. Потом снова возвратились в Беллари.

В Беллари мы пробыли два с половиной года. Потом настал день отъезда из Индии. 10 апреля 1920 года, в субботу, в час дня на поезде мы приехали из Беллари в Бомбей. После совершения небольшой экскурсии по Бомбею мы в тот же день вечером в восемь часов сели на пароход, который тронулся в сторону Индийского океана. Проплыв 14, 15 и 16 (апреля), мы вошли в Оманское море. 17–18 (апреля) проплыли мимо Аденских гор. Девятнадцатого, в понедельник в пять часов вечера, пройдя Баб-эль-Мандебский пролив, вошли в море Ахмер²⁶. 20, 21, 22–23 днем прибыли в порт Джидда и сделали остановку на одни сутки. К сожалению многого увидеть не пришлось. Потом прошли Шаб-эль-Ахмер. Плыли мимо песчаных берегов. Это место, где погиб фараон вместе со своими рабами. Это подтверждается аятм²⁷. В суре «Баккара» говорится: «И мы перед вами разделили море, вас спасли, а род фараона утопили, вы это сами видели».

25 и 26 проплыли Суэцкий канал и сделали остановку в Порт-Саиде. 27-го утром в восемь часов вошли в Средиземное море. 28–29 вечером в 11 часов достигли Дарданеллы и остановились в Чанаккале. Остановились на воде. Недалеко от залива турки потопили огромный английский пароход²⁸. Ночью на двух его мачтах горели два фонаря. 30-го на заре около 9–10 часов вошли в залив и поняли, что означает слово «Чанаккале». Действительно оказывается это место «Чанаккале»²⁹.

В тот же день 30-го вечером в 4 часа мы остановили пароход в Стамбульском проливе напротив дворца Йылдыз. Утром 1 мая турецкая контрольная комиссия проверила прибывших, и нас поместили в здании Салимия на стороне Ускудара³⁰.

В Стамбуле нашей основной целью было возвращение. С 1 по 8 мая мы занимались документами для возвращения в Россию. После получения их на руки мы на мосту, построенном на море в середине Стамбула, сели на итальянский пароход «Альда». 9 мая утром в 5 часов мы двинулись из Стамбула к Босфору. Таким образом подошло время отъезда из Стамбула. Тогда я вспомнил Хасана-эфенди и Ихсан-пашу³¹. Однако невозможно было возвратиться. Время пути между Стамбулом и Севастополем 24 часа. Через 24 часа, мучаясь от морской болезни, мы прибыли в Севастополь. Нас приняли за большевиков и запланировали заморить голодом. На десятый день нас поставили на погрузку на паровоз. К этому месту пришел сам Врангель³². Здесь прикладами гнали 400 обессиленных людей. Здесь увидели Врангеля. Нас возвратили и отпустили на волю.

Через неделю нас собрали и отправили на фронт воевать против Красной армии. В Крыму, в местечке Джанкой к нам прибыл гражданский генерал и был парад. На параде было отобрано сорок человек, не подлежащих воинской службе по возрасту. Среди них оказался и я. Остальных отправили на фронт к берегам Днепра. Мне пришлось служить несколько месяцев надзирателем в госпитале, расположенном в здании театра «Сатурн» в Джанкое³³. В связи с тем, что документ, освобождающий меня от воинской службы, был написан на турецком языке, я съездил в Севастополь к персидскому консулу для перевода и получил освобождение от своего места. Потом я поехал в город Симферополь, купил дом на Кладбищенской улице, № 85 и начал там жить. Во времена Врангеля мне пришлось начать торговлю в местечках Мелитополь и Александровка.

В октябре 1920 года красные начали наступление. Красная армия вошла через Керчь, Сиваш, Перекоп и выгнала Белую армию из Севастополя, Ялты, Евпатории. Это было 13–15 ноября. Тогда меня взяли в плен и снова отпустили. Однако все мое имущество было захвачено армией. Это произошло 12 ноября 1920 года. Через два дня вечером, возвратившись домой, я увидел, что оставлено только полтора пуда муки. Больше ничего, даже сменной рубашки, не осталось. В связи с моим освобождением двадцатилетний дивизионный комиссар выдал четкий, красивый документ. После этого я прожил

в Симферополе еще одну зиму и 16 марта 1921 года уехал домой в Уфу. Приехал в Уфу. 19 марта я был уже дома. 22 марта Аллах соизволил мне встретиться с родными и близкими. Конец.

Турецкий марш. Сулейман

Меня взяли в армию,
Я сын воина, герой.
Я врагу не отдам свою душу,
Пока она находится в теле.
Меня окружили враги,
От страха у них побледнели лица.
У нас тридцать пять пушек,
У врагов, говорят, пятьсот.
Воды Евфрата говорят: «Не хотим
течь, не хотим брать людей».
Пока не придут сто тысяч врагов,
Азиатский полк говорит: «Не встанем».
Войска выстроил в полки,
В поле выстроил орудия.
Говорят, англичане у Евфрата –
Пришлось оставить пищу.
Двери Наполеона
Не открывайте без приказа.
Азиатский полк,
Сто восемьдесят первый не вставать!³⁴

¹ См.: Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. С. 174–178.

² Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. Уфа: Китап, 2014. С. 387–390.

³ В это время в Глазове находился 155-й запасный пехотный батальон.

⁴ Совр. Даугавпилс.

⁵ Один из двух просветительских лагерей, с образцовыми условиями содержания для военнопленных-мусульман. Правильное название города – Цоссен.

⁶ Желательный намаз в месяц Рамадан, сура из Корана.

⁷ Речь идет о празднике жертвоприношения Курбан-Байрам.

⁸ Вильгельм-Фридрих-Виктор-Август-Эрнст (1882–1951) – германский кронпринц, старший сын императора Вильгельма II, наследник престола.

⁹ Ибрагимов Абду-Рашид Гумерович (1857–1944) известный общественный и поли-

тический деятель из сибирских татар, панисламист. В Германии пытался из пленных мусульман сформировать военные подразделения, с целью направить их на борьбу с британским колониализмом.

¹⁰ Ошибка мемуариста. Он попал в плен 22 марта 1915 г., три месяца был в одном лагере, потом его перевели в Цоссен. Следовательно отправление в Турцию произошло в 1916 г. О дате отправки именно весной 1916 г. также см.: Нагорная О.С. Указ. соч. С. 174–175.

¹¹ На самом деле – 1100 добровольцев, см.: Нагорная О.С. Указ. соч. С. 174.

¹² Совр. Эдирне. Греческое название города Адрианополь.

¹³ Современная площадь Таксим. На месте казармы ныне расположен парк «Таксим-Гези».

¹⁴ «Солнцеподобный».

¹⁵ Мехмед V Решад (1844–1918), султан и калиф, с 1914 г. Верховный главнокомандующий. С 1915 г. имел титул «Гази» («Непобедимый»), с 1916 г. генерал-фельдмаршал германской армии.

¹⁶ Энвер-паша (1881–1922) турецкий маршал, Военный министр.

¹⁷ торжественное богослужения у мусульман, проводимое в ознаменование праздников Ураза-Байрам и Курбан-Байрам.

¹⁸ Ыылдыз-сарай («Звёздный дворец») — дворцово-парковый комплекс в Стамбуле, служивший главной резиденцией османских султанов.

¹⁹ Хайдарпаша – морской порт Стамбула.

²⁰ Синоним названия Левант, общее название стран восточной части Средиземного моря.

²¹ В июне 1916 г. шериф Мекки Хусейн ибн Али поднял восстание против турок, мобилизовав ряд арабских племен, тем самым заставив их отступить из Египта в Хиджаз и Асир для подавления восстания. Его выступление поддержали британские советники.

²² Совр. Куф.

²³ Турецкое название реки Тигр.

²⁴ Наступление британских войск началось 13 декабря 1916 г.

²⁵ Так автор называет Персидский залив.

²⁶ Ахмер – красный. Красное море.

²⁷ Стих Корана.

²⁸ Речь идет вероятно об «Irresistible».

²⁹ Очевидно, автор имеет в виду особенности пейзажа (Чанаккале – тур. *çanak* – горшок, *kale* – крепость. – примеч. редактора).

³⁰ Район провинции Стамбула в азиатской части.

³¹ Али Ихсан Сабис, Али Ихсан-паша (1882–1957) османский и турецкий военный деятель, командующий 6-й османской армией в Месопотамии.

³² Врангель П.Н. (1878–1928), барон, генерал-лейтенант, русский военачальник, один из главных руководителей Белого движения.

³³ В Джанкое действительно находилась больница в помещении единственного кино-театра «Сатурн».

³⁴ 181-й азиатский полк – вероятно подразделение, в котором несли службу российские мусульмане-добровольцы в османской армии.

А.А. Рогожин (Орел)

«ENGAGEMENT À LA RUSSE»: ПРАКТИКА ВЕРБОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГЕНЕРАЛОВ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Вербовка иностранных генералов для службы в полках «нового строя» практиковалась русским правительством еще до эпохи Петра I, с середины XVII в. Другое дело, что генеральские чины в России тогда только начинали превращаться в сколь-либо четкую иерархию, поэтому при поступлении на русскую службу иностранные генералы могли рассчитывать лишь на чин полковника, командира солдатского, драгунского или рейтарского полка. Даже шотландец генерал-майор А. Лесли, чьи способности были уже известны русскому правительству благодаря его деятельности в России в годы Смоленской войны 1632–1634 гг., в 1647 г. был принят на русскую службу в чине полковника¹. Шотландцы генерал-поручик Т. Далйелл и генерал-майор У. Драммонд также были приняты на службу полковниками, хотя и добились по возвращении из Рижского похода 1656 г. соответствующих генеральских чинов в русской армии². Первым командиром, который сумел поступить на службу сразу в генеральском чине, был опять-таки шотландец, Д.У. Грэм, но было определено, что даже в чине генерал-майора он будет получать лишь полковничье жалованье, до тех пор, пока не подтвердит свой профессионализм³. Петр I, в начале своего царствования, рассчитывал в первую очередь на своих фаворитов и товарищей по военным играм в селе Преображенском, предпочитая возвышать Ф. Лефорта или А. Вейде, не имевших достаточного опыта в командовании, нежели обратиться к европейскому рынку военных профессионалов. «Нарвская конфузия» 1700 г. стала не только той чертой, которая отделила один этап развития русских вооруженных сил от другого, но и первопричиной, вынудившей царя по-иному подойти к вопросу

организации командования русской армией. Потери в командном составе под Нарвой, недовольство качеством оставшихся командиров полков и потребность в военных профессионалах, имевших опыт командования значительными по численности частями побудили русское правительство возвратиться к уже проверенной годами идее вербовки на службу иностранных военачальников.

В отечественной и зарубежной историографии вопрос о вербовке иностранных генералов на русскую службу в начале XVIII в. не ставился. При этом историография русской армии эпохи Петра I велика, и простое перечисление работ, затрагивающих историю Великой Северной войны (1700–1721 гг.), отдельные сражения и операции, полки русской армии, биографии выдающихся военных деятелей этого периода заняло бы значительную часть текста. Несмотря на это, а также вопреки доступности некоторой части источников, связанных с вербовкой иностранных генералов, сам состав генералитета русской армии эпохи Петра I в целом изучался лишь в работах С.В. Черникова⁴ и С.С. Смирнова⁵. Однако, в силу иной направленности исследований, в этих работах не были затронуты вопросы, связанные с самим процессом вербовки, в который можно включить переговоры, подписание «капитуляции» и обеспечение скорейшего прибытия в Россию иностранного командира. В нашей работе мы не будем подробно исследовать вопрос о персональном и качественном составе нанятого в Европе в начале XVIII в. генералитета, но прежде всего выделим основные механизмы вербовки военных профессионалов, типичные условия найма, а также особенности деятельности русского правительства на европейском «рынке военных услуг».

Петр I после поражения под Нарвой в 1700 г., естественно, заметил насущную необходимость в опытных офицерах, хотя и его советники не стеснялись постоянно указывать на этот недостаток русской армии. Небезызвестный лифляндец И.Р. фон Паткуль, весной 1702 г. прибыв в Москву, писал в своих «статьях» и «промемориях»: «Царское войско никогда в совершенство не придет, пока не будет иметь хороших офицеров <...> удобнее его царскому величеству иметь попечение об избрании искусных генералов в коннице, пехоте и артиллерии <...> В такие генералы надобно избрать людей знаменитых в свете воинским искусством»⁶. «Известно его царскому величеству, как необходимы в войске генералы и притом в довольном числе, чтобы можно было употребить в посылки, заменить больных, раненых и проч. Искусные генералы с малым войском сделают более, неже-

ли многочисленное с неискусными людьми: 40 000 сильнее в таком случае 80 000. Надобно вызвать как можно более искусных»⁷. Это предложение И.Р. фон Паткуля едва ли могло открыть что-то новое Петру I, но оно стало определенным ориентиром для дальнейших действий русского правительства.

Русское правительство в начале 1700-х гг. перешло к более активным действиям, стараясь завербовать за рубежом опытных и знающих офицеров. Для этого печатались распространяемые в Европе манифесты или «плакаты», в которых иностранцы призывались на русскую службу, а также содержались основные условия их найма. Мы можем точно назвать число таких «плакатов». Дело в том, что 18 февраля 1719 г. Петр I указал канцлеру Г.И. Головкину и подканцлеру П.П. Шафирову направить из коллегии Иностранных дел в Военную коллегию справку «в прошлых годах о призыве в военную сухопутную службу царского величества в другие государства каковы плакаты посланы и в которых годах имянно и для подлинного ведения с тех плакатов прислать в Военную коллегию копии»⁸. В коллегии Иностранных дел насчитали три таких «плаката». Один из них был выдан 14 апреля 1702 г. вместе полномочной инструкцией И.Р. фон Паткулю, второй был выдан 13 декабря 1703 г. генерал-поручику Г.Г. фон Розену, а третий, одновременно с предыдущим, полковнику Шенбеку⁹.

Судя по всему, наибольший резонанс вызвал первый манифест-«плакат». Предназначенный для И.Р. фон Паткуля, который должен был его распространить на территории Священной Римской империи, манифест был по распоряжению Петра I издан 16 апреля 1702 г., спустя два дня после передачи текста лифляндцу. Согласно манифесту, русское правительство готово было пойти на некоторую перестройку в управлении войсками. Для того чтобы «иноземцы и иностранные не были уstraшены от выезде сюда, ради такого попечения, чтобы им в их землях под не обыкновенное расположение, суд и началство или образ наказаней не попасть», было решено создать генеральный воинский суд, «како у иных иностранных учрежденных войск обыкновенно есть». Иностранным офицерам был гарантирован пропуск в Россию без лишней траты времени на границе, свобода исповедовать свою веру, а также свободный отпуск с русской службы, «како у иных потентантов во Европе обыкновенно и во употреблении есть»¹⁰. Это было важным замечанием, потому что одной из проблем службы в России для иностранных офицеров во второй

половине XVII в. была сложность увольнения. Порой русское правительство, не желая терять военных профессионалов, задерживало их столько, сколько считало нужным, не особенно оглядываясь на заключенный договор. П. Гордон в течение десятилетий добивался увольнения с русской службы, но так и умер в России, хотя и дослужился до генеральского чина¹¹. Пункты этого манифеста стали основой правительственной политики в вопросах вербовки иностранных военных профессионалов на протяжении всех 1700-х гг.

Начиная с И.Р. фон Паткуля, переговоры с иностранными генералами и подписание с ними соответствующего договора стали одним из многочисленных поручений для представителей русского правительства в Европе. Решая запутанные дипломатические вопросы, разыскивая для Петра I нужные книги и инструменты, агенты, резиденты и посланники при иностранных дворах вместе с этим неустанно перебирали все возможные варианты среди командного состава армий ведущих европейских государств. Самому И.Р. фон Паткулю была выдана полномочная грамота, в которой лифляндцу давалось разрешение именем царя договариваться с нужными русской армии иностранными офицерами¹². Через посредничество И.Р. фон Паткуля русское правительство пыталось нанять нескольких военачальников саксонской службы. В переписке русского правительства с И.Р. фон Паткулем чаще всего речь шла о принце Голштинском, графе Я.Г. фон Флемминге, генерал-лейтенанте Трампе, генерал-майорах Браузе, Венедигере, Г.Г. Востромирски фон Рокиттниг и Бранте, а также о Л.Н. фон Алларте, чьи инженерные таланты оценивал весьма высоко сам царь Петр I, но которого прежде надо было выкупить из шведского плена¹³.

Пребывая чаще всего в Дрездене, столице саксонского курфюршества, И.Р. фон Паткуль развернул бурную деятельность, ведя переговоры с интересующими его людьми. От идеи нанять Я.Г. фон Флемминга он быстро отказался¹⁴ и уже осенью 1702 г. окончательно сосредоточился на Г.Б. Огилви. И.Р. фон Паткуль аттестовал Г.Б. Огилви как человека «великих достоинств», высокоуважаемого, одного из «отличнейших императорских генералов от инфантерии»¹⁵. Фельдмаршал-лейтенант «цесарской» службы, шотландец, рожденный на территории Священной Римской империи, Г.Б. Огилви был одним из самых высокопоставленных военачальников, которые соглашались служить в русской армии в эпоху Петра I¹⁶. Переговоры с ним велись долго и с большими трудностями.

ми и, несмотря на подписанный еще осенью 1702 г. в Вене договор, иностранный военачальник прибыл в Россию лишь весной 1704 г.¹⁷, причем деятельное участие в продолжительных переговорах, наряду с И.Р. фон Паткулем, принимал русский посланник при «цесарском» дворе кн. П.А. Голицын¹⁸. По инициативе И.Р. фон Паткуля на русскую службу был также приглашен пребывавший в отставке генерал-майор датской армии Г.Г. фон Розен¹⁹ (хотя договор с ним был подписан лишь в Москве) и генерал-майор саксонской армии Г.Г. Востромирски фон Рокиттниц²⁰.

Наряду с Дрезденом важную роль в вербовке генералов играла Вена, столица Священной Римской империи. В Вене в начале 1700-х гг. интересы России представлял кн. П.А. Голицын, который весьма скептически относился к способностям И.Р. фон Паткуля, но при переговорах с иностранными офицерами зачастую был вынужден работать бок о бок с ним. Г.Б. Огилви, правда, будучи уже на русской службе, для поиска генералов пытался задействовать свои венские связи в обход кн. П.А. Голицына, но это скорее исключение²¹. После кн. П.А. Голицына в Вене переговорами с иностранными генералами занимались барон Г. фон Гюйссен и барон И.К. фон Урбих. Г. фон Гюйссену в 1706 г. было поручено нанять на русскую службу двух генерал-майоров от пехоты и одного от кавалерии. Военачальники должны быть способными не только командовать войсками в сражении, но и дать дельный совет, «которые бы были люди знатные и мочно б в конзилию призывать и в протчих воинских делах употреблять». Заодно, барона просили не нанимать людей, «как наш господин фельтмаршал Огилвий», но только «искусных, добрых и надобных» людей²². Видимо, к 1706 г. генерал-фельдмаршал Г.Б. Огилви порядком успел разочаровать царя, и Петр I старался по возможности исключить ошибку при очередном найме генералов. Интересно, что в первоначальном черновом варианте наказа Г. Гюйссен, в случае неудачи вербовки генералов в «цесарских» землях, должен был отправиться в Англию и искать военачальников на Британских островах, но в окончательную редакцию этот пункт не был включен²³. В 1707 г. представителем русского правительства в Вене стал И.К. фон Урбих, который сразу же начал активно вести переговоры с несколькими военачальниками. После того, как провалились переговоры с австрийским фельдмаршалом Г.З. фон Гейстером, не растерявшийся И.К. фон Урбих начал новые переговоры сразу с четырьмя генералами, надеясь, что хотя бы кто-то из них согласится

подписать договор с русской стороной: с прусским генералом Гейденем, австрийскими фельдмаршал-лейтенантами Л.Г. Янусом фон Эберштадтом и Биркель-унд-Швейцаром и австрийским генерал-майором Н. Эндсбергом²⁴.

В Польше переговорами с иностранными генералами и офицерами более низкого ранга должен был заниматься кн. Г.Ф. Долгоруков, в Голландии генералов пытался нанять А.А. Матвеев²⁵, а затем кн. Б.И. Куракин, в Дании переговоры вел А.П. Измайлов. Русские посланники за рубежом играли важную роль в вербовке командного состава даже тогда, когда с этой целью отправлялись особые миссии, выполнявшие лишь это поручение. В 1703 г., когда в Вену был отправлен уже упоминавшийся Г.Г. фон Розен, который должен был, используя свои связи в военных кругах, нанять для русской армии опытных офицеров, ему было приказано непременно советовать по всем вопросам вербовки с русским посланником в Вене кн. П.А. Голицыным. Аналогично, в 1707 г. полковнику Н. Ланге, отправленному для вербовки офицеров в дружественную Данию, было приказано работать в тесном контакте с русским посланником в Копенгагене А.П. Измайловым²⁶.

Вторым важным инструментом для проведения вербовочной кампании стало посредничество Августа II, курфюрста саксонского и короля польского. В частности, в ноябре 1704 г. Петр I писал Августу II, с просьбой отдать на русскую службу на время одной кампании «1-го генерала-поручика, 2-х искусных генералов-маеоров от конницы, да трех генералов-маеоров от пехоты». Петр I честно говорил в письме своему союзнику о причине такой просьбы, ведь «принужденны опасаться, что, понеже ныне едва не вся Еуропа, и тако мы потребного числа оных (генералов. – *А.Р.*) к будущему воинскому походу трудно получитьи возможем»²⁷. Конечно, преувеличивать заслуги Августа II не стоит. Осенью 1705 г. под Гродно при его непосредственном участии на русскую службу действительно поступил целый ряд генералов. В росписи генералитета русской армии от 30 ноября 1705 г. в Гродно, среди прочих, указаны генерал-поручики Браузе, Л.Н. фон Алларт, Венедигер, генерал-майоры Руланд, Сент-Поль, И. фон Генске, О.Ф. фон Бирон, Зейдлиц, Гольц, Арнштедт, которые месяцем ранее числились на саксонской службе. Другими словами, благодаря Августу II для гродненской кампании были наняты сразу десять новых генералов²⁸. Однако после гродненского отступления в рядах русской армии остались лишь генерал-

поручик Л.Н. фон Алларт, генерал-майоры И. фон Генске и О.Ф. фон Бирон, хотя последний оставил русскую службу уже год спустя, в январе 1707 г.²⁹ В дальнейшем посредническую роль Августа II можно заподозрить лишь при найме на русскую службу в 1707 г. бывшего коменданта Гданьска Г. фон дер Гольца в чине генерал-фельдмаршал-лейтенанта.

Стоит заметить, что генералы могли приезжать на русскую службу и по своей инициативе, и тогда переговоры и вербовка иностранных генералов осуществлялись либо через Посольский приказ, либо просто через видных государственных деятелей, составлявших окружение Петра I. И в первом, и во втором случае решение принимать или не принимать на службу военачальника, а если принимать, то на каких условиях и в каком чине, оставалось за царем. В июне 1703 г. в Москву прибыл генерал-майор А.Г. фон Шенбек, который от прусских офицеров и из распространяемых И.Р. фон Паткулем «плакатов» узнал о наборе на русскую службу³⁰. Не сумев добиться от Посольского приказа решения своего дела, А.Г. фон Шенбек был вынужден в письме царю предлагать свой вариант договора, на основе которого он готов служить в России, и только после затяжных переговоров о чине и нюансах договора, 29 сентября 1703 г. «выезжей цесарские земли из Франской округи генерал-майор» был принят на русскую службу в чине генерал-поручика от пехоты³¹. «Птенцы гнезда Петрова», будь то кн. А.Д. Меншиков или Г.И. Головкин с П.П. Шафировым, ведя переговоры, также были вынуждены постоянно запрашивать инструкций от Петра I. В частности, это заметно, когда Г.И. Головкин вел переговоры с прибывшим в Витебск из Вены генерал-майором А. Беллеарди. А.Д. Меншиков, пользуясь доверием царя, возможно, вел переговоры более независимо, но отсутствие письменных инструкций Петра I на имя своего фаворита еще не означает, что он не давал ему указаний при встречах или иным путем. Роль кн. А.Д. Меншикова заметна в переговорах с Г. фон дер Гольцем и с Г.Ф. фон Фризенем³², сыном генерал-фельдцейхмейстера австрийской армии, графа Ю.Г. фон Фризена³³, пожалованным при вступлении на русскую службу чином бригадира.

При выборе, с кем из генералов вести переговоры, русское правительство пыталось опираться на профессиональные качества кандидата. Но заполучить военачальника уровня Евгения Савойского для России в этот период, ввиду низкого престижа русской службы, было практически невозможно, а адекватно оценить профессиональ-

ный уровень иностранных генералов, находясь в России, было весьма затруднительно. Петр I относился ответственно к выбору генералов, желавших поступить на русскую службу. Нанимать на службу всех подряд царь не разрешал, стараясь, чтобы его доверенные лица действовали, исходя из реальных потребностей. В частности, были приостановлены переговоры И.Р. фон Паткуля с генерал-майором от артиллерии Клингеном, потому что «нашу артиллерию уже командует» генерал-майор Я. Брюс, но в то же время И.Р. фон Паткулю советовали сосредоточиться на переговорах с пехотными генерал-майорами, потому что в них чувствовалась «великая нужда»³⁴. О прежней службе претендентов наводились различные справки, русское правительство интересовал военный опыт военачальника, кем именно он командовал, мнение о его военных способностях людей, заслуживающих доверия. Связи в правительственных кругах здесь играли не последнюю роль. Барон И.К. фон Урбих, ведя переговоры с кандидатами из числа «цесарского» генералитета, обращался за советами к принцу Евгению Савойскому и генералу Вакербарту, добровольно сотрудничавшими с представителем русского правительства³⁵.

Процесс вербовки предполагал обсуждение предлагаемых русскими посланниками кандидатур и условий их найма. В 1705 г. через манифест русского правительства было установлено, что все претендующие на генеральские чины в русской армии иностранные военачальники должны были написать о себе, своих отличиях на прежней службе, военных знаниях и условиях, на которых они готовы служить в России, генерал-фельдмаршалу Г.Б. Огилви и ждать от него ответа³⁶. После увольнения Г.Б. Огилви порядок несколько изменился. В октябре 1706 г. Петр I через П.П. Шафирова велел передать А.А. Матвееву распоряжение нанять на службу несколько генерал-майоров или генерал-поручиков, «которые добрую славу имеют в поступках и в службе и в воинском искусстве». А.А. Матвеев должен был взять у кандидатов «статьи», т. е. условия, на которых потенциальные новички готовы были перейти для службы в русскую армию, переслать эти «статьи» в Россию, где они анализировались и обсуждались, и только после этого подводить переговоры к подписанию договора³⁷. Русское правительство стало явно осторожнее работать на европейском вербовочном рынке, не желая ни очевидно переплачивать за не самого известного командира, ни рисковать наймом некачественного военачальника, который не смог бы принести реальную пользу русской армии. Кроме того, при прочих равных условиях русским

представителям указывалось нанимать тех генералов, что говорили на славянских языках³⁸ – это требование неизменно встречается и в инструкциях, выдаваемых русским правительством, и в письмах самих посланников, где они расхваливали свою кандидатуру.

Попробуем проследить путь, который проходил иностранный генерал, начиная с того, как он ставил свою подпись под договором или же устно договаривался об основных параметрах службы с представителем русского правительства и до того мига, когда он получал первое назначение в ряды действующей армии. Использовались разные меры для того, чтобы заключивший договор генерал все же добрался до России, не рискуя потерять впустую денег на дорогу, если условия службы не устроят его. Чтобы гарантировать выплату денег, затраченных генералом на проезд, действие договора могли начинать с даты его подписания, соответственно, с этого числа начинало выплачиваться денежное жалование, несмотря на то, что несколько недель или месяцев у иностранца уйдет только на то, чтобы собрать вещи и приехать на службу. Вербуемые генералы также могли получать на «подъем» денежное жалование за три месяца не «в зачет»³⁹, что также было финансовой гарантией прибытия в Россию. Интересны и уловки русского правительства. А.П. Измайлов, русский посланник в Копенгагене, получил «роспись явную», в которой были указаны размеры жалования офицеров в том или ином чине. Именно по этой росписи А.П. Измайлов и полковник Н. Ланге должны были вести переговоры с кандидатами, но в Москве знали о том, что «в нынешнее воинское время на такую плату <...>изкусныя не пойдут». С нужными генералами русские представители могли осторожно вести переговоры на других условиях, прельщая их значительным жалованием, «немалою ценою», но не афишируя этих новых условий⁴⁰. Русское правительство дальновидно подстраховывалось, не желая создавать прецедент, чтобы эти вынужденные условия найма не превратились в дальнейшем в образец, отягощавший казну и затруднявший переговоры с иностранным генералитетом о новых контрактах.

После прибытия в Москву иностранных военных допрашивали, принимали у них «свидетельствованные пасы», т. е. документы о предыдущей службе, и лишь затем жаловали причитающиеся им чины и верстали денежным жалованием в Посольском приказе. После этого их отправляли в Военный приказ, где они назначались на службу в полки⁴¹. При поступлении на русскую службу иностран-

ный военачальник рассчитывал на повышение в чине. Разочарование качеством офицеров, набранных в Европе в первые годы Великой Северной войны, привело к публикации в 1705 г. манифеста русского правительства, в котором говорилось, что «болшая часть офицеров, которые в ыных странах недавно в капитанских чинах едва были или какими титулярными чинами, пасами и отпусками пожалованы были, за полковников и полуполковников в нашу службу вманились и чрез всякия незнаемая рекомендации и замыслы наших министров отчасти и к совершенным договорам привели». По этой причине с февраля 1705 г. иностранные офицеры могли поступать на русскую службу лишь чином выше, чем они служили на предыдущем месте, и этот порядок распространялся, в том числе, и на генералитет⁴².

Любой иностранный военачальник, особенно если он не подписывал заранее договора, по приезду в Россию должен был представить документы, подтверждающие все важные этапы его предыдущей карьеры. Это могли быть патенты на пожалование того или иного чина, «свидетельствованные письма» видных и авторитетных европейских полководцев, грамоты, подписанные европейскими монархами, и т.п. Порой в спорных случаях, когда требовалось узнать мнение самого Петра I по поводу того или иного кандидата, на основе этих документов изготавливались краткие справки с перечислением карьерных вех офицера. Отсутствие некоторых из перечисленных документов в личном архиве генерала могло приводить к разного рода недоразумениям. Когда весной 1708 г. в Витебск к Г.И. Головкину прибыл иностранец А. Беллеарди, с целью поступить на русскую службу, он не смог предъявить патент, подтверждающий пожалование ему чина генерал-майора «цесарской» армии, заявив, что «ставитца им зело дорога и с канцелярии». В итоге, несмотря на все усилия и требования иностранца, его надежды на пожалование чина генерал-поручика, т. е. на пресловутое повышение на один чин, не оправдались, и А. Беллеарди пришлось согласиться на чин генерал-майора⁴³. Возможно, что подобная осторожность русской стороны была оправдана. Кн. Б.И. Куракин писал в 1708 г. про Беллеарди: «I Conte Belliard, которой называется женаралом-поручиком, а не был здесь только полковником, которой поехал курьером от Урбика, человек непристойной во услугу»⁴⁴.

Конечно, не стоит изображать усилия русского правительства по вербовке иностранного генералитета как череду непрерывных побед. Дело не только в том, что порой прибывший в Россию долго-

жданый командир высокого ранга оказывается неспособен адаптироваться к особым условиям службы петровской эпохи, как это было с Г.Б. Огилви, но и в том, что некоторые договоры с опытными военачальниками срывались в последний момент или не исполнялись самими иностранцами. Ряд представителей европейского генералитета, на которых весьма и весьма рассчитывали в России, так и не добрались до Москвы, несмотря на все усилия русской дипломатии. В 1703 г. русский посланник в Вене кн. П.А. Голицын вел переговоры с фельдмаршал-лейтенантом «цесарской» армии венецианцем А.М.К. ди Сан Фелице, о котором писал, что он «ученый, искусный, на море великий практик, не хуже Акилфия (Д.Б. Огилви. – *А.Р.*), а во многом и лучше»⁴⁵. В феврале 1703 г. кн. П.А. Голицын даже подписал с ним договор о найме на русскую службу⁴⁶, но впоследствии император Леопольд I так и не согласился отпустить А.М.К. ди Сан Фелице со своей службы, так что венецианец из-за своего желания «мало не потерял милость его цесарского величества»⁴⁷. По неизвестной причине в 1707 г. сорвались переговоры с генерал-майором имперской службы графом А.Ф.А. фон Драшковичем, несмотря на то, что сам военачальник готов был служить в России⁴⁸, а император Иосиф I тайно дал знать генерал-майору, что не против его найма в Россию⁴⁹. Не удалось в 1707 г. нанять на русскую службу и имперского фельдмаршала Г.З. фон Гейстера – Иосиф I отказался отпустить его в Россию, испытывая сильное давление со стороны Швеции, недовольной переговорами русского правительства с военачальниками «цесарской» армии⁵⁰. Некоторые кандидатуры отклонялись уже русской стороной, сколь бы ни было сильно желание иностранца служить в России. В частности, барон Г. фон Гюйссен в 1707 г. не стал вести переговоры с фельдмаршал-лейтенантом имперской службы итальянцем Г. ди Веккья, потому что он «сед и стар <...> хотя коль силен он не является, однакож воинских волокит вытерпеть не может», несмотря на весь его богатый опыт военачальника, его знания в фортификации, способность служить «водою и сухим путем» и т. д.⁵¹

Мы видим, что русское правительство сумело извлечь уроки из нарвского поражения и достаточно быстро начало вести переговоры с целым рядом заметных европейских генералов, стремясь найти опытных командиров самым простым путем, пригласив их на службу из Европы. Однако острота потребности к концу 1700-х гг. снизилась, и необходимость вербовать любого сговорчивого гене-

рала отпала уже после Полтавы. Вербовка иностранных генералов продолжалась и в 1710–1720-е гг., но, судя по всему, не имела такого размаха, как раньше. К этому времени в русской армии уже сложился костяк генералитета, все основные вакансии были заполнены служащими в России на протяжении уже нескольких лет иностранцами, «иноземцами старого выезда» и русскими служилыми людьми, сумевшими пробиться наверх в карьерной иерархии. Однако сам механизм вербовки, начиная от наведения справок и переговоров и заканчивая подписанием договора и назначением на службу, был отработан именно в начале XVIII в., дав русскому правительству важный опыт в деле военного «ангажемента».

---

¹ Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 143.

² Бабулин И.Б. Генерал из Шотландии // Армии и битвы. 2004. № 3. С. 46; Ноздрин О.Я. «Против недругов стоял и бился мужественно...» Клан Драммондов на службе царю и отечеству // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010. Ч. II. СПб., 2010. С. 155–156.

³ РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. 1679 г. № 2. Л. 25–26, 60–62.

⁴ Черников С.В. 1) Военная элита России 1700–1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750) / Отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 45–62; 2) Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // *Quaestio Rossica*. № 201. С. 128–143; 3) Российская элита эпохи Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX вв. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Ред.-сост. А.П. Павлов. СПб., 2007. С. 366–386; 4) Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. 2010. № 51 (2/3). P. 259–280; 5) Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века: к вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских реформ // *Cahiers du Monde russe*. 2009. № 50 (4). P. 699–736.

⁵ Смирнов С.С. Генералы-иностранцы на русской службе в последние годы правления Петра I // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. / Отв. ред. Возгрин В.Е. СПб., 2007. С. 183–185.

⁶ Статьи, поданные Паткулем, по приезду в Москву, 27 марта 1702 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. Приложения. II. № 123. СПб., 1863. С. 235.

⁷ Две промемории, представленные Паткулем Царю, 29 марта 1702 года в Москве // Там же. № 124–125. С. 237.

⁸ РГВИА. Ф. 495. Материалы о найме иностранцев на русскую службу. 1630–1787 гг.

№ 106. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 4, 10, 13–14.

¹⁰ Манифест о вызове иностранцев в Россию (1702 апреля 16) // Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБПВ). Т. II. (1702–1703). СПб., 1889. № 421. С. 46–49.

¹¹ См.: Dukes P. Problems concerning the departure of Scottish soldiers from Seventeenth-century Muscovy // *Scotland and Europe. 1200–1850* / Ed. by T.C. Smout. Edinburgh, 1986. P. 143–156.

¹² Полномочная грамота Рейнгольду фон Паткулю (1702 апреля 16) // ПБПВ. Т. II. (1702–1703). № 422. С. 51.

¹³ Записка Паткуля о действиях его в Москве, 8–29 апреля 1702 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. С. 238–240.

¹⁴ И.Р. фон Паткуль писал в сентябре 1702 г. Ф.А. Головину: «Флемминга я не хотел приглашать, и по возвращении в Москву объясню тому причины, которые надеюсь его в одобрить». Паткуль Ф.А. Головину, 2 сентября 1702 из Вены // Там же. С. 253.

¹⁵ Паткуль Ф.А. Головину, 2 сентября 1702 из Вены / Письма и донесения Царю и министрам его // Там же. С. 253.

¹⁶ О происхождении Г.Б. Огилви см.: Worthington D. Scots in the Habsburg service. 1618–1648. Boston: Brill, 2004. P. 278.

¹⁷ Память Посольского приказа в приказ Военных дел / Письма и донесения Царю и министрам его // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. № 160. С. 257.

¹⁸ См.: Рогожин А.А. Д.Б. Огилви и его наем на русскую службу (1702–1704 гг.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб., 2014. С. 99–109.

¹⁹ Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева // Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. III. СПб., 1912. Приложение XXXVI. № 26. С. 325.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Дела, принадлежащие к польскому двору, найденные после тайного советника Паткуля. № 4. Л. 4.

²¹ Огилви А.Д. Меншикову, 1 ноября 1704 года / Письма и донесения Царю и министрам его // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. № 268. С. 322–323.

²² Наказ барону Генриху Гюйссену (1706 августа 19) // ПБПВ. Т. IV. (1706). СПб., 1900. № 1333. С. 354.

²³ Там же. С. 355.

²⁴ Примечания к № 2389 // ПБПВ. Т. VII. Ч. 2. М.; Л., 1946. С. 760–762.

²⁵ Примечания к № 1378 // ПБПВ. Т. IV. (1706). С. 1117–1118.

²⁶ Указ полковнику Ланге (1706 августа 18) // ПБПВ. Т. IV. № 1329. С. 348.

²⁷ К королю Польскому Августу II (1704 ноября 19) // ПБПВ. Т. III. (1704–1705). СПб., 1893. № 743. С. 194.

²⁸ РГАДА. Ф. 20. Разряд XX – Дела военные. № 400. Л. 3–3 об. Благодарю за предоставленную информацию и ссылку на источник В.С. Великанова.

²⁹ РГАДА. Ф. 154. Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство. Оп. 2. № 41. Л. 1–3.

³⁰ РГВИА. Ф. 495. Материалы о найме иностранцев на русскую службу. 1630–1787 гг.

№ 77. Л. 6, 25, 27.

³¹ Там же. Л. 8–12, 19.

³²Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Пг., 1915. С. 3.

³³ Примечания к № 1675 // ПБПВ. Т. V. (январь–июнь 1707). СПб., 1907. С. 600.

³⁴ Примечания к № 833 // ПБПВ. Т. III. (1704–1705). СПб., 1893. С. 338.

³⁵ Примечания к № 2389 // ПБПВ. Т. VII. Ч. 2. С. 764.

³⁶Манифест об условиях, на которых впредь будут принимаемы иностранные офицеры в Русскую службу (1705 февраля 10) // ПБПВ. Т. III. № 767. С. 263.

³⁷ Примечания к № 1378 // ПБПВ. Т. IV. С. 1117–1118.

³⁸ Письмо Г.И. Головкина к послу в Дании, Андрею Петровичу Измайлову, с поправками государя (1706 августа 18) // ПБПВ. Т. IV. (1706). № 1331. С. 351.

³⁹ Примечания к № 2389 // ПБПВ. Т. VII. Ч. 2. С. 786.

⁴⁰ Письмо Г.И. Головкина к послу в Дании, Андрею Петровичу Измайлову, с поправками государя (1706 августа 18) // ПБПВ. Т. IV. № 1331. С. 350.

⁴¹ 1703 г. ноябрь 23. – Указ Петра I о порядке оформления на службу офицеров-иностранцев // Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под. ред. Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. М., 2009. № 157. С. 180.

⁴²Манифест об условиях, на которых впредь будут принимаемы иностранные офицеры в Русскую службу (1705 февраля 10) // ПБПВ. Т. III. № 767. С. 262–263.

⁴³ Примечания к № 2337 // ПБПВ. Т. VII (январь–июнь 1708). Вып. I. Пг., 1918. С. 594–595.

⁴⁴ Заметки кн. Б.И. Куракина в Вене и Гамбурге // Грамоты, указы, письма царя и императора Петра I, всеподданейшие записки, проекты и донесения князя Бориса Ивановича Куракина 1712–1723 гг. № 195. // Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. III / Под ред. М.И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 255.

⁴⁵ Князь Петр Голицын Ф.А. Головину, 6 февраля 1703 из Вены // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. № 172. С. 270.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 495. Материалы о найме иностранцев на русскую службу. 1630–1787 гг. № 81. Л. 2–4.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

⁴⁸ Примечания к № 1646 // ПБПВ. Т. V. (январь–июнь 1707). СПб., 1907. С. 572.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 495. Там же. № 100. Л. 11.

⁵⁰ Примечания к № 1602 // ПБПВ. Т. V. С. 521–522.

⁵¹ Примечания к № 1646 // Там же. С. 567.

Е.А. Родионов (Санкт-Петербург)

САКСОНСКОЕ ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА В СОБРАНИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

Арсенал Гатчинского дворца-музея, сформированный его первыми владельцами, графом Григорием Григорьевичем Орловым (1734–1783) и великим князем Павлом Петровичем (1754–1801), больше чем наполовину состоит из оружия германского происхождения. По пока еще не полностью подтвержденной, но имеющей достаточно много косвенных доказательств гипотезе, причиной этого послужило то, что в основу оружейной коллекции графа Орлова легла значительная часть приобретенного им оружейного собрания премьер-министра Саксонии графа Генриха Брюля (1700–1763). Вероятно, именно поэтому в Гатчине лучше всего представлено охотничье оружие, изготовленное как в Дрездене, так и в других городах Саксонии в период правления курфюрстов Фридриха Августа I (также короля Польши Августа II Сильного (1694–1733)) и особенно Фридриха Августа II (короля Польши Августа III (1733–1763)). Эта эпоха по праву считается временем расцвета Саксонии, правители которой с исключительной энергией занимались созданием и пополнением всевозможных коллекций произведений искусств, в том числе и роскошного оружия, которые и по сей день считаются одними из ценнейших в Германии, привлекая в Дрезден огромное количество туристов. Оставляя в стороне хранящуюся в Гатчине и требующую отдельного подробного исследования богатую подборку собственно дрезденского оружия (более 70 предметов), в данной статье будет уделено внимание продукции мастеров из провинциальных городов Саксонии (40 предметов), среди которых будут выделены наиболее интересные образцы с точки зрения декора и конструктивных особенностей.

Всемирно знаменитый центр производства фарфора, саксонский город Майсен, почти не известен своими мастерами-оружейниками. В гатчинской коллекции хранятся два штуцера, изготовленных в Майсене и заслуживающих упоминания не только благодаря месту своего происхождения. Один из них (инв. № ГДМ-415-IX; общая длина 110,5 см, длина ствола 72,9 см, калибр 15 мм), как следует из надписей на замочной доске и стволе, сделан неким Иоганном Захариасом Шписом («Ioh. Zacharias Spies a Meissen»), какой-либо информации о котором до сих пор найти не удалось. По конструктивным и стилистическим особенностям данный штуцер можно датировать примерно второй четвертью – серединой XVIII в., при этом обращают на себя внимание его некоторые не совсем типичные для этого региона детали. Это, прежде всего, довольно редкий вариант кремневого французского замка, у которого курок, огниво и подогнивная пружина смонтированы на внутренней стороне замочной доски. Вся поверхность замочной доски остается, таким образом, свободной для декоративного оформления – в данном случае это гравированная на выбранном фоне сцена битвы европейской армии с турками (рис. 1). Необычен и стиль украшения деталей латунного

Рис. 1. Замок штуцера № ГДМ-415-IX

прибора – это гравированные сцены на военную, мифологическую или охотничью тематику, отдельные детали которых серебряные. Так, на заднем конце спусковой скобы выделяется серебряная фи-

гура конного турецкого воина, в середине – античный воин на фоне военных трофеев и на переднем конце скобы – охотник с собакой. Однако особенный интерес вызывает способ монтирования деталей штуцера и следующий из этого порядок его разборки, который мастер явно старался затруднить. Здесь везде, где обычно находятся головки винтов или шурупов, крепящих ту или иную деталь (замок, хвостовик казенника ствола, затыльник приклада, спусковая скоба) взгляд встречает ровную поверхность. Привычным является только крепление ствола тремя шпильками (при этом остается скрепляющий ложе и хвостовик казенника винт, головка которого также не видна) и наконечника цевья коротким винтом. Разборку штуцера необходимо начинать с замочной личинки – в задней ее части есть кнопка, на которую нужно нажать и отодвинуть вбок. Под ней открывается головки двух винтов, открутив которые, можно снять замок. Затем вынимается шпилька, фиксирующая передний конец спусковой скобы, после чего всю спусковую скобу можно отделить от ложи, сдвинув вперед – на верхней стороне заднего конца скобы крюк, входящий в зацепление со штырьком в ложе. Теперь можно вытащить планку с механизмом спуска, под которой, достаточно глубоко в ложе, скрыт винт, фиксирующий хвостовик казенника ствола. Под задним концом спусковой скобы находится головка винта, проходящего через весь приклад и крепящего затыльник приклада, который, открутив винт, можно снять, сдвинув вверх – изнутри на его задней стороне, как и у спусковой скобы, есть крюк, входящий в зацепление со штырьком в прикладе.

Другой кремневый штуцер из Майсена, тоже датируемый второй четвертью – серединой XVIII в., (инв. № ГДМ-821-IX; общая длина 116,8 см, длина ствола 80,2 см, калибр 14,5 мм), скорее всего, изготовлен тем же самым мастером – на верхней грани его ствола в казенной части выложенное серебром клеймо в виде щитка с изображением двух перекрещенных алебард, под которыми надпись в две строки: «SBIES MEISEN» (написание фамилии мастера в клейме ставит под вопрос его правильное прочтение – Збис (Sbies) или Шпис (Spies)). Дополнительным аргументом в пользу того, что это тот же мастер, что и у предыдущего штуцера, служит сходный стиль крепления деталей к ложе, когда головки винтов и шурупов скрыты. Здесь также, чтобы снять замок, необходимо отделить замочную личинку, крепящуюся к ложе крючками и закрывающую головки замочных винтов. Аналогично предыдущему штуцеру и крепление

ствола – чтобы выкрутить винт, фиксирующий хвостовик казенника, нужно предварительно снять спусковую скобу (крепящуюся вполне стандартно – на шпильку спереди и шуруп сзади) и вынуть пластинку со спусковым механизмом. Головки двух винтов, фиксирующих затыльник приклада, тоже скрыты под небольшой фигурной пластинкой на нижней грани приклада у затыльника, чтобы снять которую, необходимо выкрутить небольшой шуруп. Конструкция кремневого замка данного штуцера также относительно редкая – огниво и подогнивная пружина смонтированы на внутренней стороне замочной доски, а за курком находится внешний предохранитель в виде скользящей кнопки. Таким образом, можно отметить наличие в Майсене в первой половине – середине XVIII в. ранее не известного самобытного оружейного мастера Иоганна Захариаса Шписа (или Збиса), в своей работе избегавшего некоторых общепринятых конструктивных решений.

Не найдено в литературе и упоминаний имени мастера, подписавшего ствол датируемого 1730–1750 гг. кремневого штуцера под инв. № ГДМ-399-IX (общая длина 109,5 см, длина ствола 72,9 см, калибр 14 мм) – Иоганна Эрхарда Мефферта (Joh Ehrhard Meffert). Гравированная надпись на замке «A DÖBELN» указывает на место производства – город Дебельн, примерно в 45 км к западу от Дрездена, как и Майсен, не получивший известности в качестве центра оружейного производства. Там же, на верхней грани ствола, выбито клеймо в виде щитка с литерами «HZ». Имея вполне стандартную конструкцию, данный штуцер интересен, прежде всего, серебряным щитком на шейке приклада, на котором выгравирован герб премьер-министра Саксонии графа Генриха Брюля (1700–1763). Декоративное оформление штуцера в целом соответствует столь влиятельному и богатому владельцу – на стволе таушированный серебром плетеный орнамент и изображение охотника, на замочной доске гравированное изображение охотника с добычей, все детали прибора выполнены из серебра, затыльник приклада и замочная личинка украшены чеканными изображениями соответственно пешего и конного воинов на фоне военных лагерей и трофеев, а на остальных деталях прибора гравированные сцены на военную тематику. Однако качество исполнения декора на затыльнике приклада, замочной личинке и щитке на шейке приклада явно не на высоте – рельефные фигуры не проработаны, их контуры размыты, что оставляет впечатление незавершенности.

В городе Гроссенхайн (около 40 км к северу от Дрездена) была изготовлена пара колесных штуцеров под инв. № ГДМ-357-IX (общая длина 117,2 см, длина ствола 87,5 см, калибр 17 мм) и ГДМ-365-IX (общая длина 115,9 см, длина ствола 87,4 см, калибр 17 мм), датированные серединой XVIII в. Их стволы примечательны своей массивностью – в сечении шестигранные, минимальная толщина стенки составляет 7 мм, так что стрелять из этих штуцеров без опоры было бы трудно. На верхних гранях в казенной части стволов гравирована фамилия оружейника и место производства – «Hübler A: Grosz: haÿn» (у штуцера инв. № ГДМ-365-IX) и «Hübler A: Gros: haÿn» (у штуцера инв. № ГДМ-357-IX). О мастере Хюблере ничего не известно, равно как нет информации о другом изготовленном им оружии. Однако наибольшее внимание в данных штуцерах привлекают колесные замки, точнее их декор в виде гравированных охотничьих сцен, исполненных с исключительным мастерством – штрихи очень тонкие и легкие, фактура и объемы фигур тщательно проработаны. На замочной доске штуцера инв. № ГДМ-357-IX изображен олень в чаще леса и два охотника с собакой, изучающие его следы (рис. 2),

Рис. 2. Фрагмент замочной доски штуцера № ГДМ-357-IX

Рис. 3. Фрагмент замочной доски штуцера № ГДМ-365-IX

а на замочной доске штуцера инв. № ГДМ-365-IX – отдыхающий охотник с собаками, рядом с которыми бодаются два оленя (рис. 3). Курки и уздечки курков оформлены одинаково, на курках гравированное изображение двух ланей на выбранном фоне и гравированный стилизованный растительный орнамент, на уздечках курков гравированный стилизованный растительный орнамент. Разница в технике и манере исполнения гравировки позволяет предположить, что над украшением замочных досок и курков с уздечками курка работали разные мастера. Отсутствие подписей или клейм на замках не дает с уверенностью судить об авторе гравировки на замочных досках – хотя изготовленные мастером Хюблером стволы украшены у казенных срезов гравированными изображениями деревьев и птиц, эти изображения слишком малы и довольно схематичны, чтобы утверждать, что декор замочных досок был выполнен им же.

Еще один небольшой саксонский город, Эльстерверда (Elsterwerda, около 60 км к северу от Дрездена, ныне в земле Бранденбург), «отмечен» в Гатчинской коллекции работами мастера Хайнеля (Haehnel, Haenel, Hanl, Nähnel), о котором также не известно ничего, кроме фамилии¹. Это два кремневых ружья под инв. № ГДМ-579-IX (общая длина 145,6 см, длина ствола 106,9 см, калибр 14,5 мм) и ГДМ-557-IX (общая длина 145,5 см, длина ствола 106,2 см, калибр 16 мм), явно парные друг другу. Учитывая особенности оформления, датировать их можно 1720–1730 гг. На их замках и стволах гравированные надписи «HAENNEL» и «HAENNEL A ELSTER WERDA» соответственно. Также стволы, замки и детали прибора украшены гравированными изображениями мужских бюстов, охотничьих сцен, птиц и архитектурных сооружений, выполненными на довольно примитивном уровне и напоминающими по стилю народные гравюры. Наибольший интерес при этом вызывает декор замочной доски ружья инв. № ГДМ-579-IX, где изображено некое здание с двумя флигелями по сторонам и башенкой с часами посередине и церковь с башней. Представляется весьма вероятным, что мастер таким способом увековечил главные достопримечательности своего города, Эльстерверды, – замок Эльтершлосс (Elsterschloss) и церковь Св. Екатерины, сохранившиеся, по счастью, до нынешнего времени (рис. 4, 5, 6). Подобный мотив украшения можно встретить и на более престижном оружии того времени, так, у колесного штуцера дрезденского мастера Валентина Ревера замочная личинка выполнена в виде панорамы Дрездена².

Рис. 4. Замок ружья № ГДМ-579-IX

Рис. 5. Замок Эльстершлос

Маленький городок у самой чешской границы в Рудных горах – Визенталь (ныне Обервизенталь, Oberwiesenthal), представлен в гатчинской коллекции работами двух оружейников – Георга Цеффеля (Georg Zöffel) и Иоганна Андреаса Херрмана (Johann Andreas Herrmann). Здесь мы подробнее остановимся на втором из них, Иоганне Андреасе Херрмане. Информации о нем практически нет, а время деятельности определяется приблизительно 1725–1740 гг.³ В Гатчин-

**Рис. 6. Церковь Св. Екатерины
в Эльстерверде**

ском дворце на настоящее время хранится 14 штуцеров и ружей и 2 пистолета⁴ Херрмана, что позволяет составить достаточно полное представление об его профессиональном уровне. Ни на одном из предметов нет даты изготовления, но по стилистическим особенностям их можно отнести к 1730–1740 гг. Из всего длинноствольного оружия два ружья имеют гладкие каналы стволов, остальные – штуцеры, при этом составляющие пару пистолеты также имеют нарезные стволы. Один штуцер снабжен колесным замком, остальные – кремневыми французскими. В стилистике оформления

оружия отчетливо прослеживается влияние традиций чешских оружейников – в качестве материала для прибора чаще используется латунь (железный прибор имеют только четыре штуцера), при этом литые детали прибора, как правило, обильно украшены рельефными фигурами и сюжетами на охотничью и мифологическую тематику, выполненными в довольно грубоватой манере, что также более характерно для чешского оружия того времени. Учитывая местоположение самого городка Визенталь, вполне вероятно, что эти детали приобретались непосредственно у чешских производителей. Кроме того, детали прибора, а также замки и иногда стволы ружей Херрмана украшены гравированными изображениями на гладком либо выбранном фоне, чаще всего на охотничью тематику.

Некоторые произведения Иоганна Андреаса Херрмана интересны не столько оформлением, сколько конструктивными особенностями, о которых стоит упомянуть подробнее. Это, в первую очередь, казнозарядное кремневое ружье со сменным казенником (инв. № ГДМ-

578-IX; общая длина 138 см, длина ствола 99,2 см, калибр 15,5 мм, длина сменного казенника 9,8 см, на замочной доске гравированная надпись «I A HERMAN A WIESENTHAL»). При нажатии на рычаг перед спусковой скобой его ложу можно сложить и открыть казенную часть ствола для перезарядки, куда вставляется сменный казенник в виде железной цилиндрической гильзы, у которой с одной стороны затравочное отверстие, а с другой выступ для фиксации в стволе и удобства извлечения (рис. 7). Огниво, подогнивная пружина и затравочная полка смонтированы на пластинке, которая крепится к казенной части ствола. Замочная доска, ствол в казенной части и замочная личинка украшены гравированными охотничьими сценами.

Примечателен и единственный в гатчинской коллекции «классический немецкий» колесный штуцер с «аркебузным» прикладом авторства Иоганна Андреаса Хермана под инв. № ГДМ-919-IX (общая длина 106 см, длина ствола 77,9 см, калибр 14 мм, на замочной доске гравиро-

Рис. 7. Замок и сменный казенник ружья № ГДМ-578-IX

ванные литеры «IАН», на спусковой скобе клеймо с надписью «WIESEI THAL», на стволе клеймо с изображением лошади и литерами «IАН» (Neue Stöckel 3193)). Его замок предусматривает возможность самовзвода – на ножке курка закреплена подпружиненная литая латунная защелка в виде лежащей собаки; данная защелка, будучи закрытой, позволяет при постановке курка в боевое положение взвести боевую пружину замка без применения ключа. При открытой защелке пружина взводится, как обычно, ключом.

Однако наиболее необычным оружием работы Иоганна Андреаса Хермана стоит считать пятиствольный кремневый штуцер инв. № ГДМ-381-IX (общая длина 112 см, длина стволов 70,7 см, калибр 15 мм, на среднем стволе гравированная надпись «Johann Andreas

Herrmann in Wiesenthal»). Его пять граненых нарезных стволов расположены в горизонтальной плоскости, при этом незначительно расходятся «веером» – в казенной части расстояние между осями каналов крайних стволов около 9,5 см, у дульных срезов – около 13,5 см. Каждый ствол, кроме крайнего левого, имеет в казенной части два затравочных отверстия на противоположных стенках, так что детонация порохового заряда в них происходит почти одновременно, и все стволы стреляют залпом. Между собой стволы не соединены и крепятся каждый по отдельности шпильками к цевью и винтами к основе ложи, представляющей собой продолговатую железную коробку, в которую стволы вставлены казенными частями. В передней части цевья закреплена откидная железная сошка. Учитывая значительный вес и неизбежные проблемы с точностью стрельбы (хорошо навести на цель можно только средний, снабженный мушкой, ствол, пули из четырех других будут расходиться в стороны, при этом последовательная детонация зарядов в стволах должна сбивать с линии прицеливания), довольно затруднительно подобрать сферу применения данного штуцера на охоте.

Отдельно стоит отметить, что на основании сопоставления клейм и надписей на оружии Иоганна Андреаса Херрмана можно атрибутировать упоминавшееся выше клеймо с изображением лошади и литерами «IAH» (Neue Stöckel 3193, рис. 8) как его личное (в справочнике Neue Stöckel это клеймо дается как неопознанное⁵, а в статье, посвященной Иоганну Андреасу Херрману изображения его клейма нет⁶). Результаты сопоставления представлены в виде таблицы:

Рис. 8. Клеймо Иоганна Андреаса Херрмана (Neue Stöckel 3193)

Инв. №	Надпись на стволе	Клеймо на стволе	Надпись на замке	Клеймо на спусковой скобе
ГДМ-612-IX	JAH in Wiesenthal			
ГДМ-490-IX	JAH	WIE SEI THAL		
ГДМ-919-IX		JAH (Neue Stöckel 3193)	JAH	WIE SEI THAL
ГДМ-881-IX	Jean Andre Herrmann	WIE SEI THAL		

Таким образом, очевидно, что гравированные литеры «JAH» на замочной доске или стволе в сочетании с надписью или клеймом «WIESENTHAL» представляют аббревиатуру от «Johann Andreas Herrman», и клеймо с изображением лошади и литерами JAH (Neue Stöckel 3193) относится к этому же мастеру.

Из города Баутцен, что примерно в 50 км к востоку от Дрездена, в гатчинском собрании происходят 5 ружей и штуцеров мастеров Тобиаса Метцлера, Венцеля Кучеры, Райсмюллера и Кр. Готфрида Штойделя (таким образом, почти исчерпывая список известных оружейников из этого города). Особый интерес вызывает произведение последнего из перечисленных мастеров, Кр. Готфрида Штойделя (Chr. Gottfried Steudel) – это кремневое ружье со скрытым замком инв. № ГДМ-704-IX, датированное 1730–1750 гг. (общая длина 147,7 см, длина ствола 96,1 см, калибр 15 мм). Механизм замка ружья расположен в восьмигранном корпусе, прикрепленном к казенной части ствола и являющемся как бы его продолжением. Курок находится внутри корпуса, взводится нажатием на рукоятку перед спусковым крючком и освобождается под действием витой пружины при нажатии на спуск. От удара курка огниво подымается и открывает затравочную полку. На огниве гравированная надпись в три строки «C.G. Steudel A Vvdissin». Таким образом, данный замок не имеет никаких выступающих наружу деталей, за исключением совмещенного с крышкой затравочной полки огнива, которое подымается при выстреле (рис. 9). Подобная весьма оригинальная конструкция ударного кремневого замка ограничено применялась немецкими и чешскими оружейниками в середине XVIII в., но широкого распро-

Рис. 9. Замок ружья № ГДМ-704-IX

странения и дальнейшего развития не получила. Причина этого, как кажется, заключается в том, что витая боевая пружина в таком замке либо изначально не обладала достаточной упругостью, либо быстро теряла ее – такое предположение напрашивается при изучении трех ружей со скрытыми кремневыми замками из коллекции Гатчинского дворца⁷ – несмотря на целостность конструкции, ни в одном из них курок не в состоянии с нужной силой ударить по огниву.

Помимо перечисленного, в гатчинской коллекции есть оружие и из других саксонских городов – Пирны, Цвиккау, Шнеберга, Циттау, Халле, Мерзебурга. Его изучение открывает имена нескольких ранее неизвестных оружейников и дает достаточно наглядную картину производства охотничьего оружия провинциальных городов Саксонии в 1-й половине XVIII в., которое, хотя в среднем по качеству и несколько уступало, но в отдельных образцах вполне соответствовало уровню столицы курфюршества, Дрездена.

¹ Heer Eugène. Der Neue Stöckel. Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armbrustmacher von 1400–1900. Schwäbisch Hall. 1978. Bd. 1. S. 483. Далее в сносках «Der Neue Stöckel».

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, inv. № G 440; Schaal, Dieter. Katalog Dresdener Büchsenmacher 16.-18. Jh. Dresden, 1975. S. 88–89.

³ «Der Neue Stöckel», Bd. 1, S. 523.

⁴ Инв. № ГДМ-381-IX, ГДМ-401-IX, ГДМ-490-IX, ГДМ-526-IX, ГДМ-578-IX, ГДМ-612-IX, ГДМ-614-IX, ГДМ-624-IX, ГДМ-716-IX, ГДМ-807-IX, ГДМ-858-IX, ГДМ-881-IX, ГДМ-893-IX, ГДМ-919-IX, ГДМ-91-IX, ГДМ-92-IX.

⁵ «Der Neue Stöckel». Bd. 1. S. 565.

⁶ «Der Neue Stöckel». Bd. 1. S. 523.

⁷ Инв. № ГДМ-704-IX, ГДМ-717-IX, ГДМ-788-IX.

И.В. Рябухин (Санкт-Петербург)

БОЕПРИПАСЫ И ПРИБОРЫ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (В КОЛЛЕКЦИИ ВИМАИВиВС)

После войны 1914–1918 гг. немцы начали готовиться ко Второй мировой войне, в частности, приступили к разработке боеприпасов, отвечающих новым тактико-техническим требованиям. При этом много внимания уделялось необходимости их массового производства, чтобы снабжение действующей армии боеприпасами с самого начала войны было бесперебойным и не зависело от сроков развертывания военной промышленности. Этот метод ускоренного и массового производства боеприпасов отвечал существующей в Германии идее «молниеносной войны»

Так, немцы пришли к выводу о необходимости создания не только огромных запасов стратегического сырья для промышленности, производящей боеприпасы, но и больших количеств боеприпасов в готовом виде. Особое внимание было уделено заготовке отдельных элементов боеприпасов, наиболее трудоемких в производстве и требующих специального промышленного оборудования, а также подготовке кадров высококвалифицированных рабочих и специалистов.

Одним из слагаемых успеха немецкой армии в войне 1941–1945 гг. была широкая оснащенность военной техники высокоточными приборами, качественным оптическим оборудованием, могущественными и безотказными боеприпасами, надежным вооружением и техникой. И в настоящее время оптика, например, фирмы Carl Zeiss AG («Акционерное общество Карл Цейс») широко применяется при производстве фотоаппаратуры, микроскопов, биноклей, прицелов и многих других приборов, в которых используются линзы. Эта компания во Вторую мировую войну выпускала пулеметные, танковые, оружейные и минометные прицелы, оружейные панорамы, буссоли, перис-

копы, дальномеры, бинокли, приборы подготовки исходных данных для стрельбы, приборы топографической подготовки театра военных действий, фотокамеры и многие другие приборы. Технические характеристики оптических приборов не раз выручали в ходе боев немецких солдат в единоборстве с нашим вооружением. По иронии судьбы после окончания войны многие виды военной продукции широко использовались в СССР, так как многие предприятия располагались в Германской Демократической Республике и около 2/3 продукции предприятий поставлялось в Советский Союз.

Не менее значимой в период Второй мировой войны была фирма «Siemens» («Сименс»), которая и сегодня является производителем современной бытовой техники, радиооборудования, средств связи.

Одной из ведущих компаний Второй мировой войны было монополистическое объединение «Крупп» («Крупп»). Концерн включал мощные металлургические и машиностроительные предприятия по производству вооружения и боеприпасов, поэтому этим объединением производился практически весь спектр вооружений, использовавшихся в немецкой армии, в том числе противотанковые орудия, 150-мм гаубицы обр. 18, осадные орудия 211 мм (К-38) и многие другие. Ко всем видам орудий объединение «Крупп» выпускало огромными партиями боеприпасы. 150-мм зенитная пушка, орудия с коническим стволом, 88-мм зенитная пушка – это настоящие легенды в немецкой армии. Так например, 88-мм зенитная пушка после первых опытов использования ее как средство борьбы против танков стала пушкой двойного назначения – гроза вражеской авиации и колесно-гусеничной техники. Уже в ходе войны были внесены некоторые конструктивные изменения, и пушку начали выпускать в нескольких вариантах, в том числе смонтированной на специальной мобильной платформе, в качестве вооружения танков «Тигр», «Королевский тигр», самоходной артиллерийской установки «Носорог», истребителей танков «Ягдпантера» и «Слон».

К началу Второй мировой войны германская армия имела 34 калибра артиллерийских орудий, минометов и реактивных систем. Например, артиллерийские орудия имели следующие калибры: 20, 30, 37, 40, 50, 75, 76,2, 88, 105, 122, 128, 150, 152, 172, 203, 210, 240, 283, 355 и 420 мм; орудия с коническим стволом – 28/20, 42/28 и 75/55 мм. При этом следует иметь в виду, что каждый калибр имел по несколько видов орудий (от 1 до 11). Так, 150-мм калибра были следующие орудия: тяжелая башенная пушка, тяжелое пехотное орудие, удлиненная

тяжелая гаубица, полевая гаубица, тяжелая полевая гаубица, пушка, железнодорожная пушка, пушка на лафете 211-мм мортиры (всего 10 видов). И еще одна цифра – всего в Германии насчитывалось 123 (!) вида артиллерийских систем. Несложно подсчитать теперь, сколько надо сделать разного типа орудий для формирования боевых хорошо оснащенных и безотказных огневых средств, сведенных в требуемое количество частей и подразделений.

Как видно, такой набор разновидностей артиллерийских систем действительно требовал больших усилий науки и производства.

Не будем утруждать себя аналогичными подсчетами применительно к снарядам, там картина аналогичная. В отношении снарядов это привело к широкому внедрению футлярного метода снаряжения, а в отношении взрывателей – к изготовлению образцов со стандартными деталями и механизмами. На вооружении германской артиллерии состояли несколько типов взрывателей, которые можно объединить в следующие группы: взрыватели к снарядам малокалиберной артиллерии (головные, донные), головные взрыватели к артиллерийским снарядам калибра от 75 мм и выше, донные взрыватели к артиллерийским снарядам калибра 75 мм и выше, механические дистанционные взрыватели, взрыватели к минам, взрыватели к ружейным гранатам.

Отметим некоторые особенности производства взрывателей для отдельных видов вооружения, в том числе взрывателей к снарядам малокалиберной артиллерии, головных взрывателей к снарядам калибра от 75 мм и выше, а также донных взрывателей к артиллерийским снарядам. Так, при разработке взрывателей к снарядам малокалиберной артиллерии были взяты за основу следующие требования: взрыватель должен иметь высокую чувствительность, должна быть исключена возможность преждевременных разрывов, взрыватель должен обладать самоликвидацией, должен быть не сложным и не требовать много времени и оборудования при производстве. Наконец, наружное очертание взрывателя не должно требовать переделки головной части гранаты. В результате выполнения всех этих требований и условий для всех взрывателей этого типа оказался общим признаком тип взрывателя – взрыватель непридохранительного типа. Этот признак значительно упрощает устройство взрывателя. В итоге такие взрыватели характеризуются следующим образом: «ударный взрыватель мгновенного действия, непридохранительного типа, с дальним взведением, осуществляемым при помощи центробежного

предохранителя с дополнительной массой, изменяющей положение центра тяжести в момент взведения». Взрыватели к снарядам артиллерийских систем более крупного калибра в обязательном порядке должны взводиться вдали от орудийного расчета и уж тем более не в канале ствола, так как детонация взрывчатого вещества крупнокалиберных снарядов приводит к более крупным разрушениям и к гибели личного состава. Такая характеристика взрывателя именуется дальностью взведения. У немецких взрывателей эта характеристика составляет в среднем 15 м. Еще одну характеристику следует назвать – время замедления срабатывания взрывателя при встрече с преградой. Она принципиально меняет конструкцию взрывателя, а в его характеристику вводится дополнительное название «с замедлением». Назовем еще одно очень важное качество взрывателя – способность его срабатывать в любой определенной точке траектории полета, «на определенной дистанции». При этом первоначальная его функция – срабатывание при встрече с преградой – остается основной. Такие взрыватели получили наименование: «взрыватель дистанционный» или «взрыватель двойного действия (ударного и дистанционного)». Их общее наименование обозначается следующим образом: «ударный взрыватель непредохранительного типа, мгновенного и инерционного действия, без замедлительного устройства (или с установкой на замедление (0,15 с)). Ударный механизм стандартный и снабжен специальным инерционным кольцом, повышающим чувствительность взрывателя при малых углах падения гранат. Корпус взрывателя латунный». Завершая рассмотрение темы о взрывателях, приведем лишь более общие факты: всего германская артиллерия имела 89 видов взрывателей, в том числе 27 видов к снарядам малокалиберной артиллерии и 40 – к снарядам калибра 75 мм и выше. Взрыватели к минам и реактивным снарядам имеют некоторые конструктивные отличия, вызванные особенностями движения снаряда по каналу ствола. Однако общая научная тенденция конструирования и производства этих взрывателей оставалась прежней.

Из перечисленных выше видов боеприпасов в коллекции музея хранятся 80 снарядов и мин к орудиям различных калибров и назначения (осколочные, осколочно-фугасные, бронебойные, агитационные, осветительные), более 70 гильз к различным выстрелам, более 80 взрывателей, а также 24 реактивных снаряда и мины.

Переходя к рассмотрению вопроса состояния приборостроения в Германии перед Второй мировой войной, достаточно указать, что и в этой области она по сравнению с другими воюющими странами достигла небывалых высот как по номенклатуре оптических приборов, так и по их количеству. Показатели производства в артиллерийской структуре вооруженных сил Германии, по мнению автора, отражают состояние дел и в остальных видах производства, поэтому назовем лишь некоторые из показателей. Например, в производстве одних лишь биноклей участвовали 7 крупнейших фирм, в том числе фирмы Цейс, Хензольд, Фойгтлендер, Роденштоф, Лейтц и др. На вооружении германской армии состояли 14 видов биноклей, 6 видов дальномеров, 14 видов орудийных панорам и т. д. Командование германской армии проявляло особую заботу об исключении ручного труда в расчетах и недопущении работы «на глазок». Так, к началу войны на вооружении состояли счетные приборы типа: артиллерийские линейки, планшетные угломеры 3-х видов, планшеты стрельбы, артиллерийский счислитель, поправочник Гейса, пристрелочник обр. 44, планшеты полигонального хода. Отдельно были разработаны оптические приборы для вооружения укрепленных районов: 5 видов панорам, 5 видов наблюдательных приборов, 5 видов прицелов. Для пехотных частей имелись 6 видов углоизмерительных приборов, 2 вида построительных приборов, 3 вида винтовочных оптических прицелов. Что же касается всего арсенала приборов, состоявших на вооружении германской артиллерии сухопутных войск, то военные специалисты Советской армии классифицировали его следующим образом: приборы полевой артиллерии (наблюдательные приборы, оптические дальномеры, стереотрубы, перископы, буссоли), топогеодезические приборы, прицелы противотанковых пушек, орудийные панорамы, минометные прицелы, счетные приборы, артиллерийские поправочники, приборы стрелкового оружия, танковые приборы, оптические приборы укрепленных районов.

Из всего многообразия вышеперечисленных приборов в коллекции ВИМАИВиВС хранятся около 300 единиц, в том числе 17 разновидностей прицелов, 35 орудийных панорам, более 40 углоизмерительных приборов, около 60 оптических наблюдательных приборов (биноклей, перископов, зрительных труб), 59 дальномеров и 25 теодолитов различных систем, а также около 20 начертательных приборов.

Общеизвестно, что практически любая продукция, произведенная немецкими предприятиями, славится надежностью, практичностью, удобством в эксплуатации и качеством. В подтверждение этих слов можно привести пример, связанный с созданием оружейной панорамы Герца (сокращенно «панорама ПГ») – оптического визирного и углоизмерительного прибора, созданного немецкой фирмой Герц в 1903 г. Этот прибор, предназначенный для наведения орудия (пусковой установки) в цель, состоит уже более 100 лет на вооружении армий многих стран и считается одним из лучших по настоящее время. В панораме Герца удачно соединены механика и оптика, согласованно сочетаются свойства механических прицельных устройств, существовавших до 1903 г., с точностью оптической системы, состоящей из линз и призм. Конструкторы отдельных государств делали попытки улучшить, усовершенствовать отдельные узлы панорамы, но эти усовершенствования не «прижились» (закрепление двух уровней продольного и поперечного – на панораме; дополнение к угломерному узлу механизма, фиксирующего скомандованную величину угломера; установка наклонного зеркала над уровнем и т. п.). Другие же доработки, сделанные самой фирмой (четкая фиксация панорамы по направлению в корзинке панорамы с помощью выступа, надежное крепление панорамы в корзинке панорамы крючком с постоянным пружинным поджатием вниз), оказались удачными. Но главная особенность прибора – оптическая система в сочетании с механикой – осталась неприкосновенной. Панорамы Герца, хранящиеся в музее, и поныне находятся в хорошем состоянии, технически исправны, оптика без изменений.

Анализ хода боевых действий в Первую мировую и бурное развитие техники до начала Второй мировой войны выявил появление не только новых средств ведения боя, но и новых адекватных методов противодействия им. Так, появление танков и бронемашин подвигнуло ученых на создание боеприпасов, способных пробивать броню; увеличение дальности стрельбы орудий заставило артиллерию уйти на закрытые огневые позиции, не видимые противнику, а это, в свою очередь, побудило искать новые средства разведки (звуковые, радиолокационные). Совершенствовалась так называемая служба инструментальной разведки, появились новые приборы разведки, приборы управления артиллерийским огнем, приборы подготовки исходных данных для стрельбы и корректировки самой стрельбы. Появились метеорологические приборы, разработаны и внедрены

способы подготовки исходных данных для стрельбы на основе полной подготовки. Постоянно совершенствовалась топографическая служба, призванная готовить театр боевых действий, создавая топогеодезическую сеть. Учитывая уроки Первой мировой войны, каждая страна, а Германия в первую очередь, готовилась к применению средств массового поражения с помощью химического оружия, для чего требовались специальные контрольные и дегазационные приборы. К стати сказать, Германия так и не решилась применить во Второй мировой войне химическое оружие, опасаясь более мощного ответа со стороны противника.

Каждое из выше перечисленных мероприятий (разведка, управление стрельбой, метеорологическая, баллистическая, топографическая подготовки и др.) естественно требовали соответствующего материального обеспечения (приборов, принадлежностей, инструментов и т. д.). Германская промышленность успешно справилась с обеспечением своих войск и боеприпасами, и приборами.

Однако, несмотря на продуманную и тщательную подготовку к Второй мировой войне, гитлеровская Германия не смогла победить СССР и была разгромлена. Многие атрибуты поверженной Германии навсегда остались в нашем Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи – музее славы русского оружия.

Л.Д. Сабуров (Москва)

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 ГОДОВ

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. является одной из самых противоречивых и драматичных страниц в истории нашего Отечества, освещение которой всегда происходило под влиянием внутрисполитических установок, продиктованных официальными взглядами государственного руководства страны на причины, ход и итоги боевых действий на территории Финляндии. Необходимо отметить, что советские историографы практически не касались сложного предвоенного периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., считая его бесперспективным из-за закрытости большинства источников и жесткого контроля за исследованиями данной темы со стороны соответствующих партийно-государственных структур.

О начале специального и целенаправленного научного изучения отечественной историографии Зимней войны можно говорить лишь применительно к последнему десятилетию XX столетия, когда вся совокупность посвященной этой теме литературы уже позволяла сделать соответствующий ее анализ. Еще одной положительной особенностью 1990-х гг. стало массовое рассекречивание фондов российских архивов, содержащих документы, раскрывающие события Зимней войны.

Введение в научный оборот новых документов усилило доказательность и конкретность выводов проводимых исследований. В современных условиях издан ряд документальных сборников, документы публиковались и в научной периодике¹.

Начавшаяся в Европе Вторая мировая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. В этих условиях советское руководство стремилось расширить зону своих интересов. В

соответствии с секретным протоколом к августовскому договору 1939 г. о ненападении между фашистской Германией и Советским Союзом, оно провело дипломатические переговоры с представителями Эстонии, Латвии и Литвы, в результате которых в конце сентября 1939 г. были подписаны в Москве договоры². Они были основаны на взаимопомощи между Советским Союзом, – с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой – с другой стороны, включая и военную помощь друг другу в случае нападения на кого-либо из них.

Теперь дело оставалось за Финляндией, которая согласно секретному протоколу также входила в зону интересов Советского Союза. В 1932 г. Финляндия и Советский Союз заключили Договор о ненападении, продленный в 1934 г. Тем не менее, в конце 30-х гг. XX в. советскому правительству это казалось недостаточным. Основания для этого имелись достаточно веские. Военное строительство на Карельском перешейке велось под руководством военных специалистов крупнейших европейских государств. В 1938 г. Финляндию посетили военно-техническая комиссия Германии и командующий шведскими инженерными войсками генерал Алин, а в 1939 г. – главнокомандующий английской армией генерал Кэрк, военный министр Швеции Шельд и начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер. В условиях угрозы германской агрессии советское руководство предложило в 1938 г. финскому правительству заключить договор о взаимопомощи. Финляндия ответила отказом, так как она с 1935 г. официально придерживалась политики нейтралитета, испытывала недоверие к СССР, в среде финских военных были сильны прогерманские настроения.

В ходе продолжавшихся в 1939 г. советско-финляндских переговоров финское правительство, подстрекаемое Великобританией, Францией и США, отказалось от подписания договора о взаимопомощи, а также от предложения советской стороны предоставить ей в аренду полуостров Ханко и несколько островов в восточной части Финского залива в обмен на вдвое большую по площади советскую территорию в Карелии. Оно было согласно лишь отодвинуть границу на линию Койвисто, Тайпале к северу от Ленинграда, проходившую в 92 км от него. 9 ноября 1939 г. финское правительство сделало заявление об окончательном отказе рассматривать вопрос о строительстве советской военной базы на Ханко или других островах. В тот же день оно отдало своей делегации на переговорах распоряжение возвратиться домой.

В ходе проводимого исследования неоценимыми оказались документальные материалы о работе современных научных конференций и симпозиумов историков по проблемам развития истории Зимней войны³. Они позволили выявить современные тенденции в развитии взглядов на изучаемую тему. Важно отметить стремление современных российских и финских историков выработать совместную концепцию Зимней войны, сближение позиций отечественной и финской историографии по большинству ключевых аспектов темы. Советско-финляндские переговоры осенью 1939 г., как правило, представляются попыткой СССР мирным путем решить вопрос об изменении границы. При этом подчеркивается военно-политическое давление с советской стороны на руководство Финляндии. Российскими историками в конечном счете признана точка зрения, согласно которой акт агрессии по отношению к Финляндии был совершен со стороны Советского Союза.

28 ноября 1939 г. СССР денонсировал договор 1932 г. с Финляндией о ненападении. Пытаясь добиться своих целей мирными средствами, советское руководство, начиная с октября, готовилось и к силовому решению проблемы безопасности северо-западных границ.

Создавалась группировка сил и войск Ленинградского военного округа и соединений других округов. Предусматривались разгром Вооруженных Сил Финляндии и создание на ее территории государства с просоветским режимом. Для этого заранее формировалось так называемое народное правительство во главе с деятелем финляндской компартии О. Куусиненом, находившемся в СССР. Военным министром был назначен комдив Красной Армии Аксель Антила (финн по национальности), который командовал 106-м особым стрелковым корпусом. В середине ноября на советской территории началось формирование финского горного корпуса, который должен был стать основой «финской народной армии».

Следует отнести к несостоятельной версии некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации ее независимости и включения ее в состав СССР⁴.

Правительство Финляндии в свою очередь проводило мобилизацию и развертывание сил. К концу ноября 1939 г. было развернуто 9 пехотных дивизий, 5 пехотных и 1 кавалерийская бригады, 5 отдельных пехотных полков и 22 егерских батальона⁵. Всего в армии Финляндии насчитывалось 320 тыс. человек, 500 орудий, 10 танков

и 114 самолетов. 42 % своих войск финское командование сосредоточило на Карельском перешейке, развернув там Армию перешейка (генерал. Х. Эстеран). Остальные войска (Аландская, Карельская, Северофинляндская, Лапландская группы и армейский корпус генерала В. Хеглунда) прикрывали отдельные направления от Баренцева моря до Ладожского озера. Общее командование финскими войсками возлагалось на маршала К.Г. Маннергейма. На Карельском перешейке финны создали мощную по тому времени долговременную линию обороны, состоявшую из трех полос укреплений общей глубиной до 90 километров и насчитывавшей 296 долговременных железобетонных и 897 гранитных сооружений, часть из которых могла выдерживать попадание 152–203-мм снарядов⁶. Наиболее мощными узлами обороны по количеству и плотности фортификационных сооружений на «линии Маннергейма» были «Ритассарско-Малаккольский (47 дотов и 60 дотов), Сумма-Хотиненский (22 дота и 46 дзотов), Кархульский (11 дотов и 29 дзотов) и Кивиниемкий (13 дотов и 15 дзотов)»⁷.

Советское командование сосредоточило у границы с Финляндией 21 стрелковую дивизию, 1 танковый корпус, 3 отдельных танковых бригады (всего 425 тыс. человек, около 1,6 тыс. орудий, 1476 танков и около 1200 самолетов. Для поддержки наземных войск планировалось привлечь около 500 самолетов и более 200 кораблей Северного (флагман флота 2-го ранга В.П. Дрозд) и Балтийского (флагман флота 2-го ранга В.В. Трибуц) флотов.

40 % советских сил было развернуто на Карельском перешейке. Они сводились в 7-ю армию (комдив В.Ф. Яковлев, с 7 декабря командарм 2-го ранга К.А. Мерецков). На Кольском полуострове развернулась 14-я армия (комдив В.А. Фролов). На участке Кандалякша – Кемь – 9-я армия (комкор М.П. Духанов, с 22 декабря комкор В.И. Чуйков), севернее Ладожского озера – 8-я армия (комдив И.Н. Хабаров, с 4 декабря комкор В.Н. Курдюмов, с 10 января 1940 г. командарм 2-го ранга Штерн). Общее руководство сухопутными войсками и силами флотов возлагалось на Военный совет Ленинградского военного округа⁸.

План советского командования заключался в том, чтобы силами 7-й армии (главный удар) во взаимодействии с 8-й армией и Балтийским флотом разгромить финские войска на Карельском перешейке, а силами 9-й армии овладеть г. Оулу на побережье Ботнического залива, перерезав территорию Финляндии на две части и изолировав

ее от потенциального союзника Швеции. 14-я армия имела задачу овладеть полуостровами Рыбачий и Средний, а также районом Петсамо (Печенга), лишив Финляндию получения помощи морем.

Финское командование, учитывая экономическое и военное превосходство СССР, планировало, используя долговременные укрепления вдоль границы и в глубине территории своей страны, вести сдерживающие действия в ожидании военной помощи от западных стран или прекращения военных действий Советским Союзом под их политическим воздействием.

Научные исследования двух последних десятилетий убедительно доказывают, что советское военное планирование накануне Зимней войны осуществлялось в условиях отсутствия достоверной информации о состоянии вооруженных сил Финляндии, завышенной оценки боеспособности РККА, под влиянием итогов «освободительного похода» в Польшу и доминировании во взглядах руководства страны марксистско-ленинского учения о войне⁹. При этом особые условия театра военных действий, отсутствие боевого опыта проведения подобных операций у обновленного после массовых репрессий командного состава РККА в расчет не принимались. В результате основой непродуманного и явно нереалистичного плана войны стала идея не только быстрого разгрома финских войск, но и возможного начала в Финляндии революции.

Поводом к нападению послужил артиллерийский обстрел расположения советских войск у границы в районе Майнилы 26 ноября 1939 г.¹⁰, в чем советское правительство обвинило финскую сторону. Последняя опровергла выдвинутое обвинение.

28 ноября 1939 г. пограничный наряд заставы № 17-Озерко 35-го Мурманского пограничного отряда был внезапно обстрелян засадой финских пограничников, находившейся на нашей территории (письмо народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л.П. Берия от 28 ноября 1939 г. № 5278/5 народному комиссару обороны Союза ССР Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову)¹¹ (рис. 1).

30 ноября 1939 г. после мощной и продолжительной артиллерийской подготовки советские войска перешли границу с Финляндией на всем протяжении. Боевые действия подразделяются на два этапа.

На первом этапе (30 ноября 1939 г. – 10 февраля 1940 г.) войска Красной Армии достигли незначительных успехов. 14-я армия, не встречая сопротивления противника, во взаимодействии с Северным флотом 2 декабря заняла Петсамо, а затем полуострова Рыбачий и

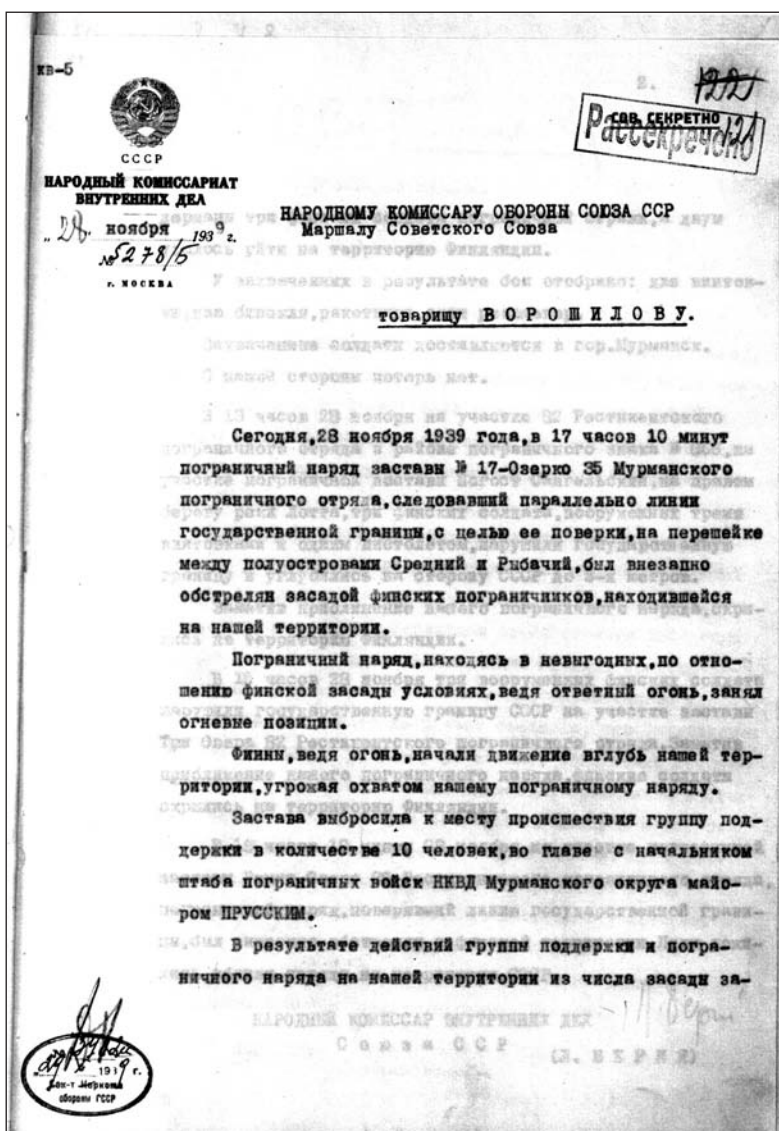

Рис. 1. Письмо народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л.П. Берия народному комиссару обороны Союза ССР Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову

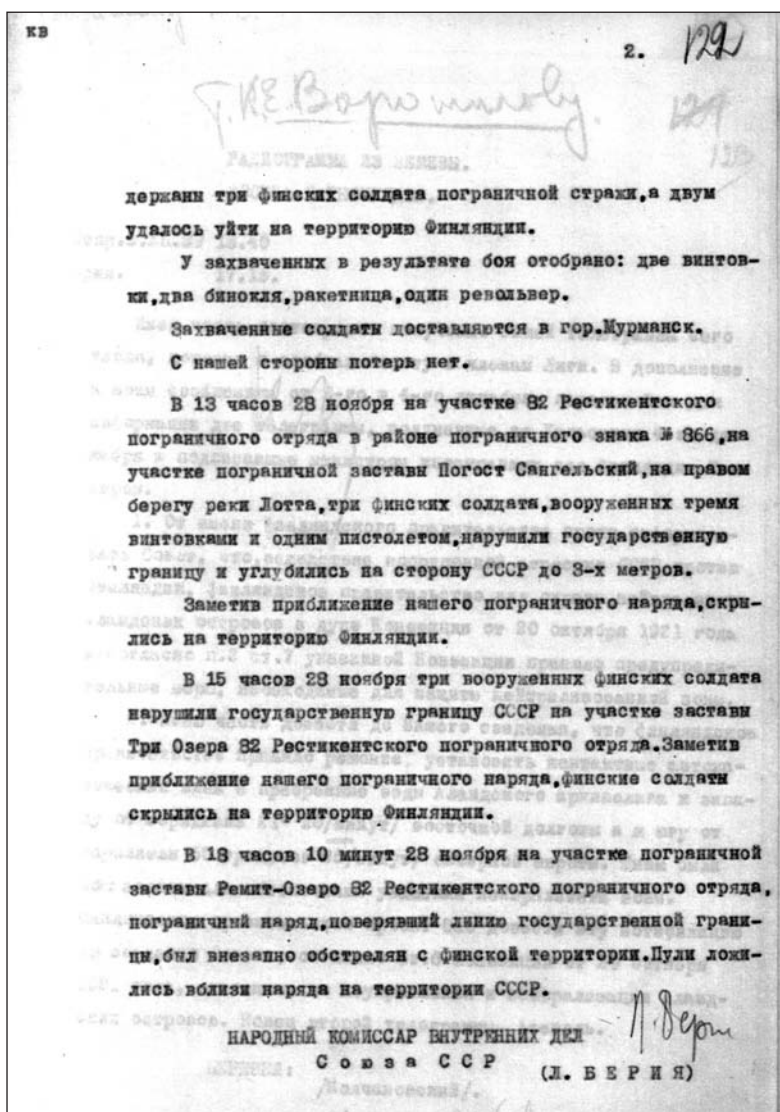

Рис. 1а. Письмо народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л.П. Берия народному комиссару обороны Союза ССР Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову (окончание)

Средний. 9-я армия вклинилась на финскую территорию на 35–45 км. На петрозаводском направлении 8-я армия за 9 дней продвинулась на 75–80 км, но затем вынуждена была отойти под ударами финских войск в среднем на 50 км. Дальнейшие действия советских войск на участке от Баренцева моря до Ладожского озера свелись в основном к неудачным попыткам возобновить наступление и деблокировать окруженные соединения. Так, к 19 декабря сложилось тяжелое положение в районе Суомуссалми с частями 163-й и 44-й стрелковых дивизий 9-й армии. Попав в окружение, они понесли тяжелые потери¹². Части 163-й стрелковой дивизии, воевавшие против 9-й финской пехотной дивизии, действовали исключительно по дорогам и пытались сбить противника только лобовыми атаками. Командир финской дивизии генерал И. Сииласвуо писал впоследствии: «Мне было непонятно и странно, почему русские не имели лыж и поэтому не могли оторваться от дорог и несли большие потери»¹³. В январе 1940 г. 18-я и 168-я стрелковые дивизии 8-й армии оказались в неприятельском кольце вместе с 34-й танковой бригадой¹⁴. Соединения 7-й армии после тяжелых кровопролитных боев к 12 декабря преодолели зону оперативных заграждений и вышли к переднему краю главной полосы «линии Маннергейма». Более двух недель продолжались безуспешные попытки прорвать ее. В конце декабря Ставка Главного Командования (созданная 9 декабря в составе И.В. Сталина, наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова, наркома ВМФ флагамена флота 2-го ранга Н.Г. Кузнецова и начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова) приказала прекратить наступление и приступить к подготовке прорыва.

Наступление советских войск вскрыло недочеты в их подготовке и управлении. Боевые действия осложнялись необычайно суровой зимой. Глубокий снег до двух метров толщиной исключал продвижение войск и особенно боевой техники вне дорог, а пригодные для движения пути были прикрыты финскими войсками, располагавшими долговременными инженерными сооружениями. Некоторые соединения не были подготовлены для ведения боевых действий зимой на лыжах в озерно-лесистой местности в условиях сильных морозов. Недоставало опыта прорыва долговременных рубежей и штурма железобетонных сооружений. Финская пехота имела на вооружении автоматы (пистолеты-пулеметы), которых не было в РККА.

25 декабря на основе войск правого фланга 7-й армии создана 13-я армия (комкор В.Д. Грендаль). 7 января 1940 г. обе армии объединены в Северо-Западный фронт (около 900 тыс. человек, 3,2 тыс. орудий, 1,3 тыс. самолетов и более 13 тыс. танков). Командующим фронтом был назначен командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко. В результате советские войска, развернутые против Финляндии, насчитывали более 1,3 млн человек, 1,5 тыс. танков, 3,5 тыс. орудий, 3 тыс. самолетов.

Советские войска почти месяц тщательно готовились к наступлению. 24 декабря по приказу наркома обороны началось формирование 18 батальонов общей численностью 11 502 человека. Создание таких подразделений лыжников продолжалось и далее. Всего было сформировано 79 лыжных батальонов и 29 эскадронов, отправленных на фронт¹⁵.

По заданию правительства ленинградские заводы и научно-исследовательские организации разработали и приступили к производству большого количества новых видов военной техники и снаряжения, необходимость которой возникла в ходе боев. Изготавливались индивидуальные бронешитки, предназначенные для защиты стрелков и пулеметчиков, и специальные лыжи к ним; бронесани для перевозки стрелков, саперов и взрывчатки за танками, которые применялись не только в Зимней войне, но и в Московской битве (30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г.). Началось производство миноискателей, танковых тралов, танков КВ со 152-мм орудием, пистолетов-пулеметов и 50-мм минометов. Прошли войсковые испытания образцы инфракрасных приборов для ночного вождения танков, радиопеленгаторов, радиолокационных станций обнаружения самолетов (на дальности до 150 км). Было изготовлено два опытных образца 160-мм минометов. Всего ленинградская промышленность получила заказ на 75 наименований новых видов военной техники и оружия. Большинство из них были испытаны на фронте и дали положительные результаты.

Наиболее острой была проблема борьбы с морозами. Экипировка войск, в первую очередь стрелковых, не соответствовала условиям зимы, да еще такой суровой, как текущая. Мало было валенок, не хватало полушубков, рукавиц. Старый шлем, который носили раньше красноармейцы, оказался непригодным для носки в холодное время, и его требовалось заменить на шапку-ушанку¹⁶.

С 1 января 1940 г. для повышения калорийности питания красноармейцам увеличили норму потребления сахара и жиров, в ежеднев-

ный рацион ввели также водку (100 г). На ленинградских предприятиях было налажено производство сборных домиков, индивидуальных бензиновых и угольных горелок. Для подогрева пищи изготавливались горелки с сухим спиртом, а для доставки пищи в подразделения – переносные термосы; на маршрутах движения частей создавались обогревательные пункты. На фронт было отправлено 65 132 утепленные палатки, 2 663 передвижных домика, 100 передвижных бань, 6517 печей времянок 1 383 696 горелок с сухим спиртом¹⁷.

Особое внимание в подготовительный период Военный Совет Северо-Западного фронта уделил боевой подготовке частей и подразделений, а также действиям авиации. Основу для этого заложили принятое 14 января 1940 г. Постановление № 08 «О боевой подготовке Северо-Западного фронта»¹⁸, а также телеграмма Военного Совета Северо-Западного фронта от 24 января 1940 г. Военным Советам 7-й и 13-й армий о действиях авиации по подавлению узлов сопротивления укрепленных районов¹⁹ (рис. 2). Авиация в подготовительный период произвела 4087 самолето-вылетов бомбардировщиков и 3445 истребителей²⁰.

Финская сторона к началу февраля 1940 г. располагала 600 тыс. человек, 600 орудиями и 350 самолетами. Значительную часть вооружения и боеприпасов Финляндия получила из Великобритании, Швеции и других стран. Только одна Англия направила в Финляндию 214 орудий, 101 самолет, 185 тыс. снарядов, 17 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин²¹. Французское правительство не только поставило Финляндии 179 самолетов, 472 тяжелые пушки, 500 пулеметов, 795 тыс. снарядов, 200 тыс. гранат и несколько тысяч комплектов амуниции²², но и первым из европейских правительств приступило к массовому набору «добровольцев» для войны с СССР. Кроме Англии, Франции и США, помощь Финляндии оказывали также Швеция, Норвегия, Италия и Германия. В финскую армию прибыло до 12 тыс. добровольцев.

На основании боевого приказа Северо-Западного фронта № 0015 от 9 февраля 1940 г.²³ начался второй этап (11 февраля–13 марта) боевых действий (рис. 3). В течение трех дней соединения 7-й армии прорвали главную полосу обороны на «линии Маннергейма» и 21 февраля вышли к ее второй полосе, а 13-я армия – к главной полосе севернее Муолы. Одновременно левофланговые части 7-й армии во взаимодействии с Балтийским флотом овладели островами Ревонсари, Тиуринсари и Койвисто. Командование Северо-Западного

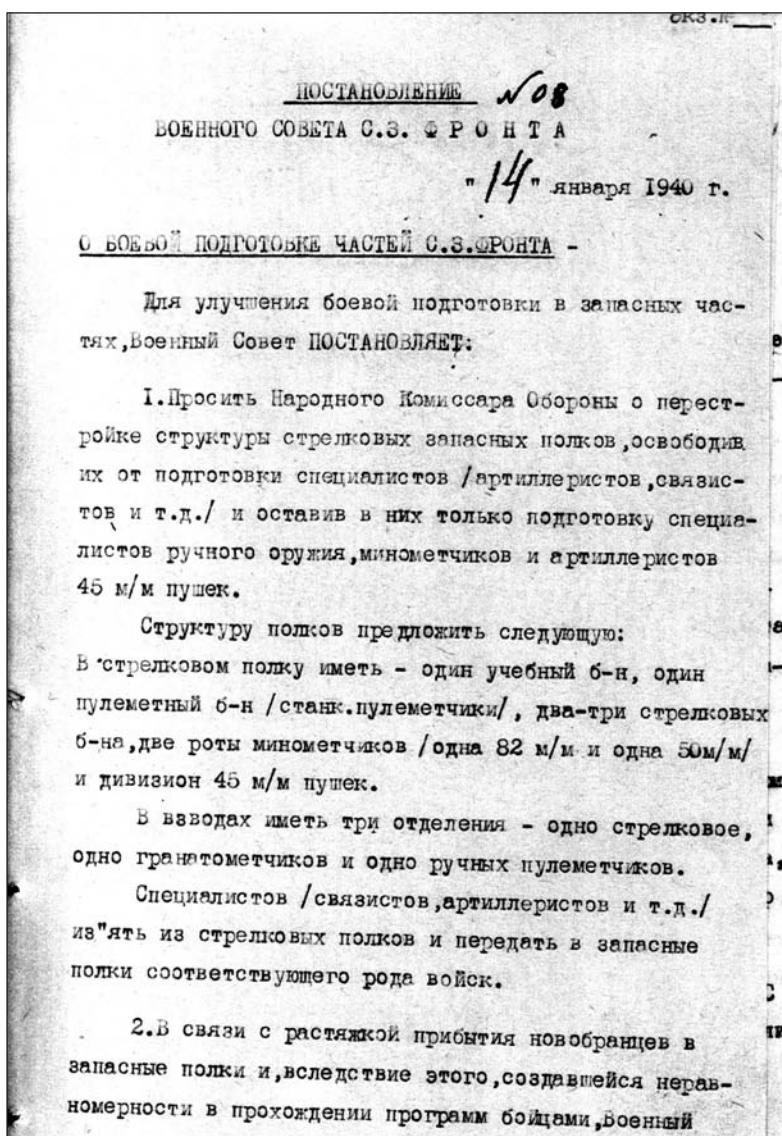

Рис. 2. Постановление Военного Совета Северо-Западного фронта № 08 от 14 января 1940 г. «О боевой подготовке Северо-Западного фронта»

Совет устанавливает программу для боя в составе отделения к 1-му марта, в составе взвода-роты к 1-му мая.

В соответствии с этим ОБП пересмотреть и составить новые программы, учтя в них опыт боевых действий наших частей в борьбе с белофинами.

3. Подготовку к/с резерва от комвзвода и до к-роты проводить на КУКСЭ"ах по специальности /артиллеристы, связисты, пехота и т. д./. Подготовку от к-ров б-нов и выше в группах. Тематику тактической подготовки давать ежемесячно с учетом опыта боев.

4. Для маршевых частей составить десятидневную программу.

5. Сроки обучения лыжных батальонов из добровольцев Военный Совет устанавливает в 15 дней.

6. Для частей 7 и 13 армий дать программу в тематике по боевой подготовке начсостава, бойцов и подразделений на основе опыта прошедших боевых действий.

7. ОБП составление программ закончить в 3-х дневный срок и представить на утверждение Военного Совета фронта.

8. ОКНС и 4 Отделу пересмотреть начальствующий состав лыжных батальонов, заменив весь непригодный к службе в этих частях к 20-му января.

9. Зам. Командующего войсками ЛВО-Командарму 2-го ранга тов. ЯКОВЛЕВУ своим распоряжением установить план инспектирования и помощи запасным частям, обеспечивающий непрерывный контроль и руководство их боевой подготовкой.

Рис. 2а. Постановление Военного Совета Северо-Западного фронта № 08 от 14 января 1940 г. «О боевой подготовке Северо-Западного фронта» (продолжение)

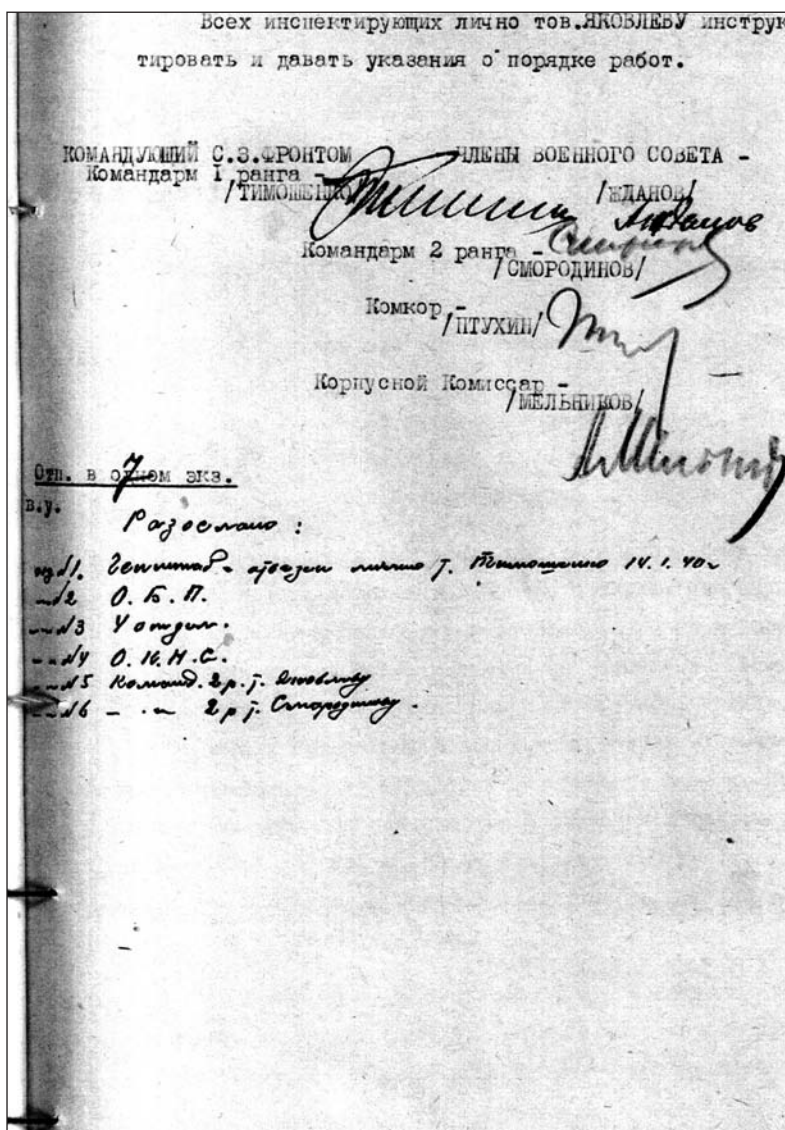

Рис. 26. Постановление Военного Совета Северо-Западного фронта № 08 от 14 января 1940 г. «О боевой подготовке Северо-Западного фронта» (окончание)

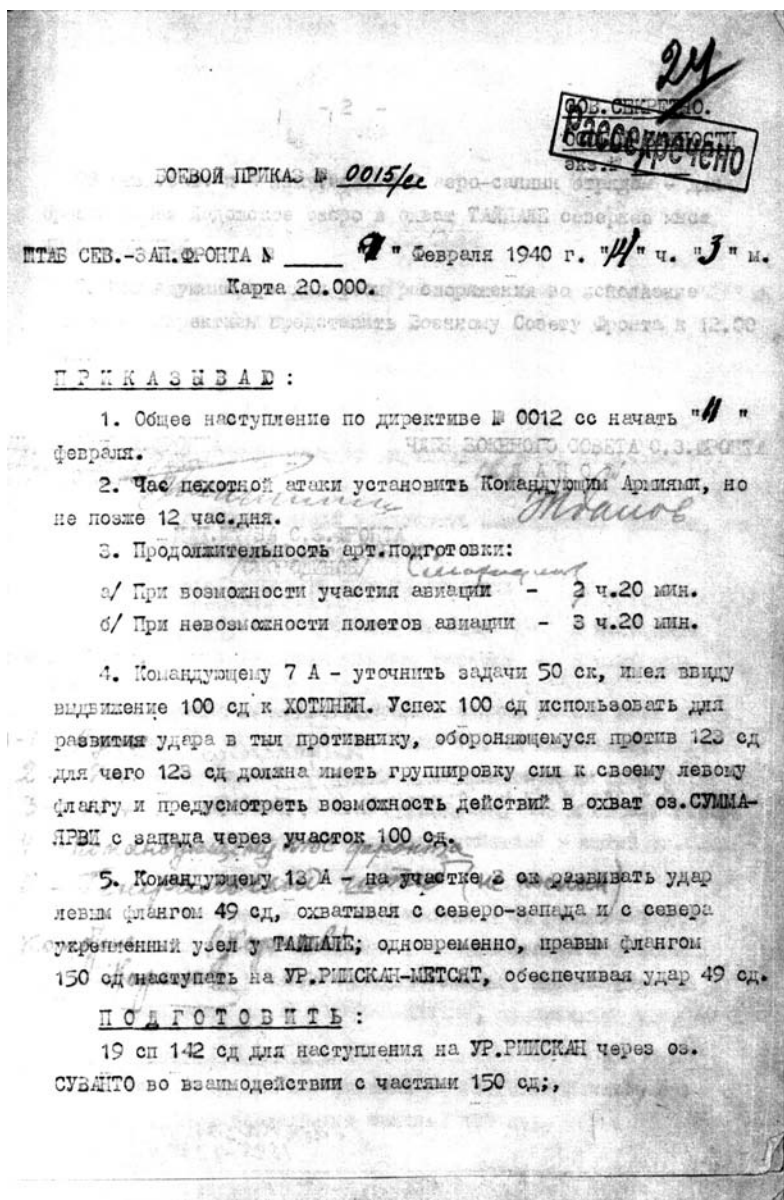

Рис. 3. Боевой приказ командующего Северо-Западным фронтом № 0015 от 9 февраля 1940 г. о переходе в наступление частям 7-й и 13-й армий

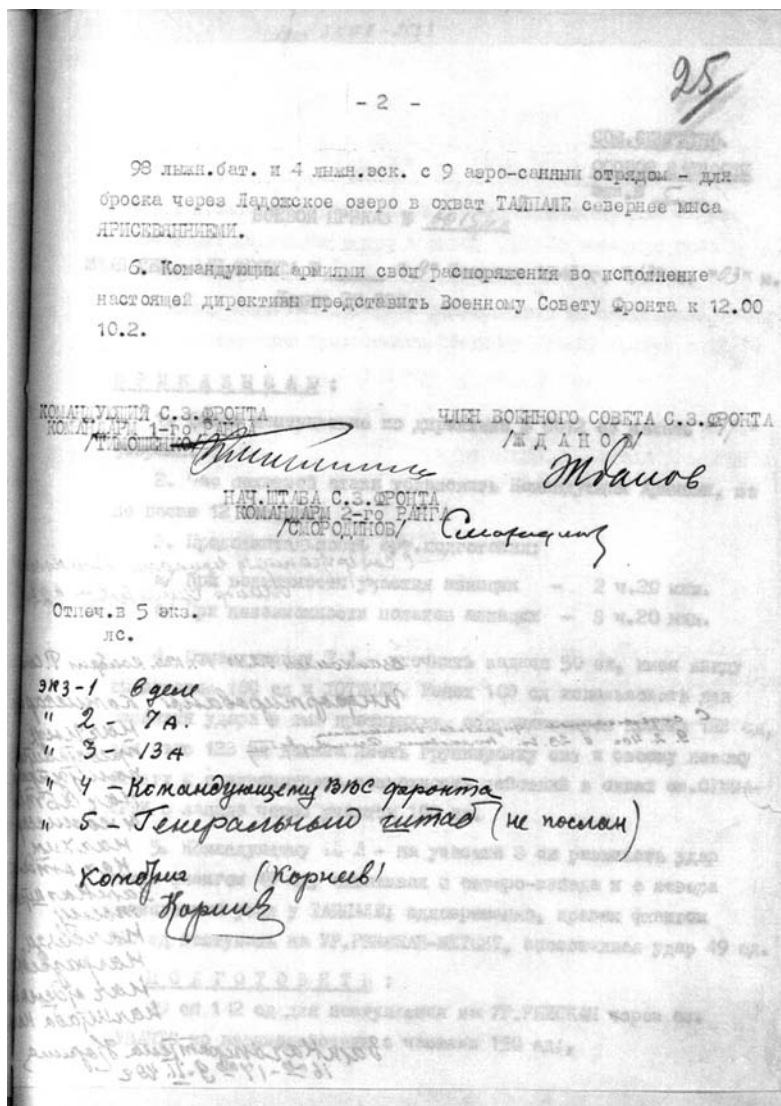

Рис. 3а. Боевой приказ командующего Северо-Западным фронтом № 0015 от 9 февраля 1940 г. о переходе в наступление частям 7-й и 13-й армий (окончание)

фронта перегруппировало войска, пополнило их личным составом и материальными средствами, подтянуло резервы. 28 февраля 7-я и 13-я армии возобновили наступление. Противник начал отход. Стремясь остановить наступление советских войск на Выборг, он открыл шлюзы Саймен-канала, затопив местность к северу-востоку от города. Но это не помогло. Советские воины по пояс в холодной воде шли на штурм укрепленных позиций противника. 13 марта Выборг был взят.

Значительно медленнее продвигалась 13-я армия, которая не выдерживала намеченных темпов наступления и тем самым затягивала выполнение общей задачи фронта. В связи с этим 2 марта Ставка сменила руководство 13-й армии, назначив ее командующим комкомра Ф.А. Парусинова.

В 8-й и 9-й армиях проводились мероприятия по организации наступления и деблокированию окруженных соединений. Части 168-й стрелковой дивизии 8-й армии продолжали держать оборону. Вместо перерезанных коммуникаций по льду Ладожского озера была проложена дорога. Именно она и позволила выстоять дивизии почти два месяца в осаде. Части 18-й стрелковой дивизии, оставив материальную часть и тяжелое вооружение, а также тяжело раненных красноармейцев, 4 марта вышли из окружения. Расследование «Операция по выводу заблокированных гарнизонов 18-й стрелковой дивизии», проведенное командованием 8-го стрелкового корпуса, ответственность за провал операции возложило на командование дивизии²⁴ (рис. 4).

Согласно документам соединения 8-го стрелкового корпуса понесли следующие потери: 168-я стрелковая дивизия – 6472 убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 18-я стрелковая дивизия без учета потерь 97-го стрелкового полка, часть которого оказалась вне кольца, – 9754 человека, сам вышеупомянутый полк – 3097 человек. Финнами было захвачено Почетное Революционное Знамя 18-й стрелковой дивизии. 4 марта был взят под стражу раненый командир дивизии комбриг Г.Ф. Кондрашев, которого впоследствии расстреляли²⁵. Наконец, 34 танковая бригада – еще более 1800 человек, 143 танка и 14 броневедомостей²⁶.

Командование 54-горно-стрелковой дивизии 9-й армии сумело создать в гарнизонах запасы продовольствия, которых вместе с теми, что сбрасывались авиацией, хватило на все время 46-дневной блокады.

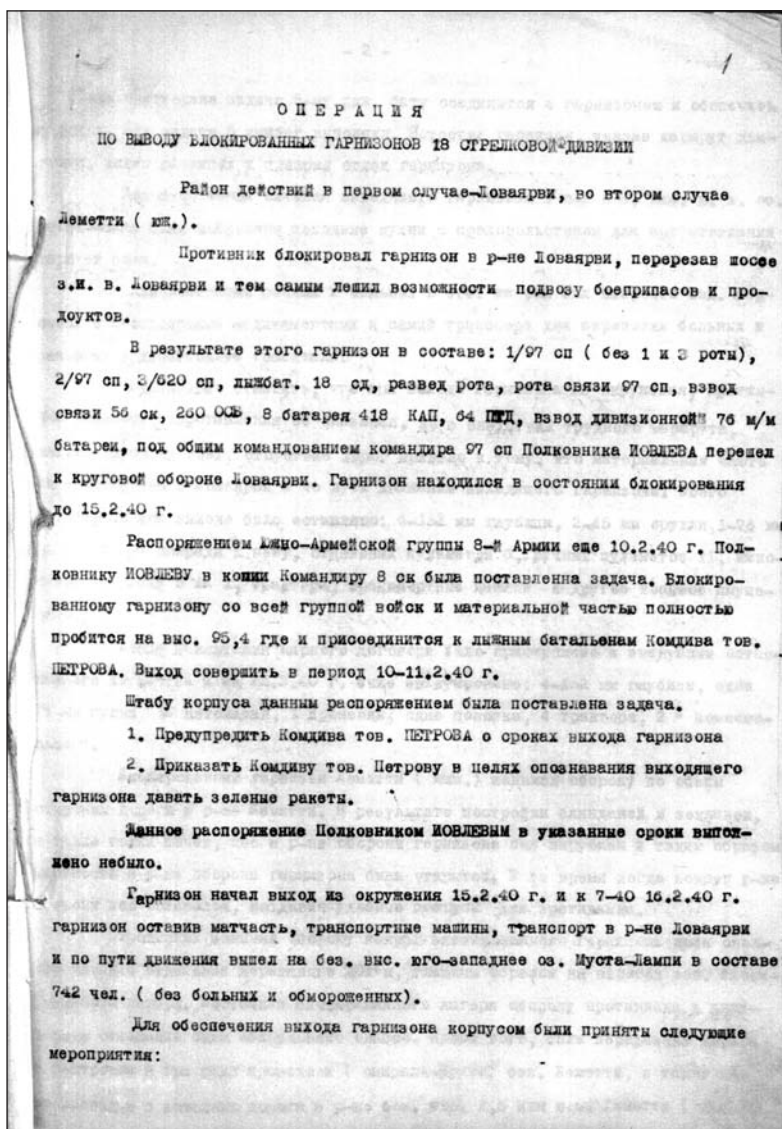

Рис. 4. Материалы расследования операции по выводу блокированных гарнизонов 18-й стрелковой дивизии, проведенного командованием 8-го стрелкового корпуса 8-й армии

- 4 -

отряд смог выступить только в 24-00 28.2.40 года. Личный отряд капитана Юшлова в 24.00 28.2.40 г. с исходного пункта без. выс. в.з. оз. Муста-Лаппи выступил для выполнения поставленной задачи, встретил боковое охранение 1-й колонны ю. дороги, указал им путь движения сам продолжал дальнейшее движение на север и к 13-00 29.2.40 г. достиг бол. 1,5 км в.в. Леметти (жн).

20 сп в 0-15 минут 29.2.40 г. выступил двумя батальонами для выполнения поставленной задачи, и к 14-00 29.2.40 г. достиг без. выс. 2,5 км в.з. Ловаярви и занял оборону полным составом полка.

Гарнизон Леметти (жн) не выполнив указания задержаться с выступлением до 29.2.40 г. между 21-30 и 23-00 28.2.40 г. начал отход двумя колоннами в которые вошли все способные двигаться. В районе Леметти были оставлены тяжело раненные. Правая колонна под командованием Начальника штаба 18 сд Майора Алексева легко прорвал окружения противника и пройдя около двух км в доль дороги на Ловаярви повернула на юг и двигалась по западному берегу бол. Муста-Суо без лыж по глубокому снегу и к 19-30 вышла к высоте 95,4 1237 чел. Из них больных и раненных 580 чел. Противник все время оказывал огневое воздействие на хвост колонны. Для прикрытия движения колонны и уничтожения преследующего противника был выдвинут 3/20 сп который по выполнении первой задачи занял оборону по с.з. бол. Мусто-Суо.

2-я колонна вышла под командованием Командира дивизии Комбрига Кондрашева, двигаясь севернее первой колонны повернула на с.в. Принятые меры по розыску колонны Кондрашева в течении 29.2.40 г. и последующих дней как пешей так и авио разведкой результатов не дали. Сам Кондрашев с адъютантом вышел к 14-30 2.3.40г. в р-н 20 сп. В целях розыска колонны 3.3.40г. было сформировано 3 лж. эскадрона в отряд под командованием Майора Кислякова, которому была поставлена задача ворваться в Леметти (жн), установить, что там делается и если есть раненные вывести. Отряд в течении 3.3.40 г. этой задачи не выполнил и к Утру 4.3. вернулся в расположение 20 сп и остановился на отдых.

На этой операция по выводу гарнизона закончилась.

После заключения мирного договора было установлено, что вторая колонна блокированного гарнизона повернув на с.в. в боях с белофинами была полностью уничтожена.

Рис. 4а. Материалы расследования операции по выводу блокированных гарнизонов 18-й стрелковой дивизии, проведенного командованием 8-го стрелкового корпуса 8-й армии (продолжение)

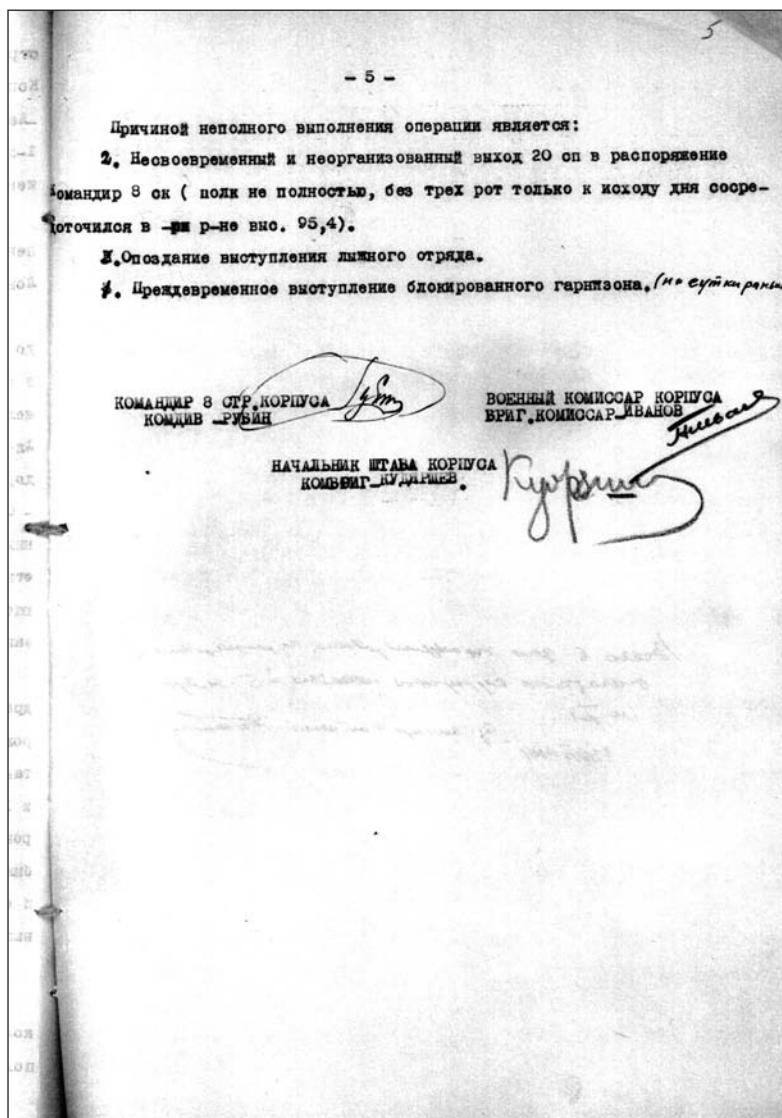

Рис. 46. Материалы расследования операции по выводу блокированных гарнизонов 18-й стрелковой дивизии, проведенного командованием 8-го стрелкового корпуса 8-й армии (окончание)

Значительную роль в операциях войны сыграл Краснознаменный Балтийский флот. Корабельная и береговая артиллерия флота поддерживала наступление советских войск, морская авиация вела борьбу на коммуникациях противника и против его береговых баз, портов, батарей и аэродромов. Впервые в истории советской и зарубежной морской авиации Балтийский флот осуществил постановку мин на ряде фарватеров противника с воздуха. Авиацией и подводными лодками было потоплено 20 вражеских транспортов. Советские подводные лодки неоднократно форсировали пролив Южный Кваркен, где противник при содействии шведского флота установил минные заграждения и дозоры кораблей и авиации. Балтийский флот подготовил также и успешно провел несколько важных десантных операций.

Понимая неизбежность разгрома, правительство Финляндии вопреки противодействию Великобритании, США и Франции начало 7 марта мирные переговоры. Руководство СССР вынуждено было пойти на уступки финской стороне и ликвидировать за ненадобностью Народное правительство ФДР. Вслед за этим началось расформирование ФНА. 12 марта в Москве был подписан мирный договор, в соответствии с которым боевые действия прекращались с 12 часов 13 марта. Граница на Карельском перешейке была отодвинута на север на линию Сортавала, Выборг, на кандалакшском направлении – на запад. К Советскому Союзу отошла часть территории полуостровов Рыбачий и Средний, а также острова Выборгского залива. Полуостров Ханко поступал в аренду СССР на 30 лет за ежегодную плату 8 миллионов финских марок.

Достаточно подробно о людских потерях Красной Армии в войне рассказывают авторы труда «Гриф секретности снят», изданного Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации. В боях погибли, умерли от ран и пропали без вести 126 875 бойцов и командиров, рабочих и служащих²⁷. По официальным финским данным, потери вооруженных сил Финляндии составили 66 400 человек²⁸.

Двенадцать стрелковых дивизий 7-й армии (7-я, 17-я, 24-я, 40-я, 43-я, 49-я, 70-я, 86-я, 100-я, 123-я, 136-я, 138-я) и пять ее танковых бригад (13-я, 20-я, 35-я, 39-я и 40-я) за успешные боевые действия были награждены орденами Ленина и Красного Знамени²⁹.

Всего в годы войны было осуществлено свыше 50 тыс. награждений. Большое число воинов Красной Армии, ВМФ и пограничных

войск НКВД – 420 человек – удостоены высокого звания Героя Советского Союза. 645 бойцов и командиров были награждены высшим орденом СССР – орденом Ленина, 20 тыс. человек – орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Наиболее массовыми наградами в ходе боевых действий были медали «За отвагу», «За боевые заслуги». За мужество, стойкость и героизм 79 частей и соединений были награждены орденами.

В совместном труде историков России и Финляндии, изданном в обеих странах, отмечается, что «Советский Союз достиг своих стратегических целей в войне с Финляндией» и это неоспоримый факт³⁰.

Однако полной гарантии того, что территория Финляндии не будет использована для агрессии против СССР, не было, так как поставленная политическая цель – создание в Финляндии просоветского режима – не была достигнута, а враждебное отношение к СССР усилилось. Советский Союз был исключен из Лиги наций. На западе развернулась антисоветская пропагандистская кампания. Отношения СССР с Великобританией и Францией, оказавшими поддержку Финляндии, резко ухудшились. СССР остался один на один с Германией. Советско-финляндская война укрепила сомнения относительно боеспособности Красной Армии, зародившиеся в западных правящих кругах в результате репрессий против ее командного состава.

Для Сталина ход Советско-финляндской войны явился холодным душем. Он увидел полную несостоятельность военного руководства страны и слабость Красной Армии. 7 мая 1940 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов был снят с поста наркома обороны и назначен заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при СНК, а наркомом обороны назначен С.К. Тимошенко. Вину за провалы операций в основном возложили на командующих армиями, командиров соединений и частей. За время Советско-финляндской войны от руководства войсками были отстранены 51 человек: командующих армиями – 3, командиров корпусов – 8, командиров дивизий – 9, командиров полков – 31³¹.

На мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1940 г. К.Е. Ворошилов доложил об итогах войны с Финляндией. Пленум рекомендовал наркому обороны провести расширенное заседание Главного Военного Совета, которое состоялось в Кремле с 14–17 апреля 1940 г. Выступая на нем, И.В. Сталин говорил о необходимости изучения командным со-

ставом современной войны. Он отмечал, что культ традиций и опыта гражданской войны помешал нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, перейти на рельсы современной войны³².

Главный Военный Совет (14–17 апреля 1940 г.) принял рекомендации о снятии с вооружения устаревших образцов военной техники и поручил управлениям Наркомата обороны принять меры к разработке новых видов оружия и боевой техники. В частности, указывалось на необходимость усовершенствовать авиационную и бронетанковую технику, а также средства связи.

Главный Военный Совет принял постановление «О мероприятиях по боевой подготовке, организации и устройству войск Красной Армии на основе опыта войны в Финляндии и боевого опыта прошедших лет»³³. Оно вносило серьезные изменения в характер и методы подготовки, управления и организации войск. В частности, устанавливались единые штаты стрелковых, танковых, артиллерийских и специальных частей и соединений для мирного и военного времени. Были приняты к разработке новые виды оружия и боевой техники.

Решения Главного Военного Совета создали надлежащую основу для проведения работы в войсках с учетом уроков Советско-финляндской войны. Но эта работа во многом была не завершена к началу Великой Отечественной войны.

---

¹ Зимняя война: Документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 гг. // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 51–69; № 12. С. 216–231; Зимняя война 1939–1940: В 2 кн. М.: Наука, 1999. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б); Зимняя война 1939–1940 гг.: исследования, документы, комментарии. М., 2009; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004; Уроки войны с Финляндией: неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. / предисл. генерал-полковника Ю. А. Горькова // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 100–122 [и др.]

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 томах. Т. 1. М.: Воениздат, 2011. С. 17.

³ Колод니кова Л.П. XVII Российско-финляндский симпозиум историков в Хельсинки // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 215–216; Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.: материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М.: Ин-т российской истории РАН. 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2008 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2009; Скандинавские чтения 1998 года: этнографические и культурно-исторические аспекты.

СПб.: Наука, 1999 [и др.].

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. М.: Воениздат, 2011. С. 17.

⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 62. Л. 402–403.

⁶ Там же. Л. 408.

⁷ Там же. Коллекция. Оп. 1. Д. 414. Л. 11.

⁸ Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 7. М.: Воениздат, 2003. С. 558.

⁹ Барышников В.Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: материалы ежегодной научной конференции (25–26 апреля 2001 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2002. С. 93–101; Петров П.В. Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005.

¹⁰ РГВА. Ф. 34980. Оп. 12. Д. 150. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 121.

¹² Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 398. Л. 11.

¹³ Там же. Ф. 34980. Оп. 14. Д. 194. Л. 17.

¹⁴ Там же. Ф. 34980. Оп. 11. Д. 210. Л. 13.

¹⁵ Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1384. Л. 84; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 722. Л. 423.

¹⁶ П. Аптекарь. Советско-финские войны. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 171.

¹⁷ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 700. Л. 57, 59; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 440; Д. 695. Л. 138.

¹⁸ Там же. Л. 29–31.

¹⁹ Там же. Л. 47–49.

²⁰ Там же. Л. 3–4.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же. Л. 24–25.

²⁴ Там же. Л. 125.

²⁵ Там же. Л. 67.

²⁶ Там же. Л. 149.

²⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993. С. 93–123.

²⁸ Зимняя война. 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999. С. 326.

²⁹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 20. Л. 27–28.

³⁰ Зимняя война 1939–1940. Книга 1. Политическая история. М. 1999. С. 375.

³¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1378. Л. 155.

³² См.: Стенограмма заседаний Главного Военного Совета 14–17 апреля 1940 г. Л. 618, 622.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 75593. Д. 8. Л. 81–89.

С.В. Самгин (Тамбов)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭДУАРДА ЭДУАРДОВИЧА ЛЕНЦА: КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Сегодня отношение к оружейведению в российской исторической науке далеко не однозначно – от устойчивого причисления к вспомогательным (специальным) историческим дисциплинам «в последние годы»¹ до отнесения к вспомогательным дисциплинам, которым еще только предстоит определение объекта исследования, формулировка задач и методов по его изучению². Как представляется, основной причиной того, что это направление, выделившись в российском источниковедении в конце XIX в., к началу XXI в. так и не приобрело самостоятельного звучания в системе исторической науки, стало отношение к изучению оружия и его исследователям, сложившееся в советский период: любой интерес к историческому оружию вызывал подозрения, деятельность специалистов прерывалась³, их работы либо печатались минимальными тиражами, либо не печатались совсем, иностранные труды практически не переводились⁴. Были практически забыты и имена тех ученых, чьими усилиями российское оружейведение уже к началу XX в. перешло из разряда популярных занятий в разряд научных исследований.

Одним из исследователей, чьи труды в области исторического оружейведения сегодня почти не известны не только в России, но и за рубежом, стал и Эдуард Эдуардович фон Ленц, которого, и это не будет преувеличением, можно назвать крупнейшим российским историком оружия конца XIX – начала XX вв.

Диапазон его интересов в области изучения исторического оружия был достаточно широк, простираясь от систематизации и описания имеющихся российских оружейных собраний до анализа археологизированного оружия, изучения технологий, центров оружейного

производства и популяризации исторического оружиеведения в целом.

Наиболее плодотворным для научной деятельности Э.Э. Ленца стал период с 1899 по 1919 гг., когда он занимал должность заведующего коллекцией оружия Эрмитажа, на тот момент одного из крупнейших и богатейших собраний Европы.

Однако к нему Э.Э. Ленц подошел уже не только вполне сложившимся историком-исследователем, но и прекрасным специалистом-оружиеведом. Это доказала его первая работа «Опись собрания оружия Графа С.Д. Шереметева», опубликованная в 1895 г.⁵

Уже во введении автор предельно четко и вполне актуально и для нашего времени формулирует роль оружия как исторического источника, которая заключается в предоставлении материала «для изучения истории известного времени, обрисовывая хотя в мелких иногда чертах подробности внешнего быта, взглядов, вкуса и привычек людей давно прошедших времен». При этом исследовательскую ценность представляет не только само собрание, но и информация о способах и приемах его составления⁶.

Этот каталог до сих пор может служить образцом исследования оружейных собраний. Все предметы сгруппированы по основным группам (оборонительное и наступательное), типам (белое, дерево-вое, метательное), которые в свою очередь разделены на довольно многочисленные виды. Каждому типу предшествует вступительная статья с историей его развития. Использован четкий порядок описания предметов, приводятся надписи и их переводы. При необходимости описание отдельных предметов также снабжается расширенными комментариями. Эффективность описания существенно повышается приложением таблиц с «фототипическими снимками» наиболее характерных предметов. Детальность описания вкупе с фотографиями в полной мере соответствует сформулированному Э.Э. Ленцем принципу, согласно которому описание предметов должно быть настолько подробным, чтобы их изучение «стало доступным и тем из читателей, которые почему-либо не будут иметь возможности ознакомиться с интересующими их предметами в подлиннике»⁷.

Вообще следует отметить, что оружиевед весьма строго следовал этому принципу и требованию времени – практически все его работы снабжены как минимум необходимым количеством иллюстраций, а в 1908 г. им был подготовлен и издан специальный альбом, посвя-

ценный «выдающимся» предметам из собрания оружия Эрмитажа – наглядное дополнение к его же «Указателю»⁸.

Став заведующим собранием оружия Эрмитажа, Э.Э. Ленц получил гигантское и почти не возделанное поле деятельности, осваивать которое он принялся с огромным энтузиазмом. Основным результатом работы по изучению и систематизации этого собрания стал фундаментальный труд «Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть I: Собрание оружия», изданный в 1908 г. и охвативший несколько сотен предметов.⁹ Он стал одним из первых, говоря современным языком, междисциплинарных исследований в российском историческом оружьеведении – к работе над ним привлекались специалисты по истории Востока, геральдике, генеалогии и некоторым другим дисциплинам. Активно пользовался историк и исследованиями зарубежных коллег, в первую очередь – работами В. Бехайма.

Указатель представляет собой уже вполне научное произведение, содержащее не только значительный объем аналитики, базирующейся в том числе и на привлечении как отечественных, так и зарубежных исследований, но и краткую историографию оружейного собрания Эрмитажа. Он снабжен достаточно развернутыми комментариями как в целом по истории оружия, так и по развитию отдельных предметов, и опирается на серьезную информационную базу, включающую не только современные публикации, но и литературу, изданную ранее. Опыт предыдущего описания был учтен и здесь: несмотря на путеводительный и, соответственно, в значительной степени популярный характер книги, отразившийся на ее структуре, она снабжена развернутыми вводными статьями по направлениям, связанным с развитием оружия и технологий его производства и отделки вообще, его видов в частности и комментариями к описанию отдельных предметов, предназначенными «для любителей оружия, желающих ближе ознакомиться с предметом»¹⁰, сохраняет их четкую классификацию и снабжена иллюстрациями наиболее характерных предметов. В исследование вошел и сборник клейм оружейных мастеров на описанном оружии с постраничным указателем размещения их в тексте.

Составление и публикация описаний оружейных собраний в Европе того времени являлось практически обязательной процедурой, поскольку считалось, что «всякое собрание памятников древности приобретает действительное значение только под условием объясни-

тельного каталога», от которого требуется не только указание на место и время происхождения предмета, но и «исторический очерк приложения искусства к различным приложениям науки и ремесел»¹¹. И в этом смысле описания, составленные Э.Э. Ленцем, выполняют эту задачу блестяще.

Несмотря на весьма серьезную занятость в Эрмитаже Э.Э. Ленц достаточно активно публикуется в целом ряде российских периодических изданий того времени. Его статьи, относительно небольшие по объему, касаются широкого спектра проблем только еще формирующегося оружейоведения. Молодостью новой дисциплины объясняется и характер статей – в них обозначаются ее границы, формируется структура и категориальный аппарат, формулируются проблемы, разрабатываются специфические методы исследования.

Наиболее характерной в этом плане является статья, опубликованная в 1902 г. в «Альманахе армии и флота»¹². Основная цель этого исследования, которое представляет собой весьма краткий очерк исторического развития «холодного, или, вернее, белого оружия» – популяризация исторического оружейоведения. Однако, несмотря на ограниченность объема, Э.Э. Ленцу удалось не только представить собственно генезис длинноклинкового европейского оружия, но и отметить основные факторы, влиявшие на его развитие, его основные (и не всегда удачные) конструктивные отличия от оружия восточного, коснуться способов украшения клинков, клейм и способов их нанесения в разных странах и даже указать «капитальные сочинения, послужившие источниками при составлении настоящего очерка»¹³.

Анализы археологизированного оружия, которые проводил Э.Э. Ленц, печатались с 1902 по 1911 гг. в «Известиях» Императорской археологической комиссии¹⁴, имевшей с 1899 г. исключительное право на производство и разрешение раскопок на территории Российской империи. Предметы, найденные при раскопках в разных губерниях России, доставлялись ему для изучения и подготовки отчета о результатах. Как и при создании «Описи» собрания Шереметьева, оружейовед самым подробным образом описывает находки, дополняя письменную информацию фотографиями, иллюстрирующими наиболее важные из описываемых предметов или их детали. Достаточно сказать, что для статьи «Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области», использованы 22 иллюстрации на 11 страницах.

В этом же издании имела место и, вероятно, одна из первых оружейведческих дискуссий в российской периодической печати – ответ Э.Э. Ленца и Н.И. Веселовского на статью Е.Е. Тевяшова, в которой последний оспаривал высказанное первым предположение о предназначении боковых отверстий на бронзовых наконечниках скифских стрел.

В ежемесячнике «Старые годы» в 1907 и 1914 гг. выходят статьи Э.Э. Ленца по истории Тульского оружейного завода¹⁵ и об оружии, приписываемом историческим личностям¹⁶. В заметках о ТОЗе историк пытается обосновать художественное значение его изделий «путем описания сохранившихся лучших образцов, подробного разбора преимуществ и недостатков в технических приемах, собирания особо характерных для завода орнаментальных мотивов и, наконец, выяснения вопроса о деятельности и особенностях наиболее выдающихся мастеров»¹⁷. В статьях же об оружии, приписываемом историческим личностям, оружейвед на основе анализа доступных источников определяет подлинность нескольких предметов оружия из собрания Эрмитажа. Особенный интерес вызывает исследование, в рамках которого Э.Э. Ленц обосновывает подложность коронационного меча Якова Собеского, оговаривая, однако, сохраняющийся за ним «высокий исторический интерес»¹⁸.

В 1911 г. в «Записках разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества» выходит его статья о клеймах на оружии¹⁹ — небольшое исследование, написанное в ожидании скорого появления «сборника, в котором будут изображены по оригиналам, определены и разобраны клейма, знаки, монограммы и девизы выдающихся оружейников, а также составлены почерпнутые из архивных источников данные об обстоятельствах их жизни, размере и характерных особенностях производства, сведения о сохранившихся образцах их работы и т.д.»²⁰. В этой статье Э.Э. Ленц в сжатой форме описывает процесс формирования традиции клеймения западноевропейского оружия, начиная с мечей X в. с клеймом «Ulfberht» и заканчивая XVII в., когда на оружие стали ставить целый комплекс клейм. Всего же в статье описывается более ста разнообразных клейм преимущественно средневековой Европы. Следует отметить, что к проблеме клеймения оружия историк обращался еще не раз. Помимо этой статьи сборник оружейных клейм вошел в его Указатель, а в журнале «Zeitschrift für Historische Waffenkunde» были опубликованы несколько его статей, касающихся

ся этой проблемы. Описывая западноевропейские клейма, Э.Э. Ленц не только справедливо отмечает трудности, с которыми сталкивается оружейвед при атрибуции клейм восточных мастеров, но и с сожалением замечает, что практически нет информации о клеймах русских оружейных мастеров. Следует отметить, что и сегодня решение этой проблемы продвинулось незначительно – русские средневековые оружейные клейма изучены явно недостаточно.

Весьма активное сотрудничество российского оружейведа с журналом «*Zeitschrift für Historische Waffenkunde*», созданным и редактируемым В. Бехаймом, следует отметить отдельно. С 1897 по 1918 г. Э.Э. Ленц опубликовал в этом первом специализированном оружейведческом издании 12 статей, как обзорного характера, так и посвященных отдельным проблемам изучения оружия: специфике технологии и конструкции, клеймам, отдельным видам оружия и т. п.²¹

Среди них следует выделить статью Э.Э. Ленца «*Russland und der Orient in der Geschichte des Waffenwesens*», в которой автор пытается согласовать названия оружия в восточных, западных и русском языках, выделить соответствующие той или иной культуре особенности конструкции, проследить пути возможных заимствований²².

Любопытной представляется статья Э.Э. Ленца, помещенная в 8-м томе – «*Eine Säbelstudie*». В ней оружейвед обосновывает особенности конструкции сабель особенностями их применения. В частности, рассматривается вопрос о рукояти, наклоненной к лезвию клинка. Такая конструкция достаточно часто встречается на самом разном длинноклинковом оружии. К началу XX в. в России объяснение этой конструктивной особенности было вполне актуальным: в 1881 г. на вооружение Российской императорской армии была принята шашка образца 1881 г., наклон рукояти которой к лезвию объяснялся стремлением улучшить ее колющие свойства²³. Э.Э. Ленц отстаивал противоположную позицию: наклон рукояти к лезвию способствовал улучшению рубящих свойств кривого клинка, внося «поправку тупому углу, который образуется осью клинка к оси вытянутой руки»²⁴. Следует отметить, что в поднятой им проблеме, касающейся теории клинкового оружия, несмотря на прошедшее столетие, существенных изменений не произошло – российских работ по проблемам взаимосвязи конструкции холодного оружия с его функциями крайне мало.

К сожалению, научная деятельность Э.Э. Ленца была существенно ограничена с началом Первой мировой войны – ценности Эрми-

тажа, включая и историческое оружие, начали готовить к эвакуации. А в 1919 г. Эдуард Эдуардович умер.

Научное наследие Э.Э. Ленца, несмотря на сравнительно небольшой объем, не потеряло актуальности и касается практически всего спектра современных проблем российского исторического оружиеведения – от фундаментальных, связанных с восстановлением места этой дисциплины в ряду вспомогательных исторических наук, до частных, диктуемых изучением отдельных его аспектов. В целом ряде направлений значение полученных российским оружиеведом результатов и разработок сохраняется и в наше время. Достаточно сказать, что классификация, предложенная Э.Э. Ленцем в «Описи оружия Графа Шереметьева», ныне является обычным музейным стандартом²⁵, как и его же принципы описания, которые должны создавать у читающего правильное представление о предмете²⁶. Э.Э. Ленцу, думается, следует отдать и первенство в применении такого сегодня распространенного, хотя и дискуссионного метода, как реконструкция: в «Описании оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области» исследователь попытался реконструировать часть доспеха из имеющихся пластин, оговорившись, однако, что «прилагаемый рисунок представляет составленную впрочем совершенно гадательно комбинацию в размещении этих чешуек»²⁷. Отдельно следует отметить активное использование им фотографий и рисунков, благодаря чему сегодняшние исследователи не только могут более полно представить себе предметы, описанные Э.Э. Ленцем и уточнить их атрибуцию, но и имеют своеобразный ключ к пониманию других описаний, не снабженных иллюстративным материалом.

В целом же заслуги Э.Э. Ленца и его коллег (Ф. Жилия, Ф.Г. Солнцева, Ф. Кондакова, П. Винклера, Н.Е. Бранденбурга и целого ряда других ученых) в деле создания российского исторического оружиеведения как научного направления сложно переоценить. Труды этих специалистов позволили молодой дисциплине в конце XIX – начале XX вв. перейти от первичных накопления, систематизации и анализа источников к утверждению базовых принципов развития, определению предмета и объекта, формированию категориального аппарата и разработке методов исследования, дав все основания для заявления о том, что к первому десятилетию XX в. российское историческое оружиеведение продвинулось настолько, что завоевало «самостоятельное положение в ряду вспомогательных исторических наук»²⁸.

- ¹ Кулинский А.Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов метательного оружия и штыков. СПб., 2007. С. 6.
- ² Шустова Ю.Э. Вспомогательные исторические дисциплины в современном гуманитарном знании и образовательной модели. XXV Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании», 31 янв.–2 февр. 2013 г., ИАИ РГГУ, Москва. // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 124–125.
- ³ Так, например, в 1937 г. был расстрелян известный историк оружия и военного дела В.В. Арендт, оружейвед М.Ф. Косинский с 1934 г. по 1953 г. провел в лагерях и тюрьмах 12 лет, в 1959 г. на три года был осужден советский историк-оружиевед Л.И. Тарасюк, позже эмигрировавший из СССР.
- ⁴ Кирпичников А.Н. О книге и ее авторе. Предисловие к изданию на русском языке труда В. Бехайма «Энциклопедия оружия» // Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. С. 6.
- ⁵ Ленц Э.Э. Опись собрания оружия Графа С.Д. Шереметева: С приложением 26 фототипических таблиц. СПб., 1895.
- ⁶ Ленц, Э.Э. Опись собрания оружия Графа С.Д. Шереметева. С. III.
- ⁷ Там же. С. IV–V.
- ⁸ Ленц Э.Э. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. СПб., 1908. С. IV–V.
- ⁹ Ленц Э.Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть 1. Собрание оружия. СПб., 1908.
- ¹⁰ Там же. С. 3.
- ¹¹ Кондаков Н. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891. С. 11.
- ¹² Ленц Э.Э. Несколько слов о старинном холодном оружии // Альманах армии и флота СПб., 1902.
- ¹³ Ленц Э.Э. Несколько слов о старинном холодном оружии. С. 117.
- ¹⁴ Ленц Э.Э. 1) Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки, Мелитопольского уезда // Известия ИАК, СПб., 1902, вып. 2. С. 81–94; 2) Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области // Известия ИАК, СПб., 1902. Вып. 4. С. 120–131; 3) Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовка Киевской губернии // Известия ИАК, СПб., 1905. Вып. 14. С. 54–68; Ленц Э.Э., Веселовский Н.И. По поводу статьи Е.Е. Тевяшова // Известия ИАК, СПб., 1911, вып. 40. С. 159–164.
- ¹⁵ Ленц Э.Э. Заметки о Тульском оружейном заводе в веке // Старые годы. Июль, август–сентябрь 1907. СПб., 1907. С. 336–347.
- ¹⁶ Ленц Э.Э. Оружие, приписываемое историческим личностям // Старые годы. Ч. 1. Май–июнь 1907. СПб., 1907; Ч. 2. Старые годы. Январь–июнь 1914. СПб., 1914.
- ¹⁷ Ленц Э.Э. Заметки о Тульском оружейном заводе в веке // С. 337.
- ¹⁸ Ленц Э.Э. Оружие, приписываемое историческим личностям // Старые годы. Январь–июнь 1914. Отдельный оттиск. СПб., 1914. С. 8.
- ¹⁹ Ленц Э.Э. О клеймах мастеров на оружии // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. С. 9–29.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Lenz E.V. 1) Die Waffensammlungen Russlands // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 1. 1897–1899. S. 13–20.; 2) Russland und der Orient in der Geschichte des

- Waffenwesens // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 1. 1897–1899. S. 109–112; 3) Geschützgiesser in Russland vom XV bis ins XVIII Jahrhundert // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 1. 1897–1899. S. 205–210; 4) Perlen in Klingen eingeschiedet // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, 1900–1902. B. 2. S. 48–49; 5) Über Damast. Ein Bericht über den Stand der Frage // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 4. 1906–1908. S. 132; 6) Mitteilungen aus der Kaiserlichen Eremitage zu St. Petersburg // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 5. 1909–1911. S. 348; 7) Swertknauf mit Kruzifix // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 5. 1909–1911. S. 393; 8) Eine Säbelstudie // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 6. 1912–1914. S. 180–190; 9) Arzenalzeichen oder Beschau? // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 6. 1912–1914. S. 300–303; 10) Handgranaten oder Quecksilbergefäße? // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 6. 1912–1914. S. 368–376; 11) Lucca und Siehelmarke // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 8. 1918–1920. S. 71–77; 12) Datierte Panzerhemden und verzierte Panzerringe // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 8. 1918–1920. S. 193–197.
- ²² Lenz E.V. Russland und der Orient in der Geschichte des Waffenwesens // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Dresden, B. 1. 1897–1899. S. 109–112.
- ²³ Федоров В. Холодное оружие. М.: Эксмо, 2010. С. 32–33.
- ²⁴ Lenz E.V. Eine Säbelstudie. S. 188–189.
- ²⁵ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант», 2002. С. 3.
- ²⁶ Кулинский А.Н. Методические рекомендации. С. 34.
- ²⁷ Ленц Э.Э. Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области // Известия ИАК, СПб., 1902. Вып. 4. С. 125.
- ²⁸ Ленц Э.Э. Императорский Эрмитаж. С. 2.

А.А. Селезнев (Санкт-Петербург)

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БИТВА, ЕЕ ПЕРИОДЫ. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ

Битва за Ленинград занимает особое место в мировой военной истории по своей продолжительности, упорству, невиданной стойкости и трагедии, перенесенной защитниками блокированного города.

Самая длительная битва в годы Великой Отечественной войны началась 10 июля 1941 г. южнее Ленинграда боями на Лужском оборонительном рубеже (120 км от города) и закончилась 9 августа 1944 г. разгромом группировки противника севернее Ленинграда.¹

Ленинград – символ сопротивления фашизму, первый в истории Второй Мировой войны рубеж, где была остановлена наступательная группировка вермахта.

В основных источниках битву за Ленинград рассматривают в неразрывной связи с общим ходом боевых действий на всем советско-германском фронте. В целях упорядочения восприятия объемного материала, посвященного битве за Ленинград, предлагается рассматривать ее по периодам:

I. Оборона Ленинграда (10 июля 1941 г. – январь 1944 г.) включая прорыв блокады Ленинграда (12–18 января 1943 г.).

II. Полное снятие блокады Ленинграда (14–27 января 1944 г.).

III. Окончание битвы за Ленинград (лето – начало осени 1944 г.)².

В статье также приведены малоизвестные факты этой битвы.

Оборона Ленинграда. В плане ведения войны против Советского Союза военно-политическое руководство Германии особое место отводило захвату Ленинграда, учитывая его значение как крупнейшего политического, экономического и военно-стратегического центра страны.

«Лишь после обеспечения этой неотъемлемой задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, – говорилось в директиве немецкого командования № 21 (план «Барбаросса»), – следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой...». Таким образом, немецкое командование намеревалось взять Москву лишь после того, как падет Ленинград и погибнет Балтийский флот.³

Немецкое командование рассчитывало захватить Ленинград в минимально короткий срок. Начиная войну с Советским Союзом, Гитлер говорил, что «через три недели мы будем в Петербурге».⁴

С началом войны на Северо-Западном направлении войска Северо-Западного фронта, не выдержав мощного удара превосходящих сил противника, отходили. Уже 26 июня немецкие части форсировали Западную Двину (более 300 км от государственной границы) и захватили Даугавпилс, а 1 июля взяли Ригу. Группа армий «Север» стремилась с ходу прорваться к Ленинграду (рис. 1).

5 июня Военный Совет Северного фронта, выполняя указания Ставки Верховного Главнокомандования, создал Лужскую оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта К.П. Пядышева.⁵ В ее состав кроме стрелковых дивизий, отведенных с фронта севернее Ленинграда, вошли три дивизии народного ополчения, Ленинградские училища – стрелково-пулеметное и пехотное. На юго-запад были переброшены почти все полки Резерва главнокомандования.⁶

Развернулось строительство оборонительных сооружений. На направлениях вероятного движения немецких танков были установлены минные поля, вырыты противотанковые рвы, на лесных дорогах устроены завалы.

Обстановка на северо-западном направлении продолжала осложняться. Немецкие войска 6 июля взяли Остров, а 9 июля – Псков. К 10 июля противник овладел почти всей Прибалтикой и вторгся на дальние подступы к Ленинграду. Началась битва за Ленинград. 10 июля немецкие и финские войска почти одновременно нанесли удары на Лужском, Новгородском и Старорусском направлениях, в Эстонии и Карелии.

41-й моторизованный корпус немцев наступал на шоссе Псков – Луга и через два дня вышел к реке Плюсса, где натолкнулся на организованный отпор передовых частей Лужской оперативной группы.

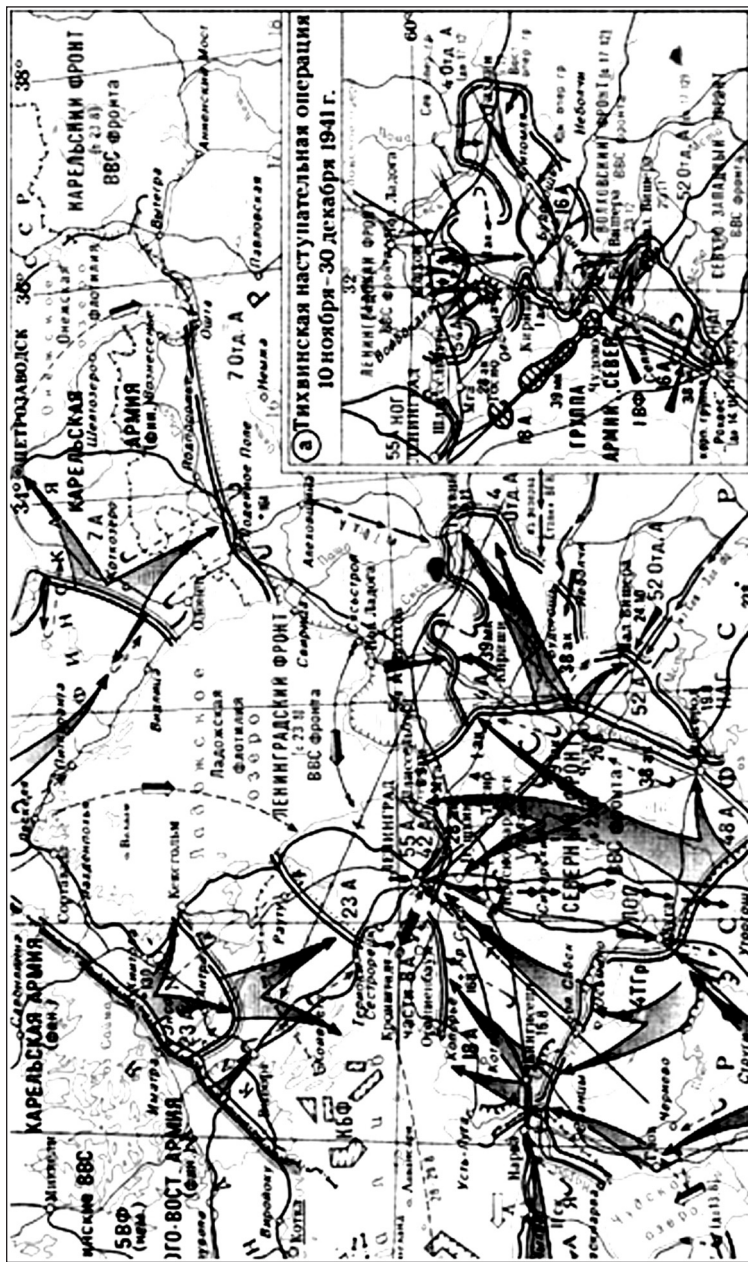

Рис. 1. Оборона Ленинграда

Немецкое командование изменило направление главного удара. Основные силы 41-го моторизованного корпуса были повернуты на северо-восток, на Кингисеппское направление. Теперь расчеты противника строились на том, чтобы выйти к Ленинграду через Капорское плато. 14 июля передовой отряд с 20 танками форсировал реку Луга в 20–25 км юго-восточнее Кингисеппа и создал плацдарм на ее северном берегу у д. Ивановское. На другой день противник занял плацдарм в районе Большого Собска. Здесь немецкие войска были остановлены спешно переброшенными сюда частями 2-й дивизии народного ополчения и сводным полком Кировского пехотного училища.

56-й моторизованный корпус немцев, нанося удар в направлении Порхов – Новгород овладел городом Сольцы и вышел к реке Мшага у Шимска.

14 июля 11-я армия Северо-западного фронта внезапно нанесла контрудар в районе города Сольцы. В четырехдневных боях немецкий моторизованный корпус был отброшен на запад на 40 км.

Возрастающее сопротивление советских войск на Лужском оборонительном рубеже, контрудар в районе города Сольцы привели к тому, что немецкое командование было вынуждено приостановить наступление на Ленинград почти на три недели до подхода главных сил группы армий «Север»⁷.

Севернее Ленинграда советские войска при поддержке Ладожской военной флотилии в июле – августе вели оборонительные бои. 23-я армия к концу августа отошла на старую государственную границу. Войска 7-й армии к концу сентября были отеснены к реке Свирь. Здесь фронт стабилизировался до июня 1944 г.⁸

В августе 1941 г. обстановка южнее Ленинграда складывалась очень драматично для обороняющихся советских войск. В ночь с 7 на 8 августа 4-я танковая группа нанесла удары в сторону Волосова и Кингисеппа. Уже через 3 дня боев немцы приблизились к шоссе Кингисепп – Ленинград. 13 августа немцам удалось перерезать шоссейную и железную дороги Кингисепп – Ленинград, а также форсировать реку Луга. 14 августа 41-й моторизованный и 38-й армейский корпуса немцев вырвались на оперативный простор и двинулись на Ленинград. 16 августа пали Нарва и Кингисепп. В этот же день части 1-го армейского корпуса немцев захватили западную часть Новгорода, угроза прорыва к Ленинграду стала еще более реальна. Эти дни полны примеров массового героизма, мужества и отваги советских воинов. За первые три месяца войны в ленинградском небе было совершено до тридцати таранов вражеских самолетов⁹.

В эти критические для обороны города дни совершил выдающийся подвиг Зиновий Колобанов.

18 августа старшего лейтенанта Зиновия Колобанова, командира 3-й танковой роты из состава 1-го батальона 1-й Краснознаменной танковой дивизии, вызвали к командиру дивизии генерал-майору В. Баранову, штаб которой располагался в Гатчине, называвшейся в то время Красногвардейском. Колобанов получил задание перекрыть любой ценой три дороги, ведущие к Красногвардейску со стороны Кингисеппа, Волосова и Луги (рис. 2).

Рота Колобанова насчитывала 5 танков КВ-1, в каждый из них

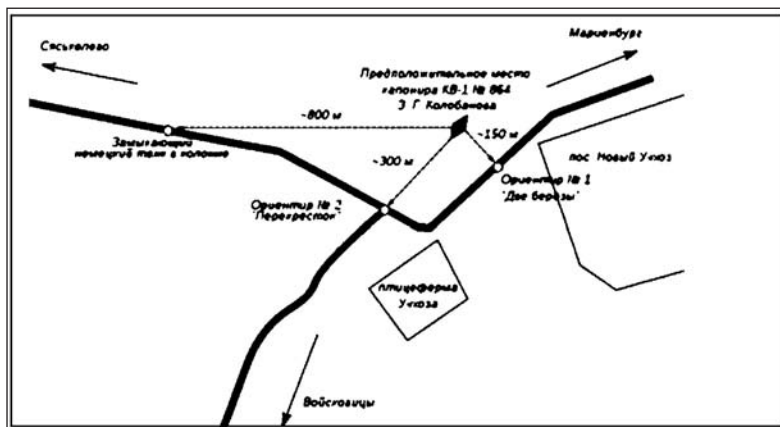

Рис. 2. Боевая позиция танка Зиновия Колобанова 18.08.1941 г.

было загружено по 2 боекомплекта бронебойных снарядов. Так как главной целью танкистов было не пропустить к Красногвардейску танки. Два танка старший лейтенант отправил на лужскую дорогу, еще два к дороге на Волосово, а свой танк разместил в засаде у перекрестка дорог, соединяющей таллинское шоссе с дорогой на Мариенбург – северной окраиной Гатчины. Колобанов лично определил позиции для танков, приказал отрыть по два капонира (основной и запасной) и тщательно замаскировать их. Командиру пехотного охранения приказал не открывать огня по противнику до тех пор, пока не откроет огонь его КВ.

Около 10 часов утра слева, со стороны дороги на Волосово один из экипажей вступил в бой с танками противника. На их же участке было по-прежнему тихо. Вскоре появилась немецкая разведка на

трех мотоциклах, которую Колобанов пропустил, не открывая огня. Около 14 часов появилась танковая колонна немцев. Когда расстояние между немецкими танками и КВ сократилось до 150 метров, Колобанов приказал наводчику Усову открыть огонь.

Первый танк в колонне загорелся с первого выстрела, он был уничтожен еще до того, как миновал перекресток. Вторым выстрелом уже на перекрестке был уничтожен второй танк. На дороге образовалась пробка. Колонна немецких танков, и без того следовавшая с минимальными интервалами, сжалась, как пружина. Колобанов приказывает перевести огонь на хвост колонны, чтобы окончательно зажать ее на узкой ленте дороги. Старший сержант Усов, произведя 4 выстрела, уничтожает два последних танка в колонне. Вражеские машины оказываются в ловушке.

Начинается танковая дуэль нашего КВ и 18 оставшихся немецких танков. На КВ обрушивается целый град бронебойных снарядов, наш танк спасает то, что он по башню врыт в землю и имеет дополнительные 25-мм экраны. Через некоторое время от маскировки не остается и следа. Внутри танка танкисты задыхаются от пороховых газов и ударов многочисленных болванок по броне. Заряжающий Николай Роденков работает в бешеном темпе, загоняя в казенник все новые и новые снаряды. Наводчик Усов не отрывается от прицела, продолжая поражать танки в немецкой колонне.

Наконец последний 22-й танк немцев уничтожен. За время боя, который продолжался более часа, старший сержант Усов успел выпустить по неприятельским танкам и противотанковым орудиям 98 снарядов, из них бронебойные были израсходованы все. После боя Колобанов насчитал на своем танке более 100 вмятин от немецких бронебойных снарядов, однако ни один из них не смог вывести танк из боя. Всего 19 августа в бою с ротой Колобанова немцы потеряли 43 танка¹⁰ (рис. 3).

В эти дни защитники Ленинграда получили помощь от 34-й и 11-й армий Северо-Западного фронта, которые нанесли контрудар в районе Старой Руссы. Они продвинулись почти на 60 км, создав угрозу выхода в тыл группы армий «Север». Немецкое командование было вынуждено приостановить наступление на Лужском направлении и перебросить 39-й моторизованный корпус с Новгородского направления для отражения удара советских войск. Но все же 19 августа советские войска оставили Новгород, а 20 августа немцы взяли Чудово.

25 августа части 1-го и 28-го армейских и 39-го моторизованного корпусов противника прорвали оборону 48-й армии в районе Чудова и стали стремительно наступать в направлении Ленинграда. 28 августа немецкие войска овладели Тосном, 29-го – Киришами, вплотную подошли к Колпину.

Рис. 3. Экипаж Зиновия Колобанова

Немецкие войска приближались к Ленинграду. 30 августа, захватив станцию Мга, противник перерезал последние железную и шоссейную дороги, связывавшие Ленинград со страной.¹¹ 8 сентября пал Шлиссельбург (Петрокрепость), у Ладожского озера немцы сомкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда.¹²

9 сентября немцы начали наступление под Красногвардейском, пытаясь взять Ленинград штурмом, обстановка была очень сложной. В романе В. Карпова «Маршал Жуков» так описывалась оценка обстановки под Ленинградом руководством страны: «Сталин задумался и, словно бы размышляя вслух, стал говорить:

– Очень тяжелое положение сложилось сейчас под Ленинградом, я бы даже сказал, положение катастрофическое. – Помолчав, Сталин вымолвил: – Я бы даже сказал, безнадежное».

Жуков оставался последней надеждой, и Сталин почти не скрывал этого. Получив согласие Жукова, Сталин написал записку: «Ворошилову. ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом. Сталин»¹³

Г.К. Жуков сыграл важную роль в обороне Ленинграда. Во время появления его в Смольном Военный совет рассматривал вопрос, как уничтожать важнейшие объекты города, когда и как подготовить к взрыву боевые корабли Балтийского флота, чтобы их не захватил противник, потому что удержать его считалось уже почти невозможным.¹⁴

Сразу по прибытии Жуков укрепляет руководство фронтом прибывшими с ним генералами. Генерал М.С. Хозин вступает в долж-

ность начальника штаба фронта, а генералу И.И. Федюнинскому приказано немедленно отправиться в 42-ю армию на самый напряженный участок фронта – на Пулковских высотах и под Урицком – и разобраться там с обстановкой на месте. Всю ночь Жуков с помощью Жданова, Кузнецова и адмирала флота Исакова, начальника штаба, начальников родов войск и служб разбирался в обстановке, и все его действия с первых минут командования фронтом были направлены на мобилизацию сил для обороны Ленинграда, никаких разговоров о сдаче города с момента его прибытия больше не было.

Не имея никакой надежды получить помощь извне, Жуков стал собирать те силы, которые еще находились здесь, в окружении, и маневрировать ими. Для отражения танков он приказал на самых опасных направлениях, особенно на Пулковских высотах, поставить часть зенитной артиллерии из противовоздушной обороны города. На самом опасном участке Урицк – Пулковские высоты – сосредоточить огонь корабельной артиллерии. На наиболее уязвимых направлениях организовал инженерные работы, которым придавал огромное значение, мобилизовал население, инженерные части и войска для создания глубоко эшелонированной обороны. Работы шли в сверхскоростном темпе, на предельном напряжении сил и нервов.

О накале обстановки того времени дают представление воспоминания начальника инженерного управления фронта Б.В. Бычевского, когда он находился на докладе у Жукова: «Это макеты танков, – показал я на карте условный знак ложной танковой группировки, которая бросилась ему в глаза.

– Пятьдесят штук сделано в мастерской Мариинского театра. Немцы дважды их бомбили...

– И долго там держались эти игрушки?

– Два дня.

– Дураков ищешь? Ждешь, когда немцы сбросят тоже деревяшку? Сегодня же ночью убрать оттуда! Сделать еще сто штук и завтра с утра поставить. Здесь и здесь, – показал он карандашом.

– Мастерские театра не успеют за ночь сделать сто макетов, – осторожно сказал я.

Жуков поднял голову и осмотрел меня сверху вниз и обратно.

– Не успеют – под суд пойдешь. Завтра сам проверю».¹⁵

17 сентября бои под Ленинградом достигли наивысшего напряжения. Противник собрал в кулак более шести дивизий и нанес мощный удар на узком участке фронта в направлении Пулковских высот.

Жуков своей твердостью стремился укрепить защитников города, повторяя, что эти рубежи «ни при каких обстоятельствах не могут быть оставлены». Чего стоили приказы Жукова того времени:

«Военным советам 42-й и 55-й армий»

Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.09.41 г.

Карта 100 000.

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинградского рубежа... Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу. . .»¹⁶

Но не только удержанием каждого метра укреплял оборону Жуков. Его принцип активного противодействия и тут сыграл решающую роль. Хорошо понимая, что противник не может быть везде одинаково сильным, он нашел выход в ослаблении удара врага путем нанесения ему удара в другом месте. За сутки Жуков создал ударную группировку на участке 8-й армии за счет уплотнения боевых порядков обороняющихся там дивизий на определенном участке, отдал на их усиление все, что мог отдать, и 19 сентября ударил во фланг наступающему клину фон Лееба. Это было совершенно неожиданно для противника, который, бросаясь в последнее и решительное наступление на Пулковском направлении, собрал все, чем располагал, и теперь отражать фланговый удар нашей группировки ему было нечем, надо снимать силы оттуда, где наметились удача и победа. Этим Жуков добился того, что командующий группой армий «Север» оказался перед необходимостью снять силы с Пулковского направления и отбиваться там, где удара не ожидал. В военном деле удивить противника – значит, победить. Напор на Пулковском направлении ослаб. Немецкие части повсюду встречали отпор, преодолеть который они так и не сумели.

27 сентября гитлеровские войска получили приказ о временном переходе к жесткой обороне. Фронт под Ленинградом стабилизировался. Враг стал зарываться в землю. Так впервые с начала Второй мировой войны крупнейшая группировка немецких войск была остановлена.¹⁷ Это было первое крупное поражение вермахта, провал стратегии «молниеносной войны». Линия фронта оставалась здесь, на юго-востоке Ленинграда, без изменений до января 1943 г.¹⁸

Однако город попал в 30-месячную блокаду. Он разрушался ударами авиации и тяжелой артиллерии. В ходе битвы по Ленинграду было выпущено около 150 тыс. снарядов и сброшено свыше 102 тыс. зажигательных и около 5 тыс. фугасных бомб.

Несмотря на тяжелейшие условия, промышленность Ленинграда не прекращала свою работу. За период блокады было отремонтировано и построено 2 тыс. танков, 1,5 тыс. самолетов, тысячи орудий, много боевых кораблей, изготовлено 225 тыс. автоматов, 12 тыс. минометов, около 10 млн. снарядов и мин. Городской комитет обороны, партийные и советские органы делали все возможное для спасения населения от голода. Помощь Ленинграду осуществлялась по транспортной магистрали через Ладожское озеро, названной Дорогой жизни. Перевозки в периоды навигации осуществляли Ладожская флотилия и Северо-Западное речное пароходство. 22 ноября начала действовать военно-автомобильная дорога, проложенная по льду Ладожского озера, по которой только зимой 1941/1942 г. было доставлено более 360 тыс. тонн грузов. Из города было вывезено около 550 тыс. человек, около 3,7 тыс. вагонов оборудования, культурных ценностей и другого имущества. За весь период действия по Дороге жизни перевезено свыше 1,6 млн. тонн грузов, эвакуировано около 1,4 млн человек. Для подачи в город нефтепродуктов 5 мая – 16 июня 1942 г. был проложен трубопровод по дну Ладожского озера, осенью 1942 г. проложен уже третий энергетический кабель.¹⁹

План врага по захвату Ленинграда с ходу потерпел крах, а это повлекло за собой и срыв намерений противника повернуть основные силы группы армий «Север» для наступления на Москву. Важную роль в защите Ленинграда с моря сыграла героическая оборона Моонзундских островов, полуострова Ханко и военно-морской базы Таллина, ораниенбаумского плацдарма и Кронштадта. 28–30 августа корабли Балтийского флота (командующий вице-адмирал В.Ф. Трибуц), отражая непрерывные налеты немецкой авиации, совершили исключительный по трудности переход из Таллина в Кронштадт. Прибывшие в Кронштадт бойцы и командиры, а также моряки Балтийского флота включились в оборону Ленинграда.

Гитлеровское командование, не сумев реализовать свои планы по захвату Ленинграда с юга, в середине октября нанесло удар на Тихвин с целью выйти на р. Свирь, соединиться с финскими войсками и осуществить полную блокаду Ленинграда. С потерей сообщения со страной через Ладогу могла произойти катастрофа.

Противник 8 ноября захватил Тихвин, перерезав последнюю железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру доставлялись грузы, переправляемые водным путем в осажденный город.

Однако с 10 ноября по 30 декабря в наступательной операции под Тихвином наши войска разгромили противника и отбросили врага за р. Волхов, это была очень важная победа.

Прорыв блокады Ленинграда. Первая попытка прорыва блокады была предпринята решением Г.К. Жукова во время самых тяжелых боев на Пулковском направлении в сентябре 1941 г. из осажденного города, ударами через Неву. Форсирование осуществлялось одновременно в нескольких местах, успешно из района Невской Дубровки.

К 19 сентября на правом берегу реки, в районе Невской Дубровки, помимо табельных средств 41-го и 42-го понтонных батальонов было сосредоточено большое количество лодок и других подручных средств. В ночь с 19 на 20 сентября, несмотря на сильное сопротивление противника, успешно форсировали Неву воины батальона капитана В.П. Дубика (576-го стрелкового полка (сп) 115 стрелковой дивизии (сд) и захватили плацдарм.²⁰ В последующем на пятачок за частями 115-й сд переправляется батальон 4-й отдельной бригады морской пехоты,²¹ 4 ноября – 168 сд.²² Об ожесточенности боев говорит такой факт: 9 ноября вступил в бой 1-й ударный коммунистический полк, сформированный из добровольцев Ленинграда. К вечеру в нем осталось лишь треть бойцов.²³

Плацдарм был невелик – около двух километров по фронту и семьсот – восемьсот метров в глубину. О событиях на знаменитом Невском «пятачке» рассказывают участники:

«В ноябре 1941 года стояли сильные морозы. Нева замерзла. Но до Невского «пятачка» по льду добраться было невозможно. Практически непрерывный огонь артиллерии и минометов разрушил лед, соединивший оба берега Невы. Густо дымилась почти черная вода. У берегов сохранился лишь припай льда в несколько метров, и припай этот не всегда был цел...

Переправляться предстояло ночью, но яркая луна, ракеты и взрывы давали тупо мерцающий свет, который то угасал, то разгорался ярче.

По команде мы побежали к лодкам, перенесли их на воду, быстро, стараясь соблюдать тишину, сели и стали грести веслами, досками, палками, кто чем мог. Начался обстрел из орудий и минометов. Разрывов было много, и не все лодки добрались до места. При прямом

попадании погибали все, даже те, кто не был поражен осколками. Зимняя теплая одежда, оружие и патроны тянули бойцов вниз, и они тонули. Тонули молча...

У берега нас ожидало следующее испытание. Припай был искрошен снарядами и минами. Лодка это крошево преодолеть не могла, а человека оно не держало. Последовала команда: «Прыгать в воду!». Холодная вода... Одежда на глазах дубела... Обсушиться нигде... Через два-три дня... я был ранен... Меня перевязали... и на правый берег – снова через весь этот ад. Более трех – пяти дней там никто, как правило, не задерживался. Или ранение, или смерть»²⁴.

Переправу и бои на «пяточке» в период с 9 по 21 декабря 1941 г. описывает член Совета ветеранов города В. Немчиков «Нам предстояло с началом темноты по льду Невы переправиться на левый берег, занять позиции в первой траншее, а в 24.00 скрытно выдвинуться вплотную к немецким позициям, внезапной атакой занять траншею противника, а затем развивать наступление дальше, в глубину его обороны...

На Неве видна обозначенная вехами дорога – «Невский проспект» называли ее.

Немецкая артиллерия была снарядами и тяжелыми минами по льду реки, из-за чего направление движения по «Невскому проспекту» постоянно менялось для обхода образовавшейся полыньи.

7 часов вечера. По цепи команда: «Вперед!». С замиранием сердца выходим на лед. Оглядываюсь. Да, пошли все. Минуя полыньи, прошли Неву. Поднимаемся на левый крутой берег. Вот он – «пяточка»... Осматриваем передовую траншею, располагаем бойцов, определяя направление атаки. Несколько удручающее впечатление производит то, что местами брустверы окопов устроены из тел убитых. Но это быстро проходит. Солдаты, даже мертвые, защищают своими телами от пуль противника живых... в 24.00 без команды, замирая при осветительных ракетах, все ползут к позициям неприятеля, остается расстояние на бросок гранаты. И тут кто-то из наших бойцов запутался в колючей проволоке. Гремят банки, подвешенные на участках с колючей проволокой. С немецкой стороны слышатся истошные крики: «Ахтунг, русен, фойер!»

Внезапность атаки пропала... Ведя огонь и поражая врага гранатами, часть бойцов ворвалась в немецкую траншею. На других участках атака захлебнулась... К утру кончаются боеприпасы, и, получив приказ отойти, мы возвращаемся в свои окопы»²⁵.

Известно трагическое окончание этой операции, ее первой попытки. В апреле 1942 г. начался на Неве ледоход, плацдарм оказался отрезанным от всякого снабжения и поддержки. 27 апреля 1942 г. рано утром враг начал буквально перепахивать снарядами землю крошечного плацдарма на левом берегу Невы. Под артиллерийским огнем оказались и переправы. Плывущие по реке льдины и губительный вражеский огонь исключали какую бы то ни было подмогу с правого берега. Для штурма «пяточка» противник подтянул до 3000 солдат и офицеров. Защищали плацдарм около 400 наших бойцов и командиров.

Весь день шел кровопролитный бой. Понесший большие потери 330-й сп отбил 13 вражеских атак.

Их оставалось всего 43 человека, 40 были ранены. Положение, и без того тяжелое, теперь стало безнадежным – ледоход прервал связь с берегом. Когда вышла из строя рация, когда не осталось ни одной целой лодки, начальник штаба дивизии майор Я.В. Козлов предложил начальнику штаба 330-го полка майору А.М. Соколову переплыть с донесением Неву. Он согласился, так как его и провожающих пугала больше всего безывестность, он начал ледовый марафон, чтобы сообщить – и тем, кто находился на правом берегу, и тем, кто ждал дома, и всем нам: «МЫ УМИРАЕМ ДОСТОЙНО. ПОМНИТЕ...». Начштаба полка был спортсмен и хороший пловец. Правда, у него было в трех местах прострелено бедро...

Человек, около двух часов плывший с донесением по Неве во время ледохода, был единственным из защитников Невского «пяточка», кому удалось вернуться 27 апреля на правый берег.²⁶

Осенью сорок второго плацдарм был восстановлен. Отсюда наступали и при прорыве блокады в 1943 г.

Операция «ИСКРА» (12–18 января 1943 г.). Подготовка к удачно осуществленному прорыву блокады началась в ноябре 1942 г. 22 ноября Военный совет Ленинградского фронта предоставил Ставке свои предложения по прорыву. 2 декабря в час ночи в Смольный поступила телеграмма, разрешавшая проведение операции. «Искра» стала реальностью блокады.

Согласно директиве надлежало встречными ударами двух фронтов – Ленинградского с запада и Волховского с востока – разломить группировку немецко-фашистских войск на Шлиссельбургско-Синявинском выступе, прорвать вражескую оборону, глубина которой не превышала 14 км, и восстановить связь с центральными районами по суше.

В районе так называемого «бутылочного горла», где намечался прорыв, гитлеровцы создавали оборону на протяжении 16 месяцев. Крутой берег Невы (высота до 15 м) прикрывался проволочными заграждениями и минными полями, зимой поливался водой и был превращен в ледяную гору. Немцы врылись в землю, соорудили разветвленную цепь траншей, оборудовали огневые позиции и командные пункты.

Серьезным препятствием для наших войск были каменные сооружения Шлиссельбурга и здание 8-й ГРЭС, которые наши солдаты называли «Невский Измаил», так как захватчики превратили его в сильную вооруженную крепость.

Чтобы разрушить неприятельские укрепления, планировалась продолжительная артиллерийская подготовка, более двух часов. Она имела свою особенность: по переднему краю противника, по береговому склону, планировался огонь только прямой наводкой, так как была опасность разрушить лед на Неве. В каждой дивизии готовились специальные штурмовые группы, обеспеченные приспособлениями для преодоления скользкого подъема, стаскивания колючей проволоки, которые шли в наступление первыми. В тылу, на специально построенных учебных точках по типу немецких оборонительных позиций, солдаты тренировались преодолевать предстоящие препятствия. Вместе с пехотой должны были наступать орудия поддержки и легкие танки. Толщина неевского льда не позволяла использовать средние и тяжелые танки. Военными инженерами планировалось устройство трех ледяных переправ: против 8-й ГРЭС, в районе д. Марьино и между этой деревней и Шлиссельбургом.

Утром 12 января 1943 г. войска 67-й армии Ленинградского фронта двинулись в наступление. К середине дня 136-я дивизия генерала Симоняка в районе Марьино захватила плацдарм площадью два–три километра по фронту и пятьсот–шестьсот метров в глубину. Оборону противника пришлось буквально прогрызать, проявляя героизм и самоотверженность. 12 января рядовой 3-го батальона 270 полка 136-й сд Дмитрий Семенович Молодцов закрыл грудью амбразуру вражеского дота.²⁷

Другие дивизии успеха не имели. Началось строительство ледовой переправы для переброски танков. Строительство ее было завершено к семи часам вечера 13 января. Но переправлять танки сразу не стали, пока вода, вытекающая под напором течения реки из трубок, забитых сквозь настил из бревен и лед, через определенные проме-

жутки, не смерзлась со льдом реки и настилом и не получилась многослойная конструкция.

В час ночи 14 января на участке 41-го понтонного батальона переправа началась. К утру было переправлено тридцать танков Т-34, а к вечеру еще девяносто пять.

15 января войска 67-й армии при поддержке танков перешли в наступление и 18 января соединились с войсками Волховского фронта (рис. 4). От противника был очищен коридор шириной 8–11 км южнее Ладожского озера до Синявинских высот. За 13 суток здесь была проложена железная дорога Поляны – Шлиссельбург протяженностью 33 км, названная «Дорогой победы», «Дорогой мужества». Уже

Рис. 4. Встреча Ленинградского и Волховского фронтов около рабочего поселка № 5 во время операции по прорыву блокады Ленинграда (операция «Искра»)

7 февраля 1943 г. в Ленинград прибыл первый эшелон с продовольствием. Город оставался еще в блокаде.

Полное снятие блокады Ленинграда произошло в январе 1944 г. Ленинградско-Новгородская операция была проведена силами Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов при взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом, Ладожской, Онежской флотилиями и авиации дальнего действия.

В ходе наступательных боев советские войска нанесли тяжелое поражение группе армий «Север», полностью сняли блокаду Ленинграда, освободили почти всю Ленинградскую, Новгородскую и часть Калининской областей, вступили на территорию Эстонии, создав благоприятные условия для разгрома противника в Прибалтике и к северу от Ленинграда.

27 января прогремел торжественный салют в честь полного снятия блокады Ленинграда. Первый салют в годы Великой Отечественной войны, произведенный не в Москве, а в городе на Неве.

Завершающая операция битвы под Ленинградом была проведена летом 1944 г. войсками Ленинградского и Карельского фронтов при содействии сил Балтийского флота, Ладужской и Онежской военных флотилий. Советские войска нанесли поражение финской армии, чем был предрешен выход Финляндии из войны и обеспечена полная безопасность Ленинграда.

К 10 августа 1944 г. битва за Ленинград завершилась. 1418 дней и ночей, обгаренных кровью, наполненных самыми невероятными физическими и моральными испытаниями, длилась Великая Отечественная война. На долю Ленинграда досталась большая их половина – 1125 дней. Равных примеров стойкости в осаде история не знает. Блокадники испытали все, что только может принести война, они потеряли около 1 млн человек,²⁸ но выстояли и победили. Вечная память всем погибшим в годы Великой Отечественной войны!

---

¹ Дни воинской славы. Хрестоматия. М.: Патриот, 2006. С. 584.

² Военная история. Воениздат, 2006. С. 278–284.

³ 1941 год – уроки и выводы. Воениздат, 1992. С. 191.

⁴ Сто великих битв. М.: «Вече». 1999. С. 434.

⁵ 50 лет ВС СССР. Воениздат, 1968. С. 278.

⁶ Сто великих битв. Москва. С. 435.

⁷ 50 лет ВС СССР. С. 280.

⁸ Сто великих битв. С. 436.

⁹ Дни воинской славы. С. 586.

¹⁰ Барятинский Михаил – Советские танки в бою. От Т-26 до ИС-2. <http://fanread.ru/book/7643766/?page=1>

¹¹ Буров А.В. Блокада день за днем. Лениздат, 1979. С. 48.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Карпов В. Маршал Жуков. Москва, «Армада», 1998. С. 148.

¹⁴ Там же. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 153–154.

¹⁶ Там же. С. 160.

¹⁷ Военная история. С. 281.

¹⁸ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 1999. С. 476.

¹⁹ Буров А.В. Блокада день за днем. С. 223.

²⁰ Там же. С. 61.

²¹ Там же. С. 60.

²² Там же. С. 84.

²³ Там же. С. 87.

²⁴ Память. Письма о войне и блокаде. Лениздат, 1987. С. 149–152.

²⁵ Там же. С. 157–162.

²⁶ Буров А.В. Блокада день за днем. С. 178.

²⁷ Там же. С. 297.

²⁸ Дни воинской славы. С. 597.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

ВОИНСКИЕ ПРАЗДНИКИ И САЛЮТАЦИОННАЯ ПАЛЬБА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

После смерти Петра I викториальные праздники в столице Российской империи практически прекратились, особенно после того, как император и двор переехали в Москву. Анна Иоанновна первые годы своего царствования тоже оставалась в Москве, но сразу после ее вступления на престол появились слухи (судя по донесениям послов) о грядущем возвращении в Санкт-Петербург. И генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга Б.Х. Миних стал прилагать все усилия для этого, в том числе и при помощи организации викториальных праздников.

Первые праздничные мероприятия были связаны с возобновлением строительства в столице фортификационных укреплений – Санкт-Петербургской крепости. 31 мая 1730 г. в торжественной обстановке при пальбе из 25 пушек состоялась закладка бастиона Головкина¹, переименованного в связи с этим в бастион Анны Иоанновны. 30 августа в Санкт-Петербурге, после некоторого перерыва в царствование Петра II, справлялось «торжество дню кавалерского праздника Святого Александра Невского»², причем в тот день, который был установлен Петром Великим в 1724 г.

20 мая 1731 г. в крепости состоялась торжественная церемония закладки каменного рavelина, который получил название в честь отца императрицы Иоанна Алексеевича. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Вчерашнего дня пред полуднем положен здесь в присутствии его превосходительства господина генерала-фельдцейхмейстера графа фон Миниха и прочих здесь обретающихся господ от генералитета к новому рavelину при здешней крепости со обыкновенными церемониями при выпалении с крепости из 31 пушки пер-

вый камень. Надпись на оном была следующая: LAUS DEO. Божию поспешествующею милостью, повеление же Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссийския Анны Иоанновны Матери Отечества, основание сего равелина со фланки и контрогарда именуемого Иоанна, во имя Блаженные и вечнодостойные памяти Государя Царя и Великого Князя Иоанна Алексеевича, положиися каменным зданием во второе лето благодестивые Державы Царства Ея, Лета Господня 1731 июня в 20 день»³.

29 числа по приказанию императрицы произошло погребение в Петропавловском соборе, еще не достроенном к тому времени, Петра I и Екатерины I, и в ходе данной церемонии был произведен салют в 51 выстрел⁴. Эта церемония, конечно, не относится к викториальным праздникам, она интересна с той точки зрения, что стала одним из звеньев в цепочке событий, связанных с возвращением императорского двора в Санкт-Петербург и становления этого города как военной столицы империи.

А 16 января 1732 г., в воскресенье, состоялся торжественный въезд императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербург по специально разработанному и очень пышному церемониалу. Шествие вдоль Большой Артиллерийской улицы (ныне – Литейный проспект) открыл почт-директор с почтмейстерами, верхом, вместе с верховыми почтальонами, которые играли на охотничьих рожках. За почтальонами ехали драгуны, «а за ними шли русские и иностранные купцы, имея перед собой верхом бургомистров; русский бургомистр от иностранных отличался цветом своего мундира; вероятно, и управление их было настолько же резко отделяемо одно от другого, составляя как бы две отдельные корпорации. За немецким бургомистром с.-петербургского купечества ехали верховые литаврщики и трубачи; их замыкал офицер с 30 драгунами, за которыми следовал ряд карет именованных особ, в упряжи, цугом. Взвод гвардейцев отделял кареты от придворного штата, начиная с младших чинов. Карете государыни предшествовали камер-юнкеры и камергеры, составлявшие 6 пар всадников. По сторонам кареты ее величества шли гайдуки, а за экипажем непосредственно следовал обер-камергер Бирон и за ним генерал-адъютанты, все верхом; далее — кареты дамских особ. По Невскому проспекту, от поворота с Литейной, расставлены были шпалерами, но обе стороны, 8 полков (три гвардейских и драгунские: Ингерманландский, Астраханский, Владимирский, Новго-

родский и Ладожский, да морские гардемарины и морской Адмиралтейский батальон, подле Адмиралтейства). Шпалерой стояли полки от Триумфальных ворот, сооруженных поперек Перспективной, между Троицким переулком и Фонтанкой. На воротах этих было поставлено изображение государыни в короне и порфире. Между Мойкой и теперешней Большой Морской стояли другие Триумфальные ворота, а третьи – у Адмиралтейства – перед Исаакиевским собором, в который вступила государыня: принести благодарение Господу о благополучном достижении своей резиденции. В первых воротах, что у Аничкова моста, во главе инженерных офицеров приносил монархине поздравление сам правитель Петербурга, граф Миних, подав рапорт о состоянии столицы.

По принесении Минихом поздравления начался звон во всех церквях Петербурга и раздался 71 выстрел с крепости. При вторых воротах была встреча от морских чинов, а при третьих – ожидала депутация духовенства, с членами Синода впереди. В предшествии архиереев вступила государыня в храм и слушала обедню, после молебствия отъехав в Зимний дворец, на подъезде которого ожидали члены Академии наук, впереди особ, приглашенных ко двору и расставленных по залам, на пути шествия, до тронной. При подъеме монархини на дворцовое крыльцо раздался троекратный залп 100 орудий с Адмиралтейства и 101 с крепости и белый огонь всех стоявших в строю полков. Вечером столица осветилась потешными огнями, а немецкие и голландские купцы устроили в Почтовом доме банкет, где распоряжались бургомистры: голландский Круйс и немецкий Варнер, угощая голландского резидента Де-Дьё»⁵.

Таким образом, к торжественной встрече Б.Х. Миних постарался привлечь весь цвет Санкт-Петербурга – в первую очередь военных и морских чинов, а также купечество, и это подчеркивает, что город тогда являлся, главным образом, военной и морской столицей, а также важную роль в нем играла почтовая связь со страной.

Отметим, что при подготовке фейерверка использовали и солдат гарнизона (на подсобных работах)⁶. А 18 января генерал-полицимейстер (возглавлявший также Канцелярию артиллерии и фортификации) распорядился «Ея императорское величество изволила указать в день восприятия ея величеством всероссийского престола то есть сего генваря 19 дня обретающиеся здесь лейб-гвардии полевые полки вывести в парад також с Санктпитебургской крепости палить изо всех пушек один раз по российскому лозунгу не из равного чис-

ла. Того ради Канцелярии Главной Артиллерии и Фортификации приказать... 45 пушек к завтрашнему числу поставить на том же месте где во оной день имели быть поставлены да х каждой по три выстрела и командировать к ним надлежащее число артиллерийских обер- и ундер афицеров и канониров»⁷.

Вообще по прибытии Анны Иоанновны празднества пошли одно за другим – три дня спустя отмечался день восшествия императрицы на престол. А в день ее рождения Б.Х. Миних (отдавший и распоряжения о салютационной пальбе, аналогичные тем, что приведены выше⁸) разыграл «примерную баталию» – взятие снежного укрепления гарнизонными полками, которыми командовал обер-комендант Г.Д. Есипов, на Неве, перед Зимним дворцом, между Адмиралтейством и Васильевским островом. Защищавшиеся тоже были из числа гарнизонных, и, покидая поле «сражения», все войска построились таким образом, что образовали букву «А». Вечером того же дня Б.Х. Миних был назначен президентом Военной коллегии (при этом остался и генерал-полицмейстером в Санкт-Петербурге). И все викториальные праздники в дальнейшем были связаны именно с его деятельностью.

Аналогичные праздники проводились и в Шлиссельбурге, куда для салютационной пальбы отправляли артиллеристов из Санкт-Петербурга⁹.

К дню коронации Анны Иоанновны был готов «павилион» на бастионе Екатерины в Санкт-Петербургской крепости¹⁰, и на нем с этого времени стали поднимать флаг, а в праздничные дни – императорский штандарт (и павильон стал называться флажной башней). Хотя архитектурная отделка башни была полностью готова лишь осенью того же года¹¹ (А.И. Богданов писал, что флаг начали поднимать 19 января 1731 г.¹², то есть в день восшествия Анны Иоанновны на престол). Таким образом крепость утвердилась в качестве одного из основных центров викториальных праздников в столице Российской империи – на ее стенах поднимали штандарт и были установлены орудия для салютационной пальбы. Для салютации в царствование Анны Иоанновны использовали 34 пушки 6-фунтового калибра и 45 пушек 12-фунтового¹³. Помимо этого, в крепости в те годы устанавливались пирамиды и другие приспособления для иллюминаций¹⁴, позже украшать стали дома обывателей.

Заметим, что иллюминация в то время находилась тоже в ведении Канцелярии главной артиллерии и фортификации, и для этого

в ее штат были включены маляры, в обязанности которых входило раскрашивание (а также закупка и подготовка красок)¹⁵. Это тоже оказалось связано с деятельностью Б.Х. Миниха – в 1732 г., когда он занимался подготовкой празднеств, будущий генерал-фельдмаршал занимал несколько должностей, но канцелярия имела только в артиллерийском ведомстве, поэтому именно в это ведомство он стал набирать людей. Канцелярия главной артиллерии занималась и покупкой припасов, необходимых для иллюминации. 14 марта Б.Х. Миних предписал: «Понеже в день коронации ея императорского величества то есть будущего апреля 28 дня имеет пред двором ея величества на театроме и на разных судах також и на Санктпитебургской крепости и в других местах илюменация великая быть чего для имеющихся при артиллерии и вновь подряженных к тому надлежащих фонарей лампадок и плошек не достанет того ради оной канцелярии в покупке или в подряде оных фонарей и лампадок и плошек также доволного числа сала и протчих к тому надлежащих припасов иметь заблаговременно неослабое старание дабы к тому дни в приготовлении оной люменации ни в чем остановки быть не могло и чего в Питербурхе купить или подрядить будет невозможно то иметь старание дабы то в других близ лежащих к Питербурху городах исправить вышеписанные ж уповаю заспособнее подрядить сделать в Ямбурхе также надлежит осмотреть в здешней библиотеке фонари и протчие что ко илюменации принадлежит выписанное из других краев кое употреблялось в прошедшую илюменацию каким образом оные сделаны ибо ясностию превосходили илюменацию что была сделана от артиллерии и от канцелярии от строений чего для и от канцелярии артиллерийскою таковую ж надлежит делать дабы наилучшим образом она илюменация быть могла»¹⁶.

Нет ничего удивительного в том, что крепость стала одним из центров викториальных праздников – начало этому было положено Петром I в первые годы существования Санкт-Петербурга, и лишь во втором десятилетии XVIII в. таким центром стала Троицкая площадь возле церкви во имя святой Троицы. Это было, главным образом, связано с перестройкой Петропавловского собора, которая завершилась как раз к началу 1730-х гг. И теперь появилась возможность создать единое пространство для городских праздников. В него были включены Санкт-Петербургская крепость, Нева и Зимний дворец (строительство которого было начато в 1711 г., практически одновременно с перестройкой Петропавловского собора), а также Адмиралтейство.

И можно говорить о том, что стараниями Б.Х. Миниха был воплощен в жизнь замысел основателя столицы Российской империи (скорее всего, Петр I именно так и задумывал в те годы, когда вплотную занялся вопросами планировки и строительства Санкт-Петербурга, но тогда вынужден был сделать центром праздников пространство, включавшее Троицкую площадь, Неву и Летний сад с Летним дворцом).

При этом он и несколько расширил замыслы Петра I. Если раньше акватория Невы использовалась, главным образом, для морских парадов, то Б.Х. Миних стал проводить здесь и парады войск гвардии и гарнизонных полков. Разумеется, когда это было возможно, то есть зимой, в сильные морозы, когда лед на реке был достаточно крепким для того, чтобы выдержать такие церемонии. А весной и летом на Неве устанавливали фейерверки, для чего использовались барки¹⁷. Это Б.Х. Миних впервые решил сделать в апреле 1732 г., когда обратился к президенту Академии наук Шумахеру с вопросом: «Господин архитектор. Понеже по указу ея императорского величества в день ея величества коронации имеют быть поставлены на Неве реке несколько галер того ради изволте подать мне репорт не возможно ли и на тех галерах сделать иллюминацию и с того бы которая делана от артиллерии на театрум и на Санкт-Питербурхскую крепость»¹⁸.

Напомним, что Б.Х. Миних, как и А.И. Остерман, выдвинулся в последние годы царствования Петра I, потому не удивительно, что когда они фактически стали руководить государственными делами, стали делать многое из того, что было заложено Петром Великим. В том числе произошло и восстановление ряда викториальных праздников, включая торжественное празднование годовщины победы под Полтавой, которая торжественно отмечалась 27 июня 1732 г.¹⁹ Это же повторилось и в следующем году²⁰. На верфи в Адмиралтействе регулярно закладывали (а затем спускали на воду) новые корабли, и каждое такое мероприятие превращалось в своеобразный военный праздник – с салютационной пальбой со стен крепости.

Кроме того, Б.Х. Миних стал регулярно проводить учения войск гвардии и гарнизона на Царицыном лугу, тем самым привлекая внимание императрицы и петербургских жителей к военному делу и армии.

23 мая 1732 г. отмечался день заключения мирного трактата с Персией. В тот день пушки для стрельбы были установлены также и на берегу Невы²¹. Однако этот праздник не прижился (как и попытка установки орудий на берегу Невы).

А 29 июня 1733 г. в присутствии императрицы состоялось торжественное освящение Петропавловского собора, строительство которого началось в 1712 г.²². Теперь все богослужения в дни викториальных праздников снова стали совершаться на территории Заячьего острова, входившего в уже упоминавшееся единое пространство.

Затем стали появляться и новые воинские праздники: в 1733 г. началась война за польское наследство, в 1736 г. – война с Турцией, и столица неоднократно салютовала успеху российского оружия.

Больше всего военных празднеств было в 1734 г., и посвящены они были победам в войне за польское наследство. В частности, 3 июля пушечной пальбой с крепости и Адмиралтейства было объявлено о взятии Гданьска (Данцига) русскими войсками²³. А 7 июля состоялось публичное празднование русских побед. В этот день императрица «соизволила при пушечной стрельбе с крепости и Адмиралтейства водою в находящуюся в крепости соборную церковь Петра и Павла приехать, где по прочтении публикации, в которой причины сего благодарственного торжества пространнее объявлены». При пении «Тебе бога хвалим» состоялась вторичная стрельба, при отъезде императрицы был дан третий залп²⁴. В тот же день состоялся благодарственный молебен, за которым последовал бал в Летнем дворце. На этом мероприятии Анне Иоанновне были представлены пленные французы (никакой войны с Францией не было, но французские части воевали на стороне С. Лещинского и принимали участие в обороне Данцига), которые затем были отправлены в Копорье²⁵.

Наконец, 30 ноября отмечался кавалерский праздник апостола Андрея, по случаю которого с крепости вновь раздались пушечные выстрелы²⁶.

В 1736 г. праздничные салюты проводились при получении известий о победах российской армии в войне с Турцией. 3 июня было получено известие о победе Б.Х. Миниха при Перекопе. При получении сей ведомости императрица «изволила при пушечной с крепости и Адмиралтейства стрельбе идти водою в крепость к соборной святым апостолов Петра и Павла церкви, где на благодарственном всевышнему богу молении сия славная победа публично чтена, при возвращении императрицы из церкви учинена была в третий раз как с крепости, так и с Адмиралтейства пальба»²⁷. 2 июля аналогичным образом было публично объявлено о взятии Азова русскими войсками²⁸, а 6 июля состоялся благодарственный молебен по этому поводу, по окончании которого палили из пушек с крепости и Адмиралтейс-

тва²⁹. Другие военные праздники в этом году салютами не отмечались. То есть, викториальные праздники, посвященные победам в Северной войне, заменили прославлением побед российских войск в текущее царствование.

Интересно, что в том году с самого начала предполагалось, что праздников и фейерверков будет много, поэтому 17 января 1736 г. появилось распоряжение императрицы «на приготовление фейерверков и иллюминации отпустить в канцелярию артиллерии и фортификации к прежним, отпущенным на нынешний 1736 г., 5000 рублей еще 5000 рублей из штатс-конторы, и повелеваем нашей штатс-конторе учинить о том по сему нашему указу»³⁰.

В 1737 г. крепость салютовала и успехам русских войск в войне с Турцией: 28 августа праздновалось взятие Очакова и победы в Крыму³¹ (здесь следует отметить, что известие о взятии Очакова было обнародовано еще 18 июля³², но празднование этого события было, скорее всего, отложено до возвращения Анны Иоанновны из Петергофа); а 21 ноября пушечной пальбой было объявлено о неудачной атаке турками крепости Азов³³.

То же самое было и в 1738 г. В частности, 17 июля было получено известие о переходе корпуса Ласси через Сиваш. Это сообщение было прочтено в Петропавловском соборе при пушечной пальбе с Санкт-Петербургской крепости и Адмиралтейства³⁴. Спустя три дня, 20 июля также в Петропавловском соборе было прочтено известие о взятии австрийскими войсками крепости Орсов³⁵. Это событие примечательно особенно тем, что впервые в России (и в Петропавловском соборе) отмечался успех иностранной армии, являвшейся союзником России. Наконец, 24 августа там же, в Петропавловском соборе, состоялось молебное пение по поводу победы русских войск при реке Билочи, сопровождавшееся пушечной пальбой с крепости и Адмиралтейства³⁶. Примечательно, что на этот раз все эти празднества происходили в тот момент, когда императрица отдыхала в Петергофе.

В 1739 г. наиболее масштабным стало празднование взятия Хотина. 12 сентября было торжественное молебствие во всех церквах столицы (без различия исповеданий), а при дворе состоялся бал, правда, не очень пышный, из-за траура, наложенного при известии о кончине герцога Голштинского³⁷. А празднование победы (и заключения мира) над Турцией состоялось 27 января 1740 г., когда в столицу церемониальным маршем вступили батальоны императорской гвардии

(и это стало новшеством в традиции викториальных праздников). «Войска шли по Невскому проспекту и Луговой улицей, проходили мимо Зимнего дворца, с музыкой и распущенными знаменами, по церемониалу, разделенному на 19 отделений. Офицеры имели “лавровые ветви на шлемах”, а солдаты – “пучки дубовых листов да ветви еловые”. Окончив шествие, офицеры приглашены во дворец и “жалованы к руке” в зале, где государыня принимала поздравление знати и иностранных послов. Во время вступления войск привез ратификацию мира, подписанную султаном, секретарь посольства Неплюев, и вслед за принятием его, в 5-м часу пополудни раздались пушечные залпы с крепостей, возвещавшие прекращение военных действий»³⁸.

14 февраля, в честь ратификации мирного договора, состоялся парад войск на льду Невы (в котором было задействовано до 20 000 солдат и офицеров), сопровождавшийся литургией в Зимнем дворце. Чтение договора, естественно, сопровождалось артиллерийским салютом³⁹. Ратификацию, как мы помним, привезли в столицу в день, когда в нее вступили батальоны гвардии, но императрица решила отметить это отдельно. Любопытно, что здесь появилось еще одно новшество, которое прижилось со временем – богослужение состоялось не в Петропавловском соборе, а в церкви Зимнего дворца.

Отметим еще и то, что салютационной пальбой в это царствование ежегодно отмечались все переезды императрицы – из Зимнего дворца в Летний весной, летом отъезд в Петергоф и возвращение оттуда (там Анна Иоанновна отдыхала примерно месяц каждый год), осенью – переезд из Летнего дворца в Зимний.

Подводя итоги, можно сказать, что первой половине царствования Анны Иоанновны произошло восстановление традиций петровского времени, и стараниями Б.Х. Миниха (наверное, при поддержке императрицы) в Санкт-Петербурге торжественно отмечались победы российского оружия в Северной войне. Причем тогда же было завершено создание единого пространства для проведения праздников, задуманное еще Петром Великим, в которое вошли Санкт-Петербургская крепость с Петропавловским собором, акватория Невы, Зимний дворец, Адмиралтейство. А во второй половине царствования викториальные праздники были посвящены уже победам, одержанным под командованием Б.Х. Миниха.

- ¹ Санктпетербургские ведомости. 1730. № 44. 1 июня. С. 176.
- ² Там же. № 71. 3 сентября. С. 284.
- ³ Там же. 1731. № 49. 24 июня. С. 200.
- ⁴ Гендриков В.Б. Императорский некрополь в Санкт-Петербурге. История создания // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 10. СПб., 2005. С. 63.
- ⁵ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004. С. 192–193.
- ⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 6.
- ⁷ Там же. Л. 10.
- ⁸ Там же. Л. 20.
- ⁹ Там же. Л. 155 об.–156.
- ¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 241; Петров П.Н. Выписки из дел графа Миниха и Канцелярии Главной Артиллерии и фортификации за 1729–1733 гг. о строительстве крепостей в Петербурге, Кронштадте, Новгороде и других местах // ОР РНБ. Ф. 575. Петров П. Н. Оп. 1. № 141. Л. 40.
- ¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 275 об.
- ¹² Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание С-Петербурга от начала заведения его, с 1703 г. по 1751 г. СПб., 1779. С. 44–45.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 1920.
- ¹⁴ Там же. Л. 660.
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 261 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 64 об.–65.
- ¹⁷ Там же. Л. 133 об.–134.
- ¹⁸ Там же. Л. 115.
- ¹⁹ Санктпетербургские ведомости. 1732. № 52. 29 июня. С. 235.
- ²⁰ Санктпетербургские ведомости. 1733. № 53. 2 июля. С. 214.
- ²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 174.
- ²² Санктпетербургские ведомости. 1733. № 53. 2 июля. С. 214.
- ²³ Санктпетербургские ведомости. 1734. № 54. 4 июля. С. 228.
- ²⁴ Санктпетербургские ведомости. 1734. № 56. 11 июля. С. 232.
- ²⁵ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга... С. 217.
- ²⁶ Санктпетербургские ведомости. 1734. № 96. 2 декабря. С. 552.
- ²⁷ Санктпетербургские ведомости. 1736. № 45. 3 июня. С. 359.
- ²⁸ Там же. № 54. 5 июля. С. 431.
- ²⁹ Там же. № 55. 12 июля. С. 438.
- ³⁰ Сб. РИО. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 25.
- ³¹ Санктпетербургские ведомости. 1737. № 69. 29 августа. С. 567.
- ³² Там же. № 57. 18 июля. С. 458.
- ³³ Там же. № 93. 21 ноября. С. 762–763.
- ³⁴ Санктпетербургские ведомости. 1738. № 57. 17 июля. С. 454.
- ³⁵ Там же. № 58. 20 июля. С. 462–463.
- ³⁶ Там же. № 68. 24 августа. С. 549.
- ³⁷ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга... С. 251.
- ³⁸ Там же. С. 283.
- ³⁹ Там же.

А.А. Смирнов (Москва)

ЗАЩИТНАЯ УНИФОРМА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ: МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Защитная униформа, в которой вышли на Первую мировую войну армии почти всех великих европейских держав, была введена под воздействием опыта англо-бурской и русско-японской войн. Неудивительно, что наиболее радикально этот опыт учли в Англии и России – чьи войска как раз и пострадали в названных войнах от отсутствия защитной униформы.

В России он был воспринят настолько эмоционально, что с началом в 1914-м новой войны опасения быть замеченным и расстрелянным с дальних дистанций у некоторой части офицерства дошли до прямо-таки «маскировочного психоза». Так, командир 3-го батальона 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка подполковник К.И. Рутковский по дороге на фронт «зашил свою шашку» кавказского образца, с богато украшенными серебром ножнами, «в защитный чехол», «а снаряжение, т. е. все ремни, футляр бинокля, свисток и портупею выкрасил в защитный цвет. Мало того, он приказал всем офицерам последовать его примеру» (на это, впрочем, пошли лишь двое, а прочие заявили, что изменить Высочайше утвержденный цвет снаряжения не имеют права)¹. Командир 1-й батареи 32-й артиллерийской бригады подполковник П.Н. Шамшев, не дожидаясь последовавшего лишь 31 октября (13 ноября) 1914 г. приказа военного министра о введении защитных офицерских погон, уже при мобилизации «обернул» погоны своей солдатской шинели «защитной тряпкой», «начертал на ней чернильным карандашом две полоски» (штаб-офицерские просветы) «и добавил к этому еще три кляксы в соответствии с тремя звездочками подполковника»². И это артиллерист, готовившийся стрелять с закрытых, недостижимых для ружейного огня противни-

ка позиций! Каким-то клапаном из «серой» ткани закрыл свои шинельные погоны и прапорщик 171-го пехотного Кобринского полка В.В. Завадский. Упомянутый им «серый погон», «под которым», когда его сорвал пленивший Завадского немец, «блеснул золотой»³, невозможно отождествить с защитным офицерским погоном. Ведь этот последний был введен всего за два дня до пленения Завадского (которое произошло 2 (15) ноября 1914 г.), и на фронт такие погоны попасть еще не могли. Да и зачем пришивать (или пристегивать) защитный погон поверх галунного, а не вместо него?

Примеру Завадского и Шамшева последовали, по-видимому, и те увиденные в октябре 1914 г. под Ивангородом генерал-лейтенантом В.В. Артемьевым офицеры 75-й пехотной дивизии, на офицерский статус которых указывали лишь офицерские кокарды⁴. Можно предположить, что нарисованные ими химическим карандашом на защитном или шинельном сукне просветы и звездочки были размыты дождем: у Шамшева так и произошло, а дожди в те дни под Ивангородом шли обильные...

По свидетельству полковника В.В. Чеславского, защитную ткань обернули при выступлении на фронт погоны и некоторые офицеры 10-й кавалерийской дивизии. А проезжая в первые недели войны через находившиеся в глубоком тылу Харьков и Киев, Чеславский видел «многих офицеров, военных чиновников и даже Земгоров и Земсоюзов [здесь мемуарист ошибся: Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, созданная на их основе структура, известная как Земгор, и служащие всех этих организаций, одетые в военизированную форму, появились позже. – А.С.], кои не только погоны, но и кокарды закрыли защитным сукном»⁵. Здесь «маскировочный психоз» зашел совсем далеко: защитные кокарды в русской армии официально так никогда введены и не были...

Конечно, все это были крайние случаи. Тем не менее, по аналогии с «проектом напуганных» (проектом линейных кораблей типа «Севастополь», навеянным поверхностным, эмоциональным восприятием опыта Цусимы) защитную (и, шире, походную) униформу русской армии образца августа 1914 г. можно назвать «униформой напуганных». Приказом по Военному ведомству № 535 от 21 августа (4 сентября) 1914 г. ее предписывалось лишить практически всех цветных (то есть не защитного цвета) деталей – не только цветных погон (что предусматривалось и ранее), но и цветных выпушек (кантов), а также цветных клапанов (петлиц) на воротнике шинели. Цветными

на походной униформе теперь должны были быть лишь шифровка и нашивки на погонах нижних чинов, просветы и канты офицерских погон (после введения 31 октября (13 ноября) для офицеров погон защитного цвета – просветы) да лампасы у казаков. Серо-синий цвет походных шаровар кавалерии и конной артиллерии – принятый еще в XIX в. из-за устойчивости к воздействию конского пота – фактически тоже являлся защитным (защитная униформа австро-венгерской и французской армий была схожих оттенков).

Исключение сделали лишь для пеших артиллеристов, лейб-гвардии Гусарского, 5-го гусарского Александрийского и 11-го гусарского Изюмского полков, которым оставили соответственно темно-зеленые (у нижних чинов черные) шаровары, темно-синие, черные и темно-синие чакчиры.

Радикальная обесцвеченность русской походной униформы 1914 г. дополнялась еще более радикальной унификацией: покрой русского защитного обмундирования (в отличие, например, от германского и австро-венгерского) изначально был одинаков для всех родов войск. В итоге выступившие в 1914 г. на фронт русские войска выглядели как «серый [...] однообразный поток»⁶. Кстати, цвет русской защитной униформы 1914–1917 гг. однозначно определить невозможно: для нее использовались ткани разных оттенков. Так, летом 1914 г. униформа чинов 10-й кавалерийской дивизии и III Сибирского армейского корпуса русским офицерам казалась «серо-желтой», «песочно-серой», а австрийским кавалеристам – участникам боя с 10-й кавалерийской под Ярославице – «землисто-коричневой» или «коричнево-зеленой»; наступавшие же цепи 1-й бригады 8-й пехотной дивизии были на немецкий глаз «зеленоватыми»⁷. Летом 1915 г. в одной и той же дивизии эскадроны 14-го гусарского Митавского полка выглядели «серыми», а сотни 14-го Донского казачьего – «коричневыми»; гвардия летом 1916 г. носила «зеленоватые» рубахи⁸.

Конечно, обесцвеченность и унификация удешевляли обмундирование и повышали его защитные свойства. Но одновременно они затрудняли формирование и/или поддержание корпоративной спайки воинской части, которая повышала боевые качества войск. Человек есть «животное общественное», и для него естественна привязанность к корпорации, членом которой ему довелось стать. В историографии уже не раз отмечалось, что одним из важнейших стимулов хорошо драться для солдата и в XIX, и в XX в. было стремление не подвести товарищей. Этот стимул мог быть усилен осознанием

почетности принадлежности к той части, в которой солдат служит. «Для качества полка», подчеркивал известный военный писатель, участник Кавказской войны, генерал Р.А. Фадеев, «чрезвычайно важно», «чтобы все чины считали свой полк первым в свете, свято хранили его предания, готовы были идти на ножи со всяким чужим за его славу. [...] Только при таком развитии часть будет составлять одно боевое целое [...] такое целое, в котором ни одиночный человек не выдает товарища, ни рота не выдает роту, ни полк во всем составе не допустит кого-либо превзойти себя»⁹.

Но формирование этого корпоративного духа возможно «лишь тогда, когда полк имеет личность»; «надобно непременно, чтобы полк имел свой нравственный оттенок, свою оригинальность, свои обычаи»¹⁰. И уж хотя бы, добавим, отличия в форме одежды – также укрепляющие чувство принадлежности к корпорации. Еще в XIX в. было подмечено, что «дорожат войска наиболее теми предметами обмундирования, которые принадлежат не всем, а известной категории полков (еще более одному полку)», что они «более ценят и любят формы оригинальные, нежели истинно красивые, и даже комбинации цветов явно негармоничные считают наиболее удачными, если оне составляют особенность части»¹¹. И действительно, когда летом 1917 г. командир 1-го гусарского Сумского полка, «чтобы поднять дух» разлагаемых революцией гусар, выдал им вместо общекавалерийских серо-синих шаровар краповые чакчиры, этот специфически гусарский атрибут, «мера имела успех. Люди почувствовали себя гусарами, как-то выделались из общей серой солдатской массы»¹².

Несомненно, именно поэтому в целом ряде частей в нарушение приказов продолжали носить цветные предметы или детали обмундирования. Ведь все это были части, где корпоративный дух культивировался сильнее, чем в других (этому способствовали как их привилегированный статус или престижность специфики их службы, так и подбор в них офицеров с наиболее сильно развитой профессиональной мотивацией, а в казачьих частях – традиции контингента, которым они комплектовались). Речь идет главным образом о гвардии, кавалерии и казачьих войсках.

Так, нижние чины гвардейской пехоты всю войну продолжали носить вместо защитных погон алые или малиновые (с унтер-офицерскими нашивками из желтой тесьмы или золотого либо серебряного галуна), а также белую, алую, желтую или малиновую (цвета дивизии, а у стрелков – цвета полка) тесьму на обшлагах и алую, желтую,

светло-синюю, белую или темно-зеленую (цвета полка) либо малиновую (в стрелковых полках) тесьму вдоль планки рубахи¹³. Такую же тесьму носили на рубахах и офицеры гвардейской пехоты, а на их кителях и френчах сохранялись цветные канты на обшлагах (цвета дивизии, а у стрелков – полка) и клапанах нагрудных карманов (цвета полка, а у стрелков – малиновые)¹⁴. Что до гвардейских конницы и конной артиллерии, то, по крайней мере, в лейб-гвардии Уланском Его Величества и лейб-гвардии Гродненском гусарском полках (тогда уже переименованных в гвардейский Варшавский уланский и гвардейский Гродненский гусарский) и 3-й батарее лейб-гвардии Конной артиллерии солдаты и унтер-офицеры носили соответственно алые с темно-синим кантом, малиновые и алые погоны еще и в ноябре 1917 г., а в лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку, по крайней мере, еще поздней осенью 1914 г. сохраняли присвоенные гвардии белые ремни амуниции¹⁵. О сохранении гвардейцами цветных петлиц на шинелях после этого нечего и говорить; лейб-гвардии 3-й стрелковый полк отличали по его малиновым петлицам еще и в июне 1917-го¹⁶.

В армейской кавалерии также встречалось ношение нижними чинами цветных погон вместо защитных. Так, в 1-м гусарском Сумском полку при мобилизации им выдали рубахи с алыми погонами; в 13-м гусарском Нарвском желтые погоны еще в ноябре 1914 г. носили, по крайней мере, на шинелях (вместе со светло-синими с желтым кантом петлицами)¹⁷. Среди гусарских офицеров было распространено ношение краповых чакчир; это зафиксировали, например, воспоминания командира 10-го гусарского Ингерманландского полка В.В. Чеславского, известный рисунок В.И. Шухаева – набросок к портрету ротмистра 4-го гусарского Мариупольского полка А.И. Вольского (1916) – и поэтическая картинка фронтového офицерского быта, набросанная зимой 1915/1916 г. ординарцем командира 1-го гусарского Сумского полка А.А. Виленкиным¹⁸:

На ржавых гвоздях в беспорядке висят
 Всюду фуражки, папахи, рубашки,
 Бинокли, палетки, и тускло блестят
 Среди краповых чакчир истертые шашки.

В казачьих войсках художники, фотографы и очевидцы зафиксировали ношение нижними чинами на фронте цветных погон в 1-м Линейном полку Кубанского казачьего войска, одном из батальонов 3-й Кубанской пластунской бригады, 1-м Волгском полку Терского

казачьего войска, 1-м и 2-м Сибирских казачьих, 1-м Читинском полку Забайкальского казачьего войска¹⁹ и ряде других частей. А в большей части полков Кубанского и Терского войск вообще не носили защитную униформу – слишком резко контрастировавшую с их традиционным обмундированием кавказского образца. На Кавказском фронте это, по-видимому, было общей нормой; так, на фронтовых фотографиях чинов 1-го Кавказского и 1-го Лабинского полков Кубанского войска и одного из батальонов 3-й Кубанской пластунской бригады в защитные рубахи или кителя (а не в цветные черкески и бешметы) одеты лишь единичные офицеры и военные чиновники²⁰. Но и в воевавшем на Юго-Западном фронте 1-м Линейном полку Кубанского войска офицеры, по свидетельству видевшего тогда линейцев Н.В. Шинкаренко, вышли на войну в черкесках, а казаки – с алыми башлыками, повязанными на защитные рубахи²¹. К лету 1916 г., судя по воспоминаниям П.Н. Краснова, к черкескам серого цвета в этом полку вернулись (сохранив алые башлыки и алые погоны) и казаки, а 1-я Кубанская и 1-я Терская казачьи дивизии изначально, осенью 1914 г., прибыли на Юго-Западный фронт в черкесках и бешметах²².

Явно были и не отказавшиеся от цветных погон части армейской пехоты – опять-таки выделявшиеся своим статусом или престижностью специфики службы. Так, нет сомнения в том, что нижние чины 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии сохранили на фронте свои зеленые (цвета молодого березового листа), «пограничные» погоны. Иначе невозможно объяснить прозвища «зеленые черти» и «зеленая гвардия», данные замурцам врагом после летних боев 1916 г. в Галиции²³ (сохранение замурцами фуражки с зеленой тульей куда менее вероятно: она демаскировала гораздо сильнее). По сведениям Н.В. Шинкаренко, в цветных (малиновых) погонах прибыли на фронт и нижние чины 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка («полку Его Величества не годилось менять их на защитные»²⁴) – хотя к лету 1916-го, когда Шинкаренко увидел эту часть лично, они уже носили защитные. И поистине не поддаются учету случаи ношения чинами армейской пехоты цветных шинельных клапанов.

Мы не рассматриваем здесь случаи ношения цветного обмундирования в тылу и случаи вынужденного его ношения на фронте – из-за нехватки защитной униформы. Именно по последней причине ряд дружин ополчения в 1914 и начале 1915 г. воевал в темно-зеленых

(практически черных) мундирах образцов 1881 и 1907 г. и в фуражках с такой же тульей и околышами различных цветов, а какая-то часть 54-й пехотной дивизии вышла на войну в шинелях с желтыми (да еще и чужими, гренадерскими) погонами²⁵ – достаточного мобилизационного запаса защитных погон во 2-й гренадерской дивизии, из кадра которой развернули с началом войны 54-ю пехотную, создано, видимо, не было.

Нетрудно заметить, что пристрастием к выделяющим их цветным деталям обмундирования отличались на фронте части как раз тех категорий, которые сражались наиболее стойко. Конечно, тот факт, что процент пленных в общем числе потерь был наименьшим как раз у казаков, гвардии, пограничников, стрелков и кавалерии²⁶, нельзя напрямую выводить из стремления этих частей сохранять традиционные детали униформы. Но опосредованная связь тут, безусловно, есть: сохранение отличий в униформе укрепляло корпоративный дух частей, а это, в свою очередь, способствовало поддержанию в них боевого духа.

Крайне интересно сообщение бывшего командира 52-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта В.В. Артемьева, известное, к сожалению, лишь в изложении ознакомившегося в 20-е гг. с рукописью воспоминаний Артемьева генерал-майора В.В. Чернавина. Согласно этому изложению, по крайней мере, в начале войны (воспоминания охватывают период с 18 (31) июля 1914 г. по 20 июня (3 июля) 1915 г.) нижние чины 52-й дивизии носили «цветные петлицы и околыши»²⁷. В ношении первых, как уже отмечалось, ничего необычного не было, но упоминание о цветных околышах уникально. Поскольку защитные фуражки цветных околышей не имели, получается, что не только в ряде дружин ополчения, но и в кадровых 205-м пехотном Шемахинском, 206-м пехотном Сальянском, 207-м пехотном Новобаязетском и 208-м пехотном Лорийском полках нижние чины носили на фронте не защитные, а цветные фуражки – с темно-зеленой, практически черной тульей и соответственно алым, светло-синим, белым и темно-зеленым (практически черным) околышем. И носили не из-за нехватки защитных, а по распоряжению командования дивизии или полков: «это резко отличало полки и предохраняло от путаницы и недоразумений» в боевой обстановке²⁸.

Сообщение В.В. Артемьева нуждается в проверке – как в силу своей необычности, так и потому, что читается в чужом изложении. Но оно напоминает об еще одной проблеме, порожденной радикаль-

ными обесцвечиванием и унификацией походной униформы русской армии – об усложнении управления подразделениями.

Здесь прежде всего сыграла роль массовая смена в начале войны офицерами присвоенных им защитных кителей и походных мундиров (отличавшихся от кителя лишь сортом ткани) на солдатские рубахи (впоследствии названные гимнастерками), а офицерских пальто на шинели солдатского сукна и покроя. В результате офицеры сливались с общей массой, солдаты чаще теряли их из виду, и управляемость подразделений снижалась. Неразбериху, возникшую 3 (16) и 8 (21) октября 1914 г. под Ивангородом в частях 75-й пехотной дивизии, тот же В.В. Артемьев объяснял тем, что офицеры, «одетые в солдатскую форму (только кокарды офицерские), не могли привести людей в порядок (их в толпе люди не замечали и не отмечали)»²⁹. Явно это же имел в виду и генерал-лейтенант Н.А. Клюев, когда писал о пехоте своего XIII армейского корпуса, выдвигавшейся в августе 1914 г. к границе Восточной Пруссии: «Офицеров было мало видно (на пох[оде]), да и то [выделено мной. – А.С.] переодетых в солдатск[ую] одежду»³⁰. Хуже того, солдаты 75-й дивизии говорили о таких офицерах: «За нас прячутся»³¹. Иными словами, переодевание в солдатскую униформу подрывало авторитет офицера – а значит, и дисциплину.

Толчок к переодеванию офицеров в солдатские рубахи и шинели был дан Высочайшим повелением 22 октября (4 ноября) 1912 г. о ношении офицерами в действующей армии и в местностях, объявленных на военном положении, солдатского обмундирования – «дабы не слишком выделяться среди солдат и тем избежать ненужных потерь»³². И, по меньшей мере, в некоторых приграничных кавалерийских частях (срок мобилизации которых исчислялся несколькими часами) к началу войны уже заготовили комплекты рубах на весь офицерский состав – чтобы с объявлением мобилизации тот мог облачиться в «солдатскую одежду». Так, корнет 3-го уланского Смоленского полка П.С. Бассен-Шпиллер сразу же по получении приказа о мобилизации, в ночь на 18 (31) июля 1914 г., принял в цейхгаузе свое «новое походное обмундирование (солдатского образца)»³³.

Подобное решение тоже было «решением напуганных». Во-первых, из деталей, отличавших офицера от солдата, даже на близком расстоянии бросались в глаза не покрой обмундирования, а блестящие детали униформы и оружия. Красноречива запись в дневнике подпоручика лейб-гвардии Финляндского полка А.А. Иванова от

20 августа (2 сентября) 1914 г.: «Наших солдат почти не видно. У офицеров блестят кокарды, погоны и шашки»³⁴... Во-вторых, вне зависимости от униформы и снаряжения, офицера в бою выдавало его поведение. Офицеры шли впереди наступающих цепей; офицера (как здраво рассудил, пристегивая в конце мая 1916 г., перед Луцким прорывом, вместо защитных погон золотые, один из офицеров 5-го стрелкового полка) «всегда можно узнать, потому что он не будет ложиться, командуя людьми во весь рост, и будет без винтовки»³⁵. «Думать, что противник не может издали различить, кто начальник и кто подчиненный – заблуждение, – подытожил генерал-лейтенант Я.М. Ларионов, – так как на открытой местности место и поведение начальника видны издалека; если же местность закрытая, то в солдатской шинели совсем нет никакой надобности. [...] По многим сделанным мною наблюдениям я утверждаю, что приказ об обязательном ношении генералами и офицерами солдатской шинели принес огромное зло командному составу нашей армии, уронив достоинство и престиж генералов и офицеров в глазах солдатской массы и подорвав дисциплину в армии, которая не так, как ранее, стала чутка относительно исполнения отдаваемых приказаний. Если форма одежды еще в мирное время резко отличает начальствующих лиц от подчиненных, которые привыкают видеть в ней силу закона, власти и государственные заслуги, то тем необходимее сохранить в них сознание этой силы и власти в военное время»³⁶.

И не удивительно, что при мобилизации часть офицерства нарушила приказ военного министра, объявивший Высочайшее повеление 1912 года. Из мемуаров и фотографий видно, что, если, например, в лейб-гвардии Преображенском и 97-м пехотном Лифляндском полках все офицеры надели тогда солдатские рубахи, то в 10-м гусарском Ингерманландском некоторые (хотя и меньшинство) остались в кителях; в кителях же вышли на войну как минимум часть офицеров лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка (в нем, правда, и часть нижних чинов была одета не в рубахи, а в отмененные для них в 1912 г. походные мундиры) и 1-го Оренбургского казачьего полка, командир 3-го пехотного Нарвского полковник Н.Г. Загнеев, ротмистр барон П.Н. Врангель (лейб-гвардии Конный полк), капитаны П.Б. Сушильников (12-й гренадерский Астраханский полк) и А.А. Успенский (106-й пехотный Уфимский полк), подпоручики В.А. фон Агте (85-й пехотный Выборгский полк) и В.Е. Милоданович (5-я батарея 32-й артиллерийской бригады)³⁷ и многие

другие. Вне всякого сомнения, многие рассуждали при этом так же, как офицеры 52-й пехотной дивизии, которые не только не сменили золотые погоны защитными, но и вообще «считали неудобным «переряживаться» в солдатскую форму»³⁸ (т. е. ронять офицерское достоинство). Другие, видимо, были движимы тем же, чем офицерская молодежь 1-го саперного батальона, «которая несколько бравировала своей храбростью» (рубахи она все-таки надела, подчиняясь приказу, но серебряные погоны оставила)³⁹.

В ходе войны «маскировочный психоз» стал постепенно проходить. Осознав, видимо, что предвоенные опасения были преувеличенными, что степень заметности начальника в бою определяется прежде всего его поведением, а не униформой, с 1915 г. многие офицеры стали носить вместо рубах более удобные и эффектные френчи так называемого «русского образца»; вместо защитных погон они все чаще носили галунные, а в артиллерии стали заменять защитные фуражки цветными. Рубаху нередко подпоясывали... парадным офицерским шарфом.

Любопытно, что в тылу шел обратный процесс. Если фронтовые офицеры возвращались к галунным погонам, то тыловые увлеклись защитными, и в феврале 1916 г. военному министру пришлось напомнить, что защитные погоны офицеры могут носить, только находясь в действующей армии. Впрочем, парадокс здесь только кажущийся; в действительности перед нами еще одно проявление того факта, что одежда влияет на настроение и самооценку того, кто ее носит. И защитные погоны, и солдатские рубахи тыловые офицеры и военные чиновники надевали явно из соображений престижа – чтобы походить на фронтовиков. Почему, к примеру, офицеры и военные чиновники управления дежурного генерала Ставки Верховного Главнокомандующего на групповом фотоснимке, сделанном в Барановичах осенью 1914 г., поголовно одеты в солдатские походные рубахи образца 1912 г.⁴⁰? Вражеские стрелки в глубоком тылу им угрожать не могли, а для канцелярской работы, которой они занимались, рубахи образца 1912 г. были неудобны из-за отсутствия карманов. Скорее можно предположить, что они рассуждали так же, как воспитанники кадетских корпусов, прослышавшие в 1915 г., что кадеты Хабаровского корпуса получили якобы защитную униформу. «Очень все завидовали. Все-таки как-то ближе к «смерти храбрых»»⁴¹...

(Впрочем, на некоторых мог повлиять пример начальника управления П.К. Кондзеровского. Случайно ли, что у него – который на

упомянутом выше фотоснимке и сам одет в солдатскую рубашу – все офицеры и военные чиновники облачились в рубашки, а в управлении генерал-квартирмейстера Ставки – возглавлявший которое Ю.Н. Данилов продолжал подчеркнуто аккуратно носить китель – моде на рубашки (как свидетельствует групповой фотоснимок той же осени 1914 г.) поддалась лишь половина офицеров^{42?})

Итак, защитная униформа русской армии в Первую мировую войну определенно влияла на моральное состояние солдат и офицеров, причем в действующей армии (в отличие от тыла) влияние это было негативным. Чрезмерно обесцвеченная и унифицированная из-за слишком эмоционально воспринятого опыта войны с Японией русская защитная (и, шире, походная) униформа тех лет мешала как поддержанию корпоративного духа воинской части, этого залога ее высокого боевого духа, так и (из-за стирания внешних отличий между офицерами и солдатами) поддержанию дисциплины. И не случайно в частях, наиболее проникнутых военным духом, всю войну самостоятельно избавлялись от чрезмерной «защитности» уставной униформы.

---

¹ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 9–10.

² Милоданович В.Е. Полковник Петр Николаевич Шамшев // Военная быль. 1958. Июль. № 31. С. 19.

³ Корсак В. Плен. Париж, 1927. С. 19.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 61. Л. 16.

⁵ Чеславский В.В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну [в] 1914–1917 годах. Чикаго, 1937. С. 31.

⁶ Войтоловский Л. Выходил кровавый Марс. По следам войны. М., 1998. С. 4.

⁷ Сливинский А.В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. Б.м., 1921. С. 21; Саянский Л.В. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера // Великая война 1914 г. Сборник историко-литературных произведений. М., 2014. С. 29; ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 33. Л. 108; Богданович П. Бой I Бригады 8-й пех. Дивизии (XV арм. корпуса) 10/23 августа 1914 года в районе деревни Орлау (отрывок из готовящегося к печати очерка «Операция у Сольдау 1914 года») // Часовой. 1939. 1 августа. № 240–241. С. 33;

⁸ Фон-Царевский Б. Атака 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии у Нерадово 16-VII-1915 г. // Военная быль. 1956. Июль. № 19. С. 22; Белогорский Н. На Великой... // Часовой. 1972. Декабрь. № 558. С. 12.

⁹ Фадеев Р.А. Вооруженные силы России. М., 1868. С. 113.

¹⁰ Там же.

¹¹ Адамович Б. О формах одежды. Варшава, 1898. С. 7, 12.

¹² Сумские гусары. 1651–1951. Буэнос-Айрес, 1954. С. 255.

¹³ См., напр.: Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Дни

перелом Галицийской битвы (1 – 3 сентября нового стиля). Париж, 1940. С. 72; Степанов А. Царский смотр // Вестник союза офицеров участников войны. № 1. Париж, 1928. С. 11; Белогубцева Н.И. Военный альбом. 100 фотографий Первой мировой войны (1914–1918) из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2014. С. 35, 72; Белогорский Н. На Великой... С. 12; Прошляков А. «Георгий» на советском мундире. Биографический очерк генерал-полковника К.П. Трубникова // Цейхгауз. 2001. № 1 (13). С. 44; Ветеран // Родина. 2014. № 8. С. 37.

¹⁴ См., напр.: Летопись войны 1914–1915 гг. 1915. 25 апреля. № 36. С. 574; Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л. 1988. С. 94; Минаков С.Т. 1937. Заговор был! М., 2010. С. 71; Белогубцева Н.И. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Новиков С. Конец родного полка // Военная быль. 1968. Январь. № 89. С. 17; Гоштовт Г. Ленкава // Часовой. 1933. 1–15 апреля. № 101–102. С. 30.

¹⁶ Никольской С. На воздушном корабле. Из дневника войны 1914–1917 гг. // Никольской С.Н., Никольской М.Н. Бомбардировщики «Илья Муромец» в бою. Воздушные линкоры Российской империи. М., 2008. С. 126.

¹⁷ Сумские гусары. С. 161; Гоштовт Г. Ленкава // Часовой. 1933. Август. № 106. С. 17.

¹⁸ Пушкарев В.А. Акварели и рисунки в Государственном Русском музее. XVIII – начало XX века. М., 1982. № 111; Чеславский В.В. Указ. соч. С. 264; Сумские гусары. С. 240.

¹⁹ Краснов П.Н. Казачьи войска // Казачий круг. Вып. 1. М., 1991. С. 68; Військова слава України XVIII – поч. XX сторіччя за матеріалами приватної колекції родини Шереметьєвих. Київ, 2007. С. 12, 13; Вертепов Д. На войну! // Военная быль. 1959. Май. № 36. С. 9; Ионов А.М. Сибирскому казаку (по случаю 375-летия Сибирского Казачества) // Часовой. 1957. Февраль. № 373; Щербина Т. В зале несуществующего музея // Родина. 1993. № 8–9. С. 154.

²⁰ См.: Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. Вклады м. с.128 и 129; Військова слава України... С. 12, 13.

²¹ Белогорский Н. Начало Великой // Часовой. 1971. Март. № 537. С. 10, 12. Поскольку эти воспоминания Н.В. Шинкаренко беллетризованы, фамилии и названия в них изменены, и 1-й Линейный фигурирует под своим былым названием 1-го Урупского.

²² См.: Краснов П.Н. Указ. соч. С. 68; Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. Вклады между с. 512 и 513.

²³ Бульгин В. Из истории Великой войны. Бой 3 и 4 сентября 1916 г. у деревни Свистельники // Часовой. 1959. Март. № 396. С. 10.

²⁴ Белогорский Н. Начало Великой // Часовой. 1971. Сентябрь. № 543. С.17; Он же. На Великой // Часовой. 1973. Январь. № 559. С. 16. Полк фигурирует у автора как 1-й Западно-Сибирский (см. прим. 21).

²⁵ См., напр.: Гоштовт Г. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931. С. 88, 165; Кочубей В. Из воспоминаний об одной дальней разведке // Военная быль. 1962. Июль. № 55. С. 38, 40.

²⁶ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 192.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 16.

³⁰ Там же. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 5. Л. 39. Цитируется по копии, снятой полковником

Н.Г. Загнеевым с рукописи, написанной Клюевым к началу 1915 г. в плену.

³¹ Там же. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.

³² Мацылев С. Из Далекого Прошлого // Часовой. 1953. Январь. № 326. С. 18; Верцинский Э.А. Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллин-Ревель, 1931. С. 98.

³³ Бассен-Шпиллер П.С. Из воспоминаний старого улана. 3-й уланский Смоленский Императора Александра III полк в первые дни мировой войны // Военная быль. 1960. Ноябрь. № 45. С. 6.

³⁴ Цит. по: Петров Ф.А. Первый год Первой мировой. Дневники и письма юных офицеров из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14 – 16 мая 2014 года. Ч. III. СПб., 2014. С. 441.

³⁵ К.Р.Т. Фронт // Военная быль. 1974. Март. № 127. С. 35.

³⁶ Ларионов Я.М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (составлены по дневнику и полевым документам). М., 2009. С. 75–76.

³⁷ Летопись войны 1914–1915 гг. 1915. 25 апреля. № 36. С. 574; Невзоров А. Начало 1-ой Великой войны // Военная быль. 1964. Июль. № 68. С. 3; Бой 8 авг. 1914 г. у д. Ярославлице по свидетельству Генерального Штаба полковника С.Н. Ряснянского // Первопоходник. 1976. Декабрь. № 34. Прилож. С. 5; Белогубцева Н.И. Указ. соч. С. 11, 14, 32; Ганин А., Левченко А., Семенов В. История 1-го Оренбургского казачьего полка (с полковым фотоальбомом 1895 г.). Харьков, 2007. Вкладки между с. 22 и 23; ГАРФ. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.; Оськин М.В. Крушение германского блицкрига в 1914 году. М., 2006. 4-я стр. обложки; Сушильников П.Б. Из воспоминаний Астраханского гренадера. 1914 год // Пестржецкий М.И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011. С. 250; Успенский А. А. На войне. Восточная Пруссия – Литва. 1914 – 1915 гг. // Успенский А.А. На войне. В плену. Воспоминания. СПб., 2015. С. 89; Агте В., фон. «Вглядевшись, я понял, что это немец...» // Родина. 2014. № 8. С. 55; Милоданович В.Е. Скваржава. Воспоминания участника о первом бое 32-ой пехотной дивизии 13/26 августа 1914 года // Военная быль. 1967. Январь. № 83. С. 19.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 61. Л. 16.

³⁹ Мацылев С. Указ. соч. С. 18.

⁴⁰ Летопись войны 1914 года. 1914. 13 декабря. № 17. С. 275.

⁴¹ Яконовский Е. Война // Военная быль. 1953. Январь. № 4. С. 22.

⁴² Летопись войны 1914 года. 1914. 15 ноября. № 13. С. 206.

В.А. Стрельников (Москва)

УКРЕПЛЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ДУХА РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЕЕ ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Среди задач по реформированию и преобразованию русской армии во второй половине XIX в. важнейшее место занимали вопросы совершенствования воспитания и обучения войск, подъема на новый уровень их тактической подготовки, являющейся венцом боевой учебы. В ходе занятий по тактике происходило совершенствование умений и навыков нижних чинов и офицеров по применению индивидуального и группового вооружения в полевых условиях, слаженности действий подразделений, частей и соединений в различных видах боя.

Тактическая подготовка имеет также большие потенциальные возможности для формирования высоких морально-боевых качеств у воинов, наращивания у них нравственной энергии, боевого духа, без чего трудно рассчитывать на успех в боевой подготовке, тем более в бою. Так, в ходе разнообразных полевых занятий, учений, маневров возникают ситуации, требующие проявления почти всей совокупности качеств, необходимых в боевых условиях. Только сложная и напряженная боевая учеба закаляет характер воина, оттачивает его профессиональное мастерство и воспитывает по-настоящему боевой дух.

Видные военные ученые и военачальники обращали на это внимание офицеров и рекомендовали им полнее использовать возможности тактической подготовки для морально-психологической закалки обучаемых, для формирования у них высокого морального духа. В частности, профессор Императорской военной академии генерал-лейтенант барон Н. Медем в 1837 г., писал, что, чтобы войско отвечало своему назначению, оно должно быть не только хорошо воо-

ружено и обучено, но и «иметь два других необходимых качества: дисциплину и нравственную силу, без которых первые условия не принесут желаемой пользы»¹.

Под дисциплиной профессор понимал «безусловное и точное исполнение всех приказов начальников», а под нравственной силой – «все вообще душевные качества, необходимые для войска». И далее в книге были названы эти качества: «1) мужество, или готовность жертвовать во всякое время жизни за государя, отечество и славу оружия; 2) усердие к точному исполнению всех приказаний начальников; 3) способность переносить все трудности войны (как-то: голод, усталость и пр.) бодро и без ропота; 4) твердая уверенность в успехе своих действий, несмотря ни на свои потери, ни на преимущества неприятеля»².

Войска в ходе тактического обучения, подчеркивал автор, должны обращать на эти вопросы особое внимание и учитывать при тренировках построений боевых порядков «влияния их на нравственные силы наших и неприятельских войск»³. Как видим, профессор Н. Медем придавал исключительно большое значение моральному фактору и рекомендовал тщательно учитывать его в тактической подготовке войск и в ходе боевых действий.

Однако Восточная (Крымская) война (1853–1856) выявила немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в тактике действий подразделений и частей, в слаженности и взаимодействии различных родов оружия.

Причин недостаточно высокой полевой выучки русских войск было немало, но основной из них являлась недооценка роли тактической подготовки, увлечение внешней стороной военного дела. Характеризуя строевое обучение николаевской армии, военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин писал: «В деле военном, которым Николай I занимался с таким страстным увлечением, преобладала забота о порядке и дисциплине, занимались не существенным благоустройством войск, не приспособлением его к боевому назначению, а гонялись за внешней только стороною, за блестящим видом на парадах, педантизмом, соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинно воинский дух»⁴.

Показуха и формальный подход наблюдались во всем и во всех видах боевой учебы, в том числе в тактической подготовке войск. Поэтому не удивительно, что русская армия, прежде всего пехота,

оказалась слабо подготовленной к боевым действиям. Особенно она не имела навыков в стрельбе. Участник боевых действий в Придунайских княжествах в 1853 г. капитан П. Алабин по этому поводу отмечал: «У нас очень мало людей, умеющих стрелять, так как этому искусству никогда не учили толком, систематически, никогда не употребляя по назначению порохов, отпускаящийся в ничтожном впрочем, количестве для практической стрельбы, а раздаривая большую его часть знакомым помещикам...»⁵.

Что же касается кавалерии, то и она не более пехоты была пригодна к боевым действиям. Слабо выезженные лошади, приученные к фальшивым атакам на пехоту, обычно подскакивали к фронту и останавливались или поворачивали обратно, но не совершали сквозных атак. В бою лошади не изменяли своей привычке и повторяли этот маневр, как на тренировках. Артиллерия, хотя и составляла лучшую часть полевых войск, но также страдала многими недостатками, которые отмечались у пехоты и кавалерии.

Эти недостатки в боевой подготовке не могли не сказаться на психологическом состоянии офицеров и солдат, их уверенности в своих силах, на эффективном использовании оружия, боевых приемов и порядков как в мирных условиях, так особенно в первые месяцы Крымской войны. «В действиях под Журжей⁶, – отмечал А.М. Зайончковский, – мы не видим той суеи и растерянности, которую обычно проявляли до того времени частные начальники в большинстве случаев их встреч с врагом... Уроки войны сказались с большой пользой для дела»⁷.

Низкий уровень тактической подготовки войск объяснялся и тем, что в русской армии до начала 70-х гг. XIX в. системы регулярной подготовки офицеров при прохождении ими службы не было. Считалось, что объем полученных в военно-учебных заведениях знаний, практических навыков и умений вполне достаточен для выполнения офицерами своих профессиональных обязанностей. Основное внимание обращалось на совершенствование необходимых навыков в фехтовании, конной выездке, гимнастике, а также на воспитание у нижних чинов дисциплинированности и исполнительности. В то же время занятия по тактической подготовке и проверке умения командиров управлять подчиненными в бою не практиковались. На смотрах и учениях, в ходе инспекций проверка обычно ограничивалась показной стороной дела, строевой выправкой и шагистикой, завершавшейся церемониальным маршем.

В 1860-е гг., хотя внимание к боевой подготовке в Военном министерстве и военных округах усилилось, предметнее и эффективнее стала проводиться боевая учеба, тем не менее, плац-парадные принципы в системе обучения русской армии далеко еще не были изжиты. В пехоте и кавалерии предпочтение по-прежнему отдавалось более простым формам обучения. Упрощенный, порой формальный подход к тактической подготовке войск негативно сказывался на их боеспособности и морально-психологической подготовке. И только после новых значительных человеческих потерь и горьких уроков, извлеченных из ряда неудач в ходе Русско-турецкой войны (1877–1878), руководство Военного министерства и военных округов стало отказываться от устаревших методов обучения и широко использовать в тактической подготовке все новое и передовое.

«Нравственное воспитание солдата, – писал современник тех лет, – было признано в массе начальствующих лиц и стало быстро распространяться лишь по окончании последней русско-турецкой войны, когда во главе нашей армии появились даровитые руководители; и вместе с этим вопрос нравственного воспитания солдата стал предметом широкой разработки в текущей военной литературе...»⁸.

На основе опыта войн был подготовлен ряд работ⁹, в которых рассматривались различные вопросы, связанные с морально-психологическим состоянием войск, в том числе влияния морального фактора на их боеспособность. Эти книги содержат богатый фактологический материал, характеризующий морально-психологическое состояние русских полков в боевой обстановке, яркие примеры мужества, стойкости, непреодолимой воли к победе. Так, наблюдения в ходе войны показали, что одни части теряли свою боеспособность уже при потерях личного состава в 10–15 %, а другие сохраняли ее, в силу высокой моральной стойкости, и при потерях в 50 %¹⁰. А пехота отряда М.Д. Скобелева в ходе боев под Плевной 31 августа 1877 г. продолжала удерживать редуты, потеряв до 40 % своего состава, в некоторых же ротах потери достигали 75 %¹¹. Эти и многие другие подобные факты убедительно свидетельствовали о важности поддержания высокого морального духа войск, что достигалось не только обеспечением их всем необходимым, но и напряженной боевой учебой, высокой тактической выучкой, созданием нормальных уставных взаимоотношений между начальниками и подчиненными.

Военное ведомство после Русско-турецкой войны (1877–1878) было вынуждено подготовить для войск ряд новых уставов, инструк-

ций и наставлений, в которых морально-психологической подготовке было уделено значительно больше внимания. К их числу можно отнести «Инструкцию для действия в бою отрядов из всех родов оружия» (1882), «Инструкцию для действия в бою полевой артиллерии в связи с другими родами войск» (1882), «Инструкцию для маневрирования войск с боевой стрельбой из трех родов оружия» (1886), «Наставление для обучения стрельбе» (1889), «Устав о строевой пехотной службе с инструкцией для действий роты и батальона в бою» (1889), «Положение о саперных командах в пехоте» (1890) «Наставление для действия казачьих частей лавами» (1899) и др.

За период 80-х и первой половины 90-х гг. XIX в. для пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск было издано около 80 различных уставов, наставлений, инструкций по обучению войск¹². Подобная работа продолжалась и в последующие годы.

Новые регламентирующие документы сделали боевую подготовку более напряженной и целенаправленной, способствовали повышению полевой выучки войск, их психологической стойкости. Весь учебный год в соответствии с «Планом распределения годовых занятий в войсках» (1887) делился на два основных периода: зимний и летний, а каждый из этих периодов – на более мелкие. Наиболее напряженным и поучительным являлся летний период обучения. В ходе этого периода проводились занятия по практической стрельбе, саперному делу, военной топографии, полевой гимнастике (бег по пересеченной местности, преодоление оврагов, ручьев) и другим предметам.

Так, например, руководящие документы требовали выводить на полевую гимнастику солдат при полном снаряжении, с учебной винтовкой. В ходе занятий преодолевались препятствия, как в бою, кололись чучела, которые специально устанавливались на насыпях препятствий, выполнялись и другие задачи. Физические упражнения, полевая гимнастика, игры и спорт способствовали не только укреплению мышц, но и нервов. А это располагало к хорошему настроению, положительным эмоциям, ослаблению страха, повышению морально-психологической закалки.

Ежегодно согласно высочайше утвержденному расписанию занятий в войсках части выводились на полевые занятия обычно в апреле–мае в масштабе полков, а позже – в масштабе дивизий.

Для практической стрельбы артиллерия сосредоточивалась на полигонах, в одну или несколько очередей. Саперные части для летних

занятий имели отдельные бригадные сборы в Петербургском, Варшавском, Киевском и Одесском военных округах. Они участвовали в совместных занятиях с частями других родов войск.

Для совместных занятий трех родов оружия войска сосредоточивались на общие сборы по округам на срок до 4 недель, в конце которых проводились в 2–3 округах (поочередно) ежегодно большие маневры. С 1886 г. стали проводиться маневры между войсками двух смежных военных округов. Они обычно проходили в приграничной полосе и давали возможность войскам ознакомиться с местностью, которая могла стать театром военных действий, а также проверить на практике некоторые теоретические положения уставов и наставлений по тактике. Большие маневры являлись и хорошей школой формирования высоких морально-боевых качеств, воспитания воли, выносливости и ответственности.

Учитывая значительные расходы на подобные учения (более 500 тыс. р.), они проводились через год. В 1886 г, например, 12-дневные маневры проходили между войсками Виленского и Варшавского военных округов с участием 118 батальонов, 85 эскадронов и сотен и 210 орудий. Еще крупнее проходили учения в 1890 г. между войсками Варшавского и Киевского округов. В них участвовало 187 батальонов, 142 эскадрона и 456 орудий¹³. Подобные учения, наряду с отработкой тактических вопросов, являлись хорошей школой психологической закалки воинов, важным этапом в их профессиональном становлении.

С 1884 г. ежегодно стали проводиться учения в Одесском военном округе с высадкой морского десанта. Ввиду новизны и сложности отработываемых вопросов опыт десантирования накапливался медленно, но во многом он был интересным и поучительным, особенно в плане формирования высокого морального духа.

Почти ежегодно в военных округах проводились опытные учения с отработкой различных вопросов. В 1885 г., например, в Московском военном округе проводились крупные двусторонние маневры. После чего был совершен большой марш войск в двух параллельных колоннах с поддержкой между ними связи¹⁴.

Во время сбора артиллерийских частей округа было проведено также опытное учение с боевой стрельбой из всех родов оружия. В учении приняли участие 6 батальонов, 12 эскадронов, 18 пеших и 3 конных батареи¹⁵. Это учение показало, как отмечалось в отчете о деятельности Главного штаба за 1885 г., «что совокупная боевая

стрельба 3 родов оружия должна занять видное место между другими отделами современного обучения войск»¹⁶.

В летних общих сборах участвовала, как правило, большая часть войск округов, что свидетельствовало о высокой напряженности боевой учебы. Например, в 1885 г. в Петербургском военном округе в общих сборах участвовало 79 % пехоты, 98 % кавалерии и 85 % артиллерии. Примерно такое же соотношение участвовавших в сборах различных родов войск отмечалось в Виленском, Варшавском и Московском военных округах. В других военных округах в силу различных причин процент участвовавших в сборах войск был несколько ниже¹⁷.

В ходе тактической подготовки большое внимание уделялось натренированности солдат, от которой зависели в значительной степени боевая выучка, психологическая стойкость бойца, успех боя. Опыт войны свидетельствовал, что солдат, отлично натренированный в уколах штыком и ударах прикладом, сталкиваясь в тесной траншее с противником, не задумываясь, вступал с ним в единоборство, ловко парировал выпады врага и в конце концов выходил победителем. И чем больше у бойца было навыков и чем они были совершеннее, тем лучше он действовал в бою, ибо воину некогда думать о том, что он должен делать, например, в момент атаки. Он должен действовать автоматически, так как размышление в данном случае лишь замедлит выполнение задачи и может стоить ему жизни.

Натренированность в основных видах и приемах боя придает воинам уверенность в своих силах и имеет большое морально-психологическое значение. В боевых порядках они чувствуют себя смелее, их моральное состояние поддерживается близостью товарищей и начальников. Одновременные действия солдат (что достигается тренировкой) поднимают их боевой дух и, следовательно, умножают их силы, смелость.

Ознакомление с расписанием занятий пехотных частей показывает, что ежедневно предусматривались в ротах тренировки по стрелковой подготовке и отработке штыковых приемов. В коннице также проводились ежедневные тренировки по стрельбе в цель и с чучелами.

В 80–90-х годах XIX в. основные руководящие документы по боевой подготовке требовали от командиров создавать в ходе обучения нижних чинов условия, близкие к боевым. Так, например, в «Инструкции для ведения занятий в пехоте» отмечалось, что «двусторон-

ние маневры совмещают в себе все предыдущие отделы полевого обучения войск, а потому должно стремиться производить их в обстановке, наиболее подходящей к боевой»¹⁸.

Только такой подход позволял в ходе боевой учебы подготовить смелого, решительного, психологически стойкого солдата, готового ко всем испытаниям в бою. Ибо присущая бою опасность создает особые условия психической деятельности бойца. «Последствия опасности влияют всецело на дух, – говорил К. Клаузевиц, – или непосредственно инстинктивно, или же путем разума. Первое впечатление выразится желанием уклониться от опасности, а неисполнимость этого – порождает боязнь и страх»¹⁹.

Насколько рассудочность бойца уменьшается в условиях опасности, свидетельствует один характерный факт: в эпоху, когда ружья заряжались с дула, значительное число ружей, подобранных после боя на поле сражения, оказывалось заряженными несколько раз. Это подтверждает и большая разница между незначительным числом убитых и раненых по сравнению с огромными цифрами израсходованных в бою патронов и снарядов.

Эти примеры свидетельствуют о принципиальном отличии стрельбы в бою и на стрельбище. Да, стрельба в бою имеет мало общего со стрельбой в мирное время, но из этого отнюдь не следует, что не нужно серьезно подходить к обучению этой стрельбе, ибо при одинаковой степени эмоций у более подготовленного стрелка результаты огня будут лучше, чем у необученного. Хорошо обученный приобретает уверенность в себе, а потому получает известный запас моральных сил и лично для себя, и для влияния на товарищей. Поэтому элемент страха командеры учитывали как специфический фактор психологии боя и старались воспитать у нижних чинов в ходе боевой подготовки смелость, храбрость, способность психологически противостоять опасности.

Например, при обучении артиллеристов проект «Положения для полевых занятий войск в частных сборах» нацеливал расчет на то, чтобы он действовал при орудиях, как «при условии боевого заряжания, то есть имел для этого соответствующие заряды и снаряды с трубками, чтобы номера умели сознательно обращаться с механизмом...»²⁰.

Кавалеристам этот же документ предписывал вести обучение эскадронов умению ходить всеми аллюрами (рысью, галопом, в карьер), учить атаке как на кавалерию, так и на пехоту. Особое внимание

уделялось тренировкам сквозных атак. При этом рекомендовалось сделать два, три сквозных прохождения через пехоту, дать отдохнуть лошадям, тем самым приучить их к тому, что прохождение рядов противника является окончанием их «работы». Кстати, в конной атаке на пехоту очень многое зависело от поведения лошади. Поэтому выезде ее, вольтижировке придавалось в кавалерии исключительно большое значение. При этом учитывался как отечественный, так и мировой опыт в обучении конницы.

В ходе обучения сквозным атакам происходило взаимообогащение психологическим опытом пехотинцев и конницы, лучшее познание друг друга. Как правило, после нескольких сквозных атак пехотинцы подходили к лошадям и перед их головами выполняли ружейные приемы, чтобы приучить лошадей не бояться ружейного треска. Пехотинцы также подходили к лошадям и поглаживали их. Это позволяло преодолеть страх у тех, кто боялся лошадей. В это же время барабанщики и горнисты ходили возле лошадей, били в барабан и играли. Использовались и другие характерные для боевой обстановки приемы, которые создавали своеобразную психологическую атмосферу.

Значительный опыт приобретали военнослужащие в ходе односторонних учений с боевой стрельбой, которые начали практиковаться с 1880 г. Этот вид обучения был, конечно, во многом сложнее обычной стрельбы в цель на стрельбище или полигоне. Здесь перед атакующими возникала сложная мишенная обстановка, соответствующая, как правило, боевому порядку оборонявшегося противника.

Солдаты при этом тренировали глазомер, так как расстояние до каждой цели необходимо было определить самостоятельно, а также не забыть установить соответствующий прицел. Неравномерная по всей линии атакующих расстановка мишеней давала возможность унтер-офицерам получить опыт в распределении целей для поражения по цепи, а стреляющим правильно выбрать укрытие и найти опору для ружья. Кроме того, боевой патрон производил «магическое действие на настроение людей и начальников: стоит только зарядить оружие, – отмечали командиры, – как появляется серьезность на лицах, внимание напрягается, иногда даже обнаруживается нервность»²¹.

Несмотря на всю сложность организации учений с боевой стрельбой в 80–90 -х гг. XIX в., этот вид обучения военнослужащих в русской армии получал все более широкое распространение и сущес-

твенно влиял на повышение полевой выучки и психологической стойкости войск.

Однако поучительные возможности боевых стрельб использовались в русской армии далеко не полностью. Прежде всего потому, что они проводились еще не везде и не ежегодно. Да этого и не добивалось Военное министерство. Кроме того, в войсках их не любили. Они требовали значительно больше сил и средств, а благодарности за их проведение никакой, к тому же были и несчастные случаи. Нередко боевой стрельбой руководили второстепенные начальники, допускалась широкая импровизация, бессистемная расстановка мишеней, шаблонность в организации. Все это привело к тому, что в 1899 г. в переизданном «Наставлении для обучения стрельбе» параграф с указаниями по организации боевых стрельб был исключен²².

Для сохранения высокого морального духа войск немаловажное значение имела защищенность военнослужащих от поражения противником, их уверенность в надежности средств защиты. Так, защитные свойства местности, каска, различного рода щиты снижали нервное напряжение, сохраняли надежды на благополучный исход боя, уменьшали людские потери.

С принятием на вооружение все более совершенного стрелкового и артиллерийского оружия повысилась их поражающая способность, что вызвало необходимость в изыскании новых средств защиты от огня противника. Важную роль в этом стало играть саперное дело. В войсках увеличилась поставка шанцевого инструмента, и саперному делу в частях стали уделять не меньше внимания, чем другим сторонам образования личного состава.

Следует отметить, что в организации боевой учебы военнослужащих русской армии были и определенные трудности, проблемы, которые негативно отражались на боевой подготовке нижних чинов, их морально-психологическом состоянии.

Прежде всего, следует отметить, что внеказарменное расположение русских войск приводило к большому разбросу на значительной территории подразделений одной воинской части, что серьезно осложняло ход боевой учебы и воспитательный процесс, особенно в зимнее время. Занятия нередко срывались или проводились формально. Постой на обывательских квартирах приводил к снижению воинской дисциплины, к падению морального духа. К 1870 г. лишь 56 % войск располагалось в казармах, а в некоторых военных округах этот процент был еще ниже²³.

Другим серьезным недостатком того периода были упрощения в боевой подготовке, формальный подход к выполнению уставных требований по стрелковой, строевой и тактической подготовке. Проведение занятий из года в год на одном и том же полигоне, стрельбище, на хорошо знакомой местности негативно сказывалось на приобретении навыков в топографическом ориентировании, в пристрелке целей, в целом на боевой выучке и морально-психологической подготовке войск.

Значительно снижал уровень боевой выучки нижних чинов большой отрыв их от учебы для несения караульной службы, командировок, выполнения различного рода хозяйственных работ, которые для полков являлись тяжелым бременем, требовавшим значительного количества рабочих рук.

Но Военное министерство видело эти недостатки и принимало меры к снижению потерь времени на боевую учебу. В частности, из года в год уменьшалось число караулов и людей, выделяемых для них. Так, если к 1 января 1882 г. ежедневно в караул назначалось 33 766 человек, то к 1 января 1883 г. – 30 921, к 1 января 1884 г. – 29 049, а к концу 1884 г. – 28 433 человека²⁴.

На качестве боевой подготовки сказывались также и другие негативные моменты: некомплект офицеров и унтер-офицеров, незначительное количество стрельбищ и полигонов, недостаточное финансирование армии, упущения в подготовке кадров, низкий общеобразовательный уровень нижних чинов, слабое знание русского языка инородцами и т. д. Вместе с тем следует отметить, что император Николай II неоднократно отмечал после смотров высокий уровень подготовки войск и их хорошее нравственное состояние.

Таким образом, тактическая подготовка русской армии во второй половине XIX в. постоянно совершенствовалась. Несмотря на серьезные недостатки, которые имелись в организации боевой подготовки, в перевооружении и обучении командных кадров, уровень тактической подготовки из года в год повышался. Вместе с ростом боевой выучки войск повышались и морально-боевые качества солдат и офицеров, укреплялся их моральный дух. Этому способствовала как довольно напряженная боевая подготовка, так и активная воспитательная работа в русской армии.

- ¹ Медем Н. Тактика // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1960. С. 88.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Российская Государственная библиотека (РГБ). Отд. рук. Ф. 169. Картон 9. Ед. хр. 1. Л. 22.
- ⁵ Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56 и 1877–78 годах. М., 1892. Ч. 1. С. 2.
- ⁶ Под Журжей 22 января (3 февраля) 1854 г. русские войска успешно отбили атаки турок.
- ⁷ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1913. Т. 2. Ч. II. С. 664.
- ⁸ Колесников А.А. О воспитании и обучении в русской армии //Воен.-истор. журнал. 1989. № 3. С. 83.
- ⁹ Богданович М.И. Восточная война 1853 – 1856 годов. Т. I–IV. СПб., 1876; Дубровин Н.Ф. 1) Восточная война. 1853–1856 годов. Обзор событий... СПб., 1878; 2) История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I–III. СПб., 1900; Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–78 годов. Ловча и Плевна. СПб., 1885; Зайончковский А.М. 1) Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий исторический очерк. СПб., 1899; 2) Восточная война 1853–1856 гг. В 2 т. СПб., 1908–1913.
- ¹⁰ Гершельман С. Нравственный элемент в руках Скобелева. Гродно, 1902. С. 4.
- ¹¹ Михневич Н.П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893. С. 110.
- ¹² Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1903. С. 360–370.
- ¹³ Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича. 1881–1890. СПб., 1892. С. 88.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 1556а. Л. 94.
- ¹⁵ Там же. Л. 95.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 97.
- ¹⁸ Инструкция для ведения занятий в пехоте. СПб., 1886. С. 50.
- ¹⁹ Клаузевиц К. О войне. Т. 1–3. М.; Л., 1932 – 1933. Т. 1. С. 75.
- ²⁰ Проект Положения для полевых занятий войск в частных сборах. СПб., 1887. С. 100.
- ²¹ Кабанов К. Стрельбы с маневрированием // Военный сборник. 1913. № 4. С. 86.
- ²² Там же. С. 87.
- ²³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1051. Л. 15.
- ²⁴ Там же. Д. 1078. Л. 34.

И.П. Суханов (Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ 70-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ПОБЕДЫ РОССИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В мае 2015 г. в Российской Федерации будет торжественно отмечаться знаменательная дата – 70-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Этот праздник для нашего народа является священным, всеобщим, не зависящим от возраста, вероисповедания и места проживания. Автору этой статьи вспоминается в деталях не только Великая Отечественная война, но и 50-летие празднования Великой Победы на Северном флоте, состоявшееся в июне 1991 г. в Архангельске. В этом празднестве посчитали необходимым принять участие многие иностранные гости, в том числе прибыла на фрегате «Лондон» и английская делегация во главе с 1-м морским лордом флота Великобритании адмиралом сэром Джулианом Освальдом. В числе лиц, встречающих почетных гостей, находился и главнокомандующий Советским ВМФ адмирал флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков.

На праздничных мероприятиях, с обеих сторон, собралось свыше тысячи фронтовиков – участников войны. Они впервые рассказали о многих событиях, подробности которых почему-то прессой не освещались, а если и освещались, то весьма сдержанно. Да и теперь, по прошествии стольких лет, значительная часть архивных материалов все еще имеет гриф секретности и не доступна широкому кругу читателей.

Праздник в Архангельске проходил на высоком организационном уровне. Зарубежные гости были приятно удивлены широким размахом торжества, его эмоциональностью, радушием и традиционным российским гостеприимством. Доброжелательная и объективная оценка исторических событий тех лет, радостное торжество победы

над общим врагом в годы прошедшей войны произвели на всех участников огромное впечатление.

Возвращаясь к истории минувших лет, автор считает уместным напомнить читателям некоторые факты союзнического взаимодействия государств в Советской Арктике в годы Второй мировой войны.

Сразу же после нападения Германии на СССР, премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил с заявлением о поддержке нашей страны в борьбе с фашизмом. В своем послании И.В. Сталину (8 июля 1941 г.) он писал: «Мы сделаем все, чтобы помочь Вам. Наше адмиралтейство разработало серьезную операцию, которую оно осуществит в Арктике в ближайшем будущем, что позволит установить надежный контакт между британскими и русскими военно-морскими силами».

Последовало и соглашение о совместных действиях против общего врага. Для их координации уже в начале июля 1941 г. начали функционировать военные миссии в Москве и Лондоне.

Вскоре на Северный флот России прибыла английская военная делегация, в составе которой находились контр-адмиралы Майлс и Вайан, кэптен Вайбера, полковники авиации Пирс, Берд и другие. Они обстоятельно ознакомились с возможностями базирования английских конвойных кораблей и транспортных судов в базах Северного флота, с системой обеспечения безопасности стоянки кораблей от воздушных сил противника. Совместно с английскими специалистами в штабе Северного флота были разработаны опознавательные сигналы для кораблей и самолетов союзников, система связи и ряд других оперативно-тактических документов.

В целях координации совместных действий, принятия караванов и кораблей охранения в городах Полярном и Архангельске были созданы британские военно-морские миссии.

29 июля 1941 г. на Северный флот прибыла британская миссия во главе с кэптенем Беваном.

Началом практического взаимодействия между флотами Великобритании и СССР послужил приход в Архангельск минного заградителя «Адвенчур», который 1 августа 1941 г. в сопровождении эсминца «Сокрушительный» доставил английские глубинные бомбы и донные мины с магнитными взрывателями.

4 августа 1941 г. в сопровождении эскадренного миноносца «В. Куйбышев» и двух сторожевых катеров в Полярный прибыла

английская подводная лодка «Тайгрис» (командир Боун). 10 августа последовал приход в главную базу флота, в сопровождении миноносца «Урицкий», подводной лодки «Трайидент» (командир Слейдент). Прибывшие в Советское Заполярье английские подводные лодки сразу же подключились к выполнению боевых задач. Так, «Тайгрис» за период с 4 августа по 20 октября выходила к побережью Норвегии, где потопила 6 транспортов противника общим водоизмещением 18 тысяч тонн. Следует отметить, что в порядке обмена опытом на ней находился и командир советской подводной лодки «Д-3» М.А. Бибеев. За период с 10 августа по 15 ноября подводная лодка «Трайидент» совершила 3 боевых похода, где потопила 7 вражеских судов общим водоизмещением 28 тысяч тонн. В числе уничтоженных оказались транспорты «Донау» и «Бахиа», на которых перебрасывалось на советский фронт в Заполярье более 2 тысяч фашистов.

В первые месяцы войны советские подводники не имели больших успехов и с интересом перенимали боевой опыт английских моряков.

По согласованию с командованием флота английский кэптен Фокс в период с 17 по 23 сентября 1941 г. ходил в боевой поход на советской подводной лодке «М-34».

Первым добился значительного успеха экипаж советской подводной лодки «Д-3». За свой боевой поход лодка потопила 7 вражеских транспортов.

Первый конвой («Дервиш») из Англии в составе 6 транспортов в охранении 2 эсминцев, 3 тральщиков и 4 корветов 31 августа 1941 г. доставил в порт Архангельск 16 самолетов «Харрикэйн», личный состав английской эскадрильи в составе 30 офицеров, 57 унтер-офицеров и 457 рядовых.

Кроме того, 6 сентября с английского авианосца «Аргус» перелетели на аэродром в Ваенгу 24 самолета «Харрикэйн».

Таким образом, на Кольской земле появилось английское авиакрыло, состоящее из 40 единиц (командир – подполковник Н.Г. Шервуд). В составе авиакрыла находились две эскадрильи: 81-я, под командованием майора Э.Рука и 134-я, под командованием майора Э.Миллера.

С первых же дней взаимодействия эскадрилью подключили к защите Главной базы флота от налетов вражеской авиации противника, прикрытию войск 14-й армии и несению дозорной службы. В сентябре–октябре 1941 г. летчики авиакрыла совершили 411 самолето-

то-вылетов (сбили 15 вражеских самолетов и потеряли один свой).

Наряду с боевыми задачами англичане обучали советских летчиков управлению новыми моделями английских самолетов. Первыми советскими пилотами, поднявшимися в воздух на «Харрикейнах», были прославленные асы Заполярья генерал-майор авиации А.А. Кузнецов и капитан Б.Ф. Сафонов.

20 октября 1941 г. в штаб Северного флота поступила телеграмма от английского министра авиации с предложением передать русским все самолеты, а английским летчикам возвратиться на родину. 28 ноября и 1 декабря офицерский и рядовой летно-технический состав авиакрыла убыли в Англию на крейсерах «Ксения» и «Бервик».

Оставленные англичанами самолеты (36 штук) были сведены в 78-й авиационный полк.

По ходатайству командования Северным флотом была достигнута договоренность между заинтересованными сторонами, и британские корабли, находящиеся в районе Белого моря, с октября 1941 г. стали привлекаться к эскортированию советских транспортов и выполнению противоминных действий на подходах к Кольскому заливу и в горле Белого моря.

С декабря 1941 г. на Северный флот стали поступать новейшие зарубежные гидроакустические станции типа «Айзик», которые стали устанавливаться на кораблях Советского флота. Объективности ради следует сказать, что в Советском Союзе радиолокационные и гидроакустические приборы в массовом порядке практически не производились.

Приведем официальные итоговые данные «ленд-лизовских» поставок различных типов самолетов, принимавших участие в боевых действиях на советско-германском фронте в годы войны: каждый шестой истребитель и каждый пятый бомбардировщик были зарубежными.

Огромную услугу нашему флоту оказали английские специалисты-минеры, которым в проливе Ла-Манш удалось разоружить новейшую немецкую донную мину. Подробные сведения об устройстве и действии немецкой неконтактной мины с магнитно-акустическим взрывателем были переданы советским специалистам. Это существенно облегчило работу противоминных сил Северного, Балтийского и Черноморского флотов СССР, послужило ускорителем к оснащению наших кораблей и судов обмотками размагничивающих устройств, уменьшило число фактических потерь на минах советских военных кораблей и гражданских судов.

Особая роль в многосторонней поддержке союзниками советских Вооруженных Сил в годы Второй мировой войны принадлежит арктическим конвоям. Они являлись частью единой системы доставки из США и Великобритании в СССР военно-стратегических грузов и продовольствия по совместной программе ленд-лиза (передача займы и в аренду). Первоначально немецкое командование недооценивало роль северных конвоев для Советского Заполярья, и противодействие фашистских подводных лодок и надводных кораблей было незначительным. Однако вскоре, поняв свою ошибку, немцы перебросили на Северный театр боевых действий крупные силы надводных кораблей, подводных лодок и авиации.

Из состава 41 северных конвоев союзников удалось дойти до советских портов (Архангельск, Северодвинск и Мурманск) лишь 786 торговым судам, при этом было доставлено 3 365 000 тонн важнейших грузов.

Обеспечение безопасности перехода конвоев от порта формирования до порта назначения возлагалась на корабли флота Великобритании.

Начиная с 1942 г. более 50 процентов торговых судов в конвоях стали американскими.

Немецкие подводные лодки нападали на транспортные суда конвоев союзников «волчьими стаями» (в каждой по 3–4 штуки). Авиационные налеты производились «волнами» пикирующих бомбардировщиков и торпедоносцев одновременно (по 50–80 самолетов в каждой волне). В ряде случаев на перехват конвоев выходили и надводные корабли во главе с линкорами «Тирпиц» и «Шарнхорст».

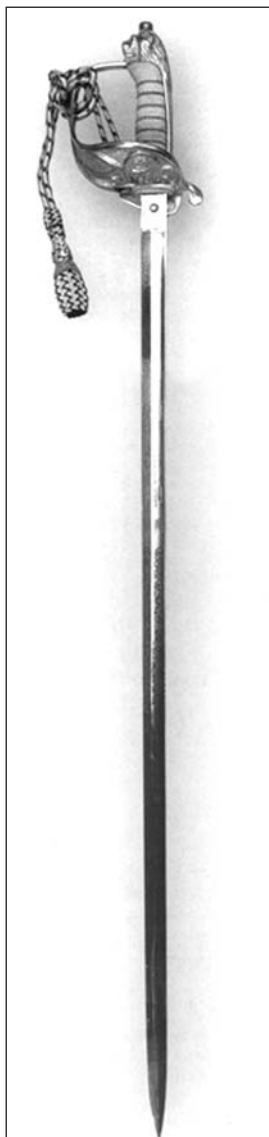
Значительные потери были и у боевого охранения морских сил Великобритании. В их числе – 2 крейсера («Тринидад» и «Эдинбург»), 8 эсминцев, 8 малых эскортных кораблей.

Советский Союз потерял 2 эсминца, несколько сторожевых кораблей и 21 подводную лодку.

В обратный путь из СССР к союзникам ушло 707 судов в 35 конвоях.

В результате 4-летней борьбы на Северном морском театре Третий Рейх потерял около 100 кораблей: 2 линкора («Тирпиц» и «Шарнхорст»), несколько эсминцев и сторожевых кораблей, 34 подводные лодки и более 150 самолетов.

Во время празднования 5-летия Победы во Второй мировой войне Первый морской лорд флота Великобритании адмирал сэ

Сабля офицерская, образца 1827 г.,
Королевского военно-морского флота
Великобритании. ЦВММ, инв. № 53510.
Изготовитель: Англия, фирма «Мэтьюз и
Сигроув». Последняя четверть XX в.
Материалы: сталь, латунь, дерево, кожа
ската, золоченая нить и канитель.
Размеры: 95 x 11 x 9 см

Художественное оформление
правой стороны сабельного эфеса

Художественное оформление
левой стороны сабельного эфеса

Джулиан Освальд вручил на добрую память Главнокомандующему ВМФ СССР адмиралу флота Сергею Георгиевичу Горшкову свое личное оружие (саблю), которая потом была передана на вечное хранение в фонды ЦВММ.

Клинок (длина 81 см, ширина 2,2 см) прямой, однодольный (49 см), однолезвийный с обоюдоострым концом. Обе стороны клинка украшены рисунком, нанесенным способом протравки и полировки его элементов. В центре художественной композиции правой голомении помещен английский государственный герб с коронами, фигурами льва и единорога, стоящими на задних лапах. Окаймляют герб завитки якорного каната, дубовые ветви с листвою и желудями. Пяту украшает звезда Давида. В центре декора левой стороны клинка помещена корона с расходящимися лучами, а под ней – якорь с фрагментом каната. Художественное оформление окантовки этого украшения такое же, как на правой голомении, за исключением герба, нанесенного рядом с пятой. На пяте надпись: «Gieve MATTHEWS & Seagrove LTD». Эфес сабли со сплошной гардой. Наружная сторона литой латунной гарды украшена короной с якорем, завитками, точечным орнаментом, а ее внутренняя поверхность – золочением. На чаше и дужке гарды имеются три отверстия для крепления темлячного шнура. Темляк образца 1891 г. изготовлен из золоченых канителевых нитей. Его украшением служит зубчатый рисунок из нитей черного цвета. Левая сторона чаши эфеса поворотная, с отверстием для стопорного шпенька. Деревянная рукоять с поперечными желобками, обтянута кожей ската и витками крученой проволоки. Спинка рукояти латунная в виде удлиненной пластины с литой головкой льва. Ножны кожаные с латунным прибором. Поверхность металлических элементов ножен позолочена. Наконечник и обоймицы ножен украшены завитками и геометрическим орнаментом, нанесенными техникой гравировки. На верхней обоймице ножен закреплен стопорный крюк.

Краткие сведения об адмирале флота Великобритании сэре Джулиане Освальде. Родился в Шотландии в 1933 г. В 1947 г. поступил в Британский Королевский колледж, по окончании которого продолжил службу на кораблях английского флота в чине от лейтенанта до капитана 1-го ранга (1976). Дальнейшая его служба проходила в отдаленных районах мирового океана и в различных морских учреждениях, что позволило ему получить воинские звания: контр-адмирал

**Адмирал флота Великобритании
сэр Джулиан Освальд**

(1982), вице-адмирал (1985), адмирал (1987) и адмирал флота (1993).

Завершая изложение воспоминаний о праздновании 50-й годовщины победы над фашизмом во Второй мировой войне, автор выражает уверенность в том, что ее 70-летний юбилей пройдет на таком же высоком организационном и эмоциональном уровне.

1. Морские сражения Русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994. С. 35, 81, 128.
2. Военно-исторический журнал. 1993. № 2 . С. 41–45.
3. Боевой путь Советского ВМФ. М., 1988. С. 51.
4. Боевой путь Советского военно-морского флота. М., 1974. С. 203.
5. Боевая летопись ВМФ 1941–1942 гг. М., 1992. С. 33, 60, 76.
6. Архив ЦВММ. Кн. 504. Т. И 224.
7. Там же. Д. 266. С. 39.
8. Там же. Д. № 268 (188). С. 91–108.
9. Там же. Д. № 267 (195). С. 38–41, 68–70, 79–82.
10. Там же. Кн. 272 (363). С. 108.
11. Там же. Кн. 273 (367). С. 140.
12. Суханов И.П. Сабля офицерская обр. 1827 г. Королевского ВМФ Великобритании. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 254.

Е.В.Тихомирова (Москва)

**НЕИЗВЕСТНАЯ РЕЛИКВИЯ – ДРАГУНСКАЯ
ОФИЦЕРСКАЯ ШАШКА ОБР. 1881 ГОДА.
ЗОЛОТОЕ ОРУЖИЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЕ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III**

Предметом настоящего исследования является драгунская офицерская шашка обр. 1881 г. (без ножен). Золотое оружие. Шашка находится в коллекции Сергея Вадимовича Талантова, была приобретена им в Европе. В 2014 г. шашка поступила на историко-искусствоведческое исследование и экспертизу.

Описание предмета:

Клинок стальной, кованый (в оправках), изогнутый, однолезвийный, с двумя широкими долами, дол вдоль обуха в средней части клинка разделен на три узких долика. Боевой конец клинка обоюдоострый. Хвостовик клинка переделан и приспособлен под эфес драгунской шашки обр. 1881года. Производственная маркировка на клинке отсутствует.

На поверхности клинка с двух сторон и на обухе имеются следы орнамента в виде крупных спиралеобразных завитков, нанесенных травлением. В средней части клинка в широком доле нанесена надпись, выполненная насечкой золотом – «Лейбъ Эриванскій полкъ АВГУСТЕЙШЕМУ ШЕФУ Тіонеты 1888 г.»

Эфес состоит из латунной рукояти с головкой и латунной гарды. На литой рукояти имеются продольные наклонные желобки, сверху на рукояти фигурная латунная втулка. Овальная плоская головка навинчивается на резьбу хвостовика; на головке имеется четыре отверстия для крепления орденского знака. Внизу на рукояти – латунная втулка. Гарда образована передней дужкой, отходящей от верхней части рукояти и плавно переходящей в крестовину, конец которой имеет отверстие, слегка загнут вниз и закруглен. На всех деталях эфеса следы позолоты. На крестовине с двух сторон нане-

сена резная надпись «За храбрость». На крестовине около нижней ступки выбито клеймо в виде двуглавого орла с надписью «ШАФЪ СЫНОВЬЯ СПетербургъ».

Размеры: Длина клинка –78,0 см.

Ширина клинка –3,5 см.

Общая длина –92,0 см.

Сохранность: Ножен нет. На клинке следы коррозии; травленный орнамент сильно потерт; насечка золотом в надписи повреждена, с утратами. Утрачен орденский знак на головке рукояти. Золочение на эфесе сохранилось фрагментарно.

Особая история данной шашки записана на ее клинке. Судя по надписи: «Лейбъ Эриванскій полкъ АВГУСТЕЙШЕМУ ШЕФУ Тионеты 1888 г.», эта шашка была поднесена в 1888 г. императору Александру III, который с 02.03.1881 по 21.10.1894 являлся шефом 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка (рис. 1).

Рис. 1. Драгунская офицерская шашка (без ножен) обр. 1881 г. Золотое оружие, поднесенное императору Александру III от 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка в 1888 г.

Исторический факт поднесения шашки императору Александру III зафиксирован в книге В.А. Потто «Царская семья на Кавказе», которая была издана на другой год после посещения императором Кавказа, в 1889 г., и содержала в себе следующую краткую информацию: «Депутация от лейб-Эриванского полка, имея во главе полкового командира, имели счастье поднести Государю-Императору форменную шашку со старинным клинком – немым свидетелем боевых подвигов славного полка, так как этот клинок издавна переходил в семейном офицерском кругу»¹.

Наиболее подробное описание этого события дано в фундаментальном труде генерал-лейтенанта Генерального штаба П.О. Бобровского «История 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет»². В пятом томе имеется отдельная глава «Поднесение древней шашки Державному шефу Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка»³. Поднесение состоялось 6 октября 1888 г. в лагере полка, расположенном в поселении Тио-

неты.⁴ Многотомный труд П.О. Бобровского сопровождается разнообразными иллюстрациями, часть из которых передана посредством фототипии, часть представлена красочными акварелями известного петербургского художника, академика А. И. Шарлеманя⁵. Среди акварельных рисунков имеется изображение шашки, поднесенной Александру III.⁶

Большого внимания заслуживает история создания этой шашки, описанная П.О. Бобровским. Еще в самом начале 1888 г. эриванцы, заранее готовясь к приезду Александра III, решили подарить императору «золотое оружие с клинком древнего происхождения». Подарок согласовывался с самим императором, который пожелал, чтобы «в отделке шашки не было отступления от существующей формы». У капитана полка князя Семена Семеновича Вачнадзе имелся «клинок, по преданию очень древнего происхождения», который «выделан из железа, т. е. тогда, когда еще не умели делать клинков из стали; на его древность указывали очень красивые узоры, которые были отчасти стертые от времени». Далее в тексте написано, что «шашка эта была подарена отцу Вачнадзе, князю Семену Соломоновичу, в 30-х годах владетельным князем Мингрелии Дадиани. Князь Вачнадзе-отец дорожил ею и хранил как святыню. Когда в Ингурском отряде в 50-х годах у него сгорело все имущество и лошади (тогда мингрельцы подожгли дом), то он умолял всех спасти только шашку; ее одну и спасли – единственную вещь, уцелевшую от пожара... Перешла шашка к Вачнадзе-сыну по наследству и в полку находилась более полу столетия».

По инициативе командующего войсками Кавказского военного округа князя А.М. Дондукова-Корсакова «для удостоверения древности оружия и решения вопроса о происхождении клинка» в Тифлис были собраны знатоки, которые проводили экспертизу клинка. Присутствующий командир полка выяснил, что «клинок старинный фряжской работы, судя по остаткам рисунков, и история его восходит ко времени Крестовых походов, а может и к более отдаленной эпохе, когда не знали приготовления стали и клинки выковывались из железа. Экспертам в первый раз предложили несколько клинков; один из них, знаток старинного оружия, спросил: «Для чего нужна шашка?». Ему ответили: «Для поднесения Царю». Тогда он, не говоря ни слова, взял шашку князя Вачнадзе и сказал: «Более достойного подарка сделать нельзя»».

Далее в описании подготовки императорского подарка говорится о том, что клинок был отправлен в Петербург на оружейную фабрику братьев Вильгельма и Густава Шафов «для отделки». Затем мы читаем: «Перед приездом Государя шашка была получена в готовом виде. Клинок остался без перемены, но на одной стороне его были вставлены золотые литые буквы, изображавшие следующую надпись: «Лейбъ-Эриванцы Августейшему Шефу. 1888 годъ 6 октября. Тіонеты». Ножны сделаны как в обыкновенном «золотом оружии» (оружие такое было пожаловано Государю в бытность его наследником престола за «отличное командование Рушукским отрядом» в 1877 г.⁷); все металлические части были изготовлены из серебра и позолочены».⁸ И наконец, далее в книге приводится акварельное изображение поднесенной шашки с четким изображением орнамента и надписи на клинке.⁹

В процессе идентификации исследуемой нами шашки и Золотого оружия, поднесенного Александру III, мы акцентировали внимание на следующих фактах:

– Изготовление Золотого оружия было поручено петербургской фирме Шафов. На эфесе исследуемой шашки действительно выбито оригинальное клеймо ««ШАФЪ СЫНОВЬЯ СПетербургъ»».¹⁰

– По требованиям Александра III готовящаяся для него шашка должна соответствовать «существующей форме». Исследуемая нами шашка полностью отвечает этим требованиям: ее форма и конструкция соответствует уставной драгунской офицерской шашке обр. 1881 г., детали эфеса, как и было принято для «обыкновенного» (как сказано в тексте) Золотого оружия, изготовлены из позолоченной латуни (сохранились следы позолоты на всех частях), на крестовине имеется надпись «За храбрость», на головке – следы крепления миниатюрного Георгиевского крестика.

– В тексте книги мы читаем, что у полученной из Петербурга шашки все «металлические части были изготовлены из серебра и позолочены».

– Вполне обоснованно возникает вопрос, не могли ли позднее заменить серебряный позолоченный эфес на стандартный эфес Золотого оружия из позолоченной латуни, изготовленный фирмой Шафов. В пользу оригинальности монтировки представленной на исследование шашки выступают имеющиеся изменения конструкции хвостовика клинка. В процессе подгонки под рукоять короткий хвостовик клинка был наращен за счет дополнительной железной пластины,

которая соединена с хвостовиком способом «ласточкин хвост»; эта пластина разрублена вдоль, и туда впаян на медь короткий узкий хвостовик клинка. На конце пластины сделана старая дюймовая резьба под гайку крепления рукояти. Плечи клинка подогнаны (подпилены) строго под размеры литой латунной рукояти. Все работы выполнены профессионально. Следов позднейшего дополнительного вмешательства в конструкции хвостовика и эфеса нет.

– Указание в тексте на использование золоченого серебра для эфеса и оправы ножен можно объяснить следующим. При выполнении золочения эфеса Шафы применили стандартный традиционный способ, основанный на известных особенностях химических реакций взаимодействия латуни и золота. Для высококачественного покрытия золотом латунные поверхности сначала покрывали слоем серебра, а затем золотили. При этом золочение становилось более стойким, и к тому же происходила экономия золота. Надо сказать, что подобный прием используется и сегодня.

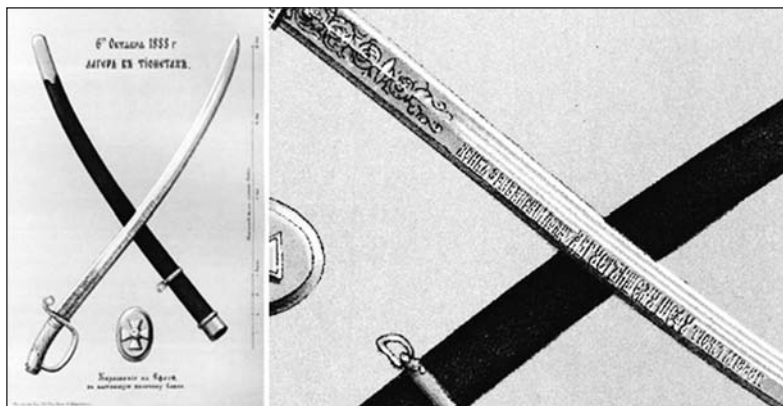
– Возможные неточности в книге подтверждаются еще одним наблюдением. Так, в тексте приводится надпись на клинке: «Лейбъ-Эриванцы Августейшему Шефу. 1888 годъ 6 октября. Тіонеты». Она несколько отличается от надписи на исследуемой нами шашке: «Лейбъ-Эриванскій полкъ Августейшему шефу Тіонеты 1888 г.» (рис. 2). Однако, надпись на нашем клинке полностью совпадает с

Рис. 2. Памятная надпись на клинке шашки, подаренной Александру III

приведенным в книге акварельным рисунком, выполненным с натуры (как указано на рисунке) художником А. Шарлеманем (рис. 3). Идентичность представленного клинка подтверждается также изображением характерного орнамента в верхней части клинка и одинаковой конструкцией клинка с двумя широкими от пяты долами и тремя узкими долами в средней части.

В результате наших исследований мы делаем вывод о полной идентичности представленной шашки и Золотого оружия, поднесенного императору Александру III от 13-го Лейбъ-Гренадерского Эриванского Его Величества полка 6 октября 1888 г. в Тионетах.

Рис. 3. Акварельный рисунок шашки, поднесенной Александру III, из книги П.О. Бобровского «История 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет». Рисунок выполнен с натуры художником А.И. Шарлеманем

При изучении представленной шашки нас особенно заинтересовал клинок шашки, его происхождение, особенности конструкции. В связи с этим крайне любопытна описанная в книге история с установлением «древности» клинка.

Во-первых, приглашенные «тифлиские эксперты» определили клинок как «фряжский», т. е. иностранного производства.¹¹ Как известно, привозные европейские клинки получили широкое признание на Кавказе. Ведущий специалист в области кавказского оружия Э.Г. Аствацатурян, классифицируя клинки шашек по надписям и клеймам, выделяет в отдельную группу «малоизогнутые, легкие и не слишком длинные кавалерийские венгерские клинки... Они оказались очень подходящими для шашек».¹² По мнению Э.Г. Аствацатурян, часть таких клинков происходит из Трансильвании, время производства – XVII–XVIII вв. (такие клинки украшены изображением трансильванского узла), другие принадлежат к гусарским венгерским клинкам (на них, как правило, изображены скачущий на коне гусар, пеший воин, крест, Божья мать и т. д. в сопровождении разных надписей «Vivat Hussar», «Vivat Pandur» «Pro Deo et Patria» и т. д.).

Рассматриваемый нами клинок украшен изображением растительного спиралевидного орнамента из крупных завитков. Объединяет его с описанными в книге Э.Г. Аствацатурян венгерскими клинками схожая стилистика рисунка и одинаковая техника его нанесения. Мы

обращаем внимание на то, что все изображения и надписи на подобных венгерских клинках выполнены в технике неглубокого травления, без дополнительной гравировки, что, кстати, отличает их от гравированных изображений на немецких клинках того же времени. Наиболее вероятно, что рассматриваемый клинок также имеет венгерское происхождение.

Отметим и еще один важный момент. В исследуемом клинке сохранилась небольшая часть хвостовика, которая ориентирована по оси клинка, как у европейских сабель. При пригонке Шафами рукояти хвостовик был наращен, вместе с тем было изменено направление оси нового удлиненного хвостовика под стандарт шашки обр. 1881 г. Таким образом, мы приходим к выводу, что рассматриваемый клинок первоначально принадлежал гусарской сабле.

«Тифлиссие эксперты» признали клинок очень древним, относящимся «ко времени Крестовых походов». Доводом для отнесения клинка к столь давнему периоду являлась особая характеристика – «когда не знали приготовления стали и клинки выковывались из железа». Интересно более подробно рассмотреть взгляды кавказских специалистов того времени. Во-первых, нельзя воспринимать в буквальном смысле используемые ими термины «железо» как определение отдельного химического элемента Fe и одного из самых распространенных на земле металлов, и «сталь» как сплава железа с углеродом (не более 2,14 процентов углерода). Вряд ли тифлиссие эксперты обладали научными знаниями только формировавшейся в тот период передовой науки – химии металлов. Они сортировали клинковый металл на основе сложившихся ремесленных традиций. Клинки из так называемых «железа» и «стали» обладали не только разными свойствами, но и требовали применения разных технологических приемов их обработки.¹³ Так, низкоуглеродистый материал железо (меньше 0,1 процента углерода) имеет высокую вязкость и пластичность и соответственно легко куется в любых условиях ремесленных кузниц. На Кавказе долгое время клинковая технология была приспособлена под ковку «железных» клинков; такие клинки легко разрезали и рубили местные натуральные материалы: войлок, кожу, ткань и т. д. Но для рубки более твердых материалов – железных клинков и доспехов нужен был клинок из углеродистого металла – стали, которая обладает более высокой твердостью и прочностью. Сталь – более жесткий в ковке материал, и она требовала других технологических приемов. Возможно, именно поэтому на

Кавказе ценились привозные пассауские и золингеновские клинки, которые воплощали передовую технологическую культуру европейских оружейников и являлись эталоном для кавказских мастеров.

В конце XVIII – начале XIX вв. поиск совершенствования клинкового материала проходил и на Кавказе. В этом контексте крайне интересны работы знаменитого тифлиского мастера Геурга Элиазарова, который видел этот процесс, в том числе через совершенствование технологии дамасской стали. Как известно, эти работы заинтересовали российское правительство, и оно направило в 1831 г. на обучение к Элиазаровым златоустовских мастеров. Интересно, что в переписке Элиазаровых отмечалось, что при получении клинков «видом булата» они не производили исходный материал, а только перерабатывали привозное «индийское железо» (слитки булатной стали), «турецкую сталь» и «турецкий чугун»,¹⁴ используя собственную семейную технологию.

Судя по всему, «тифлиские эксперты», рассматривающие в 1888 г. клинок, не обладали полнотой информации о многообразии используемых европейскими оружейниками производственных приемов. Но им было ясно, что клинок изготовлен по таким технологиям, которые на Кавказе во второй половине XIX в. уже не применялись.

На наш взгляд, клинок может быть датирован концом XVIII – первой третью XIX вв. Клинки с подобным характерным сечением встречаются на гусарских саблях XVIII в. польско-венгерского происхождения. На европейских саблях этого времени использовалось и схожее орнаментальное оформление клинка. Отметим, что клинки такой конструкции получили распространение на кавказских шашках XIX в.

Обратим внимание еще на один сюжет, связанный с клинком. При подготовке подарка на нем была нанесена памятная надпись. Способ нанесения надписи не встречается на клинках, выполненных на фирме Шафов. В этой надписи золотые пластины заколочены или начеканены в предварительно резанные с пупырчатой поверхностью полосы буквенных линий. Причем, разметка надписи местами расходится с резьбой, а линии букв далеки от точности. Подобный оригинальный способ насечки золотом мы встречаем на клинках 1870–1880-х гг., которые своей историей были каким-либо образом связаны с Кавказом. Например, на украшенных золингенских клинках таким же способом нанесена монограмма великого князя Михаи-

ла Николаевича и памятная надпись о его пребывании в Боржоме. На наш взгляд, надпись на старинном клинке «Лейбъ-Эриванскій полкъ Августейшему шефу Тионеты 1888г.» была исполнена не в петербургской мастерской Шафов, а местными тифлисскими мастерами.

Подводя итог нашим исследованиям, мы утверждаем, что представленная на историко-искусствоведческую экспертизу шашка является Золотым оружием, созданным для поднесения императору Александру III от 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка в 1888 г. Богатая история данной шашки ставит ее в разряд уникальных исторических памятников.

В заключение мы приведем сведения, которые даны на последней странице «Истории 13-го Лейбъ-Гренадерского Эриванского Его Величества полка»: «Второй Державный шеф полка скончался после тяжелой болезни в полном расцвете сил в Ливадии 20 октября 1894 года. Здесь 26 октября состоялась панихида... Почивший Государь Александр III, Державный и Венценосный шеф Эриванского полка, покоился на ложе смерти, облеченный в порфиру в общегенеральском мундире, утопая среди бесчисленного множества цветов и венков. А в это время на крышке гроба находилась шашка Эриванцев, скромный и немой свидетель их глубокой скорби»¹⁵.

У П.О. Бобровского же приведены интересные сведения о том, что приехавший в Петербург на похороны Александра III командир Эриванского полка «имел счастье принять из рук государя Императора Николая Александровича в Аничковом дворце мундир в Бозе почившего императора Александра III. Мундир второго Державного шефа, доставленный в Манглис полковником Поповым, передан в полк на вечное хранение 28 декабря 1894 года». Дальнейшая судьба шашки остается неизвестной и требует отдельного исследования.

---

¹ В.А. Потто. Царская семья на Кавказе. СПб., 1889. С. 181.

² П.О. Бобровский. История 13-го Лейбъ-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250лет. СПб., 1892–1898 гг. В 7 т.

³ П.О. Бобровский. Указ. соч. Ч. 5. С. 340–341. Материалами для этой главы послужила публикация в газете «Кавказ» в октябре 1888 г. о пребывании царской семьи в Тифлисе и Тионетском лагере, составленная поручиком Лебединцем. Как отмечено П.О. Бобровским, газетная публикация была проверена офицерами полка, бывшими в Тионетах 5–7 октября 1888 г., и сведения засвидетельствованы председателем и членами комиссии по собиранию материалов.

⁴ Тионеты – 70 верст от Тифлиса.

⁵ Адольф Иосифович Шарлемань (1826–1901) – батальный, исторический и жанро-

вый живописец, академик, в 1873 г. получил титул художника Его Императорского Величества.

⁶ П.О. Бобровский. Указ. соч. С. 350.

⁷ В.А. Дуров. Русское наградное оружие XVIII – начала XX вв. М.; Смоленск, 1994. С. 105. Автор пишет о том, что 26 февраля 1878 г. император Александр II подписал грамоту на имя Великого князя Александра Александровича, в которой сообщалось о его награждении золотой, украшенной бриллиантами саблей с надписью «За отличное командование Рушукским отрядом». В Арсенале Государственного Эрмитажа хранится шашка работы Златоустовской оружейной фабрики с золоченым эфесом и с такой же надписью в его верхней части: «За отличное командование Рушукским отрядом». Эфес украшен миниатюрным Георгиевским крестиком белой эмали. На клинке дата «1882». Эта шашка без бриллиантов предназначалась для повседневного ношения.

⁸ П.О. Бобровский. Указ. соч. С. 340.

⁹ Там же. С. 350.

¹⁰ Проводилась работа по сравнительному анализу аналогичных клейм на точно атрибутированных образцах оружия, изготовленных фирмой Шафов.

¹¹ Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке (М., 1907) дает определение «фряжский» как генуэзский, итальянский.

¹² Э.Г. Аствацатурян. Оружие народов Кавказа. СПб.: Атлант, 2004. С. 55–56.

¹³ П.И. Черноусов, В.М. Мапельман, О.В. Голубев. Металлургия железа в истории цивилизации. М.: МИСиС, 2006.

¹⁴ Э.Г. Аствацатурян. Указ. соч. С. 396.

¹⁵ П.О. Бобровский. Указ. соч. С. 352.

П.В. Улизко (Москва)

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Карикатура – один из древнейших видов рисунка. Она отображает проблемы общества и с ранних времен служила определенным методом самоутверждения над обидчиком. Так насмехались над врагами, так народ насмехался над своими властителями или порабощателями.

Карикатура основана на таких видах комического, как сатира, сарказм и ирония. Все эти виды имеют направленное действие, служат для высмеивания, критики, разоблачения, разрушения идеалов. Насмешка и ирония над противником вкупе с подчеркнутым преувеличением (шаржированием) его негативных черт использовались как эффективные средства для конструирования образа врага и мобилизации общественного сознания.

Карикатура в военное время является важнейшим инструментом негативной пропаганды. Негативная пропаганда формирует «образ врага», это «пропаганда насмешки, ненависти и страха»¹. Ее основная задача – «снять с предохранителя заблокированный в мирное время комплекс агрессии»; при этом стоит отметить, что подобный механизм несет в себе и позитивный эффект, поскольку работает одновременно в двух режимах: «Вызывая чувство неприязни по отношению к «чужим», негативные клише одновременно усиливают чувство внутригрупповой солидарности среди «своих»². Направленное осмеяние сатирической публицистики является мощным оружием, способным формировать общественное мнение.

Следует отметить, что в военное время, при сохранении у людей привычных представлений о норме, меняется их система оценок актуальности и опасности событий, а потребность в юморе неизбеж-

но повышается³. По окончании военных действий и по прошествии времени вся система нормализуется, а комические элементы теряют свою актуальность, поскольку более не воспринимаются сквозь призм злободневности.

Карикатуру в годы Великой Отечественной войны с полным правом можно отнести к разряду политической карикатуры. Политическая карикатура – рисунок, обычно содержащий также текстовый комментарий, сюжет которого, как правило, связан с текущими событиями или личностями. Художественное мастерство в таких изображениях обычно сочетается с гиперболой и сатирой, чтобы высмеять и привлечь внимание общества к насущным проблемам.

Во время войн и военных конфликтов всегда широко используется так называемая плакатная карикатура, поднимающая патриотизм и боевой дух и оскорбляющая противоположную сторону. Советская карикатура традиционно тяготеет к политическо-плакатной форме. Плакатность особо выросла во время Великой Отечественной войны, когда карикатура стала полноценным орудием борьбы и средством патриотического поднятия духа.

Для того, чтобы понять особенности и специфику образа врага эпохи Великой Отечественной войны, представляется важным выяснить, в какой мере за процессами отражения общественных фобий в адрес противника стояло «изобретение» новых форм трактовки и способов визуализации неприятеля, а в какой – актуализация стереотипов и мифологем, издавна пребывавших в культурных «депо» исторической памяти социума⁴.

Изображение фашизма как источника угрозы для Советского Союза берет начало в 30-х гг. XX в. Фашизм изображается в 1930-е гг. при помощи аллегорий смерти (Кукрыниксы, 1935), картин бедствия Германии на фоне марширующих колонн военных (Караченцев, 1937), при посредстве карикатурных изображений Японии, Германии и Италии (Долгополов, 1938) и анималистских форм, где безобразное существо «фашизм» прежде всего показывается врагом культуры вообще. Атрибуты, сопровождающие рисунок (например, цилиндр), говорят о том, что в соответствии с идеологической интерпретацией упор делается прежде всего на связь с буржуазией или на империалистическую военную традицию.

В годы Великой Отечественной войны жанр карикатуры в СССР выходит на принципиально новый качественный уровень. Мастерство советских карикатуристов на тот момент было признано неос-

поримым и являлось неотъемлемым оружием советской власти. Систематически использовали карикатуру в плакатах художники Б. Ефимов, В. Дени, М. Черемных, Л. Бродаты, Д. Моор, В. Лебедев и др. «Листы “Боевого карандаша”, как и Окна ТАСС, были и героическими и сатирическими, но ведущую роль играли сатирические листы. Их делали Н. Муратов, И. Астапов, В. Курдов, Ю. Петров, В. Гальба и другие»⁵.

Необходимо особо отметить работы в этой области Кукрыниксов. Кукрыниксы представляли собой творческий коллектив, возникший в начале 1920-х годов из трех художников-графиков и живописцев: Михаил Васильевич Куприянов (1903–1991), Порфирий Никитич Крылов (1902–1990) и Николай Александрович Соколов (1903–2000).

С приходом войны Кукрыниксы развернули активную антифашистскую пропаганду: разрушали преувеличенный военный потенциал захватнической Германии своими карикатурами; приободряли и поднимали патриотизм советских солдат смешными и уродливыми изображениями Гитлера и его союзников.

«В эти годы талант и искусство Кукрыниксов поднялись на неизмеримую высоту. День за днем, штрих за штрихом художники создавали летопись войны и не просто регистрировали хронику событий, но подключались к борьбе, яростно атакуя врага, находя и беспощадно выставляя на всеобщее обозрение его безобразие, слабости, уязвимые места и отвратительно комические черты. Их рисунки были не только на первой линии обороны, но и первыми летели в атаку»⁶.

Рассматривая непосредственно саму «эволюцию» образа врага в советской карикатуре, можно утверждать, что образ врага хотя и претерпевал изменения на протяжении всей войны, тем не менее основные тенденции изображения неприятеля оставались постоянными.

Следует выделить основные способы, присущие советской карикатуре в годы Великой Отечественной войны. Таковыми являются зооморфизм отрицательных персонажей; гротеск, визуальная гиперболизация; лишение врага статуса человека, мужчины, воина и наделение его отталкивающими и резко отрицательными особенностями.

Один из древнейших и любимейших инструментов карикатуры и сатирического текста – зооморфизм – в зависимости от замысла и таланта автора может подразумевать простое непосредственное прочтение, устоявшееся со времен античных баснописцев. Но этот же

прием способен передать и более сложную интерпретацию, связанную с конкретными реалиями определенной эпохи, ее культурного поля и национального самосознания. Повышение градуса фобий в предвоенную эпоху в адрес тех или иных реальных и потенциальных противников побуждало сатириков ужесточать стратегии «зоологической» презентации образов врага. Отработанный и отточенный за много лет прием зооморфизма лишь обострил традиционный «звериный» репертуар художников в связи с событиями войны.

Представляется интересным упомянуть и встречающийся в советском плакате образ врага в виде змеи или змееподобного дракона – персонифицированного зла в традиции русской иконы. Как известно, слова «гад», «гадина» подразумевают не только само пресмыкающееся, но и обозначают что-то отталкивающее, отвратительное в более широком смысле.

Графически мотив змеи представлялся особенно удобным еще и потому, что он позволял, при помощи умножения змеиных тел, построить символ свастики. К началу войны мотив змеи был развит до различных гибридных форм человеко-зверя. Один из вариантов мотива змеи встречается у Д. Шмаринова («Раздавите фашистское чудовище», 1941), на плакате которого змея заменяется анимализацией как раз такого рода (получеловек-полуспрут). В напоминающую краба рептилию, покрытую броней и свернувшуюся в форму свастики, превращается образ врага у А. Кокоркина («Бей фашистского гада», 1941), при этом символический потенциал (свастика) остается неизменным.

Довольно распространен в сатире прием гротесковой гипертрофии отдельных черт персонажа или физических свойств. Это может быть жесткое шаржирование физиогномических и физиологических деталей или подчеркивание выразительных элементов экипировки и обмундирования.

Основными персонажами советской карикатуры в годы Великой Отечественной войны являлись следующие образы:

- а) руководители Германии (А. Гитлер, Й. Геббельс, Г. Геринг, Г. Гиммлер и пр.);
- б) немецкий военнослужащий-захватчик (в основном, образы солдата и генерала);
- в) руководители и военнослужащие стран-сателлитов;
- г) гражданское население Германии.

Чаще всего в своем творчестве советские карикатуристы прибегали к аллегоричному изображению врага через образы ру-

ководителей государства-противника. Знаковой в этом отношении является карикатура Б. Ефимова «Берлинская разбойничья шайка» (рис. 1), на которой Гитлер предстает главарем банды, состоящей из высокопоставленных лиц Третьего Рейха в виде уличных громил.

Рис. 1. «Берлинская разбойничья шайка». Б. Ефимов, 1942

Символично, что первый ряд «разбойничьей шайки» образуют персонажи, наиболее часто используемые художниками в карикатурах: А. Гитлер, Й. Геббельс, Г. Геринг и Г. Гиммлер. За каждым из представителей этой четверки в советской карикатуре закрепился свой запоминающийся образ, ставший, в некотором роде, хрестоматийным.

Гитлер в 1941–1942 гг. изображается преимущественно как мрачный неуравновешенный бандит в тяжелых сапогах, главарь шайки убийц. Его лицо практически всегда имеет хмурую гримасу, кулаки сжаты. Вообще, образ Гитлера в карикатуре 1941–1942 гг. чаще всего заряжен опасностью и угрозой, олицетворяя «врага у ворот». Параллели с Наполеоном в карикатурах также косвенно указывают, что масштаб всенародного бедствия в лице Гитлера ощущался довольно остро («Людоед Гитлер», Д. Моор, 1941) (рис. 2). Гитлер, однако,

Рис. 2. «Людоед Гитлер». Д. Моор, 1941

не изображается исчадием ада, как Сталин на аналогичных немецких плакатах. Скорее, Гитлер имеет черты глупого и смехотворного Наполеона (в связи с этим следует отметить, что в России в 1812 году во время Отечественной войны также разгорелась целая полномасштабная карикатурная кампания против французского императора).

Но уже с начала 1943 г. Гитлер начинает представлять в образе жалкого побитого пса,

комической старухи («Потеряла я колечко...», Кукрыниксы, 1943) (рис. 3). Само собой разумеется, что связано это было со значитель-

Плакат «Старинная русская песня
«Потеряла я колечко...» (А в колечке 22 дивизии)».
Художники Кукрыниксы. 1943 г.

Рис. 3. «Потеряла я колечко...». Кукрыниксы, 1943

ными успехами Красной Армии и коренным переломом в войне. Даже в пространстве рисунка фигура Гитлера постепенно занимает все меньше места.

Чаще всего Гитлер изображается вместе с Геббельсом, который в советской карикатуре традиционно имеет черты мелкого злобно-го животного (обезьяна, собака, попугай) и является своеобразным «альтер-эго» своего фюрера. В отличие от Гитлера, Геббельс изна-

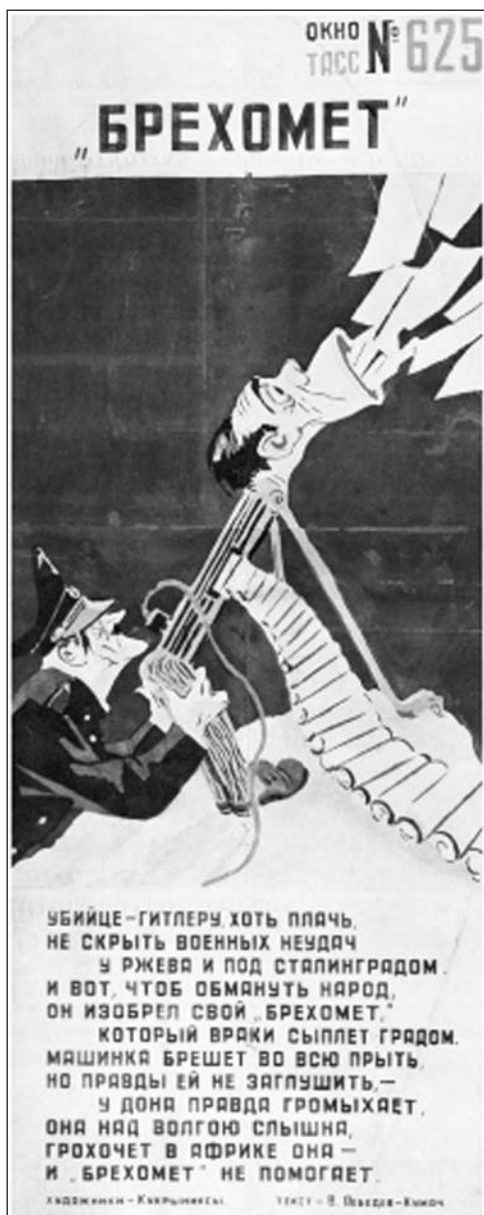

Рис. 4. «Брехомет». Кукрыниксы, 1941

чально изображается в крайне презрительной форме, особенности его внешности гиперболизируются (рост, физиогномические особенности, а также, например, манера широко открывать рот при выступлениях). В карикатуре «Брехомет» (Окно ТАСС № 625, Кукрыниксы, 1941) (рис. 4) за Геббельсом закрепляется кличка, метко характеризующая деятельность руководителя германской пропаганды. Отметим, что Геббельс, в некотором роде, противопоставлялся немецкому солдату и немецкому народу вообще, на которых распространялась официальная пропаганда гитлеровской Германии (Геббельс – «оболваниватель народа» (Д. Моор, «Школа Геббельса», 1943).

Г. Геринг и Г. Гиммлер также являлись частыми «объектами атаки» советских карикатуристов (см. рис. 1). Если Геринг олицетворял тупую и жестокую германскую военщину (гротескный, увешанный орденами «солдафон» с раблези-

ански огромным животом и колючим взглядом), то Гиммлер являлся символом карательной машины рейха и был увешан уже не орденами, а орудиями убийств и пыток. При этом неотъемлемой деталью образа Гиммлера являются его круглые очки и насмешливо-отрешенное выражение лица в сочетании с руками и формой, испачканными в крови («Гиммлер», Кукрыниксы, 1943) (рис. 5).

Образ немецкого военнослужащего-захватчика в советской карикатуре, в основном, воплощен в виде солдата и в виде генерала. В некоторой степени эти два образа противопоставляются друг другу,

Рис. 5. «Гиммлер». Кукрыниксы, 1943

подчеркивая социальную пропасть между рядовым «фрицем» и «фон Бароном» – генералом. Немецкий солдат в большинстве случаев изображен в виде грабителя и мародера, и гораздо реже в виде убийцы. Стоит отметить, что в советской карикатуре солдат противника практически не имеет угрожающих черт, в отличие от руководителей Германии, иногда предстающих в хищных зооморфных образах. Солдат противника предстает тупым, обманутым пропагандой, обреченным на гибель или плен. Является характерным, что немецкому солдату не приписывается природная агрессивность; ему скорее приписывается тупость, и в определенной мере именно навязывание определенных политических доктрин сделало его таким, какой он есть (рис. 6).

Распространение в советской карикатуре получило изображение солдат противника в виде «живых трупов». Подобный способ изображения врага был новым для своего времени, так как, в отличие от традиционных макабрических сюжетов, изображал противника не

Рис. 7. «Прошло всего несколько месяцев (взирая на лица)».
Кукрыниксы, 1942

несущим смерть, а принимающим ее (рис. 7).

В своих карикатурах советские художники изображали простого немецкого солдата иногда даже жертвой военной агрессии. Но в основном образ солдата противника был «расчеловечен». Так, в известном плакате Кукрыниксов «Превращение фрицев» (1943) написано: «То не звери с диким воем в бурный ринулись поток. Это Гитлер строй за строем гонит „фрицев” на восток». В ходе сюжета этого плаката немецкая армия превращается в могильные кресты.

Особо стоит рассмотреть образ немецкого генерала в советской карикатуре. Если накануне войны германский генералитет изображался в виде мрачных гигантов в серой форме, стеной стоящих позади низкорослого фюрера, то уже во время войны, как правило, образ вражеского полководца приобретает ярко выраженный комический

оттенок. Карикатура с участием немецкого генерала часто строится по принципу «ожидание – реальность», где заносчивые и тщеславные планы вражеского военачальника терпят крах. Карикатуры изображают немецких генералов «терпящих удары» в прямом смысле или попавшими в капкан (мышшеловку) (рис. 8).

Рис. 8. «Сталинградская наука». Б. Ефимов, 1942

Страны-сателлиты Германии, представленные в образах своих правителей (М. Хорти, И. Антонеску), в советской карикатуре 1941–1945 гг. играют своеобразную роль «вооруженных люмпенов», подобострастных перед унижающим и бросающим их на верную гибель Гитлером («Смертельная забота», Кукрыниксы, 1944). Муссолини в этом ряду стоит особняком и имеет вид, скорее, напыщенного тирана-самодура. Тем не менее, его сервильность по отношению к Германии находит отражение во многих карикатурах («Использование ресурсов», Б. Ефимов, 1942, «Проект памятника Муссолини», Окно ТАСС № 778, «Под Орлом аукнулось, в Риме откликнулось», Кукрыниксы, 1943) (рис. 9).

Рис. 9. «Фашистская псарня». Кукрыниксы, 1941

Гражданское население Германии тоже можно найти на советских карикатурах. От довоенного образа педантичных хозяйственных бюргеров оно приходит к образу нищих, обреченно ожидающих поражения в войне. Гражданское население Германии хотя и показано косвенными виновниками преступлений гитлеровской армии (получение посылок с награбленным имуществом с фронта, безумная вера пропаганде), но оно не вписывается в систему образа врага, а только дополняет ее (рис. 10).

Рис. 10. «Пятна крови». Кукрыниксы, 1942

Своеобразное закрытие темы изображения «Гитлера и его своры» в советской карикатуре было обозначено Кукрыниксами в карикатуре «Праздничная уборка», где выдающиеся советские карикатуристы изображались с журналом в руках, из которого в мусорное ведро

сыпались образы Гитлера, Геббельса и других руководителей Третьего Рейха. В стихах С. Маршака к этой карикатуре упоминаются характерные визуальные черты основных персонажей: «косой его вихор и уголек под носом» (Гитлер), «Фон Геринг – окорок свиной, покрытый орденами», «Геббельс – помесь паука, хорька и головастика». Подводился итог: «Все это сборище громил, все эти людоеды должны покинуть “Крокодил” под музыку Победы»⁷.

Говоря об отечественной карикатуре периода Великой Отечественной войны, можно сделать выводы, что она имеет определенную художественную специфику. Это выражается в ее истоках (русский лубок) и принципиально новых элементах, приобретенных в годы войны. Изобразительные средства карикатуры, как правило, очень просты и наполнены смыслом, явным либо скрытым. Таковую графическую форму подачи карикатуры определила социальная востребованность данного жанра. Развитие жанра карикатуры является явным признаком развития общества, так как часто именно она является графическим способом выражения человеком своей гражданской позиции.

Что касается специфики образа врага в советской карикатуре, то важнейшим в этом отношении является принцип, сформулированный К. Вашником⁸. Если при анализе композиции изобразительного сообщения обращать внимание на контекст действия, в рамках которого показаны фигуры, то на советском плакате и в советской карикатуре враг изображается не в момент, когда он сильнее всего угрожает Своему, Нашему, но в положении уже побежденного или такого, который будет побежден или уничтожен в ближайший момент. Семантически и акционально враг подавляется присутствием на изображении Своего (побеждающего) и тем самым ослабляется в своем угрожающем потенциале. Это двойное присутствие, прежде всего в карикатурном типе изображения, характеризуется еще и стилистическим разрывом, при котором собственная сторона изображается несатирически (подражая реальности), в то время как противник подвергается сатирическому снижению. Ироническое пренебрежение противником провоцирует возникновение эмоциональной дистанции, которая действует диаметрально противоположно механизму запугивания. Подразумеваемый смех над врагом (благодаря высмеиванию его графического облика) приближает зрителя к стороне Своего и работает на подтверждение идентичности, что лишней раз подкрепляется контекстом действия. Присутствие Своего,

побеждающего или сообщающего уверенность в победе, низводит врага до функции объекта, в то время как в немецком плакате враг выполняет функцию субъекта. Образная структура советского плаката и карикатуры по сравнению с национал-социалистическими несла противоположное послание и представление о будущем: транслировать хотели неизбежность своей победы, а не грозящие последствия поражения.

Образ врага в СССР оставался, невзирая на реальный ход войны и связанную с ней реально-историческую угрозу (и нанесенный ущерб), умеренным и в конечном итоге не был в своих идеологически установленных рамках («антифашизм») антинемецким. То обстоятельство, что предпочтение было отдано карикатуре, отражает русскую изобразительную традицию и факт длительного отсутствия антинемецких образов врага. Главный упор плакатной пропаганды делался на мобилизацию собственных ресурсов, а не на агитацию среди чужого населения. К этому добавляется то, что начиная с 1943 г. в советском плакате все большую роль играла ожидаемая победа: отражение военных успехов в пропагандистской картине войны скорее противодействовало процессу радикализации образов врага. Поэтому можно сказать, что способность визуальной советской пропаганды к самоуправлению, хотя она и была сначала снижена в результате советско-марксистской интерпретации национал-социализма, в ходе войны заметно усилилась.

Изображая противника в виде сверхличностей или животных, карикатуристы гиперболизировали отрицательные черты своих врагов, использовали гротеск, сюжеты известных мифов, эпосов и басен и т. д. Подобные образы способствовали мифологизации массовых внешнеполитических представлений, превращению их в негативные стереотипы. Изучение такого специфического источника, как военная карикатура, позволяет пролить свет на особенности военной пропаганды, взаимного восприятия, способы конструирования и функции образа врага.

---

¹ Kemnitz T.M. The Cartoon As a Historical Source // Journal of Interdisciplinary History. 1973. № 4 (1). С. 81–93.

² Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в годы Великой отечественной войны // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. 2012. № 1(21). С. 85.

³ Федосюк М.Ю. Представления о комическом в военное время (на материале карикатур Первой мировой войны) // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 58.

⁴ Гудков Л. «Негативная идентичность». М.: НЛО; «ВЦИОМ-А», 2004. С. 560.

⁵ Демосфенова Г.Л., Советские плакатисты – фронту. М.: «Искусство», 1985. С. 57.

⁶ Клавис В., Мещерякова А., Мурыгин А., Кукрыниксы. Графика 1941–1945. М.: Издательский дом Мещерякова, 2006. С. 6.

⁷ Крокодил. 1945. № 18. С. 12.

⁸ Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // К. Вашик. «Образ врага» / сост. Л. Гудков, ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005.

О.Г. Ульянов (Москва)

**ДРЕВНЕЙШИЙ АРСЕНАЛ В МОСКОВСКОМ
КРЕМЛЕ – МЕСТО РОЖДЕНИЯ
РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ
625-летию русской артиллерии посвящается**

Самой ранней датой первого прямого упоминания пороховой артиллерии в Европе принято считать 1326 г., когда флорентийская Синьория 11 февраля поручила двум своим членам обеспечить изготовление снарядов и железных пуль вместе с «пушками из металла» (*«pilas seu palloctas ferreas et canones de metailo»*) для защиты города: *«Item possint dicti domini priores artium et vexillifer justitiæe una cùm dicto officio duodecim bonorum virorum, eisque liceat nominare, eligare et deputare unum vel duos magistros in officiales et pro officialibus ad faciendum et fieri faciendum pro ipso communi pilas seu palloctas ferreas et canones de metailo, pro ipsis cannonibus et palottis habendis et operandis per ipsos magistros et officiales et alias personas in defensione communis Florentiæ et castrorum et terrarum quæ pro ipso communi tenentur, et in damnum et prejudicium inimicorum pro illo tempore et termino et cùm illis officio et salario eisdem per communi Florentiæ et de ipsius communis pecunia per camerarium camere dicti communis, solvendo illis temporibus et terminis et cùm eâ immunitate et eo modo et forma et cum illis pactis et conditionibus, quibus ipsis prioribus et vexillifero et dicto officio XII. bonum virorum placuerit»*.¹

Появление артиллерии на Руси, правда, весьма ограниченной на первых порах в скорострельности (1–2 выстрела в сражение),² в русских летописях тоже датируется XIV в., когда при героической обороне Москвы от Тохтамыша в 1382 г. *«ови стрѣлами стрѣлаху съ заборол, овии же камениемъ шибяху на ня, друзии же тюфяки пуцаху и них, а инии самострѣлы, напрязающе, пругаху и пороки. Есть же нѣщии, егда и самыа ты пушки пуцаху»*.³ Сохранилось уникальное летописное известие, что в 1380 г. *«преже всех зделал*

*снасть вогненного бою – ручницы и самопалы, и пищали железные и медные – немец именем Ян»*⁴. В ряде сообщений под 1382 г. пушки при обороне Москвы названы «великими»,⁵ чему противоречит распространённое в литературе ошибочное мнение о том, что якобы такие пушки были установлены на боевых площадках существовавших тогда крепостных стен⁶. Так, например, в реконструкциях В.Г. Федорова пушки установлены прямо на боевом ходе крепостной стены⁷, однако подобная дислокация орудий была просто невозможна из-за узости верхних площадок крепостных стен и отката пушек во время выстрела⁸. Более того, Кремль времени великого князя Дмитрия Донского, построенный за один строительный сезон 1367–1368 гг., был вовсе не полностью «белокаменный», как полагали ранее сторонники вышеназванной гипотезы, а каменно-деревянным⁹.

Другую дату для русской артиллерии указывает Тверская летопись под 1389 г.: *«Того же лета из Немець вынесоша пушкы»*¹⁰. В Голицынской летописи это известие сопровождается конкретным указанием: *«в лето 6897 вывезли из Немець арматы на Русь и огненную стрельбу, и от того часу уразумели из них стреляти»*¹¹. Последняя датировка является более предпочтительной ввиду того, что именно к тверскому князю Ивану Михайловичу было направлено в 1408 г. посольство эмира Едигея, осадившего Москву, *«веля ему быти у Москвы часа того съ всею ратью Тверскою, и съ пушками, и съ тюфяки, и съ самострелы и съ всеми съсуды градобийными, хотя разбити град Москву»*¹². О местном литейном производстве в Твери может косвенно свидетельствовать летописное сообщение, что в 1403 г. там *«слит быть колокол благовестник..., и быть глас его красен»*¹³. В 1447 г. великий князь Василий II, осадив Углич, *«посла к великому князю Борису, а рекый: «Бес тебе, брате, и малый град не отвориться мнѣ», и союзный с ним «князь великий Борис Александрович Тверский послал ему пушки бити город»*¹⁴: *«посла к нему своего сына боярского и с нимъ пушечника с пушками, именем Микулу Кречетникова. Но таковъ бѣяше той мастеръ, но яко и среди нѣмецъ не обрѣсти такова. И егда же привезоша пушкы, и тогда въеводы великого князя Бориса Александровича, Борисъ да Семень, яко добриши и храбриши въини служаху государю своему, великому князю Борису Александровичю, и начаша вооружатися в мѣстныя браня, а пушкы же поставиша под самымъ градомъ и повелѣша бити, а сами начаша приступати, но яко всѣмъ москвичамъ дивитися храборьству ихъ, и дерзости их, и великому ихъ умѣнию»*¹⁵. В том же году тверские пушки помогли одержать

победу под Ржевом: «Борис Александрович сам пришел ратию ко Ржеве... да город пушками бил ... толь бо грозно, но яко ж от великого того грому многим человеком падати»¹⁶.

Помимо Москвы и Твери, другими центрами зарождения русской артиллерии в XIV в. стали Новгород и Псков. Под 1394 г. Псковская I летопись содержит известие, что «приидоша новгородци ко Пскову ратью в силе велице, и стояша у Пскова 8 дней, и побегоша прочь ноцию посрамлени, ... а порочная веретеница и пущичи, чим ся били, пометаша»¹⁷. В других источниках псковского происхождения термины «пущича» и «пушка» также выступают синонимами; в 1400 г. псковичи сами «с пушками» ходили на немцев¹⁸. В 1444 г. при обороне новгородской крепости Ям впервые упоминается об артиллерийской дуэли, в которой одержали верх русские пушкарки: «сбращешя Немци, местер со всеми своими вой, пришедше под город под Яму, бивше город пушками, а з города такоже противу пушками; и нарочитую их пушку заморскую великую, и наметивше с города разбиша и пушечника и многих добрых, Немцев, побии»¹⁹. Согласно донесению ракверовского командора, в составе «наряда» новгородского войска, выступившего на выручку осажденного ливонцами города Ям, было «пять больших пушек и еще много других меньших».²⁰

С Новгородом и Псковом связаны самые ранние упоминания о применении артиллерии на русских судах в 1447 г., когда «Немцы в бусах и шинках бежаху к Нарове и Новгородчи на лодиях противу их, и начаша Новгородчи и Немцы пушками битися и стрелятися»²¹, и в 1459 г., когда немцы «на Нарове насаду псковскую у ловцов отъяша с пущичами и со всем запасом ратным»²². В собрание ВИМАИВиВС в 1912 г. поступил древнейший экземпляр $\frac{3}{4}$ грив. казнозарядного каморного орудия сер. XV в. (рис. 1), найденный в 1911 г. на

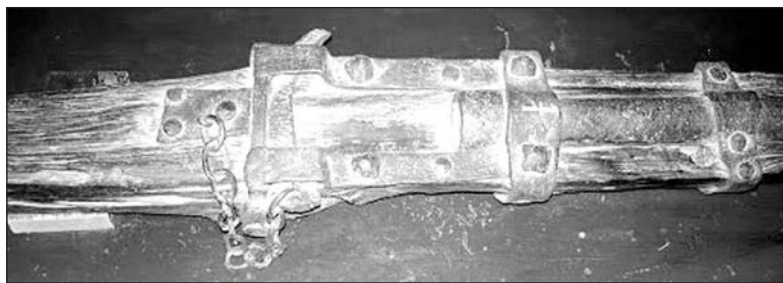

Рис. 1. $\frac{3}{4}$ грив. казнозарядное каморное орудие сер. XV в. ВИМАИВиВС. Инв. № 1/1. Диаметр канала ствола – 43 мм. Длина ствола – 112 см

дне р. Наровы²³. Аналогичное орудие XV в. хранится в коллекции Исторического музея Швеции²⁴. Помимо этого, у псковичей имелась и крупнокалиберная артиллерия, как показывает известие об осаде Нового ливонского городка в 1463 г., когда они *«начата городок бити пущичами... и ...пустиша псковичи большею пушкою на городок, и пушка ростреснулася»*²⁵.

Между тем, применение пушек в самой Москве (после 1382 г.) упоминается в летописях только под 1452 г. в связи с обороной от царевича Мазовши: *«...граждане начаша пристрой градной готовити наутриа противу безбожныхъ пушки, и пищали, самострелы, и оружиа, и щиты, луки и стрелы, еже подобает к брани на противныя»*²⁶. Причем в составе московского «наряда» несколько орудий были немецкого происхождения и поступили в 1393 и 1410 гг. в качестве посольских даров: в 1393 г. *«прислал магистр немецкий к великому Князю посла о мире и любви, жалующися на Псковичъ и на Литву, и присла в дарех пушку медяну, и зелие, и мастера»*²⁷, а после победы под Грюнвальдом в 1410 г. *«князь великий Витовт прислал зятю своему великому князю Василию дары многие и 2 пушки медные прусские»*²⁸. Характерно, что московские мастера-литейщики нередко приглашались и в Новгород, и в Псков, как, например, в 1420 г., когда *«псковичи, наяша мастеров Федора и дружинноу его, побивати церковь Святая Троицы свинцом новыми досками, и не обретоша псковичи такова мастера в Пскове, ни в Новгороде, – кому лити свинчатыйи доски. А к немцом слаша в Юрьев, и погани не даша мастера. И приеха мастер с Москвы от Фотей митрополита, и науочи Федора мастера Святыя Троица, а сам отъеха на Москву»*²⁹.

Первые точные сведения о налаживании в Москве собственного производства артиллерии связаны с прибытием 26 марта 1475 г. из Италии вместе с посольством Семена Толбузина знаменитого «архитектон» Аристотеля Фиораванти, отпущенного с сыном Андреем и учеником Петром, *«как бы в драгоценный дар»* от венецианской синьории, первой признавшей права московского государя на императорский престол в Константинополе.³⁰ В то время именно Италия славилась на всю Европу не только своими крепостными замками, но и превосходной артиллерией. С целью усиления военной мощи своих союзников по антитурецкой коалиции Венеция стала оказывать им всяческую военную помощь в налаживании собственного оружейного производства. Так, посол Иосафат Барбаро имел поручение от венецианской синьории доставить в 1473 г. персидскому шаху Узун

Хасану большое количество артиллерии, в том числе стенобитной, порох, ружья, а также военных специалистов, чтобы усилить удар на *«общего врага», «дракона и ненасытного змея, разрушителя веры и ниспровергателя государей»* турецкого султана Мухаммеда П³¹.

В характеристике Аристотеля Фиораванти русские летописцы особо подчеркивали его профессиональную квалификацию, в том числе в области артиллерии: *«мастер муроль, кой ставить церкви и полаты... также и пушечник той нарочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми...»*.³² В трактате Антонио Аверлино (Филарете) об архитектуре он представлен под именем «Летистория» как *«создатель машин, хороший знаток измерений... очень сведущий в этих хитростях передвигать тяжести»*.³³ На Руси Аристотель Фиораванти внедрил передовые технологии того времени в строительстве, прежде всего, в Москве: *«И кирпичную печь доспе за Ондроньевым монастырем, в Калитникове, в чем ожигати, и как делати, нашего Рускаго кирпича уже да продолговатее и тверже»*.³⁴ Кроме того, ему пришлось самому руководить московской артиллерией при походах в 1482 г. на Казань и в 1485 г. на Тверь³⁵. Согласно средневековым представлениям, знание происхождения вещей является ключом к использованию вещи³⁶, поэтому полагалось, чтобы мастер-оружейник сопровождал и умел применять созданные им предметы вооружения в военных действиях.

Однако мнение, что Аристотель Фиораванти будто бы организовал первую «Пушечную избу» в Москве ок. 1475 или 1478/1479 гг., получившее распространение в современной библиографии по данной теме,³⁷ не имеет никакого подтверждения в летописных источниках. Первое точное упоминание о московской «Пушечной избе» датируется 1488 г., когда *«августа 13 день того же лета в среду, в час дни загореса на посаде у Москвы церковь Благовещение на Болоте деревянная... и по Васильевский луг и по реку; и мосты три у Фроловских ворот и пушечная изба»*.³⁸

Помимо датировки, столь же дискуссионной является проблема первоначальной топографии «Пушечной избы», которую ряд авторов локализует вне стен Московского Кремля, полагая, что с момента своего возникновения московский Пушечный двор (первоначально «Пушечная изба») занимал неизменно одно и то же место, неподалеку от Кремля.³⁹ Так, в капитальном труде «История Москвы» утверждалось, что в 1488 г. в Москве уже был Пушечный завод, так называемая «Пушечная изба», или «Пушечные избы», которые, судя по данным первых лет XVI в., «стояли на р. Неглинной, в районе теперешних улиц Неглинной и Пушечной,

где и позднее». ⁴⁰ Ничем документально не подтверждена и гипотеза археолога А.Г. Векслера, что изначальное, известное по летописям пушечное производство («Пушечная изба») возникло будто бы в 1475 г. за кремлевскими стенами недалеко от Фроловской башни, а затем уже литье пушек было перенесено за р. Неглинную после пожара 1488 г. ⁴¹ Особенно резко возражает против внутрикремлевского расположения первой «Пушечной избы» и категорически отрицает какое-либо оружейное производство в Московском Кремле археолог Л.А. Беляев ⁴², на чьи штудии в основном опирается архитектор А.Л. Баталов в своих заметках по сакральной топографии Москвы ⁴³. Ошибочность в научной методологии и небрежность топографического анализа в публикациях Л.А. Беляева и А.Л. Баталова уже стала предметом серьезной источниковедческой критики. ⁴⁴

Однако в 1994 г. ⁴⁵ нам впервые удалось обнаружить в Вологодско-Пермской летописи уникальное известие под 1526 г. о местонахождении «*пушечных изб*» именно внутри Московского Кремля у кремлевской церкви Рождества Пречистой Богородицы, «*что на Рву*»: «В лето 7034. Декабря князь великий Василей Иванович велел постричи в черницы свою великую княгиню Соломаниду и послал в Суздаль в монастырь к Покрову пречистые, в девичь монастырь, а постриг ее на Москве у Рождества пречистые за пушечными избами в девичь монастыре никольской игумен старого Давыд» ⁴⁶. Данное событие нашло отражение в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. (рис. 2) ⁴⁷.

Рис. 2. Постриг вел.кн. Соломонии Сабуровой в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Миниатюра Лицевого летописного свода. РНБ. Ф. IV. 232. Л. 862

Кремлевская церковь Рождества Богородицы, «что на Рву», находилась между дворами кн. И.В. Сицкого и кн. Ф.И. Мстиславского непосредственно на Константиновском переулке, который начинался у знаменитого собора Николы Гостунского и вел под гору прямо к церкви Константина и Елены, с чем и связано его название.⁴⁸ Церковь Рождества Пречистой Богородицы позади кремлевского собора Николы Гостунского упоминается в целом ряде записей ладанных книг, например, под 19.09.1617 г.: «к Рожеству Пречистые Богородицы что в Кремле городе позади Николы Чюдотворца Гостунского на три престолы»⁴⁹. Приходится отметить, что о существовании в древности внутри Кремля церкви Рождества Богородицы не имеет никаких представлений даже главный архитектор Музеев Московского Кремля А.Л. Баталов.⁵⁰

Уточнить топографию кремлевских «пушечных изб» позволяет самый ранний аксонометрический план Кремля «Кремлена Градь» (Kremlenagrad, Castellum Urbis Moskvae) ок. 1600 г.,⁵¹ где в 6-м пункте экспликации указан *Chobro duor. Armententur*, т. е. «Хобро двор. Арсенал» (рис. 3). Известный историк Москвы И.Е. Забелин смог оп-

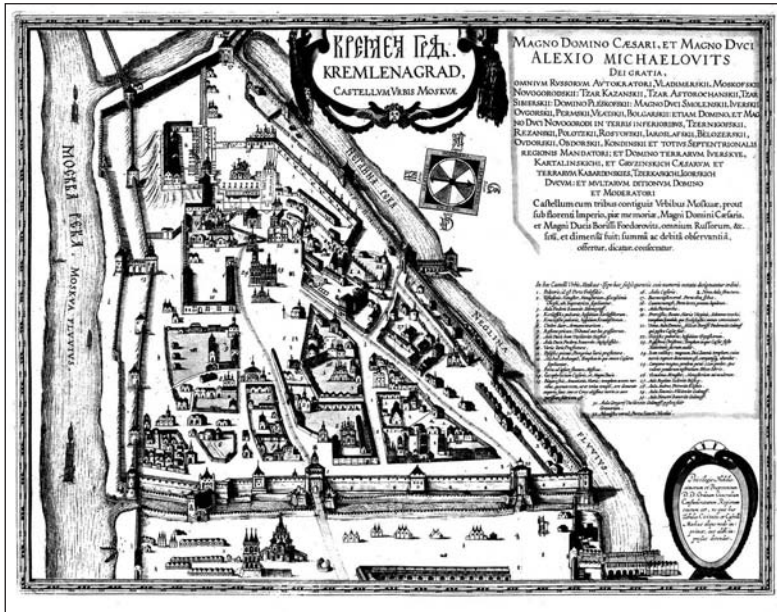

Рис. 3. «Кремлена Градь». Ок. 1600 г. ГИМ. Ед. хр. 43512. Л. 13642

ределить вероятного владельца двора, коим являлся знаменитый боярин Иван Васильевич Образцов-Симский Хабар (†1534),⁵² отец которого Василий Федорович Образец в 1485–1486 гг. построил одним из первых кирпичные палаты в Кремле.⁵³ Именно под началом воеводы Ивана Васильевича Хабарова-Образцова состоял московский «наряд» (артиллерия), по сообщению посла Сигизмунда Герберштейна, упомянувшего оружейных дел мастера Иоанна Иордана из Галле.⁵⁴

Ни И.Е. Забелин, полагавший, что двор с названием «Хобро двор. Арсенал» заключал в себе «Оружейную казну, арсенал или цейхгауз», ни советский историк Г.Л. Малицкий, выдвинувший тезис об общегосударственном характере дополнительного арсенала Оружейной палаты на этом дворе,⁵⁵ ни разу не акцентировали внимание на артиллерии. По всей видимости, «пушечные избы» близ двора «Хобра» (рис. 4) были устроены точно так же, как и на Пушечном

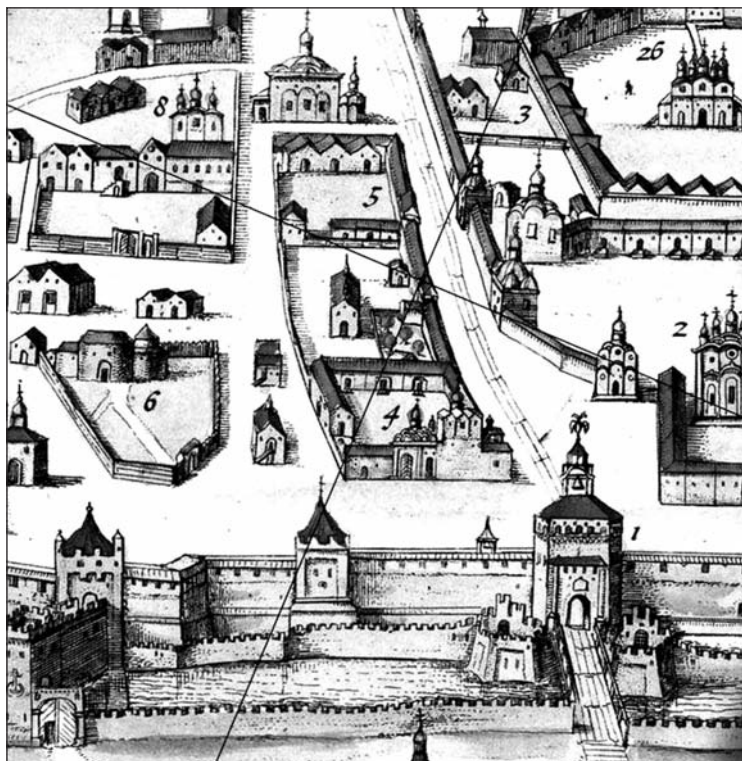

Рис. 4. «Кремлена Градь». «Хобро двор. Арсенал». Фрагмент

дворе за р. Неглинной. Согласно чертежу Пушечного двора XVII в.,⁵⁶ который, как полагают, чертили на самом дворе, над сдвоенными конусообразными башнями, расположенными в центре, помещена надпись «*Литейные анбары*». Чтобы точнее узнать назначение высоких башен – «анбаров» с конусообразными крышами, следует обратиться к первой русской военно-технической книге «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Автор «Устава» Анисим Михайлов Радишевский, талантливый ученик Андрея Чохова, начал составлять свою книгу в 1607 г., а завершил лишь к 1623 г., когда и был пожалован.⁵⁷ Воспроизводя в «Уставе» образцовый «*оружельный дом*», Анисим Михайлов взял за основу Пушечный двор в Москве, где сам работал мастером. В отношении литейного «анбара» он советует «*устроить... две печи, а перед печью учинить яму, да устроить тут снасть, которую доведется вертети двойные, затинные, или иной какой малой наряд, или шарфетины. Да еще устроить снасть и буравы посреди пушечного сарая и утвердить то над ними сквозь мост, чтоб большие пушки вертети*»⁵⁸. Благодаря сохранившимся данным за 1677 г. можно сравнить это описание с устройством «пушечных изб» в Пскове: «*во Пскове прежний пушечный двор сгорел без остатку, и печи литейные старые обетчали и зарушились, и пушечного дела строить было в старых печах отнюдь нельзя, потому: как в прошлом в 7184 году пушечного дела мастера лили во Пскове щизаль «Певца»; и в тех старых печах медь в литье ушла в землю... И печи и хоромы и иные всякие припасы что к тому литейному делу годится, все сделано вновь, и за тем тому пушечному делу медление учинилось... А по се число пушечной станок и кожух и печи к литью становятся в готовности, а лить той щизали до весны, за зимним временем, и образца мерзлой землею осыпать невозможно, потому что тот образец от мерзлой земли отпотеет, и будет мокр; а такие большие щизали выходят из дела, на старом Московском Пушечном литейном дворе, в год и в полтора года с готовым припасом, и в том пушечном литье чинятся расходы большие, кроме новых заводов*»⁵⁹.

Первоначальная «Пушечная изба» в Московском Кремле с доменной печью и тремя дымовыми трубами в виде небольших главок с конусообразными крышами была запечатлена во всех подробностях на миниатюре Лицевого летописного свода⁶⁰ с изображением (рис. 5) отливки 12 августа 1488 г. «*пушки великой*» Паоло де Боссе («*Павел Фрязин Дебосис*», «*Павлин Дебосис*»), первой удостоенной прозвища «*Царь-пушка*»⁶¹. Судя по всему, дульная часть этого орудия имела больший диаметр, чем

Рис. 5. Литье «пушки великой» Паоло де Боссе в 1488 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. РНБ. Ф. IV. 232.

Л. 410. Надпись под миниатюрой Лицевого летописного свода: «О пушке Павлине. Того же лета августа в 12 день слил Павлин Фрязин Дебосис пушку велику»

*простоявшая без дела. В нее влезал целый небольшой мешок пороху, а в жерле мог выпрямившись сидеть человек, так она была велика и даже еще больше».*⁶³ Подобные мортиры не нуждались в специальном лафете, и при стрельбе их устанавливали под определенным углом в окопе со скошенной передней стенкой. Это воспрепятствовало в 1521 г. быстрому разворачиванию орудия внутри Кремля (sic!) у Спасских (Фроловских) ворот («ее едва ли можно было бы подкатить туда и в трехдневный срок и к тому же она первым же

казенная, что характерно для мортир (mortier), предназначенных для ведения навесного огня. Ближайшей аналогией «пушки великой» Паоло де Боссе, отлитой в Московском Кремле при государе Иване III, является знаменитая «ленивая Метта» (Faule Mette) 1411 г. из Брауншвейга (рис. 6), создателем которой считается мастер Хеннинг Буссеншутте⁶². Эта грандиозная мортира была длиной 2,9 м, весила 8,2 т и имела калибр 76 см. У обеих орудий полностью совпадают пропорции, деление на 2 части, отделка швов, утолщение дула, расширение казенной части.

«Царь-пушка» Паоло де Боссе упоминается в «Записках» С. Герберштейна, охарактеризовавшего участие московской артиллерии в защите Кремля от войск казанского царя Мухамед-Эмина в 1521 г.: «это была старая штуковина вроде мортиры, много лет

**Рис 6. Мортира «ленивая Метта» (Faule Mette).
1411 г. Брауншвейг**

выстрелом разрушила бы и свод, и стены ворот»), что побудило «начальника казны» (оружейничего?) «искать маленькие пушки – фальконеты, (спрятанные) вдалеке от крепости»⁶⁴. Данное свидетельство С. Герберштейна лишний раз подтверждает мнение о первоначальном

расположении «Пушечной избы» внутри самого Кремля, в то время как фальконеты переносились, скорее всего, с Пушечного двора за р. Неглинной.

Вероятно, итальянский мастер из Венеции Паоло да Боссе, изготовивший первую «Царь-пушку» на Руси, прибыл в Москву в составе посольства Юрия Траханиота, направленного в октябре 1486 г. к венецианской синьории, причем в инструкции⁶⁵ московскому послу особо значилось *«приговаривати в Московское государство... пушечного дела мастеров»*⁶⁶. Обращает на себя внимание одновременное приглашение Иваном III *«пушечного дела мастеров да каменщиков добрых»*, в силу чего синхронно с началом литья боевых пушек в Московском Кремле началось строительство новых укреплений, в частности, Беклемишевской башни с пороховым погребом, заложенной в 1487 г. Марко Фрязиным неподалеку от «Пушечных изб». В свою очередь, на близком расстоянии от него находилась Пороховая мельница у Яузского моста. Не случайно весь юго-восточный угол Кремля подвергался в конце XV в. столь частым пожарам, известным по летописям (2 октября 1475 г. *«близ врат Тимофеевских»*, 20 марта 1477 г., 9 сентября 1479 г., 16 июля 1493 г. и др.) и прослеженным археологически. Параллельный ход работ по реконструкции Кремля и реорганизации оружейного дела показывает государя Ивана III как умелого организатора, чья программа перестройки носила характер продуманного государственного мероприятия.⁶⁷ С того времени вся система фортификационных укреплений Москвы находилась в тесной связи с состоянием пушечного дела. Недаром даже в XVIII в. фортификация не отделялась от артиллерии: существовали канцелярия главной артил-

лерии и фортификации, контора артиллерийская и фортификационная, артиллерийско-инженерная школа.

Примечательно, что первоначальная «Пушечная изба», судя по миниатюре со сценой отливки «пушки великой» Паоло де Боссе, была расположена как раз на «Реву» («Трубе») близ ограды Государева двора, кроме того, отсутствуют изображения кремлевских стен и башен, на фоне которых обычно развернуты на миниатюрах действия, происходившие вне Кремля. Тем самым данная миниатюра полностью согласуется с обнаруженным нами летописным известием 1526 г. о местонахождении «Пушечных изб» у кремлевской церкви Рождества, «что на Реву». Указанный в этих топонимах «Ров» («Труба») возник еще во времена строительства на Боровицком холме крепости великого князя Юрия Долгорукого в середине XII в., дугой исходил от современных Троицких ворот (рис. 7) и

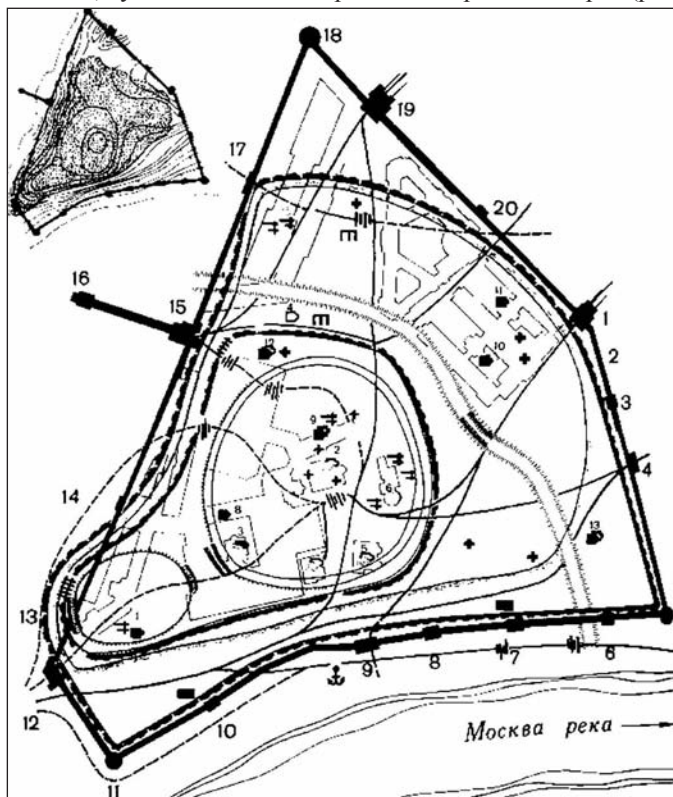

Рис. 7. Ров на плане Московского Кремля XV в. (реконструкция)

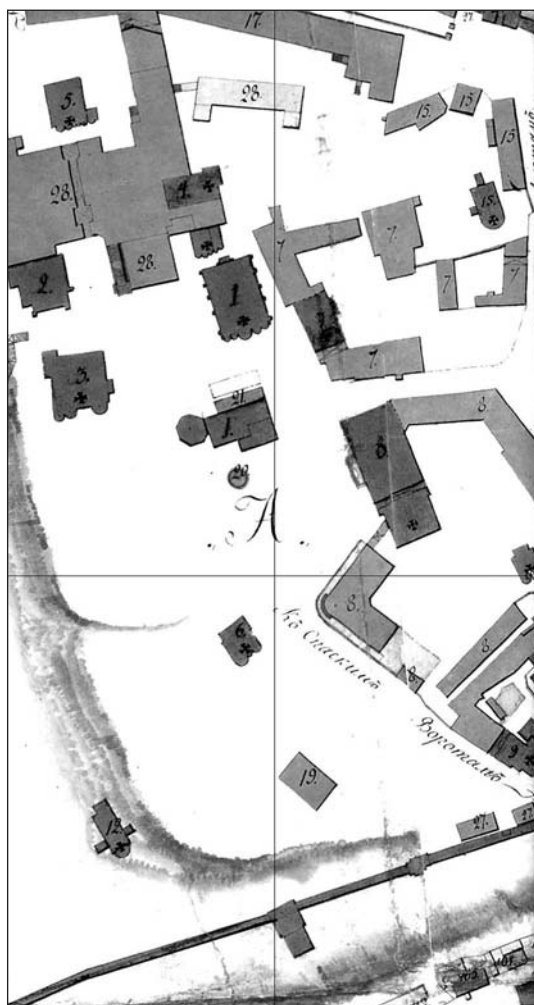
достигал, как было установлено дважды (1838 и 1960 гг.), глубины 9 м и ширины ок. 3,8 м. При земляных работах под руководством архитектора Н.А. Шохина в 1874 г. во дворе Малого Никольского дворца было обнаружено продолжение «Рва» («Трубы») в направлении Кремлевского театра. находка в данном месте меча середины XII в. позволила датировать сам «Ров» («Трубу») временем последних лет великого князя Юрия Долгорукого. Весной 1882 г. «*посредине дороги между углом кремлевских казарм, у коего стоит Царь-пушка, и стеной дома Чудова монастыря*», как сообщали «Современные известия», в результате провала была вновь обнаружена та же самая «Труба» из белого тесаного камня с плоской нижней стороной, «*как бы полом*», шириной 4 м и высотой около 5 м.⁶⁸ Сама «Труба», будучи остатком древнего рва,⁶⁹ выходит в Москву-реку между Второй Безымянной и Петровской (Угрешской) башнями, которые изображены на миниатюре с «*пушкой великой*» Паоло де Боссе.

Рис 8. Литье колоколов в Московском Кремле в 1346 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. БАН. 31.7. 30-1. Л. 402 об.

Таким образом, «Пушечная изба» была создана при государе Иване III в наиболее безопасном месте Московского Кремля, на глубоком «Рву» («Трубе»), дабы уберечь от пожаров близлежащие кремлевские постройки. Вероятнее всего, именно там располагалась ранее литейная мастерская, где в 1346 г. при великом князе Симеоне Гордом мастер Бориско слил три больших и два малых колокола⁷⁰, чему была посвящена одна из миниатюр Лицевого летописного свода (рис. 8)⁷¹. Как удалось впервые выявить на плане Кремля и Китай-города 1803 г.,⁷² следы внутрикремлевского «Рва» («Трубы») вблизи 2 указан-

**Рис. 9. «Планъ Городской части Кремля и Кня-
тая Города съ показаньем имеющихъ
казенныхъ строений, обывательскихъ домовъ,
и лавокъ, Учиненной В силу Приказа
Московской Управы благочинія Декабря Дня
1803 Года. Чертиль прaporщикъ Казанцовъ»**

ных башен отчетливо прослеживались еще в конце XVIII в., причем здесь же оставалась часть московской артиллерии, обозначенная в 19-м пункте экспликации как «Батарея» (рис. 9). Считается, что такой «багарей» на бровке холма Ивановской площади Кремля были размещены в 1786–1788 гг. большие пушки, перевезенные в Кремль с Красной площади в каменный «шатер» на восьми столбах, сооруженный в 1785 г. На картинах Ф. Гильфердинга 1783 и 1787 гг. с видами Красной площади в сторону Покровского собора, Спасских ворот Кремля и пушечного шатра (рис. 10) запечатлена часть орудий, издавна стоявших на Красной площади под открытым небом, а также в каменном шатре, устроенном в 1712 г. у Спасских ворот. Особую ценность представляет гравюра

Рис. 10. Вид Красной площади в сторону Покровского собора, Спасских ворот Кремля и пушечного шатра. Ф. Гильфердинг. 1787 г.

Ж. Делабарта 1795 г. с видом «Спасских ворот и окрестностей их от Ивановской площади в Кремле на Архиерейский дом, Спасскую башню и церковь Николая Гостунского», где подробно изображены (рис. 11) каменный «шатер» с пушками (разобран около 1810 г.) на месте бывших «Пушечных изб» (sic!) времени государя Ивана III и остатки того самого «Рва» («Трубы»).

Рис. 11. Вид Спасских ворот и окрестностей их от Ивановской площади в Кремле на Архиерейский дом, Спасскую башню и церковь Николая Гостунского. Ж. Делабарт. 1795 г.

Для датировки начала литья пушек в «Пушечных избах» Московского Кремля (*terminus post quem*) важно учесть летописное свидетельство за 1478 г., когда во время похода на Новгород Иван III повелел «наместнику своему псковскому князю Василью Васильевичю Шуйскому со псковичи поити на свое дело на службу на Новгород ратью с пушками и с пицальми, и з самострелы, со всею приправою, с чем к городу приступати...». ⁷³ Уже во время стояния на р. Угре в 1480 г. московские полки впервые широко применили огнестрельное оружие в полевом бою: «Наши стрѣлами и пицальми многих побиха, а их стрѣлы между наших падаху и никогоже уязвляху. И отбиха их от брегу». ⁷⁴ Миниатюра Лицевого свода, иллюстрирующая это событие (рис. 12), показывает пушки и ручные пицали («ручницы»), противопоставленные татарскому луку. ⁷⁵ В ходе Лифляндского похода на город Феллин (Велиад) в 1481 г. воеводы Ивана

Рис. 12. Стояние на р. Угре в 1480 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. РНБ, F.IV. 232. Л. 339 об.

III впервые смогли взять приступом город с помощью «огненного боя»: «начаше крепко приступати под город с пушками и с пицальми, и с тюфяки и, разбивше стену, охабень Веллада взяша» (рис. 13). ⁷⁶

Как уже было отмечено выше, при походах в 1482 г. на Казань и в 1485 г. на Тверь московской артиллерией руководил уже Аристотель Фиораванти, с которым вместе трудился в кремлевских «Пушечных избах» мастер Яков. ⁷⁷ Весной 1483 г. им было отлито в Москве первое известное медное орудие длиной 2,5 аршина и весом 16 пудов: «Пицаль медная в станку на колесах, Русского литья, длина два аршина, полтретья вершка. На ней под-

Рис. 13. Взятие Феллина (Велина) в 1481 г. Миниатюра Лицевого летописного свода.

пись русским письмом: «По велению благоверного и христоролюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя всеа Руси, сделана бысть сия пушка в лето шесть тысяч девятьсот девяносто первого года, месяца апреля, в два десятое лето господарства его; а делал Яков. Весу 16 пуд».⁷⁸ Осенью 1491 г. в «Пушечных избах» Московского Кремля мастер Яков отлил самое древнее из дошедших до наших дней литых орудий (2-гривенковую пищаль), хранящееся в собрании Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге (Инв. № 9/37).⁷⁹ О ее создании гласит литая надпись вязью на казенной части: «По велению

Рис. 14. 2-гривенковая пищаль. «Пушечные избы» Московского Кремля. 1491 г. Мастер – Яков. ВИМАИВиВС. Инв. № 9/37. Калибр 66 мм. Длина пищали – 137,6 см, вес – 76,12 кг

Благодарного и Христоролюбивого Великого Князя Ивана Васильевича Государя всея Руси сделана бысть сия пищаль в лето 7000 месяца сентября 30 лета господарства его а делал Яков» (рис. 14). В том же году была отлита пищаль учениками мастера Якова: *«Яковлевы ученики Ваня да Васюк»*. Еще один пушечник, трудившийся в это время в кремлевских «Пушечных избах», известен по надписи на колоколе 1487 г. из Пафнутьев-Боровского монастыря, хранящемся в «Коломенском»: *«6996 года, месяца октября 10 дня зделан бысть сей колокол к Рожеству святых Богородица ф Пафнотиев монастырь при благодарном великом князе Иване Васильевиче, государе всея Руси... а делал Федько Пушечник»*.

С того времени происходит неизменное наращивание производственной мощности «Пушечных изб» в Московском Кремле, куда были приглашены уже упомянутый Паоло де Боссе (*«Павел Фрязин Дебосис»*, *«Павлин Дебосис»*), отливший в 1488 г. первую «Царь-пушку», венецианец Джакомо (*«Яков Фрязин»*),⁸⁰ прибывший в Москву в составе посольства Ралевых зимой 1490 г.,⁸¹ и выехавший на Русь из Милана в 1494 г. в составе посольства Ангелова и Мамырева Пьетро (*«Петр молодой Пушечников Фрязин»*)⁸², пищаль которого, отлитая в Москве в 1501 г. (*«пищаль медная Русского литья, в станку на колесах, ядром 5 гривенок, длина 4 аршина без полувершка. Подпись Русским письмом: «Иоанн, Божию милостию государь всея Руси и великий князь; делал Петр, семь тысяч девятого»*), отличалась наличием приспособлений (балансирующих цапф) для крепления на лафете, как и пищаль 1483 г. мастера Якова, что свидетельствует о введении колесных лафетов в московской артиллерии. Это подтверждает описание артиллерийского арсенала на дворе «Хобра», с которым соседствовали «Пушечные избы», выполненное впервые в 1525 г. Павлом Иовием (Паоло Джовио), епископом Новокомским, со слов московского посла к римскому папе Димитрия Герасимова: *«В Московской крепости видно много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса»*.⁸³ О появлении полевой артиллерии («наряда») как отдельного подразделения в составе русского войска можно судить по записи в документах *«царского Архива»* о *«наряде на берегу лета 6998» во время весеннего похода в «Дикое поле»* 1491 г.,⁸⁴ а также по упоминанию в разрядах под 7003 г. (1495 г.), что *«послал князь великий (Иван III) воевод своих на свитцкие немцы к Выбору с нарядом по полкам...»*.⁸⁵

В середине XVI в. венецианский посол в Москву Марко Фоскарини относительно технического уровня московской артиллерии заметил, что *«она снабжена всевозможными боевыми снарядами, какие имеются в настоящее время и у других государей»*.⁸⁶ Особенно восторженный отзыв о русской артиллерии в Московском Кремле оставил в 1588–1589 гг. посланник английской королевы Елизаветы Джильс Флетчер: *«ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые»*.⁸⁷

Обзор этих западноевропейских известий обнаруживает, что на всем протяжении XVI в. лишь арсенал на дворе «Хобра» попадал в поле зрения иностранных: посольств, оставляя у них впечатление едва ли не единственного оружейного хранилища в Москве. Столь подробное упоминание «Арсенала» на плане «Кремлена Градъ» было вызвано тем, что после смерти боярина И.В. Образцова-Симского Хабара в 1534 г. его двор целиком перешел под артиллерийский арсенал. В XVII в. московский «наряд» (артиллерию) архивные источники локализуют уже на дворе боярина Ф.И. Мстиславского († 1622), пожалованном его знатному роду Царем Иваном Грозным ок. 1566 г. рядом с той же кремлевской церковью Рождества Пречистые Богородицы, *«что на Рву»*, возле которой находились первоначальные «Пушечные избы»⁸⁸. Так, в описи «наряда» Московского Кремля, составленной на рубеже XVII–XVIII вв., названа *«пищаль Каширова немецкого литья... в Кремле, на Мстиславском дворе»*⁸⁹. Примечательно, что при царе Алексее Михайловиче во время царских смотров 1663/1664 гг. на Девичьем поле «наряд» Мстиславского двора следовал впереди артиллерии Пушечного двора, словно сохраняя по традиции первенствующее положение кремлевских «Пушечных изб» XV–XVI вв.⁹⁰

¹ De la poudre à canon et de son introduction en France au XIVe siècle, par M. Lacabane // The Bibliothèque de l'École des chartes (Ser. 2, T. 1). 1844. P. 354; Partington J. R. A History of Greek Fire and Gunpowder. JHU Press, 1960. P. 101–102.

² Забаринский П.П. 550-летие русской артиллерии // Сб. ИМАИМ. Вып. 1. М.; Л., 1940. С. 55.

³ РНБ. Q. XVII, 62; ПСРЛ. Т. IV. Стб. 86; Т. VIII. Стб. 44; Т. XI. Стб. 74, 75; при обороне Москвы одни воины «взъвариша воду в котлах, ляху нань, а инии стреляху,

тюфяки пушаху и пушки» – ПСРЛ. Т. XXIII. Стб. 128; «друзии же тюфяки пушаху на ня» – ПСРЛ. Т. XXV. Стб. 208.

⁴ ОР РНБ. О.ХVII.41119. Л. 282; Русский временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от (6370)/(862) до (7189)/(1681) лета, разделенный на две части. Ч. 2. М., 1820. С. 387; см.: Радищевский О.М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях, в государствовании царей и великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержцев, в 2-х частях: Ч. 1. СПб., 1777. С. 5.

⁵ Русский временник. Ч. 1. М., 1820. С. 245; ПСРЛ. Т. VIII. Стб. 44; Т. XXIV. Стб. 151–152; Т. XXV. Стб. 208; Т. XXVI. Стб. 149; Т. XXXIX. Стб. 125.

⁶ Русская военная сила, Т. 1. М., 1897. С. 139–140; Монгайт А.Л. Русская артиллерия в XIV–XVI вв. // ВИЖ. № 7. М., 1940. С. 64.

⁷ Федоров В.Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1948. С. 113, рис. 37.

⁸ Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII - начала XVI веков. М., 1962. С. 132.

⁹ Мокеев Г.Я. Каменно-деревянный Кремль // «Москва 850 лет» – юбилейное издание Правительства Москвы в двух томах. Т. I. М., 1996. С. 74–76; Борисевич Г.В. Об основных этапах территориального развития Московского Кремля в XI–XV вв. (по археологическим данным) // Архитектурное наследие Москвы. М. 1988. С. 29.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 444.

¹¹ ОР РНБ. F.IV.215. Л. 215; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 271. Прим. 136.

¹² ПСРЛ. Т. VIII. Стб. 83; Т. XI. Стб. 209; Т. XXV. Стб. 238; Т. XXVI. Стб. 175–176.

¹³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 470–471.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 493.

¹⁵ «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н.П. Лихачева. Изд. ОЛДП, 1908. С. 46.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 493. «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». С. 49.

¹⁷ ПСРЛ. Т. IV. Стб. 194; Псковские летописи / Подг. к печати А.Н. Насонов. Вып. 2. М., 1955. С. 30.

¹⁸ ПСРЛ. Т. IV. Стб. 218.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 185.

²⁰ Клейнберг И.Э. К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска // Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. Л., 1959. С. 132.

²¹ ПСРЛ. Т. XVI. С. 91.

²² ПСРЛ. Т. IV. Стб. 218; см.: «пушками» вместо «пушчицами» в Псковской II летописи – ПСРЛ. Т. V. Стб. 32.

²³ ВИМАИВиВС. Инв. № 1/1. Ствол железный цельнокованный. Диаметр канала ствола – 43 мм. Длина ствола – 112 см. Длина дубовой колоды – 226 см. Общая масса – 34 кг. Орудие представляет собой древнейший тип казнозарядных пищалей со сменными зарядными камерами, применявшихся судовой ратью Новгорода и Пскова на границе по р. Нарове.

²⁴ Svenska flottas historia. Malme, 1942. S. 57.

²⁵ Псковские летописи / Подг. к печати А.Н. Насонов. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 66.

- ²⁶ ПСРЛ. Т. VIII. Стб. 124.
- ²⁷ Татищев В.Н. История Российская с самых древних времен. СПб., 1784. Кн. 4. С. 371.
- ²⁸ Там же. С. 454.
- ²⁹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 37.
- ³⁰ Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., 1892. С. 103, 166.
- ³¹ Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 77.
- ³² ПСРЛ. Т. VIII. Стб. 181; Т. XII. Стб. 157; Т. XXV. Стб. 324; Т. XXVIII. Стб. 138, 308; Т. XXXIX. Стб. 159: «киз Риму посол великого князя Семен Толбузин и привел с собою мастера, кои ставит церкви и полаты, именем Аристотель, тако же и поущечник нарочит»; Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 263.
- ³³ Filarete's treatise on architecture. V. 2. New Haven; London, 1965. f. 103 r.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. V. Стб. 270; Т. VI. Вып. 2. Стб. 199–200; Т. XX. Ч. 1. Стб. 302.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. VI. Стб. 234, 237; Т. XX. Стб. 349.
- ³⁶ Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 31.
- ³⁷ Лобин А.Н. Пушечная изба и производство артиллерии в 1480–1500-е годы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 149.
- ³⁸ ПСРЛ Т. VI. Стб. 238; Т. VIII. Стб. 217.
- ³⁹ Гордеев В.Н. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 3.
- ⁴⁰ История Москвы / АН СССР, Институт истории: в 6 т. М., 1952. Т. 1. Период феодализма: XII–XVII вв. С. 89.
- ⁴¹ Москва в творчестве А.М. Васнецова. М., 1986. С. 47.
- ⁴² Подробнее см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 364.
- ⁴³ Баталов А. Л. Обетное строительство в Москве «на рву» и в Пскове «на гребле»: закономерности сакральной топографии средневекового города // Искусствознание. 2013. № 1/2. С. 11–37.
- ⁴⁴ Збигневич-Рачинский Я.З. «Во имя Пречистыя Богородицы честнаго Стретения». К вопросу о первоначальном местонахождении московского Сретенского монастыря // Московский журнал. № 11 (251). М., 2011. С. 78–86.
- ⁴⁵ Данное научное открытие получило высокую оценку уже на предзащите кандидатской диссертации автора «Московская художественная школа оружейного дела XVII века» на расширенном заседании Отдела славяно-русской археологии ИА РАН 10.02.1994 г.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXVI. Стб. 313.
- ⁴⁷ РНБ. Ф. IV. 232. Л. 862.
- ⁴⁸ Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990. С. 223.
- ⁴⁹ Книга расходная 7126 года. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 397. Л. 70б.
- ⁵⁰ Баталов А. Л. Обетное строительство в Москве «на рву» и в Пскове «на гребле»: закономерности сакральной топографии средневекового города. С. 15–16.
- ⁵¹ ГИМ. Ед. хр. 43512/Л 13642. Впервые опубликован в 1613 г. голландским картографом Герритсом Гесселем по русскому оригиналу.

- ⁵² Забелин И.Е. История города Москвы. С. 222.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. Стб. 352: «Василей Образец и Голова Володимеров сын заложил полаты кирпичный»; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 220.
- ⁵⁴ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 112, 175.
- ⁵⁵ Малицкий Г.Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата московского Кремля. М., 1954. С. 530.
- ⁵⁶ Издан В.И. Ламанским: ЗОРСА РАО. Т. II. СПб., 1861. XVII.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп.1. Ч. I. Ед. хр. 767.
- ⁵⁸ Михайлов Онисим. Устав ратных, пушечных и иных дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1781. Ч. 2. С. 9.
- ⁵⁹ ДАИ. Т. XII. СПб., 1875.
- ⁶⁰ РНБ. F. IV. 232. Л. 410. Надпись под миниатюрой Лицевого летописного свода: «О пушке Павлине. Того же лета августа в 12 день слил Павлин Фрязин Дебосис пушку велику».
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. XII. Стб. 219; Т. XVIII. Стб. 272; Т. XXVI. Стб. 279.
- ⁶² Essenwein A. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen: facsimilierte Nachbildungen alter Originalzeichnungen, Miniaturen, Holzschnitte und Kupferstiche, nebst Aufnahmen alter Originalwaffen und Modelle. I. Leipzig, 1877, Taf. AXXI; Schmidtchen V. Riesengeschütze des 15. Jahrhunderts. Technische Höchstleistungen ihrer Zeit // Technikgeschichte 44 (3). 1977. S. 213–237 (221–226); Günter J. Der Altstadtmarkt in Braunschweig. Geschichte und Geschichten // Stadtarchiv und Öffentliche Bücherei Braunschweig. Kleine Schriften, Nr. 18, 2. Auflage, Braunschweig 1998. S. 33–35.
- ⁶³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 116.
- ⁶⁴ Там же. С. 172.
- ⁶⁵ ПДС. Т. I. СПб., 1851. Ст. 1494.
- ⁶⁶ Гуковский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. Труды ЛОИИ. Вып. 5. С. 652.
- ⁶⁷ Подробнее см.: Ульянов О.Г. Imago Novae urbis Romae при дворе государя Ивана III: от политической концепции к столичной репрезентации // XX Всероссийская научная сессия византистов «Византия и византийское наследие в России и в мире». 2013: http://www.vremennik.biz/sites/all/files/Prog_XX_2.doc; Ульянов О.Г. Кто автор программы реконструкции резиденции московского государя в конце XV века: русский правитель или итальянский зодчий? // Мир истории (ISSN 1561–8463). № 2. М., 2005: https://www.academia.edu/2306804/Chi_è_lautore_del_programma_di_ricostruzione_della_residenza_di_Mosca_del_monarca_nel_tardo_Quattrocento_russo_sovrano_o_architetto_italiano; Ульянов О.Г. «Roma Quadrata» III. К 500-летию строительства дворца вел.кн. Ивана III в Кремле // Вехи русской истории в памятниках культуры. Макариевские чтения 1995 г. Вып. V. Можайск, 1998. С. 508–529.
- ⁶⁸ Археологи И.Е. Забелин и В.Е. Румянцев, приглашенные в качестве экспертов, датировали «Трубу» концом XVI в., ошибочно приписав ее создание Борису Годунову.
- ⁶⁹ Борисевич Г.В. Об основных этапах территориального развития Московского Кремля в XI–XV вв. (по археологическим данным) // Архитектурное наследие Москвы. М. 1988. Стр. 22–31.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 95; имя литейщика впервые упомянуто в 1342 г. в Третьей Новгородской летописи: «Повеле владыка Василій сляти колоколь великий къ Святей

Софии и приведе мастера съ Москвы, человека добра, именемъ Бориска».

⁷¹ БАН. 31.7. 30-1. Л. 402 об.

⁷² Планъ Городской части Кремля и Китая Города съ показаниемъ имеющихся казенныхъ строений, обывательскихъ домовъ, и лавокъ, Учиненной В силу Приказа Московской Управы благочиния Декабря Дня 1803 Года. Чертиль прапорщикъ Казанцовъ.

⁷³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 260.

⁷⁴ БЛДР. СПб., 1999. С. 382; ПСРЛ. Т. VIII. Стб. 206; Т. XII. Стб. 201; Т. XVIII. Стб. 267–269; Т. XXIV. Стб. 199.

⁷⁵ РНБ. F.IV. 232. Л. 339 об.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. XII. Стб. 263.

⁷⁷ ДАИ. Т. V. СПб., 1853; Бранденбург Н.Е. 1) Исторический каталог Петербургского артиллерийского музея. Ч. I. СПб., 1877. С. 53, 55, 56; 2) 500-летие русской артиллерии (1389–1889). СПб., 1889. С. 89.

⁷⁸ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина (1667–1671 годы) // ДАИ. Т. V. № 51. С. 294–310; Хмыров М.Д. Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси. Историко-характеристический очерк // Артиллерийский журнал. 1865. № 9. С. 487.

⁷⁹ Калибр 66 мм. Длина пищали – 137,6 см, вес – 76,12 кг. Орудие не имеет ни цапф, ни дельфинов, ни скоб. Запал в раковине, на казенном срезе прорезь для целика. Казенная часть заканчивается плоским дном.

⁸⁰ В описи 1667–1671 гг. подробно описаны пищали, отлитые Яковом Фрязиным: «пищаль медная, в ложе, ядром полгривенки, длина 2 аршина без вершка. На ней подпись Русским письмом: «Иоан, Божию милостию государь всея Руси, в лето семь тысяч шестое делал Яков Фрязин». Весу 5 пуд»; «пищаль медная, в ложе ядром полгривенки, длина 2 аршина без вершка; подпись Русским письмом: «Иоан, Божию милостию государь всея Руси, в лето семь тысяч шестое, делал Яков Фрязин». Весу 4 пуда»; «пищаль медная, в ложе на козле, ядром полгривенки, длина 2 аршина без вершка; подпись Русским письмом: «Иоан, Божию милостию государь всея Руси, в лето семь тысяч шестое, делал Яков Фрязин». Весу ей не написано»; «пищаль медная, в ложе, ядром полгривенки, длина 2 аршина без вершка. На ней подпись Русским письмом: «Иоан, Божию милостию государь всея Руси, в лето семь тысяч седьмое делал Яков Фрязин». Весу 2 пуда»; «пищаль медная Русского литья, в ложи, на козле, ядром полгривенки, длина 2 аршина без полувершка. На ней подпись Русским письмом: «Иоан, Божию милостию государь всея Руси, в лето семь тысяч седьмое, делал Яков Фрязин». Весу 5 пуд с деревом». – См.: Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина (1667–1671 годы) // Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5. № 51. С. 294–310. В Одоеве был тюфяк медный, на котором вылитые слова «7006 году делал Яков Фрязин». – См.: Опись городов, «которые ведомы в Розряде» 1678 г. // ДАИ. Т. IX. 1875. С. 244.

⁸¹ ПСРЛ. Т. XXIV. Стб. 206; Т. XXV. Стб. 154.

⁸² См. о нем: Сб. РИО. Т. 35, № 84. С. 490, 492.

⁸³ Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого государя Московии к Папе Клименту VII // Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 262–265; Карта Московии, составленная Павлом Иовием (Паоло Джовио),

епископом Новокомским, и русским послом Дмитрием Герасимовым (*Moscoviae tabula relatione Dimetriij legati descripta*). 1537 г. РГАДА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 963.

⁸⁴ Опись Царского архива XVI в и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 33.

⁸⁵ Разрядная Книга 1475–1606. Т. I. Ч. 1. М., 1977. С. 42.

⁸⁶ Огородников В. Донесение о Московии второй половины XVI в. // ЧОИДР. Кн. III. Отд. 3. М., 1913. С. 15.

⁸⁷ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1905. С. 70.

⁸⁸ Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990. С. 227; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 546.

⁸⁹ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 175. Карт. II. № 465. Л. 15.

⁹⁰ Забелин И.Е. Материалы по истории, археологии и статистике города Москвы: в 2 ч. Ч. I. М., 1884. С. 1228.

С.В. Федулов (Санкт-Петербург)

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ
СТРАНАМИ В ОБЛАСТИ СУДОСТРОЕНИЯ
НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
(1904–1905) И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСИЛЕНИЮ
РОССИЙСКОГО ФЛОТА**

Война не происходит в одночасье, ей предшествуют подготовка и серьезные события. Не исключением была и Русско-японская война, начавшаяся, как известно, нападением флота Японии на российские корабли в Порт-Артуре. Но это было потом, а в конце XIX в. решением проблемы увеличения корабельного состава флота на Тихом океане активно занималось Морское ведомство России. В 1897 г. была принята программа усиленного судостроения для Тихого океана. Однако отечественные судостроительные, механические казенные и частные предприятия в полном объеме ее выполнить не могли из-за большой перегруженности. Поэтому было принято решение заказать постройку кораблей основных классов за границей. Порядок распределения заказов можно увидеть из следующей таблицы:

Таблица 1. Список судов, заказанных за границей и в России в 1898 году¹

Государство, название завода, фирмы	Тип судна / водоизмещение (тонн)	Срок сдачи месяц/год
Северная Америка, «Крамп»	броненосец (12 700) крейсер (6 000)	декабрь 1900 г. февраль 1900 г.
Франция, «Forges et Chantiers de la Mediterranee»	броненосец (12 900) крейсер (7 800)	май 1902 г. ноябрь 1901 г.

Военно-техническое сотрудничество Российской империи с зарубежными странами

Германия, «Вулкан» «Германия» «Шихау»	крейсер (6 250) крейсер (5 900) крейсер (3000)	август 1900 г. июнь 1900 г. сентябрь 1900 г.
Россия, завод «Русского паровозостроительного и механического общества»	1 броненосец (12 700) 1 крейсер (6 000) 1 крейсер (3000)	
Россия, Санкт-Петербургский порт на Галерном островке	2 броненосца (12 700)	
Россия, Балтийский завод	3 броненосца (12 700) 2 минных заградителя типа «Амур» (2500) 1 крейсер (3000)	
	<u>Миноносцы</u>	
Англия, «Лейрд»	1 – (350)	октябрь 1899 г.
Германия, «Шихау»	1 – (360) 3 – (350)	январь 1900 г. май 1900 г.
Франция, «Норман» «Forgeset Chanties de la Mediterranee».	1 – (312) 1 – (312) 1 – (312) 1 – (312) 1 – (312)	март 1900 г. июнь 1900 г. январь 1900 г. апрель 1900 г. июль 1900 г.
Россия, Невский завод	10 миноносцев (350) 10 миноносцев (350) 1 крейсер (3000)	

21 декабря 1898 г. император Николай II повелел наименовать и зачислить в списки флота строящиеся за границей суда²:

1. Эскадренные броненосцы:

- в Северной Америке, в Филадельфии на заводе «Крамп» – «Ретвизан»;
- в Франции, в Тулоне на заводе «Forgeset Chanties de la Mediterranee» – «Цесаревич».

2. Крейсера:

- в Северной Америке, в Филадельфии на заводе «Крамп» – «Варяг»;
- во Франции, в Тулоне на заводе «Forgeset Chanties de la

Mediterranee» – «Баян»;

– в Германии:

а) в Штетине на заводе «Вулкан» – «Богатырь»;

б) в Киле на заводе «Германия» – «Аскольд»;

в) в Эльбинге на заводе «Шихау» – «Новик».

3. Миноносцы:

– в Германии в Эльбинге на заводе «Шихау» четыре миноносца 350 тонн водоизмещения – «Кит», «Скат», «Дельфин», «Касатка»;

– в Англии в Биркенаэре на заводе «Лейрд» один миноносец 350 тонн водоизмещения – «Сом»;

– во Франции в Гавре на заводе «Forgeset Chanties de la Mediterranee» три миноносца 312 тонн водоизмещения – «Осетр», «Кефаль», «Лосось»;

– во Франции в Гавре на заводе «Норман» два миноносца 312 тонн водоизмещения – «Форель», «Стерлядь».

Однако, учитывая агрессивный внешнеполитический курс японской элиты в начале XX в., численность, качественные характеристики японского флота и перспективы его развития, нужно отметить, что меры, предпринятые Морским ведомством России, были явно не достаточными.

Свое решение данной проблемы предлагал представитель фирмы «Ф. Крупп» в России инженер путей сообщения статский советник М.В. Аничков. И если германскую фирму интересовала только прибыль, то российского чиновника помимо денежной выгоды волновал вопрос усиления российского флота.

9 августа 1903 г. статский советник М.В. Аничков, заручившись ходатайством шталмейстера Высочайшего двора И.К. Мердера³, направил управляющему Морским ведомством генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу «Записку о быстром способе увеличения русского флота на Дальнем Востоке»⁴.

В данном документе отмечалось, что для срочного выполнения заказа на строительство судов фирма «Ф. Крупп» на заводе «Германия» в Киле имеет одиннадцать эллингов. А также имелась возможность избежать запроса срочных и чрезвычайных кредитов у российского правительства по смете Морского ведомства, так как германская фирма соглашалась на рассрочку платежей за броненосцы, которые возможно было ассигновать из текущих сметных сумм на судостроение. Таким образом, предполагалась готовность новой эскадры в кратчайшие сроки без особых финансовых затруднений⁵.

Вместе с тем М.В. Аничков отмечал:

«1. Необходимость в целях государственной обороны скорейшего строительства кораблей должна привести к решению при нынешних обстоятельствах предпочесть заграничные заводы, в особенности столь надежные, как верфь в Киле.

2. Так как финансовые затруднения будут улажены благодаря расщепке платежей, заказ должен последовать ныне же, причем желательно, во избежание потери времени, при выборе типа судов выбрать уже имеющиеся в Морском министерстве или на заводах чертежи, чтобы таким образом устранить промедления, возникающие при рассмотрении и утверждении новых проектов.

3. Отказ в данном ходатайстве не может не повести к осознанию упущенного случая восполнить надобность в военных судах»⁶.

Помимо «Записки...», 9 августа 1903 г. М.В. Аничков направил управляющему Морским ведомством серьезное обоснование политической и экономической составляющих вопроса строительства кораблей в Германии. В нем он отмечал, что морские вооруженные силы Японии если не единственной, то главной целью имеют нападение на русский флот и русские порты Дальнего Востока. Японский флот на морском смотре в мае 1903 г. уже имел 70 вымпелов (кораблей), а по составленной и утвержденной в июне 1903 г. программе японского морского министерства было решено заказать три эскадренных броненосца, три больших и два малых крейсера. На такие расходы шла Япония, несмотря на тяжелый экономический кризис и почти безвыходное положение японского казначейства⁷. Статский советник отмечал, что Япония имеет мало шансов для успешного вторжения в самое сердце российских владений на Дальнем Востоке, чего нельзя сказать в отношении российских портов и флота. Вероятные планы японцев именно и должны состоять в нападении на флот Тихого океана и порты Дальнего Востока, недостаточно защищенные. «Нет сомнения, – отмечал М.В. Аничков, – что война с Японией, даже победоносная, даст России безвозвратных потерь в один миллиард рублей. Поэтому необходимо скорейшее увеличение российской военно-морской силы на Дальнем Востоке до таких размеров, которые бы раз и навсегда устранили агрессивные замыслы Японии. Усиление флота нужно произвести быстро и для того, чтобы в случае военных действий японский флот был побежден или парализован российскими морскими силами»⁸.

Подводя итог перечисленным факторам, статский советник М.В. Аничков рекомендовал: «Ввиду изложенного, самая насущная политическая необходимость ведет к тому, что России нужно не останавливаться перед расходом в несколько десятков миллионов рублей. Немедленно, в самый кратчайший срок в полтора-два месяца усилить флот на Тихом океане созданием новой эскадры, размер которой вытекал из последней японской судостроительной программы. То есть мы должны ранее Японии и еще быстрее, чем она добавить к флоту на Тихом океане три эскадренных броненосца, три больших и два малых крейсера и несколько миноносцев»⁹.

М.В. Аничков собрал и представил управляющему Морским ведомством сведения о германской фирме. Из них следовало, что завод фирмы «Ф. Крупп», имеющий в г. Киле одиннадцать эллингов, может начать строительство данных судов общим водоизмещением до 80 000 тонн не позднее двух месяцев со дня подписания контракта с Морским министерством России. Этому заводу давно предоставлялись заказы для российского флота. Накануне этого был построен отличного качества крейсер «Аскольд»¹⁰.

М.В. Аничков также обратил внимание управляющего Морским министерством на то, что российское правительство может использовать услуги германской фирмы, которая тайно выполнит этот заказ. В других государствах это потребует промедления, огласки и не всегда желательных в политических делах обсуждений в прессе и парламентах¹¹.

Рассматривая экономическую сторону вопроса, М.В. Аничков отмечал:

«1. Экстренная затрата 70–75 миллионов рублей позволит российскому правительству предотвратить саму возможность войны с Японией, так как она увидит свою слабость не только на суше, но и на море. Затратив 75 миллионов рублей, российское правительство избавится не только от кровопролития, но и от миллиардных расходов.

2. Особого ущерба для российских промышленников не будет. Учитывая, что количество металла, которое могло бы потребоваться для строительства этих судов в России с вычетом материалов, полученных из-за границы, станет очевидным, что российская металлургическая промышленность лишится поставки не более 4 миллионов пудов чугуна в течение двух лет, что составляет менее 2 % наименьшей годовой российской промышленной производительности. Решающим в этом вопросе является то обстоятельство, что заказ этих судов на русских заводах, во-первых, не может быть исполнен ранее

4–5 лет. А, во-вторых, вызвал бы увеличение расходов около 20 миллионов рублей»¹².

В заключение представитель фирмы «Ф. Крупп» сообщал, что передача постройки судов германской промышленности обусловлена военно-политической необходимостью быстрого создания новых кораблей. Является выгодной потому, что заказ судов в Германии пройдет в обход Англии и закончится быстро, так как постройка этих судов будет осуществляться на заводе страны, не противодействующей России на Дальнем Востоке¹³.

Помимо «Записки...» с обоснованием статский советник М.В. Аничков направил управляющему Морским ведомством дополнение, в котором было сказано: «Фирма «Ф. Крупп» уполномочила меня заявить Морскому министерству, что завод «Германия» в Киле, принадлежащий фирме, несмотря на имеющиеся в настоящее время значительные заказы, сможет немедленно приступить к постройке и сдать российскому Морскому министерству большие крейсера и броненосцы. И предлагают следующие сроки:

- один большой крейсер – 20 месяцев;
- один эскадренный броненосец – 24 месяца.

Кроме того, если пожелает Морское министерство могут быть одновременно заложены и сданы:

- второй большой крейсер – 30 месяцев;
- второй эскадренный броненосец – 34 месяца.

Сроки последних двух поставок могут быть по желанию Морского министерства изменены следующим образом:

- второй большой крейсер – 28 месяцев;
- второй эскадренный броненосец – 32 месяца.

Данные сроки начинаются со дня получения заводом утвержденных рабочих чертежей»¹⁴.

А также была представлена справка о состоянии и характеристике завода.

Ознакомившись с «Запиской...» и другими материалами, полученными от статского советника М.В. Аничкова, управляющий Морским ведомством приказал ответить ему следующее: «Предложение Ваше не может быть принято, так как Морское министерство имеет уже установленную судостроительную программу, которая должна быть выполнена казенными портами (казенные судостроительные заводы были приписаны к портам. – С.Ф.) и русскими частными заводами. Для постройки же судов сверх программы за границей Мор-

ское министерство не располагает нужными для этого денежными средствами»¹⁵.

Однако представитель фирмы «Ф. Крупп» продолжал настаивать на предложении фирмы и 20 ноября 1903 г. вновь обратился к управляющему Морским ведомством с докладной запиской аналогичного содержания¹⁶. А 24 ноября 1903 г. получил ответ: «Отказать, так как никаких заказов за границей военных судов делать не предвидеться»¹⁷.

4 февраля 1904 г. статский советник М.В. Аничков от имени фирмы «Ф. Крупп» в докладной записке к управляющему Морским ведомством подтверждал предыдущие представления по поводу готовности завода «Германия» приступить к постройке и сдать Морскому министерству в кратчайший срок два эскадренных броненосца и два крейсера 1 ранга¹⁸.

На это ходатайство он ответа не получил. Так как 7 февраля 1904 г. управляющий Морским ведомством на докладную записку наложил резолюцию: «Иметь в виду, если поднимется вопрос»¹⁹.

9 февраля 1904 г. японский флот вероломно напал на 1-ю тихоокеанскую эскадру и серьезно повредил эскадренные броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и броненосный крейсер «Паллада». Российский флот на Дальнем Востоке был значительно ослаблен.

1 марта 1904 г. представитель фирмы «Ф. Крупп» уведомил управляющего Морским ведомством: «Независимо от решения вопроса по строительству двух эскадренных броненосцев и двух крейсеров 1 ранга завод «Германия» в состоянии приступить к спешной постройке миноносцев для российского Морского министерства»²⁰. Уведомление осталось без ответа.

В это же время из состава флота Балтийского моря начала формироваться 2-я тихоокеанская эскадра, для усиления которой Морское ведомство начало вести тайные переговоры о приобретении за рубежом южноамериканских крейсеров. Настолько «тайные», что 12 августа 1904 г. М.В. Аничков сообщал управляющему Морским ведомством: «Фирма «Ф. Крупп» вновь предлагает срочно построить два эскадренных броненосца и два или пять крейсеров 1 ранга стоимостью 6 000 000 рублей за один крейсер 1 ранга, а за все пять – 30 000 000 рублей»²¹ (сумма, равная предполагаемой стоимости южноамериканских крейсеров. – С.Ф.). А также представил порядок платежей за них».

13 августа 1904 г. статский советник М.В. Аничков получил ответ на свой запрос: «Этот вопрос не может быть решен»²².

Таким образом, проблема усиления тихоокеанского флота была очевидна не только для Морского ведомства, которое начало ее решать в 1897 г. специальной «Программой усиленного судостроения для флота Тихого океана», однако до конца ее не реализовало. Вместе с тем, усилить флот при помощи фирмы «Ф. Крупп» не представлялось возможным по нескольким причинам: во-первых, завод германской фирмы был просто не в состоянии к нужному сроку построить необходимое количество судов. Во-вторых, система размещения зарубежных заказов принятая в Российской империи не предусматривала порядка заключения контракта, предложенного фирмой «Ф. Крупп». В-третьих, эскадренные броненосцы, построенные в Германии, значительно отличались бы от судов этого класса 1-й тихоокеанской эскадры российской, американской и французской постройки и представляли бы собой набор первоклассных кораблей, а не основное, слаженное боевое ядро флота.

---

¹Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ), Ф. 427. Оп. 1. Д. 390. Л. 5–6.

² Там же. Л. 10.

³ РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 16.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ИМПЕРАТОРСКИХ ЯХТ

Обращаясь к данной теме, автор подчеркивает, что интерес к ней обусловлен прежде всего сохранившейся традицией международного этикета. Речь идет об историческом периоде в жизни страны до 1917 г., когда существовали монархии и президентские республики.

Понимая, что в рамках одной статьи невозможно отразить все многообразие применения яхт монархами, автор провел краткий ретроспективный анализ использования яхт только лишь на дипломатической службе, за период, начиная со времени царствования Петра I и заканчивая 1917 годом.

Как известно, в понятие «дипломатия»¹, входит и понятие дипломатический визит – это средство установления и поддержания деловых связей сотрудников дипломатических представительств с официальными и другими кругами страны пребывания, а также членами местного дипломатического корпуса. В международной практике важнейшие дипломатические акции во многих случаях осуществляются в порядке личной встречи дипломатического представителя с высокопоставленными должностными лицами принимающей страны.

Переговоры не всегда проходили в столицах государств. Географические границы встреч, где происходили свидания монархов ведущих европейских держав, охватывали территорию стран Европы и России. Так сложилось в международной практике, что одним из инструментов подготовки и ведения переговоров стали императорские яхты, являясь территорией России, и они же были средством доставки дипломатических кадров и главы государства.

В 40-х гг. XVII в. в Россию из Англии был доставлен небольшой корабельный бот «Святой Николай» (рис. 1). Долгие годы он хранился среди вещей большого боярина Никиты Ивановича Романова, двоюродного брата царя Михаила Федоровича, деда Петра I, пока в мае 1668 г. юный царь Петр Алексеевич не заинтересовался им.² В историю он вошел как «ботик Петра Великого», мы же знаем, что это «дедушка русского флота», так назвал его сам Петр I.

Рис. 1. Ботик Петра I

Он стал не только первым кораблем создаваемого Петром Русского регулярного флота с постоянной штатной организацией, но и первой императорской яхтой в России. (Термин «яхта» – от голландского слова «jagen» (бегать, торопиться, гнаться); вначале яхты использовались как разведывательные и посыльные суда, а с середины XVII в. как парадные.)

В 1693 г. Петр I побывал в Архангельске, где ходил по Белому морю на яхте «Святой Петр», которую в этом же году и построили в Архангельске, но не русские, а голландские мастера П. Бас и Г. Янсен.

Известно, что Петр I в марте 1697 г. собрал соратников и выехал с Великим Посольством в Европу. В Голландии он встретился с королем Англии и штатгальтером Голландии Вильгельмом III Оранским, решившим подарить ему свою недавно построенную яхту «Транспорт Ройал» (по английским документам – «Royal Transport»)³. 11 января 1698 г. Петр I прибыл в Лондон, где 2 марта получил королевский подарок.

Строительство придворных яхт в России началось в 1702 г. с постройки на Воронежской верфи голландским корабельным мастером Выбе Геренсом яхты «Святая Екатерина». Вслед за ней на той же верфи по чертежам, составленным корабельным мастером Петром Михайловым (Петром I), строится яхта «Либе». В составе Балтийского флота первой придворной яхтой стала тоже «Святая Екатерина», спущенная на воду в июне 1706 г. Осенью того же года со стапеля Главного Адмиралтейства сошла на воду яхта «Надежда», построенная корабельным мастером Федосеем Склеяевым⁴.

Куда и с кем ходили придворные яхты в первые десятилетия XVIII в., сведений почти не сохранилось.

После отъезда из Дании и посещения нескольких немецких городов, Петр I в середине ноября приехал в город Гавельсберг для дипломатических переговоров с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I. Король подарил ему знаменитый «янтарный кабинет» из берлинского дворца Монбичу и свою яхту «Декроне».

В петровское время суда «Невского флота» иногда сопровождали яхты, на которых отправлялись для осмотра Кронштадта иностранные послы, посещавшие Санкт-Петербург. Так случилось 20 июля 1720 г., когда для поездки в Кронштадт польскому посольству во главе с воеводой С. Хоментовским предоставили яхту «Декроне».

Самой крупной из придворных яхт начала XVIII в. стала 18-пушечная «Принцесса Анна», первоначально она именовалась «монаршим фрегатом «Ройяль», в память о яхте, подаренной Петру I Вильгельмом Оранским. После бракосочетания дочери императора Анны Петровны с герцогом Карлом Фридрихом Гольштейн-Готторпским молодые супруги на «Принцессе Анне» отправились в Киль 25 июля 1727 г.⁵

В XVIII в. на Балтийском флоте числилось тридцать придворных и адмиралтейских яхт. Из них, кроме уже упомянутых, следует отметить еще одну – Счастье».

В годы правления Екатерины II лично для нее в 1776–1777 гг. построили 12-пушечную яхту, также получившую наименование «Счастье». Несколько больших размеров, чем первая, она имела длину 23,47 м, ширину 7,01 м и богатый наружный резной декор, включавший позолоченные фигуры Посейдона, наяд и тритонов. Паруса шились из лучшего клавердука (специального парусного полотна) и канифаса. Внутренние помещения яхты поражали роскошной отделкой: царские каюты облицовывались красным деревом и пали-

сандром, обставлялись дорогой мебелью, украшались зеркалами и литой бронзой, а их палубы и трапы устилались коврами. Летом 1778 г., после смотра Балтийского флота у Красной горки, в вечернее время яхта «Петергоф», подходя к якорному месту, задела яхту «Счастье», на которой находилась императрица. После этого случая Адмиралтейств-коллегия старалась назначать командирами яхт наиболее опытных офицеров. Среди них оказался капитан-лейтенант Ф.Ф. Ушаков, в будущем знаменитый флотоводец, командовавший «Счастьем» с начала августа по конец сентября 1780 г.

Последние годы жизни Екатерина II неоднократно проводила смотры Балтийскому флоту на своей последней 12-пушечной яхте «Святая Екатерина».

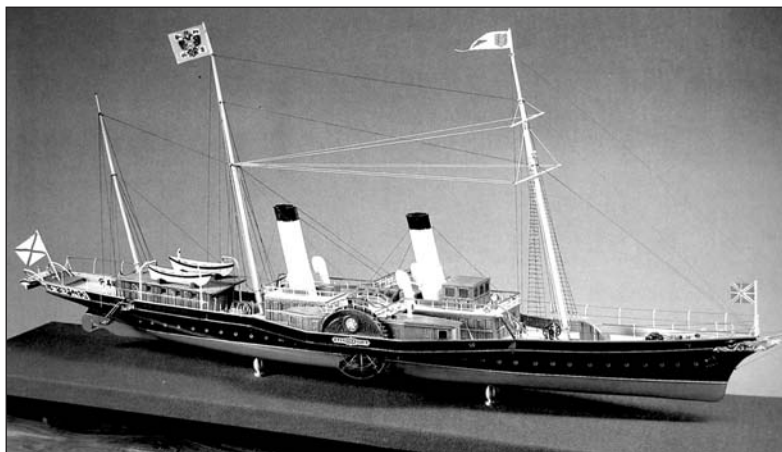
Вступив на престол 6 ноября 1796 г., Павел I, будучи одновременно и генерал-адмиралом, повелел построить для себя в Кронштадте яхту «Эммануил»⁶.

16 февраля 1810 г. император Александр I приказал из придворных гребческих яхтенных команд сформировать особый морской экипаж, причислить его к гвардии и назвать Морским Гвардейским экипажем. Первой царской яхтой, причисленной к Гвардейскому экипажу, стала яхта «Симеон и Анна», построенная в 1798 г. В дальнейшем яхту своего отца неоднократно использовал Александр I для морских прогулок и даже смотров Балтийского флота.

Среди императорских, великокняжеских и должностных парусных яхт, плававших в XIX в., так же, как и в XVIII в., встречалось повторение одних и тех же наименований. Этот обычай сохранился и в наименованиях паровых яхт, постепенно заменявших парусные. Так, имя «Нева» носили три яхты.

Из чисто парусных императорских яхт отличалась богатым резным декором и комфортабельностью предназначавшаяся для императора Николая I «Дружба». В первые годы службы «Дружбы» Николай I ходил на ней по Финскому заливу, а для Черного моря он приказал построить яхту «Тигр», но пользоваться ей смог только Александр II.

В 1844 г. в Англии на верфи Джозефа Уайта заложили для королевского двора новую яхту, но уже в процессе постройки было принято решение подарить ее императору Николаю I, посетившему Англию в мае того же года. Яхта, построенная для русского императора, получила наименование «Королева Виктория». Яхту «Королева Виктория», вошедшую под этим именем в состав Балтийского фло-

Рис. 2. Императорская яхта «Александрия»

та⁷, зачислили в Морской Гвардейский экипаж и Императорский Санкт-Петербургский яхт-клуб (основанный по указу Николая I 1 мая 1846 г.), где участвовала иногда в парусных гонках крупных яхт.

Вступив на престол летом 1826 г., Николай I построил своей жене императрице Александре Федоровне «сельский дом» в Петергофе и назвал его Александрией. Поэтому заложенный 30 декабря 1831 г. 6-пушечный колесный пароход получил имя «Александрия». Он служил как яхта императорской фамилии до 1851 г.

6 мая 1851 г. состоялась церемония закладки новой царской яхты, а 3 июня Николай I «высочайше повелел» заказанную в Англии паровую яхту именовать «Александрией», и именовалась она как прежний яхта-пароход⁸.

В конце 1856 г. Александр II принял решение для дальних многодневных плаваний семьи построить новую яхту⁹.

«Александрия» (рис. 2) – первая паровая императорская яхта – исправно служила четырем императорам: Николаю I, Александру II, Александру III и Николаю II, курсируя главным образом между Санкт-Петербургом, Петергофом и Кронштадтом, иногда, правда, совершая и более длительные плавания. Всего с 1851 по 1902 г. яхта совершила 326 походов. Летом 1862 г. Россию с официальным визитом посетила английская эскадра. Император ее встретил на «Александрии» и, приняв на яхту принца Альберта герцога Эдинбургского, доставил его в Ораниенбаум. Летом 1863 г. эта яхта совершила свое первое

плавание в финские шхеры. 14 сентября 1868 г. именно на «Александрии» император и императрица встречали датскую принцессу Марию-Софию-Фредерику-Дагмару, будущую супругу великого князя Александра Александровича, императора России с 1881 по 1894 г. Неоднократно эта яхта предоставлялась в распоряжение глав иностранных держав, посещавших Россию: в 1868 г. – под резиденцию королевы Дании, в 1872 и 1876 гг. – короля Греции, в 1873 г. – персидского шаха и в 1876 г. – императора Бразилии¹⁰.

9 июня 1857 г. во Франции, в Бордо, на верфи Армана заложили яхту «Александра», переименованную в ходе строительства в «Штандарт». Эта яхта посещала Шербур и Киль, несколько раз ходила в Копенгаген, а в конце 1874 г. совершила поход в Средиземное море, где, находясь в распоряжении императрицы Марии Александровны, посетила Виллафранкский рейд и побывала в Сан-Ремо¹¹.

28 апреля 1866 г. в присутствии императора Александра II и генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича в деревянном эллинге Нового Адмиралтейства закладывается «Держава» (рис. 3) – последняя и самая большая из балтийских деревянных колесных яхт¹², которые по корабельной классификации, утвержденной в 1892 г., стали называться «императорскими». На ней же 7 июля 1888 г. император Александр III с великими князьями и большой свитой встретил на подходе к Кронштадту яхту «Hohenzollern», на которой впервые посетил Россию германский

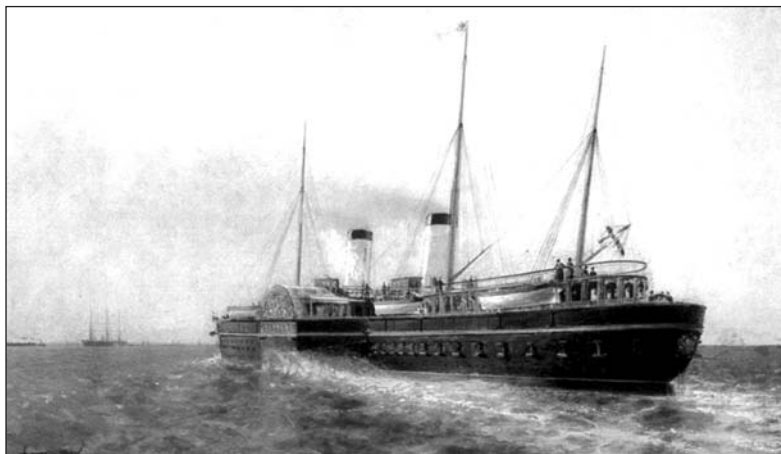

Рис. 3. Императорская яхта «Держава»

император Вильгельм II, а 11 августа того же года – президента Франции Феликса Фора¹³.

26 июля 1897 г. пришедшую в Кронштадт германскую эскадру из десяти кораблей, сопровождавшую яхту «Hohenzollern», на которой со вторым визитом в Россию прибыл Вильгельм II, император Николай II встретил на яхте «Александрия».

Практически с 1826 г. императоры для своих поездок использовали пароходы или паровые яхты и только изредка для прогулок по Финскому заливу – парусную «Королеву Викторию».¹⁴

Колесная трехмачтовая двухтрубная «Александрия» стала последней из шестнадцати паровых императорских яхт, построенных, начиная с 1851 г., для Балтийского и Черноморского флотов.

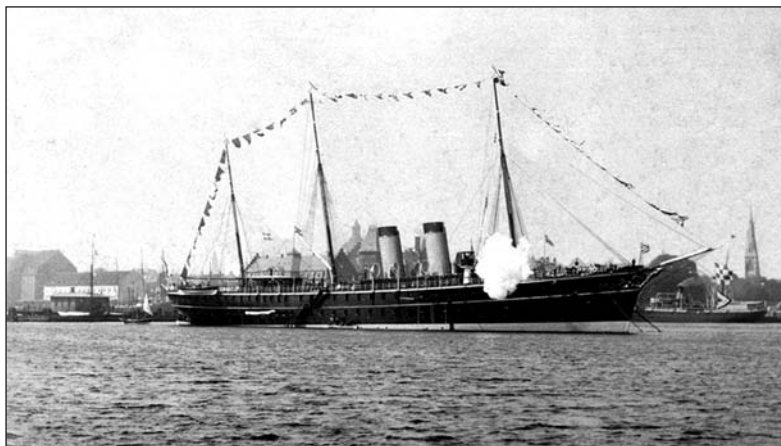
Александр II построил для Черного моря яхту «Ливадия», которая участвовала в боевых действиях 1877–1878 гг. во время Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии¹⁵.

Когда встал вопрос о строительстве яхты, подобной погибшей колесной «Ливадии», вице-адмирал А.А. Попов предложил новую конструкцию в форме эллипса. 25 июня 1880 г. в Англии новую «Ливадию» спустили на воду¹⁶. Она совершила единственное путешествие из Англии в Россию. Яхта не прошла испытания стихией, и, получив повреждения, была списана 15 августа 1881 г.

Первыми железными императорскими яхтами Балтийского флота стали построенные для наследника престола великого князя Александра Александровича «Славянка», «Царевна» и «Марево».

В этот же период строятся большие яхты. Так, 28 мая 1891 г. с Александром III на борту новая яхта «Полярная звезда» (рис. 4) вышла в свое первое дальнее плавание по маршруту Христианзанд–Фальмут–Виго –Христианзанд–Гельсингфорс¹⁷. 29 августа 1893 г. «Полярная звезда» с Александром III, императрицей Марией Федоровной и цесаревичем Николаем Александровичем пришла в Копенгаген, где простояла до 6 октября. В 1914 г. эта яхта только один раз вышла в море. На ее борту Николай II с дочерьми Ольгой и Татьяной провожали английскую эскадру, нанесшую дружеский визит буквально накануне Первой мировой войны.

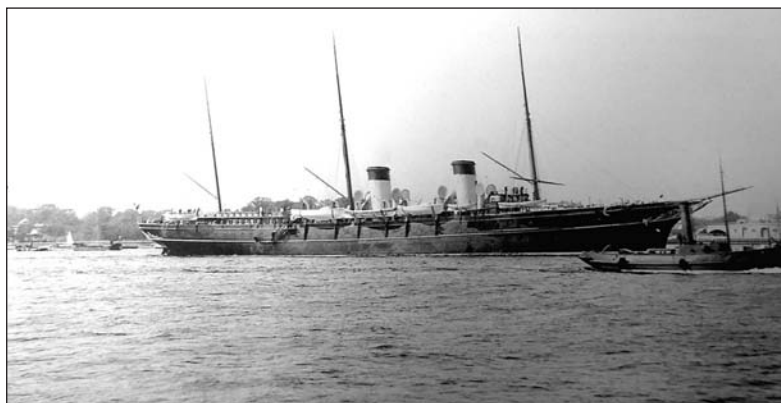
Для пополнения Добровольного флота в 1892 г. русское правительство заказало датской судостроительной фирме «Бурмейстер ор Вайн» новый крейсер. Окончание сдаточных испытаний яхты совпало с пребыванием в Дании Николая II. Накануне их проведе-

Рис. 4. Яхта «Полярная Звезда»

ния, 3 сентября 1896 г., он побывал на «Штандарте» и, подробно осмотрев яхту, дал ей высокую оценку. Особенно ему понравилась внутренняя отделка кают и салонов, выполненная по проекту датского художника Людовига Монберга, которого он наградил серебряными часами.

Не закончив ходовые испытания, 8 сентября 1896 г. «Штандарт» (рис. 5), принявший на борт Николая II и императрицу Александру Федоровну, в сопровождении яхты «Полярная звезда» ушел в Анг-

Рис. 5. Императорская яхта «Штандарт» в Копенгагене перед выходом в Англию 8 сентября 1896 г. Фотография ЦВММ

лию¹⁸. Летом 1901 г. «Штандарт» в сопровождении «Полярной звезды» ходил по маршруту Кронштадт–Копенгаген–Дюнкерк–Кронштадт.

Пример исполнения разнообразных функций на дипломатической службе императорских яхт хорошо описан в дневниках императора Николая II.

Проиллюстрируем это краткими выдержками из дневника за 1896, 1904 гг., когда император находился с официальными визитами в Дании, Англии и Германии.

«1896 год.

24-го августа. Суббота.

С утра облекся в прусский мундир. В 8.45 приехали в Бреславль... поехали к Вильгельму во дворец и с ним за город к месту парада... Делали визиты.

27-го августа. Вторник.

В 10 час. утра прикатили в Киль, где Ирен, Генрих и старший сын Вильгельма встретили нас. Почетный караул был от морского батальона. Сели в паровой катер и отправились прямо к ним в замок... Вид из окон красивый. «Полярная Звезда» стояла как раз напротив замка. Вся германская эскадра стояла в две линии дальше к выходу из бухты. Завтракали четвером. Приняли внизу адмиралов и командиров их судов. В 3 ч. Аликс поехала кататься с Ирен, а я с Генрихом на следующие суда: броненосцы – «Курфюрст Фридрих Вильгельм»; «Верт», крейсер «Кайзерин Аугуста» и на яхту «Гогенцоллерн». Мимоходом осмотрели парусную яхточку Генриха — «L'Esperance». Пили чай в замке. В 6 1/2 приехали на «Полярную Звезду» и полчаса спустя вышли в море. Салют был сильный, кричали ура! и играли взаимные гимны...

28-го августа. Среда.

Проснулись чудесным утром в виду Кегэ-бухты. Всю ночь шли малым ходом, чтобы не прийти слишком рано в Копенгаген. В 12 ч. вошли на рейд и, пройдя датскую эскадру и новую яхту «Штандарт», стали на якорь... Четвером с ними отправились главными улицами города в Бернсторф...

3-го сентября. Вторник.

Утром лил дождь и дул свежий ветер. В 11 час. отправились в Копенгаген и с пристани на «Штандарт», который осмотрели во всех подробностях. Яхта очень красива снаружи и отлично отделана внутри. На ней много старой мебели с «Державь», а также все серебро с нее, «Ливадии»

и прежнего «Штандарта». К сожалению, она не окончила еще своих испытаний и сегодня же пошла на продолжительную пробу. Завтракали на «Полярной Звезде». В 2^{1/2} поехали вдвоем в Розенбург и Торвальдсена музей, оттуда домой к чаю. Обедали наши и английские моряки¹⁹.

8-го сентября. Воскресенье.

День разлуки настал! Погода к счастью стояла великолепная, теплая, ясная – совсем не осенняя. После последнего общего кофе отправились в Копенгаген на Тольботен; там было немного народа. Переехали с семейством на «Штандарт», где милая Мама уже ждала нас. Простились с ними и в час дня вышли в Зунд. Отслужили молебен и сели завтракать в большой столовой рубке. В 2^{1/2} прошли Гельзинер. Любовались нашими каютами и вообще всей яхтой. «Полярная Звезда» конвоирует нас в Англию.

9-го сентября. Понедельник.

Проснулись с отличным днем. С полдня задул небольшой NW, и нас слегка покачивало. «Полярная Звезда» шла на правом траверзе. Аликс пролежала в постели, боясь встать. Целый день гулял на палубе и осматривал яхту внутри.

10-го сентября. Вторник.

Ночью продолжало немного покачивать яхту. В 7 ч. пришли на вид Шотландского берега и тогда расстались с «Полярной Звездой» – она повернула обратно в Данию. Погода испортилась, задул SO и пошел дождь. Пройдя милю эскадры канала, стали на якорь в полумиле от гор. Leith. К 11 час. прибыли на яхту д. Берти и Arthur со свитой и остались завтракать у нас. В 1^{1/2} простились с чудным «Штандартом» и съехали на берег на частном пароходе при салюте с эскадры. Я был в форме Scots Greys. На пристани городские головы Leith'a и Эдинбурга сказали приветственные речи и затем мы отправились в экипажах на станцию под конвоем Scots Greys...²⁰

22-го сентября. Воскресенье.

В 5^{1/2} приехали в Портсмут. Два почетных караула – креп. артил. и моряков. Прямо по сходне вошли на «Полярную Звезду». «Штандарт» стоял на рейде. В 8 ч. обедали с английскими адмиралами, генералами и нашей свитой. Посетили «Victoria Albert», на кот. проводят ночь д. Arthur, т. Lonischen и Helen. Наконец послушали нашу музыку за обедом. Ночь стояла ясная.

23-го сентября. Понедельник.

Вышли из Портсмута в 7 ч. и малым ходом пошли к английской эскадре, которая ждала нас на О. от острова Wight. Гулял на палубе

в это время. Ветер задувал все крепче, и волна делалась больше по мере удаления от берега. Но погода стояла ясная. Англ. суда держали замечательно свои места; шли 13-узловым ходом. Качка усиливалась, и броненосцы брали волну за волной. В 11 ч. встретили французскую эскадру; англичане повернули лихо назад с салютом, французы заняли их места. После этого пошел спать. Бедную Аликс совсем укачало и дочку тоже. В 2 часа вошли в Шербур во внутренний порт, а «Штандарт» и вся эскадра стали по диспозиции на рейде. Сошли на берег и встречены были президентом Феликс[ом] Фор[ом]. После представлений вернулись на яхту и пересели на авизо (*сторожевой корабль* (фр.). – О.Ф.) «Elan», на кот. совершили обход всех судов и посетили флагман, броненосец «Носпе». Здесь смотрели на парад всех свезенных вместе морских команд. Дуло здорово. Вернулись на «Полярная Звезда», к 5 час. на катере президента.

Летом 1897 г. новую императорскую яхту с кратковременными визитами посетили в Кронштадте сиамский король, император Германии и президент Французской республики. И в дальнейшем при посещениях России главами иностранных государств Николай II неоднократно принимал их на борту «Штандарта»²¹.

«1904 год.

10-го июля. Воскресенье.

Ровно в час вышел на «Полярной Звезде» в Бьорке, куда прибыл в 4 часа. Стали на якорь у ост. Равица. Были две грозы с сильнейшим ливнем, но температура очень приятная. С 7 час. ожидали прихода «Гогенцоллерна», кот. запоздал на два с $\frac{1}{2}$ часа. Он подошел во время нашего позднего обеда. Вильгельм приехал на яхту в отличном расположении духа и пробыл некоторое время... Вернулись на «Полярную» только в 2 ч.

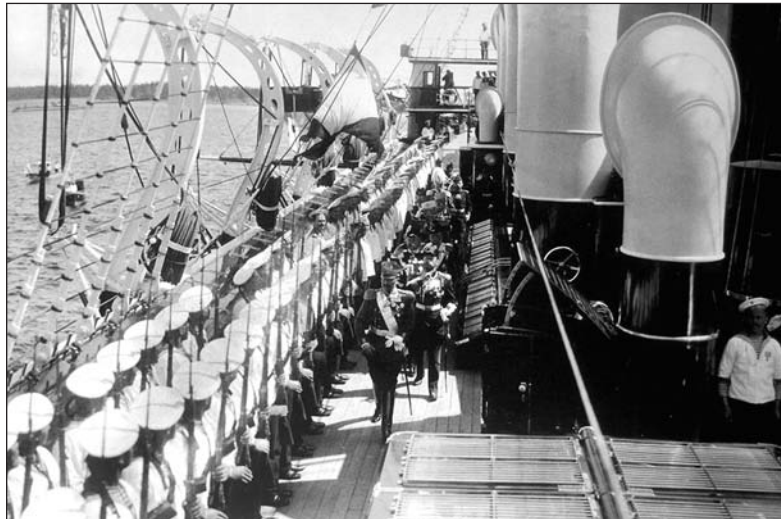
11-го июля. Понедельник.

Проспал подъем флага и встал в $9\frac{1}{4}$. Погода была солнечная, жаркая, со свежим SO. В 10 ч. прибыл Вильгельм к кофе. Поговорили до 12 ч. и втроем с Мишей отправились на германский крейсер «Берлин». Осмотрел его. Показали арт. учение. Завез Вильгельма к нему и вернулся на «Полярную». Было полчаса отдыха. В 2 часа у нас был большой завтрак. Слушали музыку Гвардейский Экипаж и разговаривали все время стоя до $4\frac{1}{2}$. Простился с Вильгельмом с большой сердечностью. Снялись в 5 час. одновременно и до маяка Веркомоталы шли вместе; затем разошлись... На «Александрии» прибыл в Петергоф в 10 час. Аликс встретила нас у морских ворот. Вернулся

домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!»²².

Жизнь царской семьи была тесно связана с понятием протокола (рис. 6–9). «На встречу с королем Эдуардом VII в Ревеле царская семья прибывает на императорском поезде; «Штандарт» ждет ее в порту 9 июня 1908 г.»²³. «...Следующим летом (1909 г.) царская семья отправляется на яхте в Данию и Стокгольм... В Англии, когда царская яхта под эскортом величественно входит в британские территориальные воды, приближаясь к якорной стоянке Спидхед... ей навстречу выходит Северная эскадра Британского флота: двести судов, сопровождаемых крейсерами «Indomitable» – «Неукротимый», «Irresconcilable» – «Непримиримый» и «Invincible» – «Непобедимый»... В честь российских гостей английский король начинает парадом военно-морских сил ежегодную Каусскую регату. Зрелище в высшей степени впечатляющее...»²⁴

В июне 1912 г. император Германии Вильгельм II приходил на яхте «Hohenzollern» на закладку в Ревеле нового порта Петра Великого. В августе того же года Николай II принимал на «Штандарте» и вел дипломатические переговоры с премьер-министром Франции Р. Пу-

Рис. 6. Прибытие германского императора Вильгельма II и императора Николая II на яхту «Штандарт». Июль 1907 г. Рейд г. Свинамюнде. Фотография К. Е. фон Ганна

Рис. 7. Английский король Эдуард VII и император Николай II обходят строй команды на яхте «Штандарт». 1908 г. Рейд г. Ревеля. Фотография К. Е. фон Ганна

Рис. 8. Император Николай II и французский президент Арманд Фаллиер на борту яхты «Штандарт». 14 июля 1908. Ревель. Неизвестный автор. 23 x 17 см. ГАРФ. Ф. 601. Д. 754. Л. 31

Рис. 9. Король Швеции Густав V и император Николай II на «Штандарте». 1909. РГАВМФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 44. Л. 11

анкаре. На «Александрии» Николай II дважды принимал Раймонда Пуанкаре: в первый раз в качестве премьер-министра в июне 1912 г., а во второй раз — как президента Франции в июле 1914 г.

Следует отметить, что во время морских путешествий для императорской семьи яхта становилась жилым домом. Ее сопровождала свита придворных и прислуги, которые были обязаны жить по законам и этикету императорского двора.

Как мы видим, император Николай II активно проводил свои встречи, визиты и переговоры, используя территорию яхт. Это было и во время его визитов во Францию в 1896 и 1901 гг. Используя визиты на яхты, император укреплял франко-русский союз, заключенный в 1891–1893 гг.

Встречи с Вильгельмом II Николай II проводил на яхтах, равно как и кайзер также использовал этот способ ведения дипломатических переговоров

Из вышесказанного следует, что яхты в разное время выполняли следующие функции:

1. Участвовали в церемониальных действиях (коронавание, свадебные путешествия, смотры, парады и т. д.)

2. Являлись резиденцией глав иностранных держав.

3. Были местом проведения переговоров, являясь государственной территорией, обеспечивали необходимую безопасность для высоких договаривающихся сторон.

4. Были средством доставки в тот или иной пункт глав государств и сопровождающих их лиц.

5. Выполняли посольские функции.

6. Использовались для официальных визитов, неофициальных, визитов проездом и свиданий государственных деятелей и гостевых визитов.

7. Иногда участвовали в парусных гонках крупных яхт.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего времени со дня включения Петром I ботика как императорской яхты в состав флота, организации Александром I Гвардейского экипажа и заканчивая временем правления императора Николая II императорские яхты являлись важным дипломатическим инструментом в проведении внешней политики России. История службы яхт имеет важное значение для понимания духа времени и показывает нам, как развивалась российская дипломатия.

---

¹ Зорин В.А. Основы дипломатической службы. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: «Международные отношения», 1977. С. 18.

² Знаменов В.В., Ларионов А.Л., Носович Т.Н. Русские императорские яхты. Конец XVII – начало XX века. СПб.: Эго, 1997. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11, 12.

⁵ Ларионов А.Л. Из истории императорских яхт российского флота // Гангут. Сб. ст. Вып. 22. СПб.: Гангут, 2000. С. 43, 44, 45.

⁶ Там же.

⁷ Знаменов В.В., Ларионов А.Л., Носович Т.Н. Русские императорские яхты. С. 13, 14.

⁸ Там же.

⁹ Ларионов А.Л. Из истории императорских яхт российского флота. С. 26–36.

¹⁰ Знаменов В.В., Ларионов А.Л., Носович Т.Н. Русские императорские яхты. С. 15, 16.

¹¹ Ларионов А.Л. Из истории императорских яхт российского флота. С. 27.

¹² Знаменов В.В., Ларионов А.Л., Носович Т.Н. Русские императорские яхты. С. 18.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Ларионов А.Л. Из истории императорских яхт российского флота. С. 33–36.

¹⁷ Там же. С. 50–54.

¹⁸ Там же. С. 53–58.

¹⁹ Романов Н.А. Дневники Императора Николая II. ЦГАОР СССР. Оформление «Орбита». Московский филиал, 1991. С. 167.

²⁰ Там же. С. 168.

²¹ Там же. С. 170.

²² Там же. С. 269.

²³ Хереш Э. Цесаревич Алексей. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 210.

²⁴ Там же.

А.Е. Финченко (Санкт-Петербург)

КУСТАРНЫЕ ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ С ПИЖЕМСКОЙ РОСПИСЬЮ ЛОЖИ В СОБРАНИИ КУНСТКАМЕРЫ

Коллекцию из восьми охотничьих ружей с пижемской росписью ложи Музея антропологии и этнографии («Кунсткамера») РАН составили поступления от А.В. Журавского, заведующего Печорской естественно-исторической станцией при Императорской Академии Наук: № 1036–243, 244, 311 (поступление 1906 г.) и Д.Д. Травина, заведующего Печорским этнографическим областным музеем: № 2911–240, 241, 242, 243, 244 (поступление 1923 г.).

Все ружья собрания изготовлены кустарным способом, имеют нарезные и гладкоствольные стволы калибра 8 и 9 мм, искровой ударный кремневый замок русского типа с боковым спусковым крючком и расписную ложу. Наиболее характерным образцом этого охотничьего оружия, повсеместно используемого в Печорском уезде Архангельской губернии до начала второй трети XX в. является экспонат коллекции Кунсткамеры за номером 1036-244. Остановимся на нем подробно:

Поступление 1906 года от Андрея Владимировича Журавского: Архангельская губерния, Печорский уезд, Русские.

Экспонат представляет дульнозарядное охотничье нарезное ружье калибра 8 мм кустарного производства второй половины XIX в. с искровым ударным кремневым замком русского типа и боковым спусковым крючком (рис. 1).

Ствол восьмигранной формы с традиционным утолщением патронника и небольшим внешним раструбом выкован из железа. Прицельные приспособления (поперечный прямоугольный целик в виде

Рис. 1. Ружье № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

Рис. 2. Канал ствола ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

щитка с прорезью и продольная прямоугольная мушка) изготовлены из железа и вбиты в специальные пазы («ласточки-хвосты») ствола. Канал ствола калибра 8 мм имеет 6 прямых нарезов (рис. 2). Казенный винт хвостовика закреплен в торце патронника ствола на резьбовом соединении. Традиционное сквозное отверстие в хвостовике конструктивно не предусмотрено.

На ружье поставлен искровой ударный кремневый замок русского типа (рис. 3). Замок специально изготовлен под боковой

спусковой крючок. Из-за этого на замке конструктивно не предусмотрен традиционный спусковой механизм, предназначенный под нижний спусковой крючок: прямая пружина с шепталом и спусковая тяга.

Рис. 3. Искровой ударный кремневый замок русского типа ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

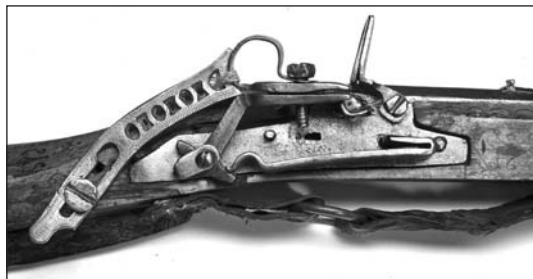
Основные элементы замка расположены на внешней стороне замочной доски: курок, огниво, пороховая полка, боевая и подогнивная (отсутствует) пружины. Курок с неподвижной нижней губой на прямой ножке, основание которой заканчивается крестовиной. Губы курка имеют железный стержень, исключаящей их перекокс при ударе об огниво. Кольцо верхней губы предназначено для захвата курка при его постановке на боевой взвод. Огниво представлено самой поздней формой – батареей, соединяющей в одно целое огниво и крышку полки.

Курок и огниво прикреплены к замочной доске железными крепежными винтами. Гнутая боевая пружина закреплена на внутренней стороне замочной доски железным штифтом. При отпускании с фиксатора бокового спускового крючка курок под действием боевой пружины, давящей на его носок сверху вниз, ударяет по огниву. Искры попадают на полку и воспламеняют затравочный порох.

Пружины замка изготовлены из малоуглеродистой стали. Все остальные детали замка из железа. В губы курка был вставлен кусок черного или светлого кремня, помещенного в прямоугольную тонкую свинцовую пластину или аналогичный кусок сыромятной кожи.

Боковой спусковой крючок с декоративными фигурными прорезями изготовлен из желтой медной пластины. В глухое отверстие шейки приклада (сквозь направляющую прорезь спускового крючка) вкручен железный винт с широкой головкой, фиксирующей ход спускового крючка, и штырь-фиксатор крючка при боевом взводе курка (отсутствует). Спусковой крючок через верхнее полукруглое сквозное отверстие был привязан к кольцу курка тонким кожаным ремешком или льняной веревкой (крепление отсутствует) (рис. 4).

Полная прямая ложа с многопрофильным тонким прикладом и пятигранным цевьем вырезана из древесины березы и пропитана горячим льняным маслом. В цевье просверлено шомпольное гнездо. Шомпол

Рис. 4. Боковой спусковой крючок ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

изготовлен из толстой круглой желтой медной проволоки. Рукоятка шомпола (для удобства его извлечения из шомпольного гнезда) об-

мотана суровой скрученной льняной нитью. Нижняя кожаная антабка под ружейный ремень прибита к прикладу (сквозь тонкую железную прямоугольную пластину-шайбу) кованым железным гвоздем. Вторая аналогичная антабка была прибита к цевью. От нее сохранилось глухое отверстие на нижней грани цевья. Нижний конец ружейного ремня прикреплен к антабке приклада кольцом из латуни, взятым от лошадиной сбруи. На левой стороне ложи (напротив замка) имеются пять отверстий от мелких гвоздей. Здесь был закреплен традиционный для региона накидной чехол из сыромятной кожи, предохраняющий замок от влаги и грязи. Крепежный винт хвостовика ствола конструктивно не предусмотрен. Казенная часть ствола прикреплена к ложе березовым нагелем, проходящим в сквозном отверстии ложи сквозь ушко хвостовика казенного винта. Два ложевых кольца, прикрепляющие среднюю и дульную часть ствола к цевью, были изготовлены из плоских тонких прямоугольных медных или железных полос (отсутствуют). Об этом свидетельствует отсутствие сквозных отверстий в цевье, предназначенных для ложевых колец другой конструкции и материала.

Ружье богато декорировано. Ствол у патронника и дульного среза декорирован произвольным точечным орнаментом, выполненным в технике плоскорельефной чеканки. Спусковой крючок – фигурными прорезями и простейшим геометрическим орнаментом (волнистые линии), выполненным в технике двухмерной чеканки. Ложа полностью расписана растительным и геометрическим орнаментом в традиционном стиле и технике пижемской росписи (река Пижма – левый приток Печоры). Роспись нанесена натуральными растительными и минеральными масляными красками черной, красной, коричневой и желтой цветовой гаммы. Поверх красочного слоя ложа покрыта природным бесцветным лаком (рис. 5). На прикладе

Рис. 5. Пижемская роспись ложи ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

Рис. 6. Полукруглый вырез на прикладе ложи ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

ложи имеются фигурные вырезы, выполненные в технике глухой домовой и углубленной (плосковыемчатой) резьбы. По низу левой стороны ложи (у торца приклада) имеется сквозной полукруглый вырез (рис. 6), предназначенный для дополнительного упора при стрельбе и характерный только для кустарных ружей этого региона. Этот вырез опускался на специальный крючок, обшитый сукном, или кольцо. Кольцо или крючок, как правило, были пришиты к охотничьей верхней одежде.

На левой стороне приклада имеется надпись: «1890 го ме(ся)ца июль 15 чи(с)ла сию ложь делал Емельянь Чуркинъ».

Ружье полностью изготовлено кустарным способом в одной из оружейных мастерских в деревнях на реке Пижме или на реке Усть-Цильме (левый приток Печоры, впадающей в пяти километрах ниже впадения Пижмы), известных со второй половины XIX в. изготовлением особых охотничьих ружей с боковым спусковым крючком, многопрофильным тонким прикладом и характерной росписью. Ложи, как правило, расписывали и подписывали отдельные мастера, владеющие грамотой и стилем старообрядческой традиции, известной по рисункам рукописных книг и аналогичной росписи на различных деревянных и берестяных предметах.

Размеры: общая длина ружья – 1228 мм, длина ствола (без хвостовика) – 804 мм, длина шомпола – 779 мм, максимальная высота – 101 мм, калибр – 8 мм.

Материалы: малоуглеродистая сталь, железо, латунь, желтая медь, древесина березы, кожа, растительные и минеральные натуральные масляные краски, льняная нить, льняное масло.

Остальные ружья коллекции имеют небольшие отличия от представленного экспоната. Наиболее интересные из них представляют авторские надписи мастеров по росписи ложи. Приведем надписи на 5 аналогичных ружьях.

Текст выполнен пером и чернилами, авторским почерком, близким к подражанию печатному шрифту, публикуется с сохранением авторской орфографии:

№ 1036 – 243

1876 года мѣсѣца мд

2. № 1036 – 311

1882-ого сию ложь делалъ Емельянъ Тимофеевицъ Чуркинъ

3. № 2911 - 242

1894 года месеца апрѣля лошь дѣлалъ и писалъ Осипъ Сергеевъ (Мир?)ону Петровичу Чу[р]кину Можнъ оружье(м) звѣри битъ Всеми говори – Господи, благослови. Цена пѣдисять пять.

4. № 2911 – 243

1891 года месеца марта сию лошь дѣлалъ Осипъ Сергѣевъ [нрзб].....аш..... Вавилу Осиповичу Аншукову оружьемъ стрѣлять росомахъ, лисицъ, мядведѣй, цена ше(сть) гривнѣнъ, оружье (беречь?)

5. № 2911 – 244

1899 году месеца февраля 2 чи[с]ла сию ложу делалъ Емельянъ Чуркинъ

Представленная коллекция Кунсткамеры ружей из Печорского уезда Архангельской губернии доказывает тот факт, что в указанном регионе население широко использовало оружие местного кустарного производства, имеющее свои ярко выраженные конструктивные особенности и великолепный декор. Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют о том, что это оружие использовалось до второй трети XX в. и выдерживало конкуренцию с привозным охотничьим оружием фабричного производства, в том числе и с казнозарядным.

В.С. Хохлов (Москва)

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ СВЯЗИ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Большое значение для обеспечения связи в условиях войны имели средства связи, соответствие их требованиям управления войсками, технический уровень развития, а также возможности промышленности страны по обеспечению Вооруженных Сил (ВС) необходимой техникой связи.

В предвоенные годы производство и развитие средств связи сильно отставало от других отраслей промышленности, так как оно не входило в приоритетные направления индустриализации СССР. Промышленность основных средств связи в СССР состояла из заводов, созданных еще в царской России различными иностранными компаниями (Эриксона, Сименса и Гальске, Гейслера и другими). В соответствии с декретом СНК СССР «О централизации радиотехнического дела Советской Республики» от 20 июля 1918 г. все радиозаводы были национализированы и подчинены отделу электротехнической промышленности Всесоюзного Совета народного хозяйства (ВСНХ). 9 марта 1922 г. был образован Государственный электротехнический трест заводов слабого тока (ГЭТЗСТ), в который вошли 11 заводов в Москве, Петрограде и Нижнем Новгороде с единой системой организации и управления. Это решение способствовало возрождению отечественной радиопромышленности.

До 1930 г. предприятия входили в трест «Электросвязь». В 1930 г. этот трест вошел в состав Всесоюзного электротехнического объединения (ВЭО). В 1931 г. из состава ВЭО выделено Всесоюзное электрослаботочное объединение (ВЭСО), которому были подчинены радиозаводы.

В конце 1933 г. на базе ВЭСО создано Главное управление электротрослаботочной промышленности (Главэспром) Наркомата тяжелой промышленности (НКТП), куда помимо ламповых заводов вошли ленинградские заводы им. Козицкого, им. Коминтерна, им. Кулакова, «Красная заря», «Электроприбор», горьковский им. Ленина, московские им. Орджоникидзе, «Радиоприбор», воронежский «Электросигнал».

В 1937 г. Главэспром вошел в состав Наркомата оборонной промышленности (НКОП) и был переименован в 5-е, а затем 20-е Главное управление.

В апреле 1940 г. образовали Наркомат электропромышленности (НКЭП) СССР из соответствующих главных управлений Наркомата авиационной промышленности и Наркомата судостроительной промышленности (НКСП). В составе НКЭП на базе Главрадиопрома был образован Главсветовакуумпром. Управление радиопромышленностью, в которое входило 40 заводов, осуществлялось НКЭП вплоть до 26 июля 1946 г.¹

Все дореволюционные заводы за годы советской власти были реконструированы, расширены и оснащены новым оборудованием, но их мощность не соответствовала растущим потребностям в технике связи страны и ВС. Поставщиками средств связи для армии перед войной являлись 28 наркоматов². Основным из них был НКЭП, который, однако, не был включен в число оборонных и, следовательно, не обладал необходимыми преимуществами оборонных наркоматов в получении сырья и материалов. Это отрицательно сказывалось на работе электропромышленности, на количестве и сроках поставки техники связи, и, в частности, на количествах и сроках поставки средств связи для ВС.

Всего заводов, производящих средства связи, в СССР накануне войны было 31. Из них только 16 изготовляли основную аппаратуру связи. Остальные 15 поставляли радиолампы, полевые кабели, источники питания и комплектующие изделия. При этом следует особо подчеркнуть, что эти заводы поставляли средства связи для ВС, радиовещания и общегосударственной сети связи страны³.

На радиозаводах СССР работало 21,7 тыс. человек. Объем валовой продукции составлял 664 млн. рублей, не считая рижского VEF (1919), крупнейшего предприятия Восточной Европы по производству радиоприемников и радиодеталей, на котором в 1940 г. работало более 3 тыс. человек. В годы первых пятилеток бывшие казенные

радиозаводы подверглись реконструкции, в том числе с технической помощью Radio Corporation of America (RCA), которую возглавлял выходец из России Давид Сарнов.

В предвоенные годы перед экономикой многих стран встала задача создания современных средств связи. Удельный вес радиопромышленности США перед войной составлял 4 % валового выпуска всей промышленности, а в СССР только 0,04 %. Правительство США переключило на военные нужды всю американскую радиоэлектронную промышленность, насчитывающую в то время более 110 тыс. работников. 27 июня 1940 г. был создан Национальный исследовательский комитет по вопросам обороны. Из мобилизованных по всей стране ученых и инженеров формировались исследовательские центры, работавшие на военные цели. На это же были переориентированы крупнейшие американские университеты. За 1940 г. около 40 американских фирм произвели 120 млн. радиоламп. В СССР в 1940 г. было произведено лишь 140 тыс. радиоприемников, а все три радиозавода – «Светлана», «МЭЛЗ» и «Радиолампа» – выпустили не более трех миллионов радиоламп⁴.

В Германии в это же самое время в одном только Берлине действовало более 2,5 тыс. предприятий радиотехнической и электровакуумной промышленности с численностью работающих почти 250 тыс. человек.

Перевод экономики Германии на военные рельсы подхлестнул разработки в области средств связи. После 1933 г. немецкая радиопромышленность сумела создать более 1000 различных образцов приемников, передатчиков и радиостанций для всех областей военного дела. Командование вермахта еще в 1936 г. приняло доктрину военной радиосвязи, определяющую номенклатуру радиосредств для различных родов войск, их частотные диапазоны, мощности излучения, вопросы электромагнитной совместимости и т. д. Радиосвязь рассматривалась как один из решающих факторов превосходства его отдельных броне- и моторизованных частей над аналогичными частями противников. Монтаж устройств передачи и приемных беспроводных аппаратов рассматривался в аспекте «большой» тактической задачи, от применения в пределах отдельного воинского подразделения (взвода, роты, танка) до уровня руководства армий. Все дальнейшие разработки военных средств связи велись в Германии в соответствии с нею, а когда в 1943 г. была принята новая доктрина военной радиосвязи, то радиосредства, не соответствовавшие новым «правилам игры», были сняты с вооружения.

По темпам разработки новых радиосредств в предвоенные годы Германия существенно опережала и СССР, и союзников. Это было объективно обусловлено тем, что именно в Германии вначале 1930-х гг. были запатентованы изобретения, во многом определившие развитие радиотехники на многие десятилетия⁵. К тому же Германия использовала не только собственный промышленный потенциал, но и оккупированных ею европейских стран.

Перед войной СССР отставал по объему производства почти всех основных средств связи: всех типов радиостанций, высокочастотной телефонной аппаратуры, телефонных и телеграфных аппаратов, подземного магистрального и полевого кабеля, химических источников питания, зарядных агрегатов и других. Отечественная промышленность средств связи не могла обеспечить аппаратурой связи даже минимальные потребности народного хозяйства и ВС. Кроме отставания промышленности средств связи по мощности, явно недостаточным было общее количество заводов, и неудачное их географическое размещение. Из 19 наиболее важных радиозаводов 5 находились в Ленинграде (208, 210, 211, 327 и ИРПА), 7 – в районе Москвы (203, 512, 220, 191, № 3 НКС, завод им. Лепсе, прожекторный завод), 2 – в Горьком (197 и 326), 1 – в Харькове (193), 1 – в Саратове (195), 1 – в Воронеже – («Электросигнал») и 2 в районе Иркутска (389 и 394). Из 12 заводов, производивших проводные средства связи, были размещены: в Ленинграде – 4 («Красная заря», 209, 8 и «Севкабель»), 5 – в районе Москвы (Лосиноостровский, «Электропривод», «Москабель», «Электрокабель» и Калужский электромеханический), по одному – в Киеве («Укркабель»), Харькове (14), Горьком (телефонный цех 197-го завода)⁶.

До войны не было ни одного завода, который дублировал бы производство каких-либо средств связи (за исключением производства радиоламп, анодных батарей и полевого кабеля) или который был готов к этому в случае необходимости (наличие технической документации, подготовка инструмента, запасы материалов и т. д.).

Не лучше обстояло дело и с разработкой и обеспечением армии новой техникой связи. Из-за отсталости отечественной промышленности средств связи, неудовлетворительного состояния научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы разработка новых опытных образцов растягивалась на многие годы, а внедрение их в серийное производство происходило крайне медленно. В результате

новые образцы морально старели еще во время их разработки и освоения в производстве.

Несмотря на эти недостатки в правительственных кругах СССР надеялись, что с переходом НКЭП на режим работы военного времени и прекращением производства гражданской продукции обеспечение ВС средствами связи значительно улучшится. Но, как показала первая неделя войны, гладко было только на бумаге.

Существенный урон с началом войны был нанесен авиацией и агентурой немцев, выведшими из строя радиостанции, узлы и линии государственной и военной связи. Из-за потерь в отдельных объединениях и соединениях комплект радиостанций составлял 70 % к штатам⁷. Именно тогда, когда войска несли наибольшие потери в средствах связи, началась эвакуация большинства предприятий электропромышленности на Восток и налаживание производства в новых районах, что еще больше осложняло положение. Одними из первых перебазировались предприятия связи, так как довоенная их дислокация страдала одним существенным недостатком – все они располагались недалеко от западных границ. Многие из этих районов с первых же дней войны находились под воздействием вражеской авиации. Необходима была величайшая оперативность в эвакуации предприятий связи. Для ленинградских предприятий она началась уже в июле, а московских – в октябре 1941 г. Ситуация усугублялась тем, что эвакуации подлежали радиозаводы, производящие основные и наиболее важные части радиоаппаратуры, крайне необходимой для армии и флота.

Еще хуже было положение с предприятиями, производящими средства проводной связи. К концу 1941 г. все телефонно-телеграфные и кабельные заводы были эвакуированы на восток страны и поставка их аппаратуры прекратилась.

Сама эвакуация проводилась вначале с существенными недостатками: слабая организация контроля передвижения эшелонов; порой отсутствие их сопровождения ответственными лицами; некомплектная отгрузка; частая смена пунктов назначения разгрузки, что приводило к путанице вагонов и даже эшелонов. Размещение заводов в новых пунктах дислокации проходило в исключительно трудных условиях. Прибывшие заводы не имели приспособленных производственных площадей и, что самое главное, не получали минимально необходимого им количества электроэнергии. На 1 декабря 1941 г. из 61 эвакуированного предприятия к месту назначения полностью

прибыли 24, из которых 7 было полностью восстановлено и 13 частично. Всего же НКЭП эвакуировал из зоны военных действий или прифронтовых районов 19 радиозаводов из 14, то есть 74 % всех имевшихся предприятий⁸.

Только Горьковский завод № 197 им. М.В. Фрунзе продолжал выпуск радиоаппаратуры. Фактический месячный выпуск радиостанций на нем составлял: 1–3 радиостанции РАФ, 26 – РСБ, 7–8 – 11 АК и около 40 – 5 АК⁹. Кроме этого завода, в это время продолжали нормальную работу Саратовский аккумуляторный завод № 195 и заводы, выпускающие источники питания, в Сибири.

Одной из причин плохой работы промышленности начальник ГУСКА И.Т. Пересыпкин считал, что ни один из заместителей председателя СНК СССР не занимается вопросами по улучшению ее работы и оказанием помощи заводам¹⁰.

Решить сложившуюся проблему с поставками средств связи можно было только путем восстановления эвакуированных заводов и строительства новых предприятий связи. Причины столь больших затруднений в снабжении войск техникой связи заключались не только в недостаточной мощности предприятий, но и в том, что они были недостаточно подготовлены для быстрого перехода на график военного времени.

ГКО, СНК СССР вынуждены были несколько раз пересматривать вопрос о сроках пуска эвакуированных радиозаводов, однако, несмотря на принимавшиеся энергичные меры, ни один из этих сроков не был выполнен, что привело к резкому сокращению поставок радиосредств в действующую армию. Вследствие этого пришлось заняться даже кустарным производством некоторых средств связи. Например, в 1941 г. в Москве было освоено производство примитивных полевых телефонных аппаратов «ПФ» (Помощь фронту). В Москве, Ленинграде, Подольске и Куйбышеве было организовано кустарное производство полевого телефонного кабеля.

Но эти полумеры не решали проблемы обеспечения войск необходимыми средствами связи. В связи с затянувшимися сроками восстановления на востоке страны предприятий промышленности средств связи и неполучением от них в течение длительного времени средств связи ГУСКА организовало производство некоторых наиболее дефицитных средств связи собственными силами, в том числе на фронтах.

Различная аппаратура поступала также и от других отраслей промышленности. Переносные радиостанции и кабель передавались

из предприятий угольной промышленности, цветной металлургии, морского и речного флотов, наркомата путей сообщения.

Вопросы ускорения ввода в строй эвакуированных заводов дважды рассматривал ГКО (6 декабря 1941 г. и 23 января 1942 г.)¹¹. На ряд заводов (№ 203, 220, «Москабель» в Москве, № 197 в Горьком и № 195 в Саратове) были назначены его уполномоченные. Однако, несмотря на принимаемые меры, восстановление и развертывание производства, и соответственно увеличение поставок происходило медленно. Об этом свидетельствуют следующие данные: если поставки радиостанций в III квартале 1941 г. принять за 100 %, в 1942 г., их было поставлено: в I квартале – 8,4 %, во II – 28, III – 43, IV – 69%¹².

Исключительно важное значение для развития военной техники связи имело постановление ГКО № 1112 от 6 января 1942 г. «О мероприятиях по обеспечению производства средств связи для Красной Армии в I квартале 1942 года»¹³. В последующем подобные постановления ГКО принимались ежеквартально на протяжении всей войны.

Существенную роль в повышении выпуска радиосредств сыграл завод НКО № 2, который был создан в Москве (Замоскворечье) на базе бывшего завода № 203, эвакуированного в Сарапул, по инициативе начальника ГУСКА И.Т. Пересыпкина решением ГКО № 1700 от 5 мая 1942 г.¹⁴. За годы войны этот завод изготовил 43 108 из 84 725 переносных радиостанций 12 – РП, 13-Р, А-7, то есть 51 % от общего числа выпущенных заводами НКЭП¹⁵.

Только к концу 1942 г. заводы, развернутые в Сибири, стали основной базой выпуска средств связи (до 42 %), второй группой – заводы Горьковской группы (до 28 %). Одновременно началось восстановление московской группы радиозаводов. В результате всех этих усилий удалось переломить положение с обеспечением средствами связи действующей армии.

Благодаря принятым мерам значительно увеличился объем производства радиоаппаратуры, необходимой для войск, в результате чего общее количество заводов, изготавливавших средства радиосвязи для армии, и их производственные мощности в 1943 г. превысили довоенный уровень.

1943 г. стал годом коренного перелома не только на фронте, но и в работе всех отраслей электропромышленности. Вступили в строй и начали работать полным ходом эвакуированные заводы, установились новые экономические связи, предприятия стали больше полу-

чать сырья из местных ресурсов, была опробована новая технология, накопили известный опыт кадры, пришедшие на предприятия в начале войны. По сравнению с 1942 г. поставки войскам возросли по радиостанциям РАТ на 192 %; радиостанциям типа РБ – на 188 %; по анодным батареям – на 210 %; аппаратам Бодо и СТ-35 – на 250-300 %. Повысились возможности в обеспечении связи по радио в бронетанковых войсках: с начала 1943 г. стали укомплектовываться радиостанциями тяжелые танки на 100 %, средние – на 50, легкие – на 30 %, командирские танки – двумя радиостанциями¹⁶.

Хотя поставки промышленности средств связи непрерывно увеличивались, потребности войск в радиостанциях все время опережали их. И несмотря на то, что в 1943 г. положение с обеспечением армии средствами связи по сравнению с 1941–1942 гг. намного улучшилось, напряженность со снабжением средствами связи до конца войны так и не снизилась. Особенно большой недостаток испытывали войска в переносных радиостанциях. Потребность армии в 1942 г. в радиостанциях этого типа исчислялась в 28 700, отечественная промышленность выпустила их за этот год всего лишь 4479, то есть всего 15 % потребности.

Недостаточное производство радиостанций типа РБ потребовало увеличения выпуска близких к ним по своим тактико-техническим данным. С этой целью на заводе № 326 в г. Горьком, который до того выпускал измерительную аппаратуру, с конца 1941 г. был налажен серийный выпуск радиостанций 12РП, а со второго квартала 1942 г. приступил к выпуску аналогичных радиостанций (13Р) созданный в начале этого года завод № 2 НКО. Следует подчеркнуть, что 66 % радиостанций 12РП и 13Р в основном собирались из деталей широкоспешательных приемников, изъятых у населения, и поэтому имели значительно худшие электрические и тактико-технические характеристики и были менее надежны в работе по сравнению с радиостанциями РБ и РБМ. Несмотря на это, эти радиостанции сыграли большую роль в обеспечении войск необходимыми средствами радиосвязи в низовых звеньях управления. Их использование позволило намного уменьшить остроту положения со снабжением войск переносными радиостанциями.

В 1944–1945 гг. обеспеченность частей и подразделений связи мощными радиостанциями составляла 70–75 %, средней мощности – 80, переносными – 70–80 % табельной потребности, а телеграфными аппаратами – 95 %¹⁷.

Особенно возросла насыщенность войск средствами радиосвязи. Если в 1942 г. выпуск всех радиостанций составлял 9588 шт., то в 1944 г. – уже 64 033. Только в 1944 г. для обеспечения связи в звене рота-корпус было поставлено 53 383 радиостанции, а в первой половине 1945 г. – еще 28 069. Количество радиостанций в стрелковой дивизии к лету 1944 г. по сравнению с началом этого же года увеличилось в два раза, а с начальным периодом войны – почти в шесть раз¹⁸.

Положение с производством проводных средств связи к концу 1941 г. в связи с эвакуацией телефонно-телеграфных и кабельных предприятий резко ухудшилось и стало крайне тяжелым. Особенно неблагоприятно обстояло дело с поставками полевого кабеля, телефонных аппаратов и коммутаторов, а также телеграфных аппаратов Бодо. В начале 1942 г. потребность войск в телефонных аппаратах была удовлетворена промышленностью лишь на 15–20 %. Полевые телефонные коммутаторы средней емкости и телеграфные аппараты Бодо вообще не производились. Полностью был прекращен выпуск телеграфных трансляций, коммутаторов ШК-20, приборов автоматики, ламельных телеграфных коммутаторов, а также запасных частей для телеграфной аппаратуры. Пришлось проводные средства закупать за границей.

Огромное значение для увеличения выпуска проводных средств связи имело решение ГКО № 1217 от 21 января 1942 г. о создании в Москве (Лефортово) по инициативе ГУСКА завода НКО № 1¹⁹. Он был создан в кратчайшие сроки – в феврале–марте 1942 г. на базе эвакуированного завода № 205 и станочного оборудования, доставленного самолетами и автомобилями по «Дороге жизни» через Ладожское озеро из блокадного Ленинграда. В 1942 г. завод выпустил 130 тыс. полевых телефонных аппаратов, 210 коммутаторов и 20 телеграфных аппаратов Бодо. В 1943 г. он изготовил 181 583 телефонных аппарата, в то время как все заводы НКЭП поставили 120 942 аппарата²⁰. Производство во время войны основных видов проводной связи по годам характеризуется данными таблицы 1²¹.

**Производство
основных видов проводной связи в годы войны**

Наименование средств связи	Год изготовления					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Телеграфные аппараты Бодо (шт.)	89	121	5	80	83	144
Телеграфные аппараты СТ-35 (шт.)	954	1914	645	1336	1037	1322
Индукторные телефонные коммутаторы емкостью 10, 20, 30 номеров (шт.)	нет данных	1157	2296	3308	4516	6151
Полевой кабель (тыс. км)	нет данных	29,5	145,5	37	28,3	34,8

С самого начала войны промышленность и войска начали испытывать острую нужду в радиолампах. До войны производством радиоламп в нашей стране занимались только два завода – № 211 «Светлана» в Ленинграде и № 191 в Щелкове под Москвой. Оба завода в 1940 г. выпустили около 6,5 млн. различных радиоламп, причем основным поставщиком радиоламп был ленинградский завод. С началом войны оба завода были эвакуированы на восток страны, в связи с чем создалось исключительно тяжелое положение с обеспечением радиолампами эксплуатационных потребностей войск и потребностей промышленности для комплектации выпускаемой продукции.

Вопрос обеспечения радиолампами в стране стоял настолько остро, что им уже в начале июля 1941 г. несколько раз занимался ГКО. Было даже вынесено специальное решение о сборе радиоламп по всей стране. Они собирались на складах НКО, НКС и в промышленности, изымались из радиоприемников, сданных населением на хранение в предприятия НКС. В последующем для их ремонта летом 1944 г. пришлось привлечь 150 студентов МИИС и возвращать населению. С этой целью было даже издано 18 июля 1944 г. постановление ГКО № 625²².

Одновременно были сокращены до минимума эксплуатационные нормы и запасные комплекты, придаваемые к выпускаемой промышленностью новой аппаратуре. Однако в течение долгого времени эту проблему решить удовлетворительно не удавалось. Очень медленно происходило восстановление заводов, производящих радиолампы; по сравнению с кварталом 1941 г. их производство в 1942 г. составляло: в I квартале – 2 %, во II – 45, в III – 75, IV – 125 %²³. Радиоламп не хватало не только для действующих радиостанций, но и для вновь изготовленных.

Только в 1944 г., когда на базе эвакуированных предприятий электровакуумной промышленности были развернуты новые радиоламповые заводы в Новосибирске, Ташкенте и Москве, удалось достичь довоенного уровня производства радиоламп. Однако нужды войск в радиолампах удовлетворялись минимально, поскольку к концу войны число радиостанций в войсках намного увеличилось, и потребность в радиолампах сильно возросла.

Динамика производства радиоламп по годам войны в млн штук и в процентах по отношению к 1940 г. была следующая: 1941 г. – 6,5 (100 %), 1942 – 4,9 (76), 1943 – 1,3 (20), 1944 – 4,0 (68), 1945 – 6,2 (95 %) ²⁴.

Тяжелое положение, в котором оказалась радиопромышленность в начале войны, особенно сильно сказалось на обеспечении действующей армии источниками электропитания. В отличие от иностранных армий, широко применявших для питания радиостанций аккумуляторы и вибропреобразователи, в КА питание всех переносных радиостанций по высокому напряжению производилось исключительно от сухих анодных батарей. Это ставило нормальную эксплуатацию радиосредств в зависимость от снабжения войск анодными батареями. Анодные батареи (БАС-80 и БАС-60) до войны производились в СССР в основном четырьмя заводами: № 220 в Москве, № 389 в Иркутске, № 394 в Черемхове и Саратове. Саратовский завод был единственным в европейской части страны по производству аккумуляторных батарей. В 1944 г. предприятие было награждено орденом Ленина, а в 1945 г. ему было передано на вечное хранение Красное Знамя ГКО.

Несмотря на то, что производственные возможности существовавших заводов были низкими, а само производство частично зависело от поставок сырья из-за границы, общий выпуск анодных батарей в мирное время, когда радиостанций было мало, обеспечивал потребности армии. Однако потребности ВС в анодных батареях во время войны далеко не обеспечивались поставками промышленности.

Создание новых заводов по изготовлению анодных батарей (г. Уфалей Челябинской области, г. Тбилиси и др.) и рост производства на старых заводах не могли удовлетворить все возрастающие потребности армии в источниках электропитания, так как количество радиостанций в войсках непрерывно увеличивалось. Поэтому, хотя производство анодных батарей в 1944 г. по сравнению с довоенным 1940 г. возросло более чем в три раза, положение с обеспечением войск

анодными батареями не улучшилось, и нормы снабжения войск ими до конца войны были очень низкими. Об этом свидетельствуют следующие данные: 1940 г. – 1800 тыс. шт., 1941 – 3140, 1942 – 3584, 1943 – 4521, 1944 – 6338 тыс. штук. Если сопоставить количество выпущенных радиостанций с количеством поставленных батарей, то число последних на одну радиостанцию по годам войны изменялось в пределах от 70 до 100 батарей, хотя самые жесткие нормы расхода составляли не менее 200 батарей. Таким образом, даже в лучшее время потребность войск связи в источниках питания удовлетворялась не более чем на 50 %, что не могло не сказываться на нормальной работе радиосредств и соответственно радиосвязи.

Производство полевых кабелей также не удалось увеличить до объема, необходимого во время войны для обеспечения ими войск. В связи с эвакуацией заводов кабельной промышленности во время войны был прекращен выпуск лучших полевых кабелей, но наиболее трудоемких в производстве – ПТГ-19 и ПТФ-7х2, состоявших на вооружении войск. Эти образцы были заменены кабелями упрощенной конструкции (ЛПТК, ОПТВ, ОПТВМ, ЛТФК, ПТФ-3, ПТГ-6, ПТГ-7 и др.), разработанными в первые годы войны. Все они имели гораздо более низкие электрические и механические характеристики по сравнению с довоенными, во многом не соответствовали требованиям эксплуатации в полевых, а тем более боевых условиях. Но их все-таки приходилось применять для обеспечения связи в войсках.

С началом освобождения территории СССР резко возросла потребность в кабеле. Он требовался не только для удовлетворения потребностей армии, но и для восстанавливаемого народного хозяйства. В третьем периоде войны был восстановлен завод «Укркабель» в Киве, в Одессе – мастерская, развернутая затем в завод слаботочных проводов и шнуров, созданы кабельные заводы в Харькове, Ереване, быстро стал развиваться Подольский кабельный завод²⁵. Вместе с тем, потребность в кабеле на протяжении всей войны в значительной степени удовлетворялась за счет поставок по ленд-лизу. Количество импортного кабеля по отношению к поставкам отечественной промышленности составляло 632 %, а зарядных агрегатов и того больше – 2451 процент. В целом сведения о поступлении некоторых средств связи представлены в таблице 2²⁶.

**Сведения
о поставках средств связи по ленд-лизу**

Имущество связи	Поступило по ленд-лизу				Всего за 1942–1945гг.	Поставки отечественной промышленности
	1942	1943	1944	1945		
Радиостанции СЦР-299, 399 и 499 (у нас – РАФ)	-	139	528	717	1384	1610
Зарядные агрегаты 1,5 кВт	2766	4242	4430	2261	13699	690
Зарядные агрегаты 5 кВт	1012	1493	425	285	3215	
Телефонные аппараты всех типов (тыс.шт.)	36,5	143,7	83,2	58,4	321,7	740,1
Телефонный кабель (тыс. км)	473,7	432,2	366,8	183,2	1455,9	230,7
Телеграфная проволока	3738	5446	1480	8454	19118	29384

Всего по ленд-лизу СССР закупил около 28 тыс. радиостанций, что составляло 8,5 % от всех радиостанций (325 тыс.), выпущенных отечественной электропромышленностью²⁷. Ветераны-фронтовики до сих пор вспоминают такие известные радиостанции, как SCR-274, SCR-288, V-100, 19 МК, а также очень популярные радиоприемники AR-88, HRO, SX-28, BC-312/342 и другие. Месячный выпуск радиостанций фронтовой сети у американцев в годы войны равнялся 1000 штук (СЦР-299А), в Советском Союзе выпуск аналогичной радиостанции (РАФ) был доведен в месяц до 45 штук.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что поставляемая по ленд-лизу техника плохо обеспечивалась запасными частями и ремонтными комплектами. Не хватало сменных источников питания к полевым телефонным аппаратам ИАА-44, ЕЕ-8А, ЕЕ-8В, 2005-В, ЕЕ-108, которых за годы войны было получено всего 422 000 штук.

Недостаточными были поставки запасных комплектов радиоламп к импортным радиостанциям (SCR-284, SCR-299, SCR-399) и приемникам. Радиостанций оперативно-тактического звена (SCR-299, SCR-399, SCR-499) было поставлено в 1942–1945 гг. 1384 штук (цифры без учета потерь при транспортировке – примерно 12 %), что даже несколько ниже произведенных отечественной промышленностью радиостанций типа РАФ (1610 шт.).

США также всячески старались затягивать и срывать поставки по своим обязательствам. Американцы обязывались поставлять ежеме-

сячно 1100 радиостанций, 40 тыс. км телефонного кабеля, 12 тыс. телефонных аппаратов до полного удовлетворения потребностей фронта, но эти обязательства не выполняли. Так, в августе–сентябре 1941 г. они вместо 2200 радиостанций поставили всего 800. Частым и излюбленным приемом срыва поставок было изготовление некачественной аппаратуры²⁸.

В то же время поставки средств связи по ленд-лизу сыграли важную роль в обеспечении ими Красной Армии. По заявлению начальника Управления по соблюдению закона о ленд-лизе в США Эдварда Стеттиниуса «...важной причиной, почему Советской армии удалось сохранить хорошие коммуникации по всему фронту в 2000 миль, было то обстоятельство, что мы отправили в Россию только в 1942–1943 гг. более 180 000 полевых телефонов и свыше 670 000 миль проводов – достаточное количество, чтобы 27 раз обернуть ими Землю. ... В ответ на эту помощь Россия уже внесла свой вклад, не измеряемый ни в долларах, ни в тоннах. Это – миллионы нацистских солдат, убитых или попавших в лагерь для военнопленных; это – нацистские танки, уничтоженные в боях, и нацистские пушки и грузовики, брошенные отступающими немецкими армиями. Русские заплатили тяжкую цену за победы, одержанные в боях ради защиты родной земли от врага, но при этом они нанесли и непоправимый ущерб нацистской военной машине, значительно сократив сроки войны»²⁹.

Еще более краток был советник и помощник президента Ф.Д. Рузвельта Гарри Ллойд Гопкинс: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»³⁰.

Маршал войск связи И.Т. Пересыпкин считал проблему обеспечения войск средствами связи одной из наиболее трудных, которые пришлось решать ему и войскам связи в годы Великой Отечественной войны. И как ни трудна была эта задача, она была решена³¹.

Работа промышленности средств связи СССР в годы Великой Отечественной войны является неоценимым опытом решения сложнейших задач модернизационного характера в самых различных, а зачастую просто критических условиях военно-политической и социально-экономической обстановки. Опыт, который нельзя забывать и транжирить, если мы хотим видеть свою страну великой электронной державой. При этом следует по возможности опираться на

отечественную элементную базу. Ибо применение импортной таит в себе большие проблемы, связанные с безопасностью, защищенностью и экономией при длительной эксплуатации.

-
- ¹Военно-промышленный комплекс. Энциклопедия. Т. 1. М.: Военный парад, 2005. С. 512.
- ²РГВА. Ф. 25. Оп. 17. Д. 6. Л. 63.
- ³Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 28.
- ⁴Пролейко В.М. О значении электроники: военный аспект // Электроника: Наука, Технологии, Бизнес. 2003. № 4. С. 61.
- ⁵Громов В.Б. Мобильная связь в Великой Отечественной войне // Мобильные системы. 2005. № 5. С. 11.
- ⁶Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60р. Оп. 1. Л. 2.
- ⁷Марамзин В.А. История развития методов управления войсками в операциях Великой Отечественной войны. М.: ВАГШ ВС СССР, 1976. С. 60.
- ⁸Деятельность Коммунистической партии по развитию войск связи. Л.: ВАС, 1990. С. 166.
- ⁹Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. С. 89.
- ¹⁰ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 22. Л. 92.
- ¹¹РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 65–66; Д. 20. Л. 34–35.
- ¹²Пересыпкин И.Т. Связь СССР в Великой Отечественной войне. СПб.: Галарт, 2014. С. 144.
- ¹³РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 18. Л. 163–178.
- ¹⁴Там же. 1. Д. 33. Л. 40.
- ¹⁵ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12191. Д. 15. Л. 12.
- ¹⁶Товстуха П.П., Португальский Р.М. Управление войсками в наступлении. М.: Воениздат, 1981. С. 25.
- ¹⁷ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 669. Л. 12, 14, 17.
- ¹⁸Там же. Ф. 15а. Оп. 450. Д. 1. Л. 100–114.
- ¹⁹РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 120.
- ²⁰ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12191. Д. 15. Л. 11.
- ²¹Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. С. 92.
- ²²РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 280. Л. 129.
- ²³Пересыпкин И.Т. Связь СССР в Великой Отечественной войне. С. 114.
- ²⁴Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Л.: ВАС, 1961. С. 138.
- ²⁵История энергетической техники СССР. М.: Госэнергоиздат, 1957. Т. 2. С. 297.
- ²⁶ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12191. Д. 15. Л. 22–23.
- ²⁷Военно-технический прогресс и ВС СССР. М.: Воениздат, 1982. С. 166.
- ²⁸Там же. Ф. 71. Оп. 12173. Д. 42. Л. 93–105.
- ²⁹Стегетиниус Эдвард. Ленд-лиз – оружие победы. М.: Вече, 2000. С. 122.
- ³⁰Шервуд Роберт. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. М.: ИПЛ, 1958. С. 626
- ³¹Пересыпкин И.Т. Связь в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1973. С. 61.

Ю.С. Худяков (Новосибирск)

**РОЛЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО
ОРУЖИЯ, АРТИЛЛЕРИИ И ЗАЩИТНОГО
ВООРУЖЕНИЯ РУССКИМИ КАЗАКАМИ
В ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С СИБИРСКИМИ
ТАТАРАМИ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА
ОТРЯДА ЕРМАКА В СИБИРЬ В КОНЦЕ XVI ВЕКА***

В истории присоединения Сибири к Российскому государству было немало драматических моментов, когда участникам военных конфликтов приходилось опираться на свою военную силу. Наиболее значимые военно-исторические события в процессе присоединения западной части Сибирского региона к Российскому государству относятся ко времени похода казачьего отряда под предводительством атамана Ермака в Сибирь в конце XVI в. Основные события этого похода подробно освещены в информативных русских сибирских летописях, сохранившихся до настоящего времени в разных вариантах, и богато проиллюстрированы в Ремезовской летописи¹. Анализу исторической деятельности казачьего атамана Ермака и его сподвижников посвящены труды многих европейских и российских исследователей с конца XVII в. и вплоть до настоящего времени. В последнее время для изучения данной темы стали все более активно использоваться археологические материалы².

Среди основных задач, стоявших перед учеными – выяснение причин и обстоятельств, благодаря которым сравнительно небольшому по численности казачьему отряду, действовавшему по своей инициативе на отдаленной территории и лишенному поддержки со стороны своего государства, удалось одержать ряд значимых побед

---

*Работа выполнена по проекту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVII – XVIII вв.»

на полях сражений в борьбе с противостоящими силами сибирских татар, которые воевали на своей территории и пользовались существенной поддержкой со стороны местного тюркоязычного населения.

Европейские и российские исследователи, обращавшиеся к изучению данной темы в течение XVII–XIX вв., как правило, подчеркивали военно-техническое превосходство русских казаков и сражавшихся в составе отряда европейцев, выразившееся в обладании огнестрельным оружием, артиллерией и эффективными средствами индивидуальной металлической защиты и умелом их использовании, в то время как сибирские татарские воины имели на вооружении только холодное оружие дистанционного боя – луки и стрелы и ближнего боя – копыя и сабли.³ В записках немецкого купца Э.И. Идеса, возглавившего российское посольство в Китай в конце XVII в., говорится о помощи купца Строганова русским казакам оружием, судами, и необходимыми рабочими, которые были использованы во время похода в Сибирь. Предводителем сибирских татар в этом сочинении назван двенадцатилетний «татарский князь» Алтанай Кучумович. В этом сочинении упомянута также «тяжелая кольчуга», которая во время боя на Иртыше потянула ко дну атамана Ермака.⁴ В исследовании голландского дипломата, администратора и коммерсанта Н.К. Витсена, неоднократно изданного в конце XVII–XVIII вв., переизданном в последние годы, говорится о сибирских татарах и присоединении Сибири.⁵ В его сочинении упоминается о том, что в решающем бою с сибирским татарским войском казачий атаман «приказал стрелять только одной половине казаков, а другая должна была только заряжать ружья». В результате этого боя татарское войско потерпело поражение. В распоряжении хана Кучума было «две большие литые железные пушки, длиной в 6 футов, стрелявшие ядрами в 40 футов. Кучум приказал во время битвы зарядить их и стрелять в неприятеля, но из них не могли сделать ни одного выстрела», поэтому их пришлось сбросить в р. Иртыш. По сведениям, приведенным Н.К. Витсеном, по приказу Ермака одну из этих пушек достали из реки. Она якобы сохранялась в Тобольске до того времени, когда голландский ученый писал свое сочинение.⁶ В момент гибели атаман «имел на себе два панциря, а сверх того еще железные нарукавники», в результате чего он «как камень погрузился на дно».⁷ По мнению некоторых исследователей, эти сведения были получены Н.К. Витсеном от думного дьяка Сибирского приказа А.А. Виниуса.⁸

Среди европейцев, коснувшихся в своих записках вопроса об использовании огнестрельного оружия казаками из отряда Ермака, был участник российского посольства в Китай в начале XVIII в. англичанин Д. Белл. Его сведения во многом отличаются от исторических свидетельств русских сибирских летописей. По его мнению, Ермак отправился в Сибирь «в надежде отыскать некую необитаемую страну или по крайней мере безопасное для себя убежище».⁹ Татарский хан, узнав о появлении казачьего отряда, «собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями. Землепроходец наш имел с ними многие стычки, в которых побивал многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не знали». Он сравнил русских казаков и служилых людей с испанскими конкистадорами, а сибирских татар с американскими индейцами. По его оценке, сибирские татары, не знавшие огнестрельного оружия, страшно «испугались, увидев россиян с таковым оружием, как и мексиканские жители при наступлении испанцев в Америку».¹⁰ С утверждениями европейцев о решающем значении огнестрельного оружия в противостоянии русских казаков и сибирских татарских воинов вполне созвучна оценка, которая дана в сочинении российского историка XIX в. П.А. Слоцова, который образно назвал главное военное преимущество российских воинов «пулей из большой пищали», с помощью которой удалось покорить Сибирь.¹¹

Однако эти утверждения противоречат сведениям сибирских летописей, согласно которым военные отряды сибирских татарских воинов неоднократно сами совершали походы через Уральские горы в российские владения и вступали в военные столкновения с русскими воинами, обладавшими огнестрельным оружием. Должен был понимать значение артиллерии и хан Кучум, который приобрел в Казани две пушки.¹²

Достоверные сведения об использовании разных видов огнестрельного и холодного оружия русскими казаками и европейскими воинами из отряда Ермака и сибирскими татарами содержатся в фундаментальном труде Г.Ф. Миллера по истории Сибири.

Согласно приведенным этим исследователем сведениям, богатый купец М. Строганов предоставил отряду Ермака численностью в 5000 воинов три пушки, безоружным казакам ружья, по три фунта пороха и свинца и продукты на каждого, а также знамена с образами на группы по сто человек.¹³ В состав казачьего отряда было включено

«немец и литвы триста человек» из числа военнопленных с Ливонской войны.¹⁴ Вероятно, эти воины обладали опытом использования огнестрельного оружия. Их численность могла составлять от десятой части до половины отряда.¹⁵ В составе отряда были и «зырянские проводники» из числа коми-зырян, вероятно, хорошо знавшие Зауралье.¹⁶ Судя по описанию дальнейших событий, атаман Ермак, имевший определенный опыт борьбы с кочевниками на р. Волге, отчетливо представлял особенности военного дела сибирских татар и рассчитывал на военное преимущество своего казачьего отряда в обладании огнестрельным оружием. После занятия городка Тархан-Кала он продемонстрировал взятому в плен татарскому тархану Кутугая стрельбу из пищалей, явно стремясь произвести на него впечатление. «Он приказал при этом пяти своим лучшим стрелкам произвести выстрелы из пищалей, что весьма удивило татарина, прежде не видевшего ничего подобного». Атаман Ермак отпустил Кутугая с подарками к хану Кучуму, а тот всем рассказывал, «как в его присутствии пять казаков стреляли невидимыми стрелами» из пищалей¹⁷. Демонстрация стрельбы не только произвела устрашающее впечатление на взятого в плен Кутугая, но и имела определенные информационные последствия. Хотя хитрость Ермака, стремившегося при посредничестве Кутугая с помощью миролюбивых заверений и подарков усыпить бдительность Кучума, не удалась, побочный эффект от нее был весьма значителен, поскольку освобожденный тархан, преисполненный благодарности к Ермаку, невольно распространил своих впечатления об этом грозном оружии среди части татарского населения.

Во время продвижения казаков на стругах по сибирским рекам татары неоднократно пытались задержать их, обстреливая из луков с берегов, даже попытались натянуть поперек русла Тобола железную цепь, но все эти попытки были неудачными¹⁸. Бой у Бабасанских юрт продолжался пять дней с большим ожесточением, но татарский отряд под командованием царевича Махметкула был вынужден отступить¹⁹. Еще одна попытка задержать продвижение казаков, предпринятая татарами на Долгом яру, где татарские лучники вели обстрел с высокого и крутого берега, также не удалась, поскольку «бесчисленные стрелы, которые беспрестанно в них летели, не причинили казакам ни малейшего вреда»²⁰. На пути к Искеру отряд Ермака взял татарские городки мурз Карачи и Атика. Несмотря на численное превосходство, сибирским татарам не удалось их защитить.

В решающем сражении на Чувашском мысу татарские воины были вооружены луками и стрелами, копьями и саблями. Как уже говорилось, хан Кучум попытался применить против казаков две пушки, которые некогда привез из Казани. Однако, татарские воины не смогли сделать из них ни одного выстрела, поэтому Кучум приказал сбросить их в реку Иртыш, чтобы они не достались казакам.²¹ Помимо Кучума, две пушки были также у мурзы Бегиша. Однако в достоверности этого сообщения Г.Ф. Миллер высказал сомнение.²²

Весьма примечательны некоторые приемы ведения боя с использованием огнестрельного оружия, которые казаки применили по приказу атамана Ермака в боях против военных отрядов сибирских татар в ходе продвижения казачьего отряда вглубь Сибири. Согласно сведениям, собранным Н.К. Витсенем, во время одного из военных столкновений атаман приказал заряжать ружья только пыжами, для того, чтобы дезориентировать противника. А в следующем бою казаки, по требованию Ермака, заряжали пищали кусками железа, что значительно повысило возможность поражения живой силы противника, поскольку после стрельбы пыжами сибирские татары не ожидали такого поражающего эффекта от ружейной стрельбы. По приказу Ермака во время одного из боев боя часть русских воинов должна была заряжать пищали, а другая – вести непрерывную стрельбу по противнику²³.

Эффект ведения казаками массовой стрельбы по противнику в ходе ряда военных столкновений был весьма значителен. В ходе боя на р. Туре отряд князьца Епанчи, состоявший из татарских и вогульских (мансийских) воинов, вел обстрел казаков, передвигавшихся на стругах по воде. Однако, выпущенные с берега стрелы «причинили мало вреда казацким судам», в то время как «казацкие ружья действовали с большим успехом: одного залпа было достаточно, чтобы разогнать весь татарский и вогульский отряд».²⁴

В то же время, несмотря на свое несомненное военно-техническое превосходство, в боях с упорно сопротивлявшимися татарскими воинами казачий отряд под предводительством атамана Ермака иногда терпел неудачи. Во время его похода по Иртышу, рядом с оз. Аусаклу, он попытался взять хорошо укрепленную татарскую крепость Куллара, построенную для защиты от нападений джунгаров. По приказу Ермака казаки пытались пять дней подряд взять ее приступом, но сделать этого не удалось. Атаман был вынужден оставить свои попытки и «двинуться дальше в надежде, что на обратном пути ему удастся завоевать это укрепление».²⁵

Анализируя причины военных успехов казачьего отряда Ермака во время похода в Сибирь, необходимо подчеркнуть, что применение ручного огнестрельного оружия и, надо полагать, артиллерии сыграло в них весьма значительную роль. Хотя некоторые татарские военачальники и часть воинов были знакомы с его действием, они так и не смогли приспособиться к тому, чтобы уменьшить потери от его применения. Вероятно, существенное значение имела большая дальность стрельбы из пищалей и пушек и их большой поражающий эффект по сравнению со стрелами. Сибирские татарские лучники обладали широким набором стрел, однако большая часть из них была предназначена для поражения не защищенных металлических доспехами противников. При наличии у казаков эффективных кольчужных и панцирных доспехов они надежно защищали их от обстрелов со стороны сибирских татарских лучников. В наборе средств ведения дистанционного боя у татарских воинов были и стрелы с бронебойными наконечниками²⁶. Но, очевидно, они не сыграли сколько-нибудь значительной роли в ходе военных действий ввиду недостаточной дальности луков. Судя по изображениям на миниатюрах «Ремезовской летописи», на вооружении у сибирских татарских воинов, помимо луков, были и пращи.²⁷ Однако, возможность эффективного использования этого вида оружия в противостоянии с хорошо вооруженным и оснащенным кольчужными и панцирными доспехами противником достаточно невелика.

Вероятно, определенную роль в успешном ведении военных действий против сибирских татар сыграл большой опыт атамана Ермака, атаманов и казаков из его отряда, который был накоплен ими во время предшествующей борьбы с кочевниками на р. Волге. Они были хорошо знакомы с тактикой кочевников и научились успешно им противостоять. Надо полагать, что военные успехи небольшого казачьего отряда объяснялись и разной мотивацией противоборствующих сторон. Известно, что многие казаки неоднократно выступали за возвращение в Московское царство, однако атаманы опасались репрессий со стороны царских властей и упорно продолжали военные действия, пока не добились победы в решающем бою и взяли ханскую столицу Искер. Из некоторых источников известно, что Ермак первоначально не хотел обращаться к царю, он был вынужден это сделать только тогда, когда убедился, что с оставшейся группой казаков не удастся сохранить свою власть на завоеванных землях.

Татарские военачальники и воины, несмотря на ряд своих преимуществ, в том числе большого численного превосходства и хорошего знания своих родных мест, где происходили военные действия, не смогли в должной мере приспособиться к условиям борьбы против русских казаков. Они предпочитали воевать, рассчитывая в основном на свое численное превосходство, атакуя противника в конном рассыпном строю, и несли большие потери от стрельбы из пищалей. Отдельные успехи татарских воинов в ходе военных действий были связаны со внезапностью нападения или обороной хорошо укрепленных фортификационных сооружений. Хотя иногда им удавалось захватывать у казаков пищали, нет сведений о попытках освоения и использования такого оружия. Не освоили они его и в дальнейшей борьбе за восстановление Сибирского татарского ханства, затянувшейся на многие десятилетия.

---

¹Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 1–46, 105–10, 312–366, 403–455, 458–611.

²Матвеева Н.П., Аношко О.М. Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения // Присоединение Сибири к России: Новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень, 2014. С. 16–24.

³Зиннер Э. П. Сибирь в записках западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 16–23, 41–42, 45–48, 115.

⁴Идес И. Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 82–83.

⁵Витсен Н. Северная и Восточная Татария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Изд-во Pegasus, 2010. Т. II. С. 623–1225.

⁶Зиннер Э. П. Указ.соч. С. 20.

⁷Там же. С. 22.

⁸Там же. С. 23.

⁹Там же. С. 46.

¹⁰Там же. С. 47.

¹¹Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995. С. 89.

¹²Сибирские летописи. С. 20, 130, 199, 246, 278, 330.

¹³Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд. дополненное. М., 1999. С. 212.

¹⁴Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 49.

¹⁵Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982; С. 139, 145. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. С. 189.

¹⁶Миллер Г.Ф. Указ.соч. С. 220.

¹⁷Там же. С. 217.

¹⁸Там же. С. 218.

¹⁹Там же. С. 220–221.

²⁰Там же. С. 221.

²¹Там же. С. 225.

²²Там же. С. 254.

²³Зиннер Э.П. Указ.соч. С. 19–20.

²⁴Миллер Г.Ф. Указ.соч. С. 216.

²⁵Там же. С. 255.

²⁶Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 242.

²⁷Сибирские летописи. С. 472–474, 492, 495.

Д.Г. Целорунго (п. Бородинское поле, Московская обл.)

СРАЖЕНИЯ ПРИ НОЖАН-СЮР-СЕНЕ И МОРМАНЕ В ФЕВРАЛЕ 1814 Г. – ЭТАПЫ ТЕРНИСТОГО ПУТИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В ПАРИЖ

В конце января 1814 г. для союзников путь на Париж оказался открытым, каких-нибудь 150–200 км отделяли их от Парижа. 21 января (2 февраля) Военный совет союзников в Бриенн-ле-Шато постановил начать наступление на Париж по двум направлениям: Богемская армия – главнокомандующий фельдмаршал К.Ф. Шварценберг – по долине р. Сены, Силезская армия – главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г.Л. Блюхер – по долине р. Марна.

Известно, что русский контингент, входивший в состав Богемской армии, состоял из 6-го пехотного корпуса под командованием генерала-от-кавалерии П.Х. Витгенштейна, который состоял, в свою очередь, из 1-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта А.И. Горчакова, 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Е. Вюртембергского и кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. П. Палена 3-го. Корпус насчитывал 33 батальона, 27 эскадронов, 6 казачьих полков и 56 орудий. Причем в документах неофициально 6-й корпус часто назывался армией.

Для Силезской армии наступление на Париж не задалось с самого начала. Так, 29 января (10 февраля) при Шампобер был разгромлен корпус генерал-лейтенанта З.Д. Олсуфьева (3,5 тыс. человек), 30 января (11 февраля) русский корпус генерал-лейтенанта Ф.В. Остен-Сакена (14 тыс. человек) потерпел тяжелое поражение при Монмирайе, затем последовало поражение союзников у Шато-Тьерри 31 января (12 февраля) с потерей около 3 тыс. человек. 2 (14) февраля под Вошаном два корпуса Силезской армии потерпели очередное поражение с большими потерями, составлявшими от 6 до 7 тыс. человек. Следует отметить, что во всех вышеперечисленных битвах

в литературе потери французов показываются примерно на порядок ниже, чем у союзников. Череда сражений французских войск против Силезской армии впоследствии будет названа «шестидневной кампанией Наполеона». Союзники в общей сложности за эту «шестидневную кампанию» потеряли 15–18 тыс. человек (почти треть Силезской армии), до 50 орудий и значительную часть обозов. За шесть дней было захвачено в плен четыре русских генерала, для сравнения – за весь 1812 г. французы взяли в бою лишь двух израненных русских генералов¹.

К. Шварценберг, воспользовавшись тем, что Наполеон с главными силами напал на Силезскую армию, решил перейти в наступление, с целью отбросить французскую армию за Сену и попытаться продвинуться к Парижу. На пути у него стоял наскоро укрепленный противником город Ножан-сюр-Сен (Ножан-на-Сене), который располагался в 110 км к юго-востоку от Парижа. В городе находился французский гарнизон под командованием бригадного генерала Л.О. Бурмона де Гэна, он состоял из 18-го линейного, 11-го и 29-го легких полков и 200 драгун, всего около 1,2 тыс. человек. Также перед К. Шварценбергом стояла задача занять в окрестностях все мосты через Сену и тем самым расчистить себе путь на Париж, а заодно своим наступлением отвлечь Наполеона от Силезской армии.

Еще 28 января (9 февраля) авангард генерала Палена отбросил передовые войска маршала Виктора от Ромилли, а австрийская дивизия фельдмаршал-лейтенанта И. А. Гардегга-Глауу унд им Макланде (Хардеггге), двигавшаяся по дороге из Труа, опрокинула неприятеля и достигла Сен-Мартена и вошла в связь с войсками Палена. 29 января (10 февраля) войска маршала Виктора были оттеснены совместными действиями войск П.П. Палена и Гардегга на правую сторону р. Сены от Шато Ла-Шапель, которое находилось в полутора-двух километрах от Ножан-сюр-Сен.

30 января (11 февраля) К. Шварценберг продолжил наступление по левому берегу Сены и одновременно приказал Палену и Хардеггге захватить Ножан-сюр-Сен. В распоряжении генерала Палена в этот день состояли Эстляндский пехотный, 4-й, 25-й, 34-й егерские полки и Чугуевский уланский полк, всего 5 полков. У Хардеггге было три пехотных батальона, один егерский батальон, два уланских эскадрона и одна конная батарея. Всего 30 января союзники на штурм города бросили примерно 2,5 тыс. человек.

В 9 ч утра союзники силами русских полков при поддержке австрийской артиллерии, оставив кавалерию в резерве, предприняли первый штурм города, который был отбит. Второй штурм начался около полудня, русские полки подкрепили австрийские батальоны, штурм Ножана-сюр-Сен продолжился до самой ночи, но союзники смогли захватить и удержать лишь небольшое количество домов на окраине города. Штурмующие и обороняющиеся несли большие потери, в числе убитых оказался командир 25-го егерского полка полковник Ветошкин. Генерал Л. Бурмон получил тяжелое ранение в колено и передал командование гарнизоном полковнику 18-го линейного полка Т. Вуаролю.

Убедившись в невозможности взять Ножан лобовыми атаками, союзники решили 31 января (12 февраля) силами войск 5-го австро-баварского и 6-го русского корпусов произвести охватывающие Ножан маневры, угрожая тылам Виктора. Генерал Пален остался у Ножан-сюр-Сен, получив себе в подкрепление Тобольский и Минский пехотные полки. Войскам, собранным у Ножана, было приказано только удерживать захваченные позиции и вести перестрелку с противником. 31 января (12 февраля) войска 5-го корпуса генерала К. Вреде двинулись к Брэ-сюр-Сен, который в тот же день был захвачен, причем союзники овладели там мостом через Сену. В этот же день главным силам 6-го русского корпуса также удалось переправиться на правый берег Сены по наведенному плавучему мосту у г. Пон-сюр-Сен. Тем самым французский гарнизон в Ножан-сюр-Сен оказался под угрозой окружения и был вынужден в 18 ч оставить город. При отступлении французы взорвали 2 арки моста, затем остатки французского гарнизона присоединились ко 2-му армейскому корпусу. 1 (13) февраля войска Виктора отступили к Провену.

В литературе приводятся французские потери при обороне Ножана в 400 человек, а потери атакующей стороны в 1 тыс. человек, из которых около 800 русских воинов. В своем исследовании М.Б. Богданович писал, что трехдневная оборона Ножан-сюр-Сен стоила французам 400 человек, а союзникам, по крайней мере, втрое больше².

Тем не менее мы располагаем архивными данными о потерях русских войск при Ножане, которые вдвое ниже приводящихся в литературе. Так, по архивным данным, русские потеряли за три дня убитыми, ранеными и пропавшими без вести 399 человек (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Ведомость 2-го пехотного корпуса об убитых раненых
и без вести пропавших штаб- обер-офицерах и нижних
воинских чинах в полках 4-й пехотной дивизии 29–31 января
(10–12 февраля н. ст.) 1814 г. ³**

Даты боев	Убито						Ранено					Без вести пропали					Всего			
	1*	2*	3*	4*	5*	Итого	1	2	3	4	5	Итого	1	2	3	4		5	Итого	
29 января при Шато Ла-Шапель		3		1	11	15	1	3	4	1	53	62					10	10	87	
30 января Ножан	1	2	2		29	34	7	7	5	154	173						17	17	224	
31 января Ножан		1	1		14	16	1		1	1	59	62			1			9	10	88
30-31 января	1	3	3	0	43	50	1	7	8	6	213	235	-	-	1	-	36	37	312	

*) Расшифровка: 1 штаб-офицеры, 2 обер-офицеры, 3 унтер-офицеры, 4 музыканты, 6 рядовые.

После сражения за Ножан, казалось бы, путь на Париж для Богемской армии стал открыт, но вместе с тем ее войска были разбросаны на большом пространстве от Мери до Фонтенебло на сто и от Нанжи до Сан – на семьдесят верст и были столь же мало готовы к наступлению, сколь и к обороне⁴.

Тем временем, Наполеон, сильно потрепав Силезскую армию и устранив опасность наступления союзников на Париж в долине Марны, решил противодействовать наступлению Богемской армии в долине Сены на свою столицу. Весть о потере Ножана и об отступлении Виктора к Провену весьма его обеспокоила. 3 (15) февраля он двинулся с гвардией и с частью кавалерии 2-го корпуса, всего 12 тыс. человек, от Монмираля по дороге в Мо. 4 (15) февраля Наполеон занимает позицию при Гинь, перекрывая противнику дорогу на Париж. В течение ночи к нему в Гинь прибывают новые войска и на утро 5 (16) февраля у Наполеона там было собрано около 47 тыс. человек войск⁵.

В это время авангард 6-го корпуса под командованием генерала Палена занимает позицию на парижской дороге у деревни Морман, что в 8 км от Гинь. Авангард 6-го пехотного корпуса под командованием генерала Палена на 4 (16) февраля 1814 г. состоял из трех пехотных, одного егерского, четырех кавалерийских, двух казачьих полков, одной конной роты и двух орудий батарейной роты № 33. Всего в арьергарде состояло менее 4 тыс. человек⁶.

У Палена и Витгенштейна, чья штаб-квартира находилась в Провене в 40 км от Мормана, на этот момент не было никаких сведений о расположении сил Наполеона в долине Сены. Тем ни менее

Витгенштейн со своими главными силами выступил было из Провена на Нанжи, чтобы сблизиться со своим авангардом, в тщеславной надежде первым вступить в Париж. Тем временем ему приходят от Палена тревожные донесения, что по сведениям, полученным им от пленных, сам Наполеон присутствует в Гине и готов его атаковать. Витгенштейн не поверил этим сообщениям и никаких новых распоряжений Палену не отдал. Читая рапорт Палена, он полагал опасения его преувеличенными и даже с иронией заметил: «Кажется, граф Пален заразился австрийским духом!»⁷

Поздним вечером 4 (16) февраля к деревне Морман подошли передовые французские отряды, желая узнать, не ушли ли из деревни русские, но, встреченные картечным огнем, ушли восвояси. Всю ночь отряд Палена, не покидая позиций при Морман, простоял под ружьем.

В ночь с 4 на 5 (16–17) февраля Витгенштейн получает приказы от Шварценберга, затем и от самого Александра вернуться в Провен. Он вынужден отдать приказ своим войскам вернуться в Провен, а сам следует к Морман и через некоторое время становится со своим начальником штаба генерал-лейтенантом Ф.Ф.Довре свидетелем катастрофы, постигшей его авангард при Мормане. Причем Пален даже не был предупрежден Витгенштейном об отходе основных сил его корпуса к Провену.

Сражение началось утром 5 (17) февраля (рис. 1). Главные силы неприятеля, возглавляемые Наполеоном, в числе 47 тыс. человек пошли на русский арьергард; в голове его войск шли два корпуса: Виктора и Жерара и кавалерия Мильго и Келлермана в числе 18 тыс. человек⁸. Генерал Пален, как только заметил подавляющее численное превосходство наступающего противника, отдал своим войскам приказ отступать по большой дороге в направлении Нанжи, где находился небольшой авангард 5-го австро-баварского корпуса генерала К. Вреде, который, впрочем, к тому времени уже получил приказ не ввязываться в бой и отступать. Французы быстро заняли Морман. Отступающий русский отряд вскоре настигла значительная неприятельская кавалерия. Генерал Пален построил свою пехоту в несколько каре, пытаясь отбиться от многочисленной вражеской кавалерии. Поначалу это русской пехоте удавалось. Тогда Наполеон приказал громить русские каре огнем 36 гвардейских орудий, кавалерия неприятеля пополнялась новыми частями. Положение для Палена становилось безнадежным. Австрийцы, стоявшие в нескольких

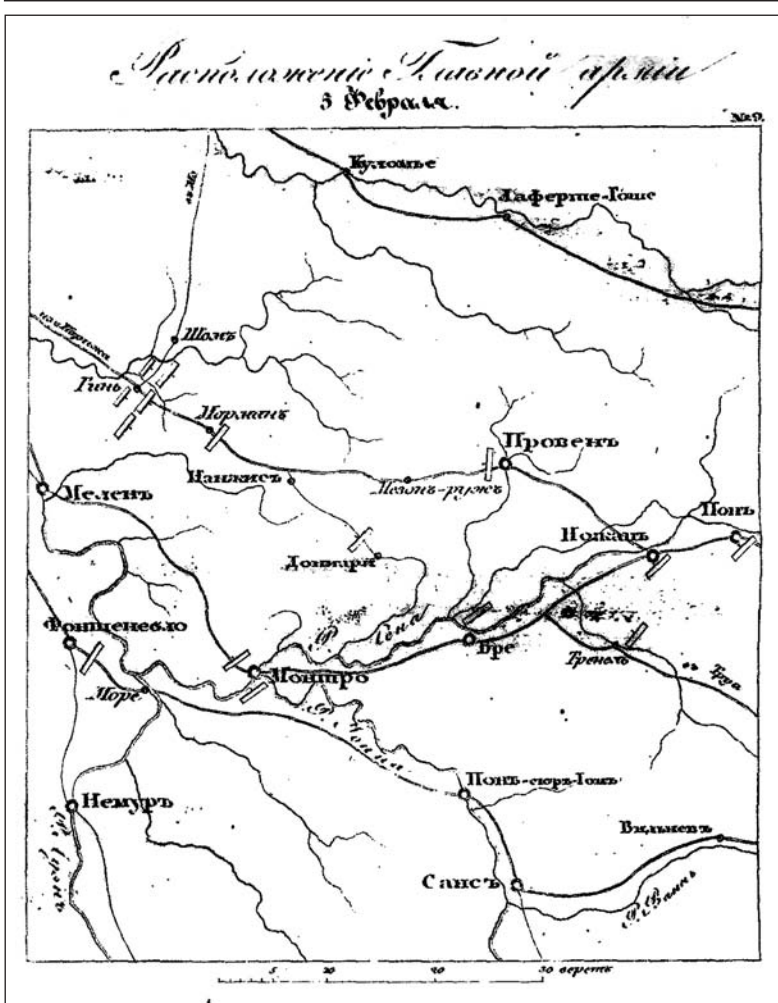

Рис.1. Расположение Богемской армии 5 (17) февраля 1814 г.

километрах у Нанжи, отказались оказать помощь русским. Исход боя был predetermined: близ Нанжи французам удалось разбить русские каре, пехота пытались спастись бегством и укрыться в ближайшем лесу, но тщетно. Генерал Пален потерял более половины своего личного состава убитыми, ранеными и пропавшими без вести (см. таблицу 2). Только Селенгинский и Ревельский пехотные полки по-

теряли 1359 офицеров и солдат, преимущественно пленными, а всего 2 114 человек и десять из четырнадцати орудий⁹. Причем, все раненые из состава войск авангарда по случаю поспешного отступления остались у неприятеля¹⁰. Досталось и австрийцам, два их кавалерийских полка из аррьергарда 5-го корпуса были настигнуты у входа в нанжисский лес и атакованы кавалерией генерала Пире, потерпев значительный урон¹¹. Если можно верить показаниям французских писателей, союзники потеряли в сей день более 3 тыс. человек и 14 орудий. А войска наполеоновы только 800 человек¹².

Таблица 2

**Ведомость убитых, раненных, без вести пропавших
в полках кавалерии, пехоты и артиллерии
генерал-лейтенанта Палена 3-го¹³**

Воинские части	Убито					Итого	Ранено					Итого	Без вести пропали					Итого	Всего
	1*	2	3	4	5		1*	2	3	4	5		1*	2	3	4	5		
4 февраля 2014 г.																			
Сумской гусарский (2 эск.)							2			11	13							13	
Гродненский гусарский			1		7	8		4		19	23			1			1	2	33***
Ольвиопольский гусарский					1	1	1			3	4								5
Донской Ребрикова 3-го										4	4								4
5 февраля 2014 г.																			
Гродненский гусарский													1	1			5	7	7
Ольвиопольский гусарский					9	9		1		15	16			2			16	17	
Чугуевский уланский					1	1		3		22	25		2	4			36	42	68
Донской Иловайского 12-го					3	3							1	1			23	28	51
Донской Ребрикова 3-го (ополченческий)		2				2				6	6			1			7	8	15
Пехота и артиллерия																			
Селенгинский** пехотный																			
Ревельский пехотный												1	11	35	23	702	772	772	
Эстляндский пехотный			2	3	15	20	4	6	9	68	87		6	14	16	205	241	348	
25-й егерский					8	8	2	3	4	47	56	3	6	12	10	193	224	288	
Конная рота № 23			3		20	23	2	6		28	36					44	44	103	
Батарейная рота № 33 (2 орудия)					3	3				10	10								13

* Расшифровка: 1 штаб-офицеры, 2 обер-офицеры, 3 унтер-офицеры, 4 музыканты, 6 рядовые.

** Данные в ведомости отсутствуют.

***В ведомости указано 34.

От Нанжи кавалерии авангарда Палена удалось отступить с боями через Провен к Ножан-сюр-Сен. Сильное преследование ее французами прекратилось только у Мезон-Руж, что на полпути от Нанжи к Провену¹⁴.

Таблица 3

**Ведомость о выпущенных зарядах и отбитии неприятелем
в конной роте № 23 и батарейной роте № 33**

	Боеприпасы							
	Ядра 12 фунтовые	Бранкугели 12 фунт.	Картель 12 фунт.	Гранаты 12 фунтовые	Бранкугели 12 фунтовые	Ядра 6 фунт.	Картель 12 фунт.	Картель 6 фунт.
	меньшей пропорции	меньшей пропорции	меньшей пропорции					
Конная рота № 23				270	30	240	120	90
Батарейная рота №33 (2 орудия)	80	10	30					

Утрачено артиллерии при ретираде из Нанжи: конная рота № 23: единорогов – 6, пушек – 3, зарядных ящиков для единорогов – 6, пушек – 6, запасных лафетов – 2, письменный ящик без денег со всеми документами – 1; батарейная рота № 33 (2 орудия): пушка 12- фунтовая меньшей пропорции – 1, зарядный ящик меньшей пропорции – 3¹⁵.

Шварценберг изъявил Витгенштейну неудовольствие за то, что тот в нарушение приказа двинулся в сторону Парижа, на Нанжи и Морман, а не оставался, как это было предписано диспозицией, в Провене, угрожая флангу Наполеона, когда тот действовал против Блюхера. Шварценберг также пожаловался Александру на произвольные и несообразные его приказанием действия Витгенштейна, тот получил выговор от государя за то, что самовольно открыл правый фланг и за несогласованность в совместных действиях с союзниками¹⁶. Правда, Витгенштейн за свою неудачную инициативу отделался лишь выговором от Александра.

Сражение при Мормане наглядно показало основные проблемы союзников в зимний период кампании. С другой стороны, сражение при Ножан-сюр-Сене являлось примером того, как надо действовать, чтобы победить сильного и искусного противника. В первом случае, прежде всего, имела место явная несогласованность в действиях союзников, усугубившаяся самоуправством, авантюризмом и беспеч-

ностью командира русского корпуса, все это вместе привело к тяжелому поражению. Во втором случае, прежде всего согласованные действия союзников с нужной предусмотрительностью и проявление военного искусства в планировании операции привели к победе при минимально возможных потерях.

---

¹Безотосный В.М. Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. М., 2012. С. 531.

²Богданович М.Б. История войны 1814 года во Франции. Т. I. СПб., 1865. С. 155.

³РГВИА. Ф. 208 в, св. 57. Д. 20. Лл. 9, 22.

⁴Богданович М.Б. Указ. соч. С. 225.

⁵Там же. С. 229.

⁶РГВИА. Ф. 208 в, св. 57. Д. 20. Л. 30.

⁷Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Франции в 1814 году. Т. VII. СПб., 1849. С. 106.

⁸Богданович М.Б. Указ. соч. С. 230.

⁹Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 108.

¹⁰РГВИА. Ф. 208 в, св. 57. Д. 20. Л. 30.

¹¹Богданович М.Б. Указ. соч. С. 231.

¹²Там же. С. 233–234.

¹³РГВИА. Ф. 208 в, св. 57. Д. 20. Л. 30.

¹⁴Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 108.

¹⁵РГВИА. Ф. 208 в, св. 57. Д. 20. Л. 14–14 об.

¹⁶Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 106–107.

Томаш Цесельски (Ополе, Польша)

**БАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ НА ПОДОЛИИ
И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСКИ КОМЕНДАНТА
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ
ИОСИФА ДЕ ВИТТЕ (ЗИМА 1768–ЛЕТО 1769 Г.)**

Наиболее важным польским оборонительным объектом на границе с Османской империей и ее вассалами была в XVI–XVIII вв. крепость в Каменец-Подольском. Ее оборонительная система состояла из городских укреплений и комплекса замков. Однако прежде всего город охраняло его расположение на уступе, окруженном глубоким каньоном реки Смотрич, а также построенные в XV и XVI вв. башни и небольшие учатки оборонительных стен. Второй оборонительный комплекс создавали Старый и Новый замки. Старый замок возник еще во второй половине XIV в., а в первой половине XVI в. был усилен укреплениями бастейного типа. Новый замок – это прилегающий с северо-западной стороны к Старому горнверк, насыпанный в 1618 или 1621 г. Военный опыт 1672–1699 гг. способствовал тому, что в 1704 г. вновь начали расширять каменецкие оборонительные сооружения. Работы эти производились до 1790 г.¹ Главной их целью была постройка укреплений, защищающих город по всей окрестности, а равно модернизация системы артиллерийского обстрела наиболее близкого предполья крепости. Однако в 1717–1790 гг. из бюджета Речи Посполитой на фортификационные работы в Каменце удалось выделить едва 150 000 талеров, что позволило только частично модернизировать оба замка, главным образом Старый, который снабдили новыми крепостными стенами с 10 артиллерийскими постами и достроенной с южной стороны артиллерийской батареей Св. Урсулы. В городе отреставрировали Русские и Польские ворота и башню Батория, возвели километр оборонительных стен, а также построили 9 редутов и артиллерийских батарей, еще две полностью перестроили. Наибольшим капиталовложением было завершение в 1753 г. строительства (длившегося 30 лет) большой батареи Святой

Девы Марии, которая предохраняла город со стороны крепостного моста. Под ней находились главный пороховой склад и арсенал. После расширения городские укрепления состояли из оборонительных стен длиной около 2 км, 4 обширных ворот, 18 башен, бастиона и 18 артиллерийских батарей. Кроме фортификационных сооружений, элементами, показывающими возможности обороны крепости, были: оснащенность артиллерией и другим военным снаряжением, снабжение боевыми припасами и запасами продовольствия, постоянный и многочисленный гарнизон, обеспеченный приличными условиями быта. В Каменце, в сравнении с остальными элементами, в несколько лучшем состоянии была артиллерия, но только в отношении количества снаряжения, так как в 60-е гг. XVIII в. в крепости находилось 205 пушек и мортир. Решительно доминировали артиллерийские стволы малых и средних калибров, к которым относилось 86% таковых. Вторым недостатком было то, что около 50 % орудий приходилось на железные, характеризующиеся малой скорострельностью. Третьим – плохое техническое состояние большинства орудий, которые постоянно находились на артиллерийских батареях и были подвергнуты разрушительному воздействию атмосферных условий. Четвертым недостатком была нехватка боеприпасов, прежде всего пороха, запаса которого в 60-е годы XVIII в. хватало едва на несколько часов оборонительных действий. В крепости не доставало также провианта. Собрать запас такового в крепости не представлялось возможным ввиду недостатка складов, поэтому гарнизон был зависим от доставок из города. Вдобавок в городе были расквартированы почти все солдаты, а в мирный период их насчитывалось 600–800. В период военной угрозы гарнизон увеличивался до более 2000 пехотинцев и артиллеристов, кроме того, крепость охранял небольшой отряд кавалерии².

Вследствие этого по техническим данным, артиллерийскому обеспечению и численности гарнизона Каменец-Подольский не выполнял требований, предъявляемых к крепостям в восемнадцатом веке. Вдобавок большим недостатком было так восхищавшее в минувших столетиях местоположение города. Над наиболее сильными элементами крепости, какими были замки, с одной стороны возвышался город, а с другой (западной) – холмы, с которых можно было вести эффективный обстрел из современных осадных орудий. Грозил это скорым разрушением крепостных укреплений и гибелью гарнизона крепости. Замечая эти недостатки, командир польской артиллерии Фредерик фон Брюль назвал в 1778 г. Каменец-Подольский «одной из наиболее нищенских крепостенок в Европе»³.

Каменецкая крепость не могла рассчитывать на содействие со стороны других крепостей, так как таковых в Подолии, как и во

всей юго-восточной Речи Посполитой, просто не было. Построенная на рубеже 1692 и 1693 г. на скалистом выступе в междуречье Днестра и Збруча крепость Окопы Святой Троицы никогда не была оснащена сильной артиллерией и снабжена многочисленным гарнизоном. Имела при этом очень скромные и достаточно анахроничные для XVIII в. укрепления, которые вдобавок, из-за отсутствия соответствующей консервации, разрушились до такой степени, что в 1768 г. крепость была признана «главным образом разрушенной», из нее был выведен весь гарнизон и вся артиллерия⁴. В результате был полностью демилитаризован объект, который с достаточной чрезмерностью называли крепостью, так как в действительности он был фортом или только военным сторожевым пунктом, охраняющим границу. Главным польским военным пограничным оборонительным объектом в середине XVIII в. оставался Жванец, из-за своего положения при удобной переправе через Днестр, а также близкого соседства с наиболее важной османской крепостью в регионе – Хотиним. В Жванце находился частный замок с бастионными укреплениями, но с ничтожным оборонительным потенциалом. Однако, прежде всего, там постоянно квартировал только немногочисленный кавалерийский отряд. Была это, впрочем, вторая по численности военная группировка после каменецкой, так как в Подольском и Брацлавском воеводствах в мирное время несла службу только небольшая часть польской кавалерии. В 1763 г. здесь было 19 хоругвей, то есть около 650 солдат, задачей которых была защита длинной пограничной линии и общественного порядка на всей территории Подолии и большей части Брацлавщины⁵. Это увеличивало значение Каменца-Подольского, его гарнизона и командующего крепостью коменданта в отношении защиты не только границы, но и в целом юго-западных земель Речи Посполитой.

Коменданту крепости подчинялись все отряды, входящие в состав гарнизона, вне зависимости от рода оружия, то есть пехота, драгуны и артиллерия, а также небольшой отряд кавалерии. Комендант имел полную власть командования и поддержания дисциплины среди всех солдат. Его полномочия в отношении гражданского населения были ограничены сферой, связанной с нуждами крепости по военной, полицейской и противопожарной функциям. В обязанности комендантов обычно входили: забота о состоянии укреплений крепости и всего ее военного оснащения, запасов боеприпасов и продовольствия; содержание гарнизона соответствующей численности и боевой готовности; надзор за исполнением караульной и патрульной службы; выработка оборонительных планов; и прежде всего охрана крепости от нападения «злых людей». В случае каменецкого коменданта, официально называемого «комендантом подольских и укра-

инских пограничных крепостей», границы власти были расширены ввиду обязанности охраны немногочисленных государственных фортификационных объектов, а оттого и всей пространной приграничной зоны. Не удивительно поэтому, что каменецкие коменданты пристально наблюдали за событиями, происходившими в соседних государствах, равно как на Подолии и во всей Украине⁶. Начиная от зимы 1768 г., прежде всего внутренние дела привлекали внимание каменецкого военного руководства, что было вызвано взрывом Барской конфедерации. К зиме 1769 г. основные вооруженные столкновения повстанцев с польским войском, оставшимся верным королю Станиславу Августу, а прежде всего – с российскими войсками, происходили на подольских землях. Более того, с весны 1768 г. конфедераты действовали в непосредственной близости от Каменца-Подольского. Каменецкий гарнизон в это горячее время соблюдал верность королю, что в значительной степени было заслугой двух очередных комендантов крепости. Однако последние не могли вполне доверять горожанам, а главное – своим офицерам и солдатам, многие из которых симпатизировали конфедерации. В этом убедился генерал Михал Кучинский, который зимой 1768 г. раскрыл заговор в гарнизоне и наказал подозреваемых в участии в таковом офицеров и солдат, затем же, опасаясь последствий разгоревшейся Барской конфедерации, попросил об освобождении его от обязанностей коменданта. Военная комиссия, командующая коронной армией, приняла его отставку и поручила исполнение обязанностей коменданта крепости генералу Яну де Витте⁷.

В 1768 г. Ян де Витте был офицером, имеющим более чем сорокалетний стаж службы. Родился в конце первой декады XVIII в. – в 1707 г. или 1709 г., а его предки по мужской линии происходили из Голландии⁸. В 1726 г. Ян Витте начал службу в коронной артиллерии, первоначально кадетом, а в 1731 г. стал штык-юнкером, то есть хорунжим. С самого начала службы выделялся он особыми усердием в отношении ее исполнения и значительными инженерными знаниями. Убедительно свидетельствует об этом факт, что во время подготовки каменецкой крепости к военным действиям в 1734 г., хотя был тогда Витте молодым по возрасту и стажу офицером, однако именно ему доверили задание изучения состояния фортификационных объектов, а затем надзор над производством строительных работ. Справился с заданием отлично, что принесло ему производство в лейтенанты в 1734 г. и капитаны в 1735 г. Но очередное звание майора пришлось подождать более 15 лет, а затем был произведен в подполковники (1754) и в полковники (1762). Генерал-майором коронной армии стал 18 июня 1767 г. На протяжении всего этого времени нес службу в коронной артиллерии и в гарнизоне каменецкой крепости. В течение

многих лет надзирал различные фортификационные работы в Каменце. Его инженерные знания были использованы также при строительстве объектов, не имеющих военного характера. Создал проект и руководил строительными работами в Доминиканском костеле во Львове, а также при строительстве и ремонте других гражданских сооружений, главным образом сакральных, в Каменец-Подольском и Бердичеве. Специализировался также в картографии и геодезии. В течение полтора десятилетия собирал необходимые материалы и в начале 1758 г. окончил работу над картой Подолии и Украины, которая представляла собой продолжение дела, начатого Бопланом⁹. Командиром военного отряда впервые Витте стал только в 1763 г., когда после ухода из военной службы генерала Христиана Дальке принял командование отрядом коронной артиллерии, квартирующим тогда в Каменец-Подольском и, ввиду звания, по старшинству был неформальным заместителем генерала Михала Кучинского.

Обязанности коменданта Каменца Витте принял в начале апреля 1768 г. и быстро показал себя компетентным командиром крепости и ее гарнизона. Это было оценено королем и наивысшим военным руководством, потому что Ян Витте командовал в Каменце до своей смерти 22 декабря 1785 г. Особенно трудными для него были первые три года, когда вынужден был преодолевать трудности, связанные с плохим состоянием крепостных укреплений, недостатком солдат, боеприпасов и продовольствия. В это же время на Подолии продолжались борьба с конфедератами, а затем вспыхнула турецко-русско-австрийская война.

Уже в одном из своих первых рапортов от 9 апреля 1768 г., адресованном Военной комиссии, Витте доносил о нехватке исполняющих караульную службу офицеров, в то время когда на Подолии действовали конфедераты, собиравшие в замках и поместьях людей и оружие. Верная королю польская армия, руководимая коронным чашником и региментарием Подольской «дивизии» Тадеушем Дзедушицким, региментарием и генералом Франциском Ксаверием Браницким, находилась в трех милях от Каменца, но к западу от крепости, то есть на противоположной стороне, чем силы конфедерации¹⁰. Через три дня, 12 апреля Витте распорядился произвести в крепости и городе военные приготовления, а мещанам запретил поддерживать контакты с «барцами»¹¹. Через месяц, 12 мая сделал распоряжения, определявшие принципы поведения гарнизона и мещан в случае атаки конфедератов на крепость¹². Однако Витте избегал ситуаций, раздражавших последних, и двух схваченных в апреле 1768 г. конфедератов велел отпустить на свободу, забрав у них только оружие. На протяжении следующих десяти месяцев он опасался не столько атаки со стороны барских конфедератов, сколько предпринятой их

отрядами блокады крепости, которая могла бы затруднить привоз продовольствия, боевых припасов, а прежде всего необходимых для содержания гарнизона денег. Тем более что с весны 1768 г. конфедераты «блуждали» под Каменцем, собирая провиант, а также склоняя небогатую шляхту к вступлению в свои ряды¹³. Каменецкий комендант понимал, что не может слишком рассчитывать на помощь со стороны Дзедушицкого или Браницкого, так как те сами ожидали поддержки от каменецкой крепости в виде солдат и артиллерийского снаряжения. Витте последовательно отказывался слать солдат, так как это могло ослабить гарнизон даже на $\frac{1}{5}$, а также добивался возвращения достаточно случайно посланных 2 маленьких мортир и 2 тройных фальконетов, предлагая в обмен прислать 2 «пригодных для кавалерии» легких короткоствольных, называемых «Езуитками». Просил также региментариев об охране путей, ведущих к Каменцу, и о предоставлении дополнительного кавалерийского отряда для охраны крепостного предполья. Витте удалось убедить командиров полевых группировок в своей правоте, но все равно он был вынужден послать Браницкому 42 солдата, дождавшись взамен только отряда легкой кавалерии, насчитывающего 20 солдат, которым к тому же не было выплачено жалование. Вдобавок из-за отсутствия фуража для лошадей Подолию оставила Подольская «дивизия» Дзедушицкого, которая отступила на Покутье, отдаляясь на расстояние около 200 км от Каменца. Вскоре над Днестром недалеко от деревни Ушаецк она была захвачена конфедератами¹⁴.

Не имея возможности рассчитывать на значительную помощь со стороны польской армии, Витте начал искать ее у командиров действующих на Подолии российских отрядов – первоначально только в деле конвоирования поставок боеприпасов в районы, из которых в Каменец могла их доставить уже польская армия¹⁵. Однако, когда в мае 1768 г. на Подолию прибыл сильный отряд конфедератов под предводительством Иоахима Карла Потоцкого, который подошел непосредственно к крепости и напал на прилегающие к ней фольварки, Витте в письме к Военной комиссии от 27 мая 1768 г. сигнализировал, что может рассчитывать только на помощь российских «вспомогательных» войск. Просил также, чтобы русские вернули в Каменец артиллерийское вооружение, которое добыли в столкновении под Подгайцами (разбили отряд конфедератов, в состав которого входила Подольская «дивизия»)¹⁶. Через несколько дней, 5 июня под Каменец прибыл российский корпус, который расквартировался в Горынине и Должке. По требованию командующего им генерал-майора Петра Апраксина 6 июня 1768 г. Витте выслал на переговоры полковника Мацея Ганицкого и своего сына капитана Иосифа Витте. Они сообщили российскому командиру, что каменецкая кре-

пость соблюла верность королю Станиславу Августу и в ней была оглашена декларация Екатерины II по восстановлению спокойствия в Речи Посполитой. В этой связи просили о содействии в доставке боеприпасов и возможную помощь, если бы Каменец атаковали конфедераты. Это ускорило Апраксина, который первоначально обвинял Витте во враждебном отношении из-за того, что крепостные ворота были закрыты, а гарнизон поставлен в состояние полной боевой готовности. Российский генерал объяснил чрезмерное приближение подвластных ему отрядов к Каменцу ошибкой своего интенданта, но попросил о конкретной логистической помощи. Витте решил ее оказать, принял в Каменце обоз, 100 больных русских солдат и десятка полтора пленных конфедератов, одолжил русской армии 300 бушелей ржи и 30 бушелей пшеничной крупы. Позволил также, чтобы в Каменец впускали русских солдат, и выдал 3 дезертиров царской армии. В крепость прибыл сам Апраксин, который на протяжении двух дней гостил в Каменце и был Витте приглашен на обед. В обмен русский генерал передал привезенный из Заложцев порох, который был собственностью крепости, и 7 захваченных под Подгайцами польских пушек¹⁷. Через десять дней русские в ночь с 15 на 16 июня оставили район Каменца и направились под Бар, занятый конфедератами, который захватили 19 июня вместе с «корпусом» Браницкого. Часть из 1162 плененных конфедератов Браницкий выслал в Каменец – 396 рядовых, которых Витте поместил в замке и обеих ратушах. Апраксин же послал в крепость 6 захваченных знамен, 5 котлов и несколько сотен штук холодного и огнестрельного оружия (все винтовки и пистолеты были испорчены)¹⁸. В это же время в Каменце депонировали оружие и поместили несколько десятков пленных конфедератов, захваченных в Бердичеве 14 июня¹⁹. Когда к концу июля 1768 г. сюда прислали еще 120 гайдамаков, пойманных польскими и российскими войсками (которыми командовал Кречетников), Каменец превратился в большую военную тюрьму, в которой пребывали в заточении 536 пленных²⁰.

В мае и июне 1768 г. барские конфедераты были побеждены российскими войсками при небольшой поддержке польской армии в нескольких боях под Подгайцами, Улановым, Бердичевом и Баром²¹. Уцелевшие отряды искали укрытия на южном берегу Днестра, на территории османской Хотинской райи, выделенной из Молдавского княжества. К основанному вблизи Хотина лагерю начали стекаться уцелевшие в боях или отпущенные из плена конфедераты, среди которых был и Казимир Пулавский. Летом 1768 г. они возобновили военные действия, совершая вылазки на территорию польского пограничья. Вдобавок начались беспорядки среди крестьянского населения, которые, по мнению Витте, были опасны также для Каменца.

Перед лицом новой угрозы каменецкий комендант считал, что в случае необходимости ему смогут помочь только русские фуражирные отряды на Подолии. В начале июля 1768 г. опасения Витте временно отступили, так как появился сильный русский отряд полковника Озерова, который взял под контроль границу на Днестре, мешая конфедератам свободно проходить польско-турецко-молдавскую границу. 8–9 июля в Каменце вновь принимали генерала Апраксина, который прибыл, чтобы проконтролировать прием функций по охране границы его подчиненными. После окончания этой акции русский генерал удалился в направлении Терембовли. Апраксин вернул одолженное в июне зерно, но забрал 4 из 7 оставленных тогда пушек, что, по мнению Витте, принесло общественный вред, так как они были собственностью Польского государства²².

Взятие под контроль границы на Днестре русскими солдатами обеспокоило хотинского пашу, который прислал к Апраксину посланцев с предостережением, что такая ситуация представляет собой угрозу для сохранения мира²³. Витте не знал, как реагировал на это русский генерал, сам же возобновил переговоры с турками. Были они более плодотворны с тех пор, как русские отвели свои отряды от границы, а на рубеже августа и сентября 1768 г. управление «Хотинской райей» принял новый паша. Он заверил поляков, что не будет вмешиваться во внутренний конфликт Речи Посполитой, но также не будет мешать вооруженным вылазкам на польский берег Днестра, предпринимаемым конфедератами, стоящими лагерем возле Хотина²⁴. В этой связи Витте, на которого в конце лета легла обязанность обеспечения спокойствия на границе, послал 20 или 21 октября к паше поверенного, чтобы он хлопотал об этом. Он стал очевидцем изменения турецкой политики в связи с событиями, происходившими в стране. Во время первой встречи паша, правда, заявил поверенному, что не будет поддерживать вооруженных выступлений конфедератов, поскольку они как гости ему не подчиняются, но вместе с тем заверил в желании османских властей поддерживать дружественные отношения с Речью Посполитой и Россией. Вечером того же дня прибыл в Хотин посланец из Стамбула и крепость молниеносно была поставлена в боевую готовность. Теперь паша заявил, что Османская империя изменила свое отношение к событиям, разыгрывающимся в Польском государстве, и она не намерена терпеть присутствия в нем российских войск. Убедительно дал понять, что «кто только из вас будет другом Москвы, следовательно, станет нашим неприятелем»²⁵.

В связи с изменением отношения турок Витте приказал закрыть границу с «Хотинской райей» и спешно стянул к Каменцу все фуражирные и контролирующие пограничные посты подотделов²⁶. Это

ободрило конфедератов, которые усилили вооруженные вылазки на территорию Речи Посполитой. К тому же начали они с турецкого берега обстреливать польские отряды, патрулирующие границу; по мнению Витте, их в этом поддерживали османские разьезды²⁷. Каменецкий комендант в своих рапортах не вспоминает об инциденте, который стал поводом к объявлению Османской империей войны России 6 октября 1768 г., то есть о поджоге Балты и казацком отряде, который, преследуя конфедератов, ворвался на турецкую территорию. Только в сообщении от конца января 1769 г. упомянул о ситуации в долине Кодымы, где находилось не более 200 татар, и то только между Ягорлыком и Кодымой, а за Балтой на границе никакой охраны уже не было²⁸.

Для Витте более важны были события, разыгрывающиеся вблизи Каменца, а они приняли опасный характер во второй половине ноября 1768 г., когда vareцкий староста Казимир Пулавский во главе 300 приверженцев конфедерации форсировал Днестр и занял Жванец, оставленный войсками, верными королю²⁹. На юге Подолии, кроме гарнизона Каменца, не было никаких российских или польских отрядов, что делало невозможным быстро вытеснить конфедератов из занятого города и замка. Однако, очень удачно для Витте, произошел конфликт между Пулавским и Иоахимом Потоцким. Первый из них отказывался возвращаться на турецкую территорию, утверждая, что предпочитает «на своей земле погибнуть, чем туда являться к шапочному разбору»³⁰. Кроме того, конфедераты не могли рассчитывать на военную помощь турок, которые не воспринимали Речь Посполитую как сторону конфликта и думали даже приобрести у нее провиант, необходимый для гарнизона Хотина. Витте не дал согласия на это³¹, а его отношение утвердилось, когда получил информацию о том, что Военная комиссия решила перенести в Каменец гарнизоны и исправное артиллерийское снаряжение из Белой Церкви и Львова³². В декабре 1768 г. конфедераты овладели также брошенными Окопами Святой Троицы и в следующих месяцах проводили рейды по южной части Подолии, собирая контрибуцию, или попросту, «как неприятель», грабя хлеб и мед в селах, атакуя посты верной королю армии, и даже разгоняя в январе 1769 г. ярмарку в Лянцкороне. Часть собранного зерна конфедераты вывезли для «Хотинской райи», стараясь таким образом расположить к себе турок. Витте старался этому противодействовать, но поскольку располагал лишь небольшим гарнизоном, мог только иногда посылать небольшие отряды – один из их в начале 1769 г. разбил разьезд конфедератов. Силы «барцев» комендант оценивал в 600 человек³³. На рубеже января и февраля 1769 г., когда появилась необходимость провезти через южную Подолию русского рейтарского капитана, отпущенного татарским ха-

ном, Витте выделил для исполнения задания конвоирующий отряд численностью 170 пехотинцев и 100 драгунов, два обеспечивающих отряда в 210 солдат и две шестифунтовые пушки. Оказалось, что это был достаточный эскорт, так как конфедераты, хотя размещались на предполях Жванца, но начали переговоры и пропустили конвой без боя³⁴.

В феврале конфедераты по-прежнему рыскали по Подолии³⁵, что заставляло Витте опасаться за безопасность Каменца, хотя за истекшие десять месяцев его командования гарнизон увеличился с 600–700 до 1500 солдат. Однако по-прежнему не хватало боеприпасов, оставались ненадежными элементами многочисленная шляхта и духовенство, которые собрались в городе из-за беспорядков, вызванных конфедерацией и гайдацким движением. Витте задумал в случае угрозы атаки удалить из Каменца представителей обоих сословий³⁶. Ситуация стала ясной в начале марта 1769 г., когда на Подолию прибыл российский корпус под командованием генерала Сергея Измайлова. Сначала разбил конфедератов под Репинцами, затем отряд, разделенный на две части, одновременно атаковал Жванец и Окопы Святой Троицы. Как следует из сообщения Витте, в этих последних находилось около 320 «барцев» под командованием Казимира Пулавского. Измайлов располагал 1500 солдатами, которых повел 8 марта на штурм «с марша», вполне удавшегося, так как русские ворвались через валы в Окопы, что спровоцировало паническое бегство конфедератов за Днестр. Только немногочисленным из них удалось переправиться, в том числе Казимиру Пулавскому. Оставшиеся погибли или попали в плен, как 207 восставших. Русские захватили к тому же 6 пушек, а потеряли едва пятерых убитыми и десятка полтора ранеными. В Жванце «несколькими сотнями» (300–400) солдат, располагающими двумя пушками, командовал Франциск Пулавский. Ночью с 8 на 9 марта 1769 г. на этот город предприняли атаку около 1500 русских солдат с 4 пушками, которыми командовал подполковник Чернышев. Поляки подожгли город и укрылись в замке, в котором оказывали достаточно эффективное сопротивление. Поддержали их якобы турки, стреляя в сторону русских из одной пушки, а несколько десятков османских солдат пробовали перейти на польский берег Днестра, но их удержал паша. После продолжавшегося несколько часов боя, пользуясь перегруппировкой российских войск, поляки сбежали сначала к Браге, а затем через турецкую границу, бросая тела 50 павших товарищей и 2 небольшие пушки. В российский плен попали 19 конфедератов³⁷.

После этого успеха Измайлов отвел свой корпус через Горынин к Ляховцам, где конфисковал мортиру и 1000 гранат, которые везли в Каменец. На его место прибыла дивизия генерала князя Александра

Прозоровского, которая заняла Жванец и Городницу. Во время марша вдоль Днестра турки сделали в ее сторону десятка полтора пушечных выстрелов из Хотина. После этой вооруженной демонстрации дивизия Прозоровского, оставив в целях наблюдения за границей некоторое количество казаков, отошла вглубь Подолии к Балину³⁸. Несомненной целью этого рейда была проверка состояния подготовки Хотина к защите. Вероятно, русские заметили, что в крепости находился немногочисленный гарнизон, о чем также можно было узнать из переписки Витте³⁹. Это склонило командование российских войск к попытке атаки на Хотин.

Из рапортов Витте следует, что в марте 1769 г. русские интенсивно накапливали на Подолии продовольствие и фураж. Только под Каменцем якобы собрали 10 600 бушелей хлеба и 4020 телег с сеном⁴⁰. Однако когда в середине апреля в Каменец пришли вести о марше российских войск в направлении Днестра, Витте счел, что они не решатся на проведение серьезной наступательной операции⁴¹.

Комендант Каменца ошибался, поскольку в середине апреля 1769 г. российская армия под командованием генерал-аншефа Голицына начала марш в сторону Днестра. Как следует из рапортов Витте, к 22 апреля приблизились к реке две дивизии – генерала Прозоровского и генерала Стоффеля⁴². Через несколько дней, 28 апреля начали они переправляться через Днестр, произошло несколько стычек легкой русской кавалерии с защищающими границу турецкими отрядами. Донося об этом 29 апреля генералу Корятовскому, Витте допускал возможность, что русские еще в ту же ночь предпримут штурм, «чтобы завтра там же свяченное яйцо съесть могли» (на 29 апреля приходилась православная Страстная Суббота)⁴³. До штурма не дошло, а 30 апреля к крепости подошла вся армия Голицына. Против нее для демонстрации отваги отправились добровольно 1000 турок, «но мало что возвратилось назад». Из Каменца видно было, что Хотин был охвачен пожарами, однако Витте не знал, были ли они разожжены защитниками или русскими. Знал только, что турки создали все окрестное население в замок и все валы были заполнены ими. Однако он считал, что россияне, которые построили несколько батарей и начали обстрел Хотина, еще в ночь с 30 апреля на 1 мая будут его штурмовать⁴⁴. И снова Витте ошибся, так как Голицын отказался от атаки и 1 мая отвел свою армию назад к лагерю, отдаленному на «четверть мили» (2 километра) от Хотина. Витте думал, что русские примутся за блокаду⁴⁵, но и на это они не решились и, отступая, 5 мая переправились на польский берег Днестра. Следом за ними двигались турки и татары, грабя села на польском пограничье. Витте не предпринял никаких военных действий, чтобы не спровоцировать польско-турецкую войну, кроме того отдавал себе отчет,

что это была расплата за разбои польских крестьян на турецкой стороне Днестра во время российской атаки на Хотин⁴⁶. Через несколько дней ситуация успокоилась, и притом на много месяцев вперед, так как к весне 1769 г. российские войска отошли к Меджибожу, приближаясь к большим складам, созданным на Воляни⁴⁷. Витте еще до 13 мая получил от одного из российских командиров, генерала Саркофа, дневник действий под Хотином⁴⁸. Несмотря на это, он не знал причин так скорого прекращения русских атак, а всю операцию прокомментировал: «много шума из ничего»⁴⁹.

Рапорты Витте, адресованные Военной комиссии, его переписка с командирами польских войск представляют собой ценный источник для исследования событий, произошедших на Подолии и в польско-турецкой приграничной зоне в период зимы 1768 – лета 1769 г. Они позволяют познакомиться с явлениями, которые стали одной из причин начала русско-турецкой войны, к которой, однако, ни одна из сторон приднестровского театра военных действий не была готова. Убедительно свидетельствует об этом нерешительность турок и русских, так доказательно представленная в докладах Витте.

---

¹ История крепости в Каменец-Подольском с XV в. до XVIII в.: Dr Antoni J. (Rolle), *Zameczki podolskie na kresach multacskich*, т. 2: *Kamieniec nad Smotryczem*, Warszawa, 1880. С. 5–45.

² Расширение укреплений, гарнизон, артиллерия и другое оборудование крепости в Каменец-Подольском в XVIII в.: *Archiwum Narodowe w Krakowie* (Национальный архив в Кракове – дальше ANKr), *Archiwum Miynowskie Chodkiewiczzyw*, д. 1130, с. 357–378; *Biblioteka Zakiadu im. Ossoliczkich we Wrociawiu* (Национальная библиотека имени Оссолинских во Вроцлаве), рукопись 13353, с. 53–56; *Archiwum Giywne Akt Dawnych w Warszawie* (Главный архив древних актов в Варшаве – дальше AGAD), *Archiwum Roskie, Militaria*, коробка 17–19; K. Jarchowski, *Kamieniec i Poznac po Augustowej restauracji*, [в:] *idem, Opowiadania i studia historyczne, Seria nowa, Poznac 1884*, с. 373–386; T. Nowak, *Fortyfikacje i artyleria Kamiecca Podolskiego w XVIII w.*, «*Studia i Materiaiy do Historii Wojskowości*», 1973, т. 19, ч. 1, с. 155–163; J. Janczykowski, *O potrzebie badac fortyfikacji Kamiecca Podolskiego*, [в:] *Kamieniec Podolski. Studia z dziejyw miasta i regionu*, т. 1, ред. F. Kiryk, *Krakyw 2000*, с. 309–316; J. Janczykowski, *Kamieniec Podolski – fortyfikacje twierdzy*, [в:] *Kamieniec Podolski. Studia z dziejyw miasta i regionu*, т. 2, ред. F. Kiryk, *Krakyw, 2005*, с. 421–431; Z. Bania, M. Wiraszka, *Kamieniec Podolski miasto-legenda*, Warszawa, 2001, с. 25–27; R. Kryl-Mazur, *Miasto trzech nacji. Studia z dziejyw Kamiecca Podolskiego w XVIII wieku*, *Krakyw, 2008*, с. 161–202; T. Ciesielski, *Armia koronna w czasach Augusta III*, Warszawa 2009, с. 535–539; T. Ciesielski, *Na peryferiach europejskiej sztuki fortyfikacyjnej. Twierdze paestwowe w poiudniowo-wschodniej Rzeczypospolitej w XVIII w.*, [в:] *Militarne tradycje Krdzierzyna-Koula, ЫNeska i Rzeczypospolitej*, т. 2, ред. T. Ciesielski, *Zabrze-Tarnowskie Gyry 2013*, с. 96–104.

³ K. Kantecki, *Generai artyleryi koronnej*, [в:] K. Kantecki, *Szkice i opowiadania*, Poznac,

1883, с. 44.

⁴ R. Marcinek, Okopy Ђwiktcej Tryjcy, «TeKa Komisji Urbanistyki i Architektury», т. XXVII, 1995, с. 217–226; T. Ciesielski, Armia koronna..., с. 553; T. Ciesielski, Na peryferiach..., с. 91–94.

⁵ T. Polak, Zamki na kresach. Biaogonь, Litwa, Ukraina, Warszawa, 1997, с. 212–213; T. Ciesielski, Armia koronna..., с. 523, 553; T. Ciesielski, Na peryferiach..., с. 94.

⁶ «Powinnoсьci komendanta fortec pogranicznych i oficerow pod ich komend», ANKr, Archiwum Podhoreckie, IV, ANKr, APodhoreckie, I, 120; T. Ciesielski, Armia koronna..., с. 185–187.

⁷ W. Szczygielski, Kuczycski Michai, [в:] Polski Siownik Biograficzny, т. 16, Wrociaw-Warszawa-Krakyw, 1971, с. 91.

⁸ Биографические данные Яна де Витте (Витт): Dr Antoni J., Zameczki podolskie..., т. 2, с. 68–103 oraz Z. Hornung, Jan de Witte architekt koьcioia dominikanyw we Lwowie, Warszawa, 1995, с. 24–42; M. Machynia, C. Szrednicki, Oficerowie Rzeczypospolitej Obojga Narodow 1777–1794. Spisy, т. 1: Oficerowie wojska koronnego, ч. 1: Sztaby i kawaleria, Krakyw, 2002, с. 14, 42, ч. 2: Artyleria i wojska inьnieryjne, Krakyw, 1999, с. 23, 64, 65; R. Kryl, Wizerunek twierdzy kamienieckiej w latach 1777–1779 w ьwietle listyw Jana de Witte, [в:] Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis, Folia 3: Studia Historica, I (2001), ред. J. Goikbiowski, Krakyw, 2001, с. 267–276; R. Kryl-Mazur, Miasto trzech nacji..., с. 55–490. Следует добавить, что Ян де Витте был женат на Марианне Лубонска, они имели 11 детей, в том числе дочь Теклу и 2 сыновей: Людвика Игнация и генерала польской и российской армии Иосифа Зефирьна (отец графа Ивана Осиповича де Витте).

⁹ Материал для составления карты Ян де Витте собирал на протяжении ряда лет во время служебных командировок, как, например, в 1752 г., когда был выслан на переговоры, созданные в лагере украинской партии, и проверил свои записки относительно долины реки Рось. В феврале 1758 г. гетман поручил Витте, чтобы он, взяв помощником поручика пехотного полка полевой булавы Я. Ромера, как возможно быстрее закончил работу. В марте 1758 г. Витте доложил о готовности отдать карту гетману, тот же вызвал его в Белосток и заявил, что постарается на ближайшем совете сената, чтобы первый был вознагражден за свою работу: J.K.Branicki do J. Witte, 9, 16 III 1758, AGAD, Archiwum Roskie, Korespondencja, Supplement, д. 13, л. 127; д. 14, л. 51, 54; J. Witte do J.K.Branickiego, Kamieniec Pod. 4 III 1758, AGAD, Zbiyr Anny Branickiej, д. 2939 oraz 2 VII 1752 i 12 X 1760, AGAD, Archiwum Roskie, Korespondencja, коробка XXV, д. 24, с. 1–2, 9–10. В письме от 15 II 1761 полковник Х. Дальке рекомендовал Я.К. Браницкому специалистов в области разграничения владений – подполковника И.Витте и майора Каве, а как известных ему геометров перечислил капитанов пехоты своего сына Якова, Ромера и Глубицкого, также товарища хоругви и винницкого старосту Зубжицкого (AGAD, Archiwum Roskie, Korespondencja, коробка V, д. 19, с. 148–149). T. Ciesielski, Armia koronna..., с. 361.

¹⁰ Отчеты и переписка Яна де Витте с апреля 1768 по март 1770: J. de Witte do Komisji Wojskowej, Kamieniec Pod. 9 IV 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkow, д. 689, т. 1, с. 4.

¹¹ Uniwersai J. de Witte do mieszkaccyw Kamiecca Podolskiego, Kamieniec Pod. 12 IV 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkow, д. 689, т. 1, с. 5.

¹² Dyspozycja do garnizonu Kamiecca Podolskiego, aby na wszelki wypadek byi w gotowoьci porzъdnej do obrony, Kamieniec Pod. 12 IV 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkow, д. 689, т. 1, с. 29–52.

- ¹³ Отчеты и переписка Яна де Витте с апреля 1768 по март 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 4.
- ¹⁴ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 28 IV, 30 IV, 7 V, 27 V 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 16–17, 20–22, 27, 53–55.
- ¹⁵ J. de Witte do gen. i komendanta Brodyw Kalemberka, Kamieniec Pod. 2 V 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 22–23.
- ¹⁶ J. de Witte do Komisji Wojskowej, Kamieniec Pod. 27 V 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 53–55.
- ¹⁷ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 6-19 VI, 7 VIV, 30 IV, 7 V, 27 V 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 57–64, 256
- ¹⁸ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 18, 21, 25, 26, 27 VI, 2 VII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 61-66, 68, 73; [P. Kreczownikow], Radom i Bar 1767–1768: dziennik wojennych dziajac jenerai-majora Piotra Kreczownikowa w Polsce w r. 1767–1768 korpusem dowodzacego i jego wojenno-polityczny korespondency z ksiaciem Mikoiajem Replinem, posiem rosyjskim w Warszawie, Pamitniki z Oьmnastego wieku, t. XIV, Poznac 1874, с. 123; W. Konopczycki, Konfederacja barska, т. 1, Warszawa, 1991, с. 65–66.
- ¹⁹ Specyfikacja broni przejekt od Montusza chorownego puiku pik Koryckiego i zioonej w cekhauzie, Kamieniec Pod. 18, 21, 25, 26 VI 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 67.
- ²⁰ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 29-30 VII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 96–97.
- ²¹ W. Konopczycki, Konfederacja barska, т. 1, с. 56–66.
- ²² Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 5–7, 9, 11, 18, 20, 23 VII, 2 VIII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 75, 78-81, 89-91, 99, 256.
- ²³ Jan de Witte do F.K. Branickiego, Kamieniec Pod. 12 VII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 82–83.
- ²⁴ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 3, 24 IX 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 109, 115.
- ²⁵ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 18, 21 X 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 125–126.
- ²⁶ J. de Witte do F.K. Branickiego, Kamieniec Pod. 21 X 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 126.
- ²⁷ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 27 VIII-13 XI 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 108–155.
- ²⁸ J. de Witte do F.K. Branickiego, Kamieniec Pod. 26 I 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 206.
- ²⁹ J. de Witte do F.K. Branickiego, Kamieniec Pod. 23 XI 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 163.
- ³⁰ J. de Witte do F.K. Branickiego, Kamieniec Pod. 17 XII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 191.
- ³¹ J. de Witte do F.K. Branickiego, Kamieniec Pod. 5 XII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 174–176.
- ³² Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 17, 26, 27 XI, 1 XII 1768, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 158, 166–167, 169–170.
- ³³ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 31 XII 1768-27 I 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 194–209.

- ³⁴ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 29 I 1769-4 II 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 210–219.
- ³⁵ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 18, 25 II, 5 III 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 225, 226–228, 242.
- ³⁶ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 18 X, 9 XI 1768, 26, 28 I, 25 II 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 206, 210, 226–228, 255, 256.
- ³⁷ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 11 III 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 243–244; W. Konopczycki, Konfederacja barska, т. 1, с. 189; S.S. Nicieja, Twierdze kresowe Rzeczypospolitej. Historia, legendy, biografie, Warszawa 2006, с. 116; T. Ciesielski, Na peryferiach..., с. 94, 95.
- ³⁸ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 18, 22, 25 III 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 250–252, 254–255, 258.
- ³⁹ J. de Witte do F. Korytkowskiego, Kamieniec Pod. 15 IV 1769, do Komisji Wojskowej, Kamieniec Pod. 18 IV 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 264, 269.
- ⁴⁰ Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 25 III, 1 IV 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 258, 259–260.
- ⁴¹ J. de Witte do F. Korytkowskiego, Kamieniec Pod. 15 IV 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 264.
- ⁴² Отчеты и переписка Яна де Витте, Kamieniec Pod. 18, 22 IV 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 269, 270.
- ⁴³ J. de Witte do F. Korytkowskiego, Kamieniec Pod. 15 IV 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 274.
- ⁴⁴ J. de Witte do F. Korytkowskiego, Kamieniec Pod. 1 V 1769, do Komisji Wojskowej, Kamieniec Pod. 6 V 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 275, 279.
- ⁴⁵ J. de Witte do F. Korytkowskiego, Kamieniec Pod. 2 V 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 276.
- ⁴⁶ J. de Witte do F. Korytkowskiego i do Komisji Wojskowej, Kamieniec Pod. 6 V 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 278, 279.
- ⁴⁷ J. de Witte do do Komisji Wojskowej, Kamieniec Pod. 13 V 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 281.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ J. de Witte do F. Korytkowskiego, Kamieniec Pod. 6 V 1769, ANKr, Archiwum Sanguszkowy, д. 689, т. 1, с. 278.

О.К. Цехановская (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОРЛА НА КОРАБЛЯХ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

Процесс формирования корабельного декора на отечественных судах связан с созданием регулярного флота в России, с эпохой глобальных преобразований Петра Великого. Своих традиций в оформлении больших военных кораблей на Руси не существовало, поэтому первоначально корабли заимствовали сюжеты с иностранных судов. Приглашенные зарубежные специалисты трудились на российских верфях и в оформлении использовали элементы декора, уже опробованные на кораблях, построенных у себя на родине, – в Англии, Голландии и других странах. От корабельного декора той эпохи осталось немного подлинных рельефов и носовых фигур, но даже по тем сохранившимся артефактам можно представить, как великолепно выглядел барочный корабль. Художники свободно размещали на кораблях изображения античных и библейских персонажей, светские и церковные образы, мастера легко обращались с массами, пропорциями, исходным материалом – деревом. Сотрудничество кораблестроителей и художников превращало несущие балки в прекрасных дев-кариатид, атлантов, героев древнегреческого эпоса, на корме в аллегорической форме разворачивался рассказ о современной жизни. Фантастические морские существа, рыбы, боги и герои, святые и ангелы, ракушки и гирлянды из цветов, заняв всю поверхность судна, создавали впечатление бутафории. В XVII–XVIII вв. российские резчики переняли у западноевропейских мастеров «живописный» тип рельефа. С помощью глубоких прорезей, перспективного сокращения фигур, мягкой плоскостной моделировки форм резные поверхности выглядели объемно и выразительно. Готовый рельеф покрывали левкасом, полировали, золотили, раскрашива-

ли сочными красками. Обнаженным участкам тела придавали натуральный цвет, волосы чернили или золотили, ярко расписывались одежды. Борта корабля чередовались желтыми, зелеными, синими, бордовыми полосами. Корабль выглядел как «задник» театральной сцены, а не орудие, несущее разрушение и смерть.

На носу судна, как правило, устанавливали фигуру льва, орла или ангела, дующего в рог. Грозный лев, стоящий на задних лапах, считался символом силы и отваги, орел – могущества и бесстрашия, ангел же предвещал попутный ветер и благополучное плавание. В России при выборе носовой фигуры предпочтение отдавалось изображению коронованного или некоронованного льва, стоящего на задних лапах. Связано это с тем, что строителями таких кораблей, как «Ингерманланд» (1715), «Россия» (1728), «Святой Андрей» (1721), «Слава России» (1733), «Штандарт» (1703) и других были английские и голландские мастера, такие, как Р. Козенц, Р. Броун, Р. Рамз, В. Геренс и другие. У себя на родине они участвовали в создании кораблей, на княвдигед¹ которых помещали деревянную фигура льва. Фигура льва, стоящего на задних лапах, олицетворяла силу и мощь. Его изображение носило интернациональный характер, оно присутствовало на гербах многих государств, княжеств и городов. Нередко в морских сражениях корабли противника захватывались, становились так называемыми «призами». Пленный корабль после ремонта входил в состав флота-победителя, а его носовая фигура оставалась на форштевне. Так, в британском флоте фигура льва (как коронованного, так и некоронованного) находилась на кораблях, захваченных у датчан: «Alliance» (1795–1802), «Rotterdam» (1781–1799), у французов: «Belleisle» (1761–1819), «Belle Poule» (1780–1801), «Lutine» (1793–1799); у испанцев были взяты «призы» «Grana» (1781–1806), «Leocadia» (1781–1794), «San Damaso» (1797–1814), «Salvador del Mundo» (1797–1815) [5] и другие. Геральдический лев, по мнению английского исследователя Давида Пулвергафта, оставался популярным на военных кораблях Англии вплоть до конца XVIII в.⁵

Особенно богато и пышно украшали корму. Именно на ней во времена Петра I размещались изображения, носившие нарративный характер. Сюжеты брались из популярной книги «Символы и Эмблемата», изданной по указанию государя в Голландии в 1705 г. Яном Тесингом и Ильёй Копиевским. Книга несколько раз переиздавалась затем в России.

Некоторые композиции для декорирования судов брались с гравюр. Голландские мастера, работавшие в России, такие, как А. Шхонебек, П. Пикарт, И. Бликлант, Г. Девиц, фиксировали первые постройки новой российской столицы, любовно, словно вспоминая каналы своей родины, резали на меди панораму города с невской водной артерией и кораблями на ней. Они составляли топографические карты и планы баталий, торжественные шествия, связанные с победами, в ходе Северной войны (1700–1721). Работы их сохранили для потомков образы сподвижников Петра Алексеевича. А. Шхонебек и П. Пикарт организовали первую в России гравировальную мастерскую. А. Шхонебек – гравер и типограф, поступил на русскую службу в мае 1698 г. В октябре 1698 г. он приступил к работе в Оружейной палате в Москве, среди первых его учеников были Алексей и Иван Зубовы, пожалуй, самые известные на сегодняшний день русские мастера. Гравюры голландского мастера отличались световоздушной перспективой и стремительностью движений изображаемых персонажей. В углах некоторых листов А. Шхонебек размещал картуши с изображением мифических сцен, в аллегорической форме повествующие о событиях, происходящих в эпоху петровских преобразований. Знаком древнегреческой и римской мифологии, он пользовался большим доверием у Петра I, и государь, при выборе изображений, отсылал судостроителей к гравюрам художника [2, с. 153]. Возможно, что античные сюжеты в убранстве русских кораблей появились и благодаря работам А. Шхонебека. Античная тема в резном орнаменте и круглой скульптуре убранства судов продлилась вплоть до середины XIX в.

Особой популярностью в XVIII в. пользовалось изображение триумфа Нептуна и Амфитриты. Божественная чета присутствует на гакаборте² «Ингерманланда» (1715) [3, с. 13]. В декоре кормы неосуществленного проекта корабля «Лесное» Нептун и Амфитрита поддерживают ленту с девизом судна [1]. На фрегате «Крейсер», построенным в 1723 г. в Санкт-Петербурге на Адмиралтейских верфях, на гакаборте также изображена nereида Амфитрита, сидящая в колеснице, запряженной морским коньком. В фондах Центрального военно-морского музея (ЦВММ) сохранились великолепные деревянные рельефы с корабля петровской эпохи, имя которого пока не установлено. Доски представляли единый рельеф, но потом их разрезали на две почти равные части и поместили в рамы. Сюжет повествует о том, как с помощью морских существ Нептун добивается взаимности у nereиды Амфитриты. Композиция выполнена в

виде сплошного фриза, мотивы которого ни разу не повторяются, но имеют свою внутреннюю логику и структуру. Мастером транцевых³ досок в то время мог быть знаменитый скульптор К.-Б. Растрелли. Вероятно, рельефы являлись образцом для последующих работ и были сняты с корабля «для особого хранения» [3, с. 47].

Как говорилось выше, к сожалению, совсем мало сохранилось подлинных предметов декора кораблей XVIII столетия. Последние находки реставратора А.В. Иванова в фондах ЦВММ и сопоставление их с листами из библиотеки РАН по корабельному декору, позволили, если так можно сказать, вместе с государем Петром I и корабельным мастером Ф.М. Складьевым, пройти трудный путь поиска при создании убранства кораблей «Лесное» и «Быстрая ластовица» [1, 2]. Теперь мы можем по-новому «прочитать» и тот замысел, который вкладывали государь и мастер при разработке декора, и проследить, какие сюжеты были взяты именно для данного корабля, а какие сюжетные линии проходили от одного судна к другому и становились общими для всех на долгие десятилетия.

Помимо обозначенных сюжетов Петр I, для убранства судов, ведет поиск изображений с российской символикой. В первой трети XVIII в. на кормах кораблей «Полтава», «Быстрая ластовица», «Выборг», «Лесное» появляется изображение штандарта [1]. На гравюрах с рисунка Х. Марцелиуса «Набережная Невы у Адмиралтейства» и А. Зубова «Панорама Петербурга» на кормах кораблей отчетливо виднеется изображение двуглавого орла с короной на голове и картами морей в клювах и лапах птицы. Несколько иное изображение двуглавого орла на корме «Ингерманланда» и на одном из вариантов убранства «Лесного» [1, с. 136]. Оно аналогично изображению двуглавого орла на флаге царя Московского, на котором птица удерживает в когтях скипетр и державу. Флаг в 1693 г. был поднят на яхте «Святой Петр», во время плавания Петра Алексеича по Белому морю, и его можно отнести к первому судовому штандарту [4, с. 40].

Как правило, изображение помещалось в центре подзора контртимберсов, а на верху гакаборта в центральном медальоне вырезалось название корабля (например, «Полтава») или аллегорическое изображение, раскрывающее его название (например, изображение молящегося апостола Петра на корме «Гото Предестинация» – «Божье Предвиденье»). Приведенные примеры позволяют сделать выводы, что наметилась устойчивая тенденция в применении изображения

штандарта на кормах петровских кораблей. Скорее всего, Петр I ввел бы положение об обязательном порядке размещать изображение штандарта на корме военных кораблей, если бы не его преждевременная кончина. После смерти государя флоту уже не уделялось должного внимания, и на стапелях достраивались суда, заложенные ещё при Петре I. Строительство новых кораблей значительно сократилось. По моделям и гравюрам того времени можно констатировать, что элемент российской символики – двуглавый орел – скорее стал обязательным для некоторых императорских яхт времен царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II (М.П. Махаев. «Вид вверх по Неве между галерной верфью и 13 линией В.О.»; модель катера «Екатерина II»; «Проспект (вид) вниз по Неве между Зимним дворцом и Академией Наук». Художник-гравёр: А.Г. Качалов). В 1766 г. изображение двуглавого орла со скипетром и державою появляется на балконе кормы 66-пушечного линейного корабля «Трех Иерархов».

Только в XIX в. изображение геральдического орла на корме становится обязательным элементом. Появление его связано с патриотическим подъемом после победы России над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. и успешными походами 1813–1814 гг. русской армии во Францию. Во всяком случае, практически на всех кораблях, построенных в 1820-е гг., на корме изображен двуглавый орел. Приведем лишь некоторые из них:

- 24-пушечный фрегат «Урания», 1820;
  - 84-пушечный линейный корабль «Эмгейтен», 1824;
  - 12-пушечная яхта «Дружба», 1826;
  - 74-пушечный линейный корабль «Азов», 1826;
  - 110-пушечный линейный корабль «Император Александр», 1827;
  - 84-пушечный корабль «Императрица Александра», 1827;
  - 44-пушечный фрегат «Княгиня Лович», 1828;
  - 24-пушечный фрегат «Надежда», 1828;
  - 24-пушечный фрегат «Елизавета», 1828;
  - 74-пушечный корабль «Смоленск», 1830;
- и т. д.

В это время происходят изменения в конструкции корабля, а главное в убранстве, которое, выдержанное в классическом стиле, становится более сдержанным и лаконичным. Геральдическая символика и орнаменты выполнены в строгом порядке, с определенным набором

элементов, включающим изображения ликторских пучков⁴, атрибутов воинских доспехов и оружия. Убранство занимает значительно меньшую площадь поверхности корабля, чем это было в эпоху барокко. Название корабля и изображение орла меняются местами. Отныне резной двуглавый орел будет находиться в центре верхней части кормы, а название корабля зафиксируется на нижней доске. Изменения коснутся и изображения: увеличатся размеры – орел, распластав свои крылья, займет всю поверхность гакаборта. В центре щита, помещенного на груди орла, появится вензель императора, а в когтях птицы могут находиться не только символы власти, но и лавровый венок, и лента, и факел, опущенный вниз, и свиток законов. Такое стилизованное изображение орла больше похоже не искусно выполненное украшение, а не на государственную геральдику.

Начиная с 1830-х гг., изображение орла на корме вновь претерпит изменения и примет форму геральдического орла, взятого со штандарта, где в когтях и клюве птицы появятся карты морей, крылья подняты вверх, перья на крыльях будут не прижаты, а растопырены. Например, на судах:

- 52-пушечный фрегат «Паллада», 1832;
- 120-пушечный корабль «Двенадцать апостолов», 1841;
- 20-пушечный бриг «Улисс», 1843;
- пароходофрегат «Владимир», 1848;
- 46-пушечный винтовой фрегат «Аскольд», 1854;
- 84-пушечный винтовой корабль «Ретвизан», 1855;
- 110-пушечный винтовой корабль «Император Николай I», 1860 и т. д.

В XIX в. изображение орла закрепится не только за кормой. В 1829 г. выйдет указ «Об украшении всех кораблей и фрегатов орлами вместо статуй» [7]. Поиск носовой фигуры будет идти на протяжении нескольких десятилетий и отразится в таких указах, как «О производстве изображений орлов для установления в носовой части линейных кораблей по образцовому лекалу, снятому с корабля «Не тронь меня», 1833 г. [8]; «О покраске носовых орлов на кораблях и фрегатах в белый цвет или изготовление их позолоченными», 1848 г. [6]; «О переделке кормовых орлов на судах Черноморского Флота», 1851 г. [12]; «О выборе формы изображения гербового орла на кормовой и носовой частях военных судов», 1858 г. [10]. Смягчение в выборе носовых фигур произойдет в 1834 г., правда, пока оно коснется только малых кораблей [9, 11].

Такое однообразие приведет к тому, что к середине XIX в. морские гавани выглядели так, как на рисунке Премации Л.О. «Военная гавань в Кронштадте. 1851 г.» – аккуратно, единообразно, но скучно. Белые или полностью позолоченные орлы с красным клювом будут иметь незначительное отличие в том, что на щите одних будет, как и у кормовых орлов, помещен вензель Николая I, а на других изображение Георгия Победоносца, пронзающего копьем дракона. Лишь после окончания Крымской войны (1853–1856) очередной патриотический подъем приведет к созданию таких носовых статуй, которые могут быть приравнены к лучшим образцам монументальной скульптуры второй половины XIX столетия. В это время к сотрудничеству с Морским ведомством привлекались знаменитые русские скульпторы, такие, как П. К. Клодт, Н.С. Пименов, М.А. Чижов и художник М.О. Микешин. В образах носовых фигур воплотились герои народных былин, такие, как Витязь, Варяг, Богатырь, Баян, легендарные князья, защитники Отечества и Православия, такие, как Дмитрий Донской, Александр Невский, князь Пожарский и другие. На броненосных фрегатах появились фигуры, связанные с именами адмиралов В.Я. Чичагова, Г.А. Спиридова, П.М. Лазарева и А.С. Грейга. Образы прославленных флотоводцев вызывали чувства гордости и воспитывали новое поколение моряков патриотами, верными сынами российского отечества и приверженцами флотских традиций. В царствование Александра III на корме изображение двуглавого орла вернется к петровскому штандарту, в когтях и клюве птицы появятся карты морей, к которым Россия имела выходы.

Впрочем, декор последних императорских яхт, таких, как «Штандарт», «Ливадия», «Держава», «Полярная звезда» и «Александрия» (1904) останется верен традиции: носовую и кормовую части корабля по-прежнему будут украшать геральдические орлы.

Искусство корабельного декора продлилось два века. За это время произошли существенные изменения в конструкции и материале кораблей. Убранство судов также видоизменилось. Пышное и богатое, покрывающее практически все поверхности деревянных судов на начальном этапе строительства, оно минимизировалось и осталось лишь на малых участках кормы и носовой части стальных кораблей начала XX в. Многочисленные сюжеты декора, первоначально заимствованные с иностранных кораблей и развивающиеся в зависимости от стиля, исторических событий, вкуса заказчика, постепенно свелись к российской геральдике. Поиск композиции начался в царс-

тование Петра I, когда на корме целого ряда кораблей появились рельефы с изображением российского штандарта. Прервавшаяся на несколько лет тенденция возобновилась во времена царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II. Масштабные реформы по выработке определенного изображения и формы двуглавого орла, были подхвачены Александром I и утвердились в указах Николая I. В это время не только корма, но и носовая часть корабля украшались скульптурой в виде российского орла. Изображения двуглавого орла, утвердившееся на корме и носовой части, просуществовало до февральских и октябрьских событий 1917 г. После февральской буржуазной революции 1917 г. выйдет указ «О снятии корон со всех орлов на носовых и кормовых украшениях кораблей и судов» [13]. А в октябрьские дни матросы сами начнут сбивать государственную символику, где бы она ни находилась – на зданиях, решетках, кораблях.

1. Иванов А.В. Петр I и декоративно-художественное убранство 90-пушечного корабля «Лесное» // Меншиковские чтения. Научный альманах. СПб.: изд-во «XVIII век», 2013. С. 125–145.
2. Иванов А.В. Предвестник Балтийского линейного флота // Материалы Российской научно-практической конференции. Воронеж, 7 мая 2010 года. «Институт ИТОУР», 2010. С. 134–162.
3. Матвеева Т.М. Убранство русских кораблей. Л.: «Судостроение», 1979.
4. Мир вещей Петра Великого. Мемориальные предметы из собрания ЦВММ. Каталог. СПб., 1999.
5. Pulvertaft, David. Figureheads of the Royal Navy. HARDBACK, 2009.
6. РГА ВМФ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 225. 1848 г. О покраске носовых орлов на кораблях и фрегатах в белый цвет или изготовление их позолоченными.
7. РГА ВМФ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 342. 1829 г. Об украшении всех кораблей и фрегатов орлами вместо статуй.
8. РГА ВМФ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 830. 1833 г. О производстве изображений орлов для установления в носовой части линейных кораблей по образцовому лекалу, снятому с корабля «Не тронь меня».
9. РГА ВМФ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 896. 1834 г. О носовых фигурах на судах разных рангов.
10. РГА ВМФ. Ф. 164. Оп.1. Д. 1208. 1858 г. О выборе формы изображения гербового орла на кормовой и носовой частях военных судов.
11. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 3125. 1834 г. Об установлении на судах малого ранга носовых фигур в виде статуи.
12. РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 9. Д. 15. 1851 г. О переделке кормовых орлов на судах ЧФ.
13. РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. 24 апр. 1917 г. О снятии корон со всех орлов на носовых и кормовых украшениях кораблей и судов.

¹ Княвдигед – выдающаяся вперед наделка в верхней части форштевня, которая служила опорой для гальюна; на княвдигеде размещали носовую фигуру.

² Гакаборт – самая верхняя часть борта у кормовой оконечности судна.

³ Транцы – горизонтальные поперечные брусья и доски, которые образуют нижнюю часть кормовой оконечности судна.

⁴ Ликторский пучок (иначе – фасции) – атрибут власти царей, в эпоху римской республики — высших магистратов. Изображение фасций можно встретить как декоративный элемент во многих постройках XVIII–XIX вв.

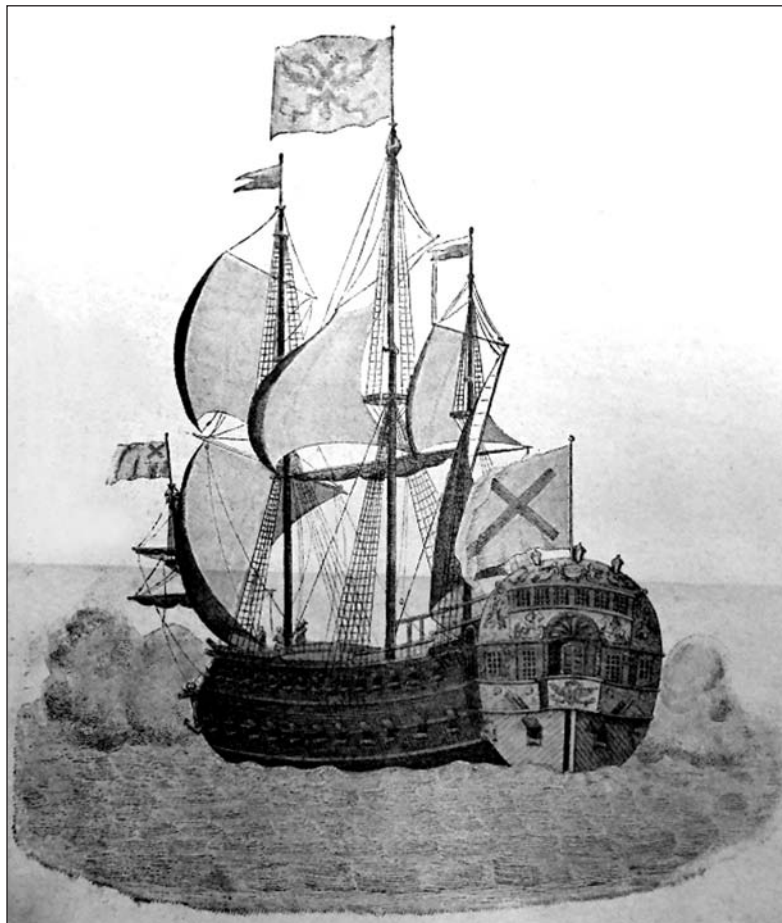

Рис. 1. 54-пушечный корабль «Полтава» 1712 г. Альбом «Русский военный флот. Иллюстрированная история со времен Петра I до 1905 года». ЦВММ

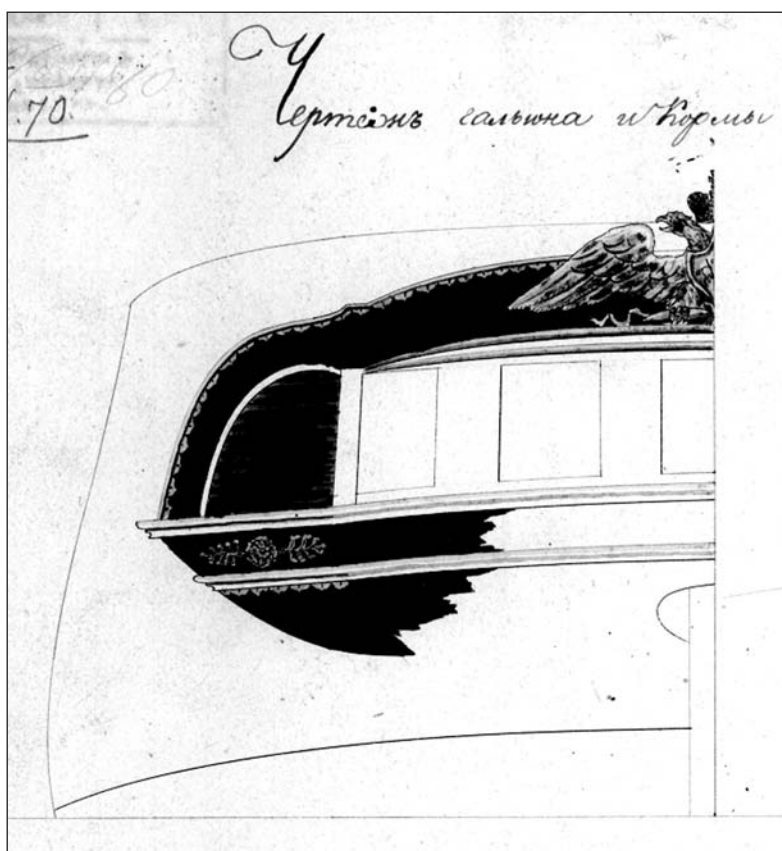

Рис. 2. Чертеж галыона и кормы 44-пушечного фрегата «Княгиня Лович». 1828. Фрагмент. РГА ВМФ. Ф. 327. Д. 1283

Рис. 3. Модель 52-пушечного фрегата «Паллада». Ладыгин А.П. Корма. ЦВММ

Рис. 4. Рисунок. Премацци Л.О. Военная гавань в Кронштадте. 1851 г. Фрагмент. ЦВММ

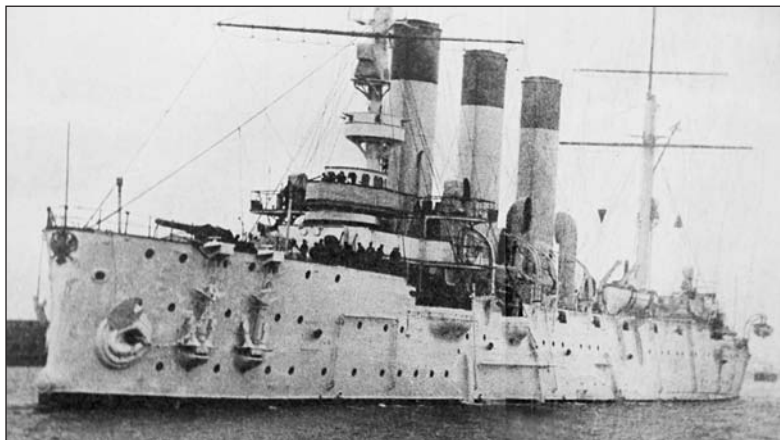
**Рис. 5. Модель 52-пушечного фрегата «Паллада». Ладыгин А.П.
Носовая часть. ЦВММ**

**Рис. 6. Кормовое украшение
эскадренного броненосца
«Гангут». ЦВММ**

**Рис. 7. Кормовое украшение
броненосного крейсера
«Князь Пожарский». ЦВММ**

Рис. 8. Носовая часть крейсера 1 ранга «Аврора». Альбом «Русский военный флот. Иллюстрированная история со времен Петра I до 1905 года». ЦВММ

И.П. Цуканов (Курск)

**О РОЛИ СМОТРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ
В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОБЛАСТЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Смотры работы военно-исторических музеев образовательных учреждений проводились в России несколько раз: в 1984–1985 гг. состоялся Всероссийский смотр школьных музеев боевой и трудовой славы, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне; в 1994–1995 гг. – Всероссийский смотр школьных музеев и конкурс на лучший поход или экспедицию, связанные с событиями Великой Отечественной войны; в 1999–2000 гг. – Всероссийский смотр военно-исторических музеев образовательных учреждений, посвященный 55-летию Победы в Великой Отечественной войне; в 2004–2005 гг. – Всероссийский смотр военно-исторических музеев образовательных учреждений, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Остановимся на Всероссийском смотре школьных музеев боевой и трудовой славы, проходившем в 1984–1985 гг. В то же время проходил Всероссийский смотр музеев и памятников, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, объявленный Министерством культуры РСФСР, Центральным комитетом профсоюза работников культуры и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, в котором могли участвовать государственные и общественные музеи, независимо от их ведомственной подчиненности, государственные и общественные организации по охране памятников¹.

Положение о смотре школьных музеев, подписанное заместителем министра просвещения РСФСР и согласованное с Министерс-

твом культуры РСФСР и ЦК ВЛКСМ, было направлено во все регионы России. В ходе смотра был упорядочен учет и хранение музейных фондов, обновлены экспозиции, организованы выставки фондов, повысилась роль музеев в учебно-воспитательном процессе, было паспортизировано около 300 новых музеев².

Сколько школьных музеев и сколько регионов РСФСР приняло участие в этом смотре в документах ЦК ВЛКСМ, хранящихся в РГАСПИ, и документах Центральной станции юных туристов (ЦСЮТур) Министерства просвещения РСФСР, которая отвечала за проведение смотра (документы хранятся в архиве ФГБОУ ДОД «Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения» – правопреемника ЦСЮТур), не отражено.

Но в документах ЦСЮТур есть «Справка об итогах Всероссийской паспортизации школьных музеев (по состоянию на 1985 г.)»³, в которой отмечено, что в это время в России работало 5237 школьных музеев, из них музеев боевой славы было 1415, трудовой славы – 130, революционной, боевой и трудовой славы – 379. Кроме этого в смотре могли участвовать музеи исторические (всего 1077), пионерской и комсомольской славы (175) и комплексные краеведческие (1170), в которых также имелись материалы о Великой Отечественной войне.

Итоги Всероссийского смотра школьных музеев были подведены во время работы профильных смен Всероссийского лагеря туристского актива «Дружба» в Москве, где были собраны победители республиканских (АССР), краевых и областных смотров (835 чел. из 71 территории РСФСР). Музеи-победители смотра и их руководители были награждены дипломами и грамотами Министерства культуры РСФСР, Министерства просвещения РСФСР, ЦК ВЛКСМ, Советского комитета ветеранов войны, Центрального штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа. Лучшие школьные музеи боевой и трудовой славы России приняли участие во Всесоюзном конкурсе, проведенном Центральным штабом Всесоюзного похода, и более 50 из них были отмечены наградами ЦК ВЛКСМ.

В ходе смотра 35 школьных музеев РСФСР приняли участие во Всесоюзной выставке «Роль школьных музеев и залов боевой славы в военно-патриотическом воспитании пионеров и школьников», которая экспонировалась с марта по июнь 1985 г. на ВДНХ СССР в павильоне «Юные натуралисты и техники». На выставке были представлены подлинные экспонаты из школьных музеев Москвы, Ле-

нинграда, Брянской, Владимирской, Ивановской, Орловской, Саратовской, Тульской и некоторых других областей. 20 школьных музеев, представлявших РСФСР, были отмечены наградами ВДНХ. Высшая награда ВДНХ СССР – диплом I степени с золотой медалью – была вручена музеем боевой славы полка «Нормандия–Неман» Орловской областной станции юных туристов (рук. Г.В. Малюченко)⁴, воспитанники которой в рамках областной операции «Самолет» с 1981 г. раскопали 24 места падения боевых машин, установили имена летчиков 37 экипажей, которые считались пропавшими без вести⁵.

В Центральном Черноземье по итогам паспортизации 1985 г. числилось: в Белгородской области 46 школьных музеев (из них боевой и трудовой славы – 24, исторических – 15), в Воронежской – 62 (из них 35 и 13 соответственно), в Курской – 94 (из них 34 и 50), в Тамбовской – 25 (из них 8 и 10)⁶. По Липецкой области материалов паспортизации нет, но в «Репорте комсомольцев и молодежи Липецкой области об участии в XI этапе Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа Центральному штабу похода. 1985 г.» указано, что в области было 34 общественных музея (правда, не только школьных)⁷.

Смотр помог выявить ценный опыт организации военно-патриотической работы в территориях РСФСР. В Белгородском областном смотре приняли участие 24 района, был проведен семинар руководителей музеев боевой славы, в котором приняли участие 30 чел.

В Воронежской области местной станцией юных туристов, совместно с краеведческим музеем, была организована выставка из фондов лучших школьных музеев Воронежа, где экспонировались письма с фронта, фотографии, документы, личные вещи участников войны. Было решено ходатайствовать перед ЦСЮТур РСФСР о присвоении звания «Отличный школьный музей» музеям боевой славы средней школы № 49 Воронежа и Рождественскохавской средней школы Новоусманского района⁸.

В Курской области в смотре приняло участие 35 музеев боевой и трудовой славы и 17 историко-краеведческих, большая часть экспозиций которых была посвящена Великой Отечественной войне. Лучшими были признаны музеи средних школ № 10, 12, 20, 36, 42, 43 г. Курска, № 2 г. Щигры, № 3 и 9 г. Железногорска, Свободинской Золотухинского и Никольской Курчатовского районов. В ходе смотра были открыты музеи в средних школах № 4 (о выпускниках-участ-

никах войны) и № 39 (музей К. Ольшанского) г. Курска, музей 2-го кавалерийского полка в Никольской восьмилетней школе Щигровского района; в СПТУ № 1 г. Курска собрали материал об авиаэскадрилье «Курский колхозник».

На зимних каникулах в 1985 г. на базе облСЮТур состоялись сборы, посвященные 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в которых приняли участие 35 активистов школьных музеев Курской области. Ребятам были прочитаны лекции по организации поисковой и экспозиционной работы в школьных музеях⁹.

Во время проведения смотра музей Французского сопротивления средней школы № 7 г. Тамбова был преобразован в комплексный музей с тремя отделами: отдел истории Французского сопротивления и полка «Нормандия–Неман»; отдел, посвященный выпускнице школы, партизанке Т.Я. Дерунец; отдел, посвященный ратному подвигу учителей и учащихся школы в годы Великой Отечественной войны. Музей истории Никифоровского района Никифоровской средней школы № 1 решением управления культуры Тамбовского облисполкома был преобразован в районный музей. Но учащиеся стали активом этого музея¹⁰.

Анализ состояния дел на местах, а также поступивших отчетов об итогах паспортизации свидетельствует о серьезном отношении органов образования к проблеме школьных музеев. В большинстве территорий на станциях юных туристов имелся методист, курирующий эту работу, велась целенаправленная работа по созданию сети школьных музеев. Вместе с тем имелись факты и другого рода. Так, в Белгородской, Брянской областях и ряде других регионов партийные и другие органы в директивном порядке решали вопрос увеличения численности школьных музеев. Например, в приказе по Брянскому облоно (1986) планировалось к 1990 г. создать в каждой школе музей. Такого рода факты свидетельствовали о поверхностном подходе к проблеме школьных музеев¹¹.

Актуальным вопросом деятельности школьных музеев являлся учет и хранение фондов. В методических рекомендациях по подведению итогов паспортизации были включены документы по сверке фондов с учетной документацией, подготовленные на основании рекомендаций Министерства культуры РСФСР.

Было выявлено, что весьма неудовлетворительной была система постановки на государственный учет наиболее ценных памятников

истории и культуры из фондов школьных музеев. В тот момент на госучете находилось 60 570 единиц хранения (5 % от основного фонда). Работа в этом направлении в различных территориях РСФСР велась неодинаково. В Татарской АССР было поставлено на учет 17 850 памятников, в Краснодарском крае – 4310, в Брянской области – 14 691, в Тамбовской – 651. В Башкирской, Бурятской АССР, Белгородской, Воронежской, Курской областях не было поставлено на госучет ни одного памятника. В отношении последних цифр логично предположить, что отчеты областных СЮТур не дают достоверных сведений, так как они просто их не имели.

Важный показатель социальной значимости школьного музея – передача наиболее ценных экспонатов в государственные музеи. В Татарской АССР было передано 1515 экспонатов, в Тюменской области – 816, Камчатской – 450, Белгородской – 118. С другой стороны, в Тамбовской области только 1 (из 6365 подлинных экспонатов), в Воронежской и Курской областях – ни одного (из 17 978 и 41 445 подлинных экспонатов соответственно)¹². Что говорит о недостаточной работе государственных музеев в этом вопросе.

В этот период ослабла методическая и организационная помощь школьным музеям со стороны государственных. В печатном органе ЦК КПСС газете «Правда» по итогам семинара-совещания руководителей общественных музеев, проведенного Министерством культуры РСФСР в 1986 г., отмечалось «В Российской Федерации сотни государственных музеев. Некоторые из них кое-что в этом направлении [в работе с общественными музеями] делают. Однако случайная, лишенная системы и постоянства помощь малоэффективна. В штатах не предусмотрены работники, которые бы изучали особенности, нужды общественных музеев. Связи Министерства культуры РСФСР с общественными музеями крайне слабы»¹³.

Пристального внимания требовала разработка вопросов, связанных со спецификой школьных музеев. Была необходимость в создании совместными усилиями Министерств культуры и просвещения РСФСР специального научно-методического центра. Важным шагом стало бы выделение во всех государственных музеях научных сотрудников, занимавшихся исключительно вопросами работы со школьными музеями, а в головных музеях – создание специальных отделов, подобных тому, который существовал и оправдал себя в Государственном историческом музее. Необходимо было также в планах государственных музеев выделить специальный раздел по работе со школьниками¹⁴.

Прошло 30 лет со времени описанных в статье событий, а взаимоотношения государственных музеев и музеев образовательных организаций только ухудшились. Автор в последние годы неоднократно участвовал в качестве члена жюри в проведении областных смотров общественных музеев системы образования и может ответственно заявить, что планомерная работа по руководству этими музеями со стороны государственных музеев не ведется, методическая помощь не оказывается, ценные экспонаты на государственный учет не ставятся и не берутся на хранение. И, самое главное, если в 1970–80-е гг. сложилась определенная система взаимодействия органов культуры и образования по руководству этими музеями, то по ныне действующему законодательству такой категории как «общественные музеи» нет, соответственно нет и нормативной базы для такого межведомственного сотрудничества, и, как следствие, в областных краеведческих музеях нет методических отделов по работе с общественными музеями.

В результате многолетних наблюдений можно отметить общие недостатки в работе музеев образовательных организаций, которые не изменились за прошедшие 30 лет:

– в поисково-собирательской деятельности не учитываются реальные возможности и педагогическая целесообразность такой работы для данной школы; не уделяется должное внимание выбору темы, направлению поиска, который ведется без перспективного плана создания или расширения музея;

– в экспозициях музеев отсутствуют материалы о ветеранах войны: учителях, родственниках обучающихся, жителях микрорайона; мало материала о современной жизни страны, о выпускниках школы, проходивших воинскую службу, в том числе в «горячих точках»;

– поисковая работа сводится к переписке, изучению материалов, редко проводятся походы, экспедиции. Тем самым обедняется деятельность следопытов, а также содержание экспонатов музея;

– большинство музеев расположены в приспособленных помещениях, не соответствующих требованиям «Примерного положения о музее образовательного учреждения (школьном музее)»; многие музеи имеют экспозиции, требующие переоформления, а средства на это не выделяются;

– в большинстве музеев не решены вопросы оплаты ставок руководителей (или доплаты) и работа ведется на энтузиазме старшего поколения (часто пенсионеров).

– наблюдается очень низкий уровень знаний руководителей музеев (особенно молодых) по музейной работе, что приводит к ошибкам в собирательской, фондовой и экспозиционной работе. В музеях нет денег для выезда на семинары, работы в архивах, на переписку, изготовление предметов вспомогательных фондов и т.д.;

– во многих музеях не ведется учетно-хранительская документация, практически везде отсутствует официальная передача фондов при смене руководителей музеев, а руководители организаций-учредителей даже не знают, что они персонально отвечают за сохранность фондов. Это приводит к утрате наиболее ценных экспонатов;

– не разработана методика использования материалов музея при изучении учебных предметов, во время проведения внеклассной работы с учащимися, при встречах с родителями, населением микрорайона;

– недостаточно используются возможности музеев для профессиональной ориентации обучающихся;

– ощущается большой дефицит в методической литературе. Та, которая доходит до руководителей музеев, подготовлена не музейщиками, а органами управления образованием и общественными организациями и часто просто переписывается из методик советских времен.

Руководители общественных музеев России в своей работе встречают большие трудности, и только благодаря их упорству и преданности своему делу музеи не только сохранились до сих пор, но и продолжают развиваться. Задачей музейного сообщества в настоящий период является внесение дополнений в Федеральный Закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», касающихся деятельности общественных музеев; разработка и принятие совместных нормативных документов органов управления культурой и образованием по общественным музеям, а также принятие программ по поддержке общественных музеев на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

---

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-1057. Оп. 1. Д. 126. Л. 67–75.

² Архив ФГБОУ ДОД «Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения» (Архив ФЦДЮТиК). Планы работы и отчеты ЦДЮТиК за 1986 г. Справка о работе центральной станции юных туристов Министерства просвещения РСФСР в 1985 году.

³ Архив ФЦДЮТиК. Оп. 1. Д. 1168. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Шалагинов Н.Г. Очерки истории Орловской областной организации ВЛКСМ. Тула, 1990. С.152–153. Подробнее об операции «Самолет» см.: Майоров Г.Н. Без вести пропавшими не считать. Тула, 1985. 87 с.

⁶ Архив ФЦДЮТиК. Оп. 1. Д. 1169. Л. 15, 99, 228.

⁷ Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 145. Д. 71. Л. 85.

⁸ Архив ФЦДЮТиК. Оп. 1. Д. 1169. Л. 15–16, 98.

⁹ Там же. Л. 226; ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 1287. Л. 287–291, 322–326.

¹⁰ Архив ФЦДЮТиК. Оп. 1. Д. 1170. Л. 144.

¹¹ Там же. Д. 1168. Л. 6.

¹² Там же. Л. 7; Д. 1169. Л. 15, 99, 228; Д. 1170. Л. 144.

¹³ Чернов Ю. Неустроенность (заметки о народных музеях) // Правда. 1986. 9 октября. С. 6.

¹⁴ Архив ФЦДЮТиК. Оп. 1. Д. 1168. Л. 8.

В.А. Чернухин, Д.И. Карпов (Санкт-Петербург)

ЗА СТРОКОЙ НАГРАДНЫХ ЛИСТОВ РЯДОВОГО ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ АНДРЕЯ ФИЛАТОВА

В истории Великой Отечественной войны не было территории, жители которой не приняли бы участия в боевых действиях, не было народа, который не дал бы героев, чья легендарная отвага, мужество ковали славу Красной армии. В летопись Великой Победы навечно вписаны имена тысяч славных сыновей и дочерей всех без исключения республик СССР. Они были среди защитников Брестской крепости, Заполярья, Кавказа, воевали в лесах Карелии и в Крыму, участвовали в боях на Курской дуге и в форсировании Днепра, освобождали Украину, Прибалтику и Венгрию, штурмовали Кенигсберг и Берлин, воевали с милитаристской Японией. И если вести речь о главном герое битв и сражений, то их бессмертным героем был рядовой дружной семьи народов, населявших нашу страну и спаянных нерушимыми узами братства. Русские, украинцы, белорусы, узбеки, казахи, грузины, азербайджанцы, литовцы, молдаване, латыши, киргизы, таджики, армяне, туркмены, эстонцы – словом, сыны всех народов Советского Союза встали грудью на защиту своей Родины. Одним из них был уроженец советского Казахстана командир минометного расчета Андрей Алексеевич Филатов. С некоторыми наградными документами его семейного архива мы ознакомились через его родственников, в том числе дочерей Софьи Андреевны Силиверстовой и Нины Андреевны Кишакиной.

Содержание наградных листов свидетельствует о храбром и бесстрашном солдате Победы. В сражениях за Украину, Крым, Севастополь он был удостоен высоких правительственных наград: орденов Отечественной войны II степени, орденов Слава III и II степени, двух медалей «За отвагу» и др. На родине героя в с. Михайловка Мендыкаринского района Кустанайской области трепетно

относятся к памяти об односельчанах, своим героизмом и мужеством совместно с представителями других советских республик завоевавших мирное небо над нашей страной. В школьном музее Боевой славы Андрею Филатову и другим односельчанам посвящена постоянно действующая экспозиция и памятный альбом «Они сражались за Родину» (рис. 1,2).

Рис. 1. Из экспозиции музея на родине А.А. Филатова

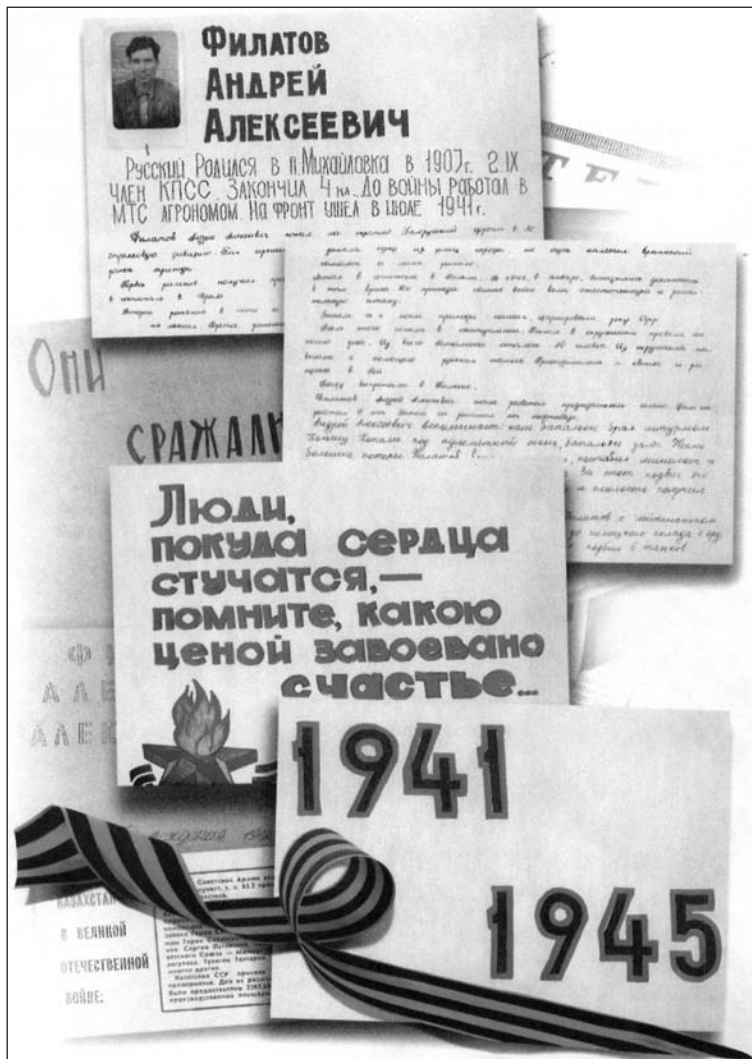

Рис. 2. Из экспозиции музея на родине А.А. Филатова

О многом говорят наградные документы участников Великой Победы. А.А.Филатов, 1907 года рождения, образование 4 класса, накануне войны работал агрономом в родном колхозе. В июле 1941 г. 34-летним молодым человеком был призван в Красную армию.

Андрей Алексеевич – участник Новороссийско-Таманской операции 1943 г. войск Северо-Кавказского фронта (командующий генерал-полковник Л.А. Владимиров) во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией, проведенной в период с 9 сентября по 9 октября 1943 г.) с целью разгрома войск 17-й армии противника и освобождения Новороссийска и Таманского полуострова. Новороссийск был освобожден 16 сентября, а к 9 октября наши войска полностью овладели Таманским полуостровом.

По рассказам дочерей ветерана в его памяти особо отложились бои при прорыве оборонительного рубежа «Голубой линии», созданного немецко-фашистскими войсками в 1943 г. между Черным и Азовским морями на подступах к Таманскому полуострову. К лету 1943 г. его протяженность по фронту равнялась 113 км, глубина 20–25 км. «Голубая линия» состояла из двух оборонительных полос и отсечных позиций, оборудованных системой траншей, ходами сообщения, долговременными оборонительными сооружениями. 1133-й Таганрогский стрелковый полк в составе 339-й стрелковой Таманской Краснознаменной дивизии действовал на одном из важнейших направлений. Командованию полка была поставлена задача – овладеть мощным узлом обороны в районе хутора Молдованское. Первой минометной ротой, в которой наводчиком 120-мм миномета служил Андрей Филатов, предстояла задача поддержать огнем действия пехоты и танков. И с боевой задачей минометный расчет успешно справился. Последовали соответствующие приказы о награждении отличившихся.

Выписка

из приказа по 1133-му Таганрогскому стрелковому полку 339-й Ростовской стрелковой дивизии от 7 сентября 1943 г. № 012/н: Действующая армия.

От имени Президиума Верховного Совета СССР наградить медалью «За отвагу»:

«...15. Наводчика 1-й минометной роты рядового Филатова Андрея Алексеевича за то, что в боях 26–27 июля 1943 г. под хутором Молдованским под артиллерийско-минометным огнем противника, огнем своего миномета дал возможность продвинуться пехоте. Находясь в обороне с 19 по 25 августа 1943 г., уничтожил 30 гитлеровцев, склад с боеприпасами и подавил огонь минометной батареи противника...».

А вскоре отважному воину за октябрьские бои по освобождению Кубани и Таманского полуострова последовало награждение и второй медалью «За отвагу».

(Приказ по 1133-му Таганрогскому стрелковому полку 339-й Ростовской стрелковой дивизии от 30 октября 1943.)

С завершением Новороссийско-Таманской операции завершилась и битва за Кавказ, были созданы условия для ударов по Крымской группировке врага со стороны моря и Керченского пролива. При освобождении в 1944 г. младший сержант Андрей Филатов отличился в боях за г. Керчь, за что был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Говоря о статусе ордена, можно отметить, что это был первый орден, учрежденный в Великую Отечественную войну. Во время войны солдаты говорили: «Заслужил орден Отечественной войны – достойно боролся за Отечество». К этим орденам представляли тех, кто разрушал особо важные объекты в тылу противника, сбивал не менее трех самолетов, захватывал и приводил на базу вражескую технику, кто, командуя частью или подразделением, уничтожал превосходящего числом противника.

За участие в боях по освобождению Польши и в Берлинской операции он был удостоен солдатских орденов Славы III и II степеней.

Несколько слов об истории создания ордена Славы. В ходе работы по созданию высшего военного ордена «Победа» наркомат обороны еще в июне 1943 г. высказал идею о создании чисто солдатского ордена, которым предполагалось награждать рядовой, сержантский и старшинский состав Красной Армии. В августе Техком ГИУ КА приступил к созданию такой награды силами группы художников, имевших большой опыт в этом деле. Солдатский орден планировалось сделать многостепенным и назвать его именем Багратиона. 2 октября отобранные проекты были представлены Сталину, который одобрил идею создания солдатской награды в виде пятиконечной звезды с георгиевской лентой (проект художника Н.И. Москалева) и предложил назвать награду орденом «Слава». 5 октября Сталин рассмотрел новый проект ордена «Слава» в четырех степенях с профилем Сталина и дал указание: поместить на ордене изображение Кремля со Спасской башней в центре (вместо портрета Сталина), надпись «Слава» разместить на красной эмалевой ленточке и установить три степени ордена: первая степень – золотая, вторая и третья – серебряные. Статут ордена Славы содержал конкретное описание 32-х подвигов, за которые могла быть вручена та или иная степень этой награды. Награждение орденом Славы производилось строго последовательно, начиная с третьей степени, которой имели право награждать командиры корпусов и дивизий, а орденом II степени – командующие фронтами и армиями. Орден Славы I степени вручался только по Указу Президиума ВС СССР. Указ об учреждении

ордена Славы I, II и III степеней подписан одновременно с Указом об учреждении ордена «Победа», то есть 8 ноября 1943 г.

Лица, удостоенные орденов Славы всех трех степеней, именуются кавалерами ордена Славы и практически приравниваются к Героям Советского Союза (Российской Федерации), но их значительно меньше, чем Героев. К 1990 г. количество Полных кавалеров ордена Славы составило 2620 человек. В СССР было четыре Героя Советского Союза, которые одновременно являлись и Полными кавалерами ордена Славы. В то же время несколько Полных кавалеров ордена Славы в послевоенный период за самоотверженный труд стали Героями Социалистического Труда. Кавалеры ордена Славы любой степени – это гордость и слава нашего Отечества.

Выписки

из наградных листов на представление Андрея Филатова к награждению орденами Славы III и II степеней.

О награждении орденом Славы III ст.: 15 января 1945 г. в боях за шоссе на дорогу на Цепелюв при прорыве сильно укрепленной обороны немцев на плацдарме на западном берегу р. Вислы, когда противник сильным огнем заставил залечь пехоту, быстро выдвинулся вперед, установил миномет в 200-х метрах от противника и метким огнем уничтожил три огневых точки противника и 10 немецких солдат, тем самым обеспечил выполнение ротой боевой задачи.

Достоин третьей правительственной награды – ордена Славы III степени.

Командир 1133 стрелкового Севастопольского полка майор Сакуненко

23 января 1945 г.

О награждении орденом Славы II ст.: В боях по прорыву вражеской обороны и расширению плацдарма на западном берегу реки Одер проявил смелость и отвагу. 16 апреля 1945 года в боях за населенный пункт Лоссов, где противник яростно сопротивлялся и вел сильный огонь, когда весь минометный расчет вышел из строя, не прекратил огня и уничтожил один миномет, один ручной пулемет и 11 гитлеровских солдат и офицеров, способствовав тем самым быстрому захвату пехотой населенного пункта.

Достоин четвертой правительственной награды – ордена Славы II степени.

Командир 1133 стрелкового Севастопольского полка майор Сакуненко

20 апреля 1945 г. (рис. 3).

ОРДЕН СЛАВЫ
II степени (№34141)

Архив ЦАМО фонд 33 опись 686196
ед.хранения 4250

№: 1167.457

Вся графа заполнять полностью

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество Филатов Андрей Алексеевич

2. Звание сержант

3. Должность, часть, командира, рода войск линейный роты 1133 стрелкового Севастопольского полка 339
Севастопольского танково-бронетанкового ордена Суворова дивизии

Представляется к ордену "Слава 2-ой степени"

4. Год рождения 1907 5. Национальность русский 6. Наречность хитов (Кавказ) / огуз.

7. Участие в гражданской войне и последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) с 13.2.1943г. в СКВ, Огд. Прииртиска
всплыв и Геленджикский фаранг

8. Имеет ли ранения и контузы в отечественной войне ранения не имеет

9. С какого времени в Красной Армии с 18.12.1941г. 10. Каким РВК призван и мобилирован РВК, Кустанайской области

11. Чем ранее награжден (на какие ордена) орд. "Отважный боец" № 022/11
№ 24.5.47г. 16 СК; орд. "Слава 3-ей ст." № 16 СК
№ 11 от 9.2.48г.; орд. "За боев" № 1133 от 08.11.48 от 30.8.43

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В боях по прорыву вражеской обороны и расширению плацдарма на западном берегу реки Шер проводил смелые и отважные действия. В апреле 1945 года в боях за населенный пункт Лоссе, где проявил яростно сопротивлялся и вел смелый огонь, когда во время интенсивного расчета вышел из строя, не прекратил огня и уничтожил один танкетку, своим ручным пулеметом и II ротирских солдат в офицеров, способствовал тем самым быстрому захвату пехотой населенного пункта.

Представитель четвертой правительственной награды - ордена
СЛАВЫ II СТЕПЕНИ

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ФИЛАТОВ
СЕРЖАНТ 1133 СРЕЛКОВОГО СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОЛКА

Кавказ /САХУНЕНКО/

20.4.45г.

Рис. 3. Наградной лист на представление к ордену Славы II степени А.А. Филатова

Н.Г. Чигарева (Санкт-Петербург)

НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЕ ЖЕНСКИЕ ИМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В сентябре 1914 г. в журнале «Новое время» было опубликовано стихотворение «Сестра» (П. Вильде):

«Незнакомая, чужая,
У походного одра
Всем близка ты, всем родная,
Милосердия сестра.
Из столичной ли ты знати
Или род безвестен твой, –
Ты к больной, родимой рати
Входишь ласковой сестрой.
Где от вражьего пореза
Кровь струилася ручьем,
Где входило в грудь железо,
Ты стоишь с своим крестом.
Света блеск, веселья звуки
Ты сумела позабыть
И изнеженные руки
В раны тяжкие вложить.
Породила вас невзгода, –
И богатых, и простых,
Все вы – дочери народа,
Все вы – сестры для своих...
Эти раны – ваши раны,
Эта кровь – и ваша кровь.
На один вы подвиг званы
И у всех одна любовь.

От жестокого соседа
Мать-Россию отобьем,
Будет русская победа
И с железом и с крестом.
Незнакомая, чужая
У походного одра,
Всем близка ты, всем родная,
Милосердия сестра.

Приведенные строки отдают дань высоте духа российской женщины, чувству сострадания, побуждающего ее в минуты народных бедствий отдавать себя беззаветному служению нуждающимся в помощи. Они являются своеобразным гимном, посвященным сестрам милосердия Первой мировой войны.

Россия в Первую мировую войну еще раз подтвердила благородство, мужество и героизм русских женщин, воспетых музой Н.А. Некрасова. Всех сблизила, уравнила одна благородная и высокая цель – помощь защитникам родины и сознание опасности, грозящей отечеству. Это было время великих русских женщин – женщин с «душой могучего титана и с сердцем лучезарным херувима»¹.

Женщины были в госпиталях, на вокзалах, где встречали раненых, на улицах в дни сборов на разные благотворительные цели, связанные с войной. Женщины были там, где страдали и ждали помощи и утешения. Незнакомые женщины словом и делом помогали русскому воинству. Они писали письма на родину, отыскивали родных и земляков, собирали деньги и вещи, устраивали мастерские для выздоравливающих раненых, помогали беженцам, семьям раненых и погибших, тем, кто стал инвалидом.

Медицинская и социальная помощь раненым была отлажена только к 1916 г., когда приняла более целенаправленный характер. Первоначально многое делалось на основе частной инициативы. Это движение в помощь воинству, в помощь раненым приобрело в Первую мировую всеобщий характер.

Большая армия женщин работала сестрами милосердия в лазаретах, госпиталях, на передовых позициях. По статистике число добровольных сестер милосердия в 25 раз превышало число сестер из всех общин. Среди них были представительницы императорской фамилии, первые аристократки России, а рядом – женщины среднего и низшего сословий².

К 1915 г. в России существовало 115 общин сестер милосердия, находившихся в ведении Общества Красного Креста, кроме того, сестры состояли при трех местных управлениях и двух комитетах Российского Общества Красного Креста (РОКК), Евангелическом госпитале и четырех иностранных больницах Петрограда³. Летом 1914 г., когда началась Первая мировая война, Красный Крест насчитывал 39 000 членов, на местах работало 97 управлений и 465 комитетов, действовало 109 общин сестер милосердия, при них были открыты 84 больницы на 2559 коек, 9 родильных приютов, 10 аптек, 120 амбулаторий. К началу войны в РОКК состояло 1000 врачей и 2500 сестер, в запасе числилось 750 сестер, еще 1000 женщин проходили обучение на курсах при общинах⁴.

На 1 июня 1916 г. на фронт было отправлено 15 326 сестер, которые обслуживали 2117 полевых и тыловых учреждений Красного Креста: 71 госпиталь, рассчитанный на 44 700 кроватей, 120 этапных и подвижных лазаретов, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пункты, 23 дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургические отряды, 3 плавучих госпиталя на Черном море, 23 бактериологические лаборатории, 6 полевых складов⁵.

В процесс оказания помощи русскому воинству активно включились представительницы императорской фамилии. Они организовывали лазареты, санитарные поезда, склады белья и медикаментов, приюты и мастерские для увечных воинов, оказывали помощь семьям солдат, собирали посылки для военнопленных, жертвовали в пользу раненых, работали сестрами милосердия. Так, великие княжны Милица Николаевна и Анастасия Николаевна работали в Комитете помощи раненым и больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам, а их дочери Марина Петровна и Надежда Петровна и герцогиня Елена Георгиевна трудились сестрами милосердия в лазарете при Киево-Покровском женском монастыре⁶.

Прифронтной госпиталь № 3 общины Св. Евгении Красного Креста 23 сентября 1914 г. был развернут в Пскове. Наиболее светлым и ярким воспоминанием у солдат, лечившихся в этом госпитале, осталось воспоминание о «старшей сестре» великой княгине Марии Павловны младшей, которая следила за ходом операций, вникала в курс лечения, особенно в случаях тяжелых ранений, искусно делала перевязки, оказывала помощь и поддержку во всех нуждах госпитальной жизни⁷.

Императрица Александра Федоровна и ее дочери Ольга и Татьяна посещали курсы обучения сестер милосердия, организованные В.И. Гедройц, занявшей должность врача Царскосельского дворцового госпиталя. Простыми сестрами милосердия они ежедневно трудились в Царскосельском лазарете: подавали инструменты на операциях, делали перевязки, в том числе самые сложные, требовавшие большого профессионального мастерства, ухаживали за ранеными, чистили инструменты, работали на складе – готовили к отправке на фронт одежду и медикаменты. В сохранившихся дневниках великой княжны Ольги Николаевны приведены имена всех раненых, которым она делала перевязки⁸.

Большую помощь раненым оказывала младшая сестра царя Ольга Александровна, которая работала как простая сестра милосердия сначала в прифронтовом лазарете в Ровно, затем в военном лазарете в Киеве. Наравне с другими медсестрами ее рабочий день начинался с 7 утра и порой длился всю ночь, когда надо было перевязывать вновь прибывших раненых. Под ее покровительством находился лазарет, рассчитанный на 20 больных и оборудованный на средства сотрудников «Нового времени» и «Вечернего времени»⁹.

Наряду с царскими особами, многие представительницы высшего света также участвовали в организации лазаретов и госпиталей, становились сестрами милосердия. Так, много сердечности в обращении с ранеными проявляла Зинаида Николаевна Юсупова. «Она знала о состоянии здоровья всех больных, находившихся на излечении в их госпитале, развернутом в Петроградском дворце, а в Коренз ей ежедневно присылали телеграммы с указанием их температуры. Когда при мне в санатории появился трудно больной генерал, начальник штаба 7-го корпуса, то княгиня всегда с утра интересовалась его здоровьем и лично заботилась о вызове врача-специалиста из Ялты»¹⁰.

Самое активное участие в оказании помощи раненым и больным воинам принимали общины сестер милосердия. Так, Александровская община сестер милосердия Российского Общества Красного Креста в 1914 г. сформировала на театре военных действий 7 лечебных заведений, в 1915 г. еще один этапный лазарет был отправлен на Кавказский фронт¹¹. Община сестер милосердия имени генерал-адъютанта М.П. Фон-Кауфмана и школы сиделок Красного Креста в 1914 г. организовала и отправила на театр военных действий 6 больших госпиталей и 5 лазаретов¹². В лазарете Свято-Троицкой общины сестер милосердия с сентября 1915 г. по 1 января 1916 г. находилось на лечении 1487 человек¹³.

В августе 1914 г. на железнодорожных вокзалах прифронтового Смоленска Смоленской общиной сестер милосердия была оказана помощь почти 20 тыс. человек из 40 эшелонов. В отдельные дни число перевязанных раненых доходило до 1000 и более. За время ведения военных действий смоленские сестры милосердия оказали попечение тысячам раненых и больных солдат и офицеров¹⁴.

Деятельность сестер милосердия практически всегда заслуживала самой высокой оценки и слов благодарности от раненых и больных. «И санитары и больные нас обожали: все выписавшиеся больные нам писали письма... Бывали письма очень трогательные... писали письма так: «Лети мой листок, на Дальний Восток, и никому в руки не давайся, как только моей сестрице милосердной!» Часто бывали наклеены картинки, голуби, незабудки... Мы на каждое первое письмо отвечали... Мы хранили все письма, и у нас их набралось несколько больших пачек»¹⁵.

В Военно-медицинском музее сохранились письма раненых к Е.К. Эвенбах, которая, окончив курсы сестер милосердия, сначала работала в госпитале с сыпнотифозными больными, а в 1916 г. ушла в действующую армию на Северо-Западный фронт. Необыкновенная воля и нравственная чистота были присущи этой скромной девушке. Она находила время для обучения солдат грамоте и поддерживала переписку с ними. Один из них писал ей 03.12.1915 г.: «...шлю я вам дорогая сестрица свое глубочайше подщинеие затем благодарю я вас заваше глубоко сочюствие к нам и за ваш искренний труд что вы нас не забываете... Н.А.Вохменцев» (орфография и пунктуация оригинала)¹⁶.

Сестры милосердия в Первую мировую войну продолжали лучшие традиции первых общин сестер милосердия (Святой Троицы, Крестовоздвиженской и др.). Многие сестры милосердия проявляли чудеса героизма, за что были награждены Георгиевскими медалями. Ниже приведены имена некоторых сестер милосердия, которые были удостоены этих наград.

Сестра милосердия В.Т.Матвеева – старшая сестра Елизаветинского подвижного лазарета – была награждена медалью на Георгиевской ленте¹⁷. Сестра милосердия Н.П.Тирбах за самоотверженную работу в боях под огнем награждена Георгиевской медалью¹⁸. Е.В.Ковалевская, старшая сестра милосердия питательно-перевязочного пункта за самоотверженную работу под огнем неприятеля была награждена Георгиевской медалью 4-й степени¹⁹. Сестра милосер-

дия Георгиевской общины Н.П. Белецкая была награждена Георгиевскими медалями 4-й и 3-й степени²⁰. Сестра милосердия Георгиевской общины В.Ф. Церпицкая была награждена Георгиевскими медалями 4-й и 3-й степени и золотой за усердие, за деятельность в течение 20 месяцев на войне²¹. Сестра милосердия общины св. Георгия Н.Т.Чижик была награждена Георгиевской медалью 4-й степени за работу под огнем неприятеля на Юго-Западном фронте²². Сестра милосердия Георгиевской общины Л.И. Любимова награждена Георгиевской медалью «За храбрость» 1-й степени²³. Сестра милосердия Симферопольской общины Красного Креста Н.С. Федорова награждена Георгиевской медалью 4-й степени²⁴. Н.А. Лебедева, сестра милосердия Кауфманской общины, работала в лазарете № 2 Мраморного дворца. За работу под огнем неприятеля была награждена Георгиевской медалью²⁵. Три сестры милосердия Кауфманской общины были удостоены награждения Георгиевской медалью лично императором: М. Гэде получила Георгиевскую медаль 4-й степени; Т.К.Тхоржевская – Георгиевскую медаль 3-й степени; Н.И. Долгокурова – Георгиевскую медаль 3-й степени²⁶. Сестра милосердия Харьковской общины Е. Арнольди за оказание помощи раненым под огнем неприятеля награждена Георгиевской медалью 4-й степени²⁷. Сестра милосердия Е.Е. Аничкова работала во время боев под Лодзью, за них получила медаль на Георгиевской ленте, попала в плен. Была освобождена летом 1915 г.²⁸ Сестра милосердия И.В. Пуаре в начале военных действий была отправлена в действующую армию в качестве сестры милосердия военного времени и находилась там без перерыва с 14 августа 1914 г. по июнь 1915 г. Была награждена медалью на Георгиевской ленте за то, что при отходе наших войск в числе последних продолжала работать и перевязывать раненых под обстрелом неприятеля²⁹. Сестра милосердия Л.И. Широкова, донская казачка, за работу на позициях в подвижном полевом госпитале Красного Креста имени Русского учительства была награждена Георгиевской медалью 4-й степени³⁰. За оказание помощи раненым под ружейным огнем в передовых окопах сестра милосердия К.В. Цуккерман (урожд. Боссе) была награждена Георгиевской медалью 4-й степени³¹. Сестра милосердия Е.И. Созонович работала на фронте в течение 18 месяцев. За работу под неприятельским огнем была награждена Георгиевской медалью 4-й степени³². Сестра милосердия Е.В. Смирнова награждена Георгиевской медалью³³. Сестра милосердия М. Худолей награждена медалями на Георгиевской ленте 3-й

и 4-й степени³⁴. Сестра милосердия Х.Г. Резникова была награждена Георгиевской медалью 3-й степени³⁵. Сестра милосердия Н.А. Пержхайло была награждена Георгиевской медалью 4-й степени³⁶. Сестра милосердия Л.Ф. Пержхайло награждена Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степени³⁷. Сестра милосердия М.И. Созонович награждена Георгиевской медалью 4-й степени³⁸. Сестра милосердия Л.П. Ренненкамф получила Георгиевскую медаль 4-й степени³⁹. Н.К. Тхоржевская, старшая сестра милосердия передового хирургического отряда № 1 за работу под огнем неприятеля была награждена двумя Георгиевскими медалями⁴⁰. Сестра милосердия О.А. Кабелина, работающая на Кавказском фронте, была награждена Георгиевской медалью 4-й степени⁴¹. Сестры милосердия В.А. Линевиц и Т.А. Линевиц были награждены Георгиевскими медалями 4-й степени⁴². Сестра милосердия С.Д. Щербачева была награждена Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степени и золотой «За усердие» на Анненской ленте⁴³. Сестра милосердия Н.В. Машеко за работу в санитарном поезде Красного Креста в Галиции была награждена Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степени⁴⁴. Сестра милосердия 484-го полевого подвижного госпиталя Н.Г.Дубинина была награждена Георгиевской медалью 3-й степени⁴⁵. Артистка Малого театра О.А. Дитлова-Пеликан с начала войны работала сестрой милосердия 36-го передового летучего отряда. Получила две золотые медали «За усердие» и две Георгиевские медали 4-й и 3-й степени⁴⁶. Сестра милосердия Н.М. Вандам получила Георгиевскую медаль 4-й степени⁴⁷. Сестра милосердия головного эвакуационного отряда Ю. Пучковская была награждена Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степени «За самоотверженную храбрость». Находясь под обстрелом неприятельской артиллерии и будучи оглушена сама, несмотря на опасность для жизни, она продолжала перевязывать раненых⁴⁸. Бывшая уполномоченная Туркменского отряда Красного Креста Е.Б. Мавилло награждена Георгиевскими медалями и Георгиевским крестом 4-й степени⁴⁹.

Среди награжденных сестер милосердия следует отметить дочь писателя Л.Н. Толстого Александру, которая вспоминала: «Я не могла сидеть дома, я должна была участвовать в общей беде.... Я решила идти сестрой милосердия на фронт...»⁵⁰. Пройдя краткие курсы сестер милосердия в Звенигородском госпитале и выдержав экзамен на сестру милосердия военного времени, она сначала работала хирургической сестрой в госпитале, а затем была переведена на фронт. С Первой мировой войны она вернулась в декабре 1917 г. с тремя

Георгиевскими медалями⁵¹. Многие сестры милосердия испытывали аналогичные чувства сопричастности к беде, постигшей их отечество. «Только через три дня после объявления мобилизации мы узнали, что это война. Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома», – писала Т.А. Варнек («Воспоминания сестры милосердия»)⁵².

Длинный список сестер милосердия можно продолжить другими славными, но порой незаслуженно забытыми именами.

Большинство сестер милосердия в Первую мировую войну рисковали своей жизнью, многие погибли, будучи совсем молодыми. Так, уже на первое ноября 1915 г. 28 сестер милосердия скончались, заразившись инфекционными заболеваниями, четверо лишились жизни в результате несчастных случаев, пятеро было убито, а двенадцать кончили жизнь самоубийством⁵³.

Достаточно хорошо известен героический поступок сестры милосердия Первой мировой войны Риммы Михайловны Ивановой. Она добровольно ушла в действующую армию и, невзирая на угрозы офицеров и своего брата, полкового врача, работала под огнем неприятеля, перевязывая раненых. Вынесла из-под огня около шестисот раненых воинов. 10 сентября, когда командир и офицеры 10-й роты 105-го пехотного Оренбургского полка были убиты, она, несмотря на сильнейший огонь неприятеля, собрала солдат и бросилась с ними на вражеский окоп, который был взят. Саму Р.М. Иванову смертельно ранили, и она скончалась. Была первой женщиной в России, награжденной за боевой подвиг офицерским орденом св. Георгия 4-й степени⁵⁴. В фондах Военно-медицинского музея сохранились воспоминания солдата 83-го пехотного Самурского полка А.П. Макарова, который после окончания Московской военно-фельдшерской школы, в возрасте 18 лет был направлен в действующую армию на фронт и трудился на амбулаторных приемах у доктора П.С. Ковалевского: делал перевязки, закапывал капли, ставил сухие банки, раздавал лекарства и т. п. В этой работе ему помогала Р.М. Иванова. Часто она уходила на передовую линию фронта в окопы 11-й роты полка, где являлась штатным ротным фельдшером. В работе ею руководило желание помочь и облегчить страдание солдата. О сестре милосердия Р.М. Ивановой А.П. Макаров пишет: «До сих пор при воспоминаниях о ней, передо мной встает образ этой патриотки-героини, исключительно человеческой женщины, так ярко продемонстрировавшей свою любовь к раненому и больному солда-

ту... Она поражала меня своей скромностью, деликатностью, добротой душевной... Любили и уважали ее солдаты не только своего подразделения, но и всего полка...»⁵⁵

Сведения о других раненых или погибших сестрах милосердия мало известны. Так, сестра милосердия В.М. Ричко погибла на Кавказском фронте⁵⁶. Сестры милосердия княжна А.С. Андроникова⁵⁷ и Г.Ю. Медзыховская⁵⁸ погибли на госпитальном судне «Португалия» (18 марта 1916 г. близ Фатье подводная лодка выпустила две мины по госпитальному судну «Португалия», одна из которых попала в машинное отделение, и судно пошло ко дну. На момент взрыва на борту насчитывалось 273 человека. Из 36 сестер милосердия, находящихся на судне, только 11 были подобраны шлюпками).

Старшая сестра Кауфманской общины Кексгольмского перевязочного пункта О.А. Селезневская была тяжело ранена в голову. Награждена Георгиевской медалью с надписью «За храбрость»⁵⁹. Сестра милосердия М. Мысливчик, раненная осколком бомбы, была представлена к награждению медалью на Георгиевской ленте 4-й степени⁶⁰. Старшая сестра милосердия 16-го передового отряда В.Д. Шведова была ранена и контужена⁶¹. Сестра милосердия Фелькерзам в Новогеоргиевске была ранена снарядом в ногу, которую ампутировали. Оперировали ее под лестницей в полутемном помещении во время штурма крепости немцами. Через несколько минут после операции под окном помещения, в которое перенесли раненую, разорвался снаряд, осыпавший ее многочисленными осколками⁶². Сестра милосердия А.Е. Антонова скончалась от гнойного заражения крови при перевязке раненого⁶³. Сестра милосердия общины св. Георгия баронесса Е.Н. Штемпель в течение 10 месяцев работала в хирургическом отделении общины, выполняя самые ответственные обязанности по уходу за тяжело ранеными. Не выдержав тяжелой работы и бессонных ночей, умерла в 20-летнем возрасте⁶⁴. Сестра милосердия Н.Л. Владимирова работала на Юго-Западном фронте на передовых позициях. Скончалась 27 мая 1916 г. от воспаления легких и скарлатины⁶⁵. Сестра милосердия Елизаветинской общины О.Г. Панаева, работая на передовых позициях, простудилась и умерла⁶⁶. Графиня Е.Н. Игнатьева, старшая сестра организации Великой княгини Марии Павловны скончалась в санитарном поезде на своем посту⁶⁷.

В сентябре 1914 г. сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна выступила с инициативой устройства всероссийского «Братского кладбища для воинов, умерших в настоящую войну,

и для сестер милосердия Московских общин» на месте сада села Всехсвятского (участок, находящийся в пяти верстах от Тверской заставы, был приобретен Думой 27 ноября 1914 г.). 15 февраля 1915 г. состоялось открытие Братского кладбища и проведены первые погребения⁶⁸. В августе 1915 г. на кладбище были выделены участки для сестер милосердия, скончавшихся в Первую мировую войну. Планировалось возведение грандиозного храма, архитектурных памятников и военно-исторического музея. После войны предполагалось издать «Золотую книгу» с биографиями всех умерших сестер. Этот проект так и не был осуществлен, кладбище после революции было застроено, и только часть его территории осталась свободной.

Помимо оказания помощи раненым и больным сестры милосердия становились членами специальных делегаций Российского общества Красного Креста, которые во время войны посещали лагерь военнопленных и наблюдали за их содержанием. При посредничестве международного Красного Креста выезжали в Германию, Австро-Венгрию через третьи страны, в основном через Швецию и Данию. Так, в состав делегации, посетившей лагеря Германии, где содержались русские военнопленные, входили сестры милосердия Н.И. Оржевская (урожд. княгиня Шаховская), фрейлина императрицы К.М. Казем-Бек; Е.А. Самсонова⁶⁹.

Сестры милосердия Красного Креста были командированы также в Австро-Венгрию для осмотра мест содержания русских военнопленных. Они отмечали, что военнопленные размещались в лагере на 23 000 человек, в грязных бараках, кишящих насекомыми, голодали, работали по прокладке рельсового пути в г. Мархтрэнк. По воспоминаниям сестры милосердия Е.А. Самсоновой положение русских военнопленных в лагерях было бедственным: голод, вспышки эпидемии сыпного тифа, многочисленные психические заболевания, большая смертность среди пленных. «За малейшие провинности пленных бьют, подвергают подвешиванию, привязывают к столбу, заставляют стоять смирно по несколько часов подряд, повернув лицо к солнцу, и смотреть на солнце или стоять смирно, держа тяжелое бревно на плече»⁷⁰.

Нередко сестры милосердия сами попадали в плен. Так, сестры милосердия Панова, Савицкая, Лазарева, Криворукина, Ефименко, Сергеева, Потемкина, Гrepень, Кураш, Апостолова, Слива, Унька, Григорьева, Школьник, Плохова, Блейвиг, Олевич, Шеняковская, Кремская, Куликова, Лукоянова, Будиловская, Жарова, Е. Даровская

и др. некоторое время находились в германском и австрийском плену, затем были возвращены на родину⁷¹. В течение четырех месяцев в немецком плену пробыли сестры милосердия З.М. Баранова, А.К. Розенберг, Е.Д. Френкель, Н.И. Шреннер⁷². Сестра милосердия 310-го полевого подвижного госпиталя Б. Радонич, находившаяся в плену в Германии, писала: «Станный взгляд у немцев на военнопленных, на которых смотрят как на мелких преступников, забывая совершенно, что тысячи и тысячи их же находятся в плену в России и в других странах. Здесь оскорбляют пленных на каждом шагу, называют свиньями, показывают кулаки, которые бы (не будь часовых) зачастую и в ход пустили...»⁷³

В Первую мировую войну женщины работали в лазаретах, госпиталях, на передовых позициях не только как сестры милосердия, но и в качестве врачей. Так, во Втором всероссийском земском лазарете в г. Оренбурге помощь воинам оказывали врач Хомантовская, врач Н.А. Пештич, а также побывавшая в окопах сестра милосердия Ледер (урожд. Пароменская) и др.⁷⁴. В операционной при Высших женских курсах главному врачу доктору медицины И.Я. Фомину ассистировали: В.И. Николаева-Маляревская, Т.А. Розенцвейг, О.А. Тверитина, Н.И. Котова⁷⁵. А врач 2-го перевязочно-питательного отряда Российского Общества Красного Креста К.С. Понсар за самоотверженную работу по оказанию помощи раненым в боях была награждена Георгиевской медалью⁷⁶.

В заключение необходимо отметить, что сведения об участии женщин в событиях Первой мировой войны, в частности, о деятельности сестер милосердия ограничены, поскольку основные моменты тех лет были описаны спустя какое-то время после их окончания. Кроме того, начавшиеся революционные события не располагали к воспоминаниям и подробным отчетам о деятельности женщин и сестер милосердия. Имена участниц Первой мировой войны забыты, а «Золотая книга» не написана.

---

¹ Великая война в образах и картинах. 1916. Вып. III. С. 127.

² Там же. С. 126.

³ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: Изд-во «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. С. 176.

⁴ Чистяков О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. 2009. 26 с.

- ⁵ Краткий обзор продолжающейся деятельности Российского Общества Красного Креста по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг.: Государственная типография, 1916. 71 с.
- ⁶ Л. Тютюнник. Сострадание. Женщины царской фамилии на войне // Родина. 1993. № 8–9. С. 138–143.
- ⁷ Новое время. 1916. № 14323. С. 25–26.
- ⁸ Л. Тютюнник. Сострадание. С. 138–143.
- ⁹ Новое время. 8 ноября 1914 г. № 13887. С. 62.
- ¹⁰ В.М. Догалин. На фронте и в тылу. Воспоминания о первой мировой // Воен.-истор. журнал. 2010. № 4. С. 75.
- ¹¹ Отчет Александровской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны за 1915 г. Пг., 1916. 61 с.
- ¹² Отчет Комитета Российского общества Красного Креста общины сестер милосердия имени Ген.-Ад. М.П. Фон-Кауфмана и школы сиделок Красного Креста с 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г. Пг., 1915. 87 с.
- ¹³ Отчет о состоянии и деятельности Свято-Троицкой общины сестер милосердия за 1915 г. Пг., 1916. 31 с.
- ¹⁴ Е.Л. Коноплева. Вклад Смоленской общины сестер милосердия Красного Креста в оказание медицинской помощи населению в конце XIX – начале XX века // Пробл. соц. гиг., здравоохран. и истории мед. 2011. № 2. С. 59–60.
- ¹⁵ Добровольцы. М.: «Русский путь», 2001. С. 31.
- ¹⁶ Фонды Военно-медицинского музея. КПОФ 82548/27.
- ¹⁷ Новое время. 1914. № 13873. С. 350.
- ¹⁸ Там же. № 13887. С. 364.
- ¹⁹ Там же. 1915. № 14004. С. 76.
- ²⁰ Там же. № 14212. С. 318.
- ²¹ Там же. 1916. № 14483. С. 228.
- ²² Там же. № 14637. С. 441.
- ²³ Там же. № 14546. С. 300.
- ²⁴ Там же. № 14434. С. 162.
- ²⁵ Там же. 1915. № 14004. С. 77.
- ²⁶ Там же. № 14240. С. 346.
- ²⁷ Там же. № 14066. С. 146.
- ²⁸ Там же. № 14100. С. 188.
- ²⁹ Там же. № 14114. С. 204.
- ³⁰ Там же. 1916. № 14457. С. 193.
- ³¹ Там же. № 14457. С. 197.
- ³² Там же. № 14434. С. 162.
- ³³ Там же. № 14553. С. 311.
- ³⁴ Летопись войны 1914–1916 гг. № 74. С. 1180.
- ³⁵ Новое время. 1916. № 14637. С. 441.
- ³⁶ Там же. № 14323. С. 29.
- ³⁷ Там же. № 14379. С. 101.
- ³⁸ Там же. № 14379. С. 100.
- ³⁹ Там же. № 14330. С. 34.
- ⁴⁰ Там же. № 14344. С. 53.

- ⁴¹ Там же. 1915. № 14121. С. 215.
- ⁴² Там же. 1916. № 14413. С. 139.
- ⁴³ Там же. № 14427. С. 156.
- ⁴⁴ Там же. 1915. № 14163. С. 259.
- ⁴⁵ Там же. № 14191. С. 294.
- ⁴⁶ Там же. № 14198. С. 299.
- ⁴⁷ Там же. 1917. № 14711. С. 50.
- ⁴⁸ Там же. 1915. № 14275. С. 387.
- ⁴⁹ Там же. 1916. № 14434. С. 162.
- ⁵⁰ А.Л. Толстая. Дочь. М.: АО «Книга и бизнес», 1992. С. 34.
- ⁵¹ Там же. С. 3.
- ⁵² Добровольцы. М.: «Русский путь», 2001. С. 10.
- ⁵³ Краткий обзор деятельности Российского Общества Красного Креста по оказанию помощи раненым и больным воинам на театрах войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в 1914–1915. Пг.: Государственная типография. 1916. С. 15–17.
- ⁵⁴ Новое время. 1915. № 14240. С. 34.
- ⁵⁵ Фонды Военно-медицинского музея. ВФ 3619.
- ⁵⁶ Новое время. 1915. № 14261. С. 371.
- ⁵⁷ Там же. 1916. № 14469. С. 213.
- ⁵⁸ Там же. № 14525. С. 275.
- ⁵⁹ Там же. № 14518. С. 488.
- ⁶⁰ Летопись войны 1914–1916 гг. № 74. С. 1180.
- ⁶¹ Новое время. 1915. № 14100. С. 188.
- ⁶² Там же. 1916. № 14323. С. 29.
- ⁶³ Там же. 1915. № 14177. С. 279.
- ⁶⁴ Там же. № 14100. С. 205.
- ⁶⁵ Там же. 1916. № 14511. С. 260.
- ⁶⁶ Летопись войны 1914–1915 гг. № 30. С. 1180.
- ⁶⁷ Там же. № 44. С. 712.
- ⁶⁸ С. Пашенин. Братское кладбище // Родина. 2004. № 9. С. 40.
- ⁶⁹ Новое время. 1915. № 14184. С. 284.
- ⁷⁰ Е.А. Самсонова Две командировки в Германию для осмотра военнопленных. Пг., 1917. С. 6.
- ⁷¹ Новое время. 1916. № 14464. С. 204.
- ⁷² Летопись войны 1914–1915 гг. № 45. С. 718.
- ⁷³ Б.Радонич. Дневник сестры милосердия, прожившей в германском плену без малого 4 месяца. Пг., 1915. С. 55.
- ⁷⁴ Летопись войны 1914–1915 гг. № 42. С. 676.
- ⁷⁵ Там же. № 58. С. 934.
- ⁷⁶ Новое время. 1917. № 14718. С. 58.

А.Н. Чубинский (Москва)

КЛАССИФИКАЦИЯ ОРУЖИЯ В ПЕРЕПИСНОЙ КНИГЕ ГОСУДАРЕВОЙ ОРУЖЕЙНОЙ КАЗНЫ 1687 ГОДА

Письменный источник, включающий наибольшее количество наименований оружия и оружейной лексики допетровского времени, – Переписная книга царской оружейной казны 1687 г.¹ – был известен историкам по крайней мере с начала XIX в. Большая часть описаний древнерусского оружия в первом томе «Историческое описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова была дана на основании анализа Переписной книги 1687 г. Словари А.Ф. Вельтмана² и П.И. Савваитова³ также непосредственно отталкивались от текстов этой описи царского оружия. Приведем отзыв известного археографа А.Е. Викторова, который впервые дал подробное описание этого документа: «Рассмотренная опись, по отзывам специалистов, из всех известных подобного рода памятников, представляет самый богатый источник и лучшее руководство как для изучения древнерусского оружия вообще, так в особенности для изучения и описания вошедших в ее состав тех предметов, которые сохранились в Оружейной палате до настоящего времени»⁴. Хранитель Оружейной палаты, автор оружейных томов описи кремлевского собрания, изданных в 1880-х гг., Л.П. Яковлев охарактеризовал Переписную книгу как «основной документ Оружейной палаты по отделу старинного оружия. Точность и определенность выражений, чистота языка и самое подробное описание предметов, добросовестно и терпеливо составленное знатоками своего дела, составляют отличительные качества этой описи»⁵.

Наше исследование посвящено классификации и номенклатуре оружия, упомянутого в Переписной книге 1687 г. Классификацию мы понимаем как процесс разделения множества объектов на груп-

пы на основании наличия у них каких-либо признаков. Результатом классификации является наличие названий у выделенных групп объектов. Номенклатура – простейшая, одноуровневая классификация, представляющая собой простое перечисление групп единичных объектов.

Включенные в Переписную книгу предметы крайне разнообразны. Опись предваряет список хранившихся в Оружейной палате икон, далее приводится оглавление и описание оружия, его отдельных деталей, воинского и походного снаряжения, знамен, конского убранства, а также настольных игр, предметов интерьера, различных инструментов, материалов и самых разных вещей, нуждавшихся в учете. Отчасти это разнообразие предметов соответствует ассортименту работ мастеров Оружейной палаты: в штате учреждения состояли как живописцы, так и резчики по кости, мастера, изготавливавшие органы, часы, чемоданы, шахматы и т. д.

Ввиду колоссального объема Переписной книги будет разумным не разбирать ее структуру подробно, а привести ее оглавление⁶:

- «1. Скипетр.
2. Сабли с оправы золотыми и серебряными и росхожие и ножны, и крыжи, и поясы сабелные.
- 3 Полосы сабельные булатные и демешковые, и железные с наводды и без наводу и росхожие.
4. Тесаки булатные и стальные с оправы золотыми и с серебряными, и з железными.
5. Палаши булатные и стальные и с оправы золотыми, и с серебряными и полосы полашные, и полоса сулеба. /Л. 16 об./
6. Канчеры с камнем и бес камня золоченые и ножны, и полосы кончерные.
7. Шпаги.
8. Мечи немецкого и русского дела и полосы мечевые.
9. Буловы с оправы золотными и с серебряными, и з железными золочеными, и с камнями, и с раковины.
10. Бuzдуганы с оправою золотою и серебряною золоченою, и с камнями и бес камня.
11. Пернаты с наводом золотым и с серебряным.
12. Шестаперы с наводом золотым и с серебряным.
13. Чеканы.
14. Протозаны турское и цысарское дело /Л. 17/ с оправы серебряными золочеными и кисть протазанная.

15. Алебарды.
16. Бердыши польские и московского дела, и салдацкие.
17. Ухваты.
18. Топоры булатные и стальные, и красного железа.
19. Саадаки с оправы золотыми и серебряными.
20. Тохтуи шиты золотом и серебром по отласом и по софьяном и тафтяные, и кумачные. /Л. 17 об./
21. Покровцы на саадаки бархотные и шитые.
22. Ножи с разными оправы и железцы ножовые.
23. Кинжалы.
24. Луки розных дел.
25. Стрелы и северги, и срезни, и томарики, и свищи, и железца стальные, и полуки бирьи булатные розных дел, и стрелы, что бывають под прапарам на хоромах и на круглых башнях.
26. Щиты кизылбашские и московское дело с оправы золотыми и серебряными, и с каменьи и простые.
27. Копья черкаские и московское дело /Л. 17а/ с наводом золотым и без наводу.
28. Рогатины булатные и стальные, и красного железа с наводы и без наводу, и простого железа.
29. Кресты серебряные и медные знаменные.
30. Гротики железные.
31. Сулицы.
32. Пищали и пары пищалей розных дел с наводом золотым и серебряным и без наводу, и розхожие, и стволы, и замки пищальные.
33. Лядунки пищальные.
34. Роги пороховые.
35. Натруски. /Л. 17а об./
36. Карабины и пары карабинные, и коробинцы розных дел, и замки, и ключ карабинной.
37. Мушкатаны и аркабуз.
38. Мушкеты и стволы, и жагры, и замки, и деревья мушкетные.
39. Пары пистолей и пищалки с наводы и без наводу и стволы пистольные.
40. Тюфяки с наводы и без наводу.
41. Ольстра пищальные и карабинные, и пистольные розных дел.
42. Самострелы и коловраты и стрелы и болты самострельные.

43. Шапки ерихонки розных дел, булатные и стальные, и красного железа, и с наводо /Л. 18/ золотыми, и с каменни, и без наводу, и колмыщкие.
44. Шаломы булатные и железные с наводо, и колпаки железные ж золочены месты.
45. Шишаки с наводо и без наводу.
46. Латы немецкое и московское дело и киризы с наводом и без наводу, и папки⁷, и оплечья, и зарукавья, и полы, и заколенки, и тарч.
47. Зерцала булатные и стальные персичские и московское дело с наводо, да круг, и доски зеркальные ж булатные без наводу.
48. Колантырь стальной без наводу да юшманы и бахтерцы стальные ж с наводо золотными и серебряными. /Л. 18 об./
49. Байданы и кольчуги, и шестерни кольчужные.
50. Панцыри.
51. Куяки в верхней и нижней полатах.
52. Наручи розных дел и зарукавья.
53. Шляпа и шапки кирисные и мисюрские, и рукавицы.
54. Сапоги.
55. Бутурлыки.
56. Конской нагрудник. /Л. 19/
57. Кресла костяные и паникадило, и сутки, и кружочка костяные, и всякая рознь костяная.
58. Черены и огниво, и устье, и брайцара сабельные и палашные серебряные и железные золочены, и наболдашники, и крыжи от мечей, и крюки, и скобы, и спуски пистольные железные золочены.
59. Черены ножовые.
60. Гзы розных цветов.
61. Чертежи железным заводом.
62. Трубы ратного строя серебряные и медные, и стекляные, и трубные завясы.
63. Доски шахматные. /Л. 19 об./
64. Лакомцы.
65. Навершье знаменное и знамена и херугови и значки и прапоры.
66. Древки розные золочены и писные, и простые, и скепище, и яблоко, что бывает у дrevка.
67. Пушки и станки пушечные и яблоко с бунчука.
68. Чемоданы бархатные и суконные, и коженые, и нагалища, и отворот, и мешки, и сумачки, и верх карабинной.

69. Персоны великих государей и чертежи три части света.
70. Серебряная и деревянная посуда и розных /Л. 20/ статей золотого и серебра.
71. Втоки серебряные и медные.
72. Лядунки винные серебряные.
73. Рукавицы лосинные шиты золотом и серебром и запястья.
74. Конек хрустальной лежащей.
75. Лоскутья бархотное и отласное, и тафтяное и тесмы крушковой.
76. Подушки пуховые и бумажные с седалищем.
77. Каббаты немецкие бархотные и байберековые.
78. Чюлки шолковые.
79. Вошаги шиты золотом и серебром и бархотные. /Л. 20 об./
80. Остатки суконные и выбойка, и стамедь.
81. Шолки сученые и несученые и сырец.
82. Столы розных дел и доски.
83. Раи.
84. Шкатуны.
85. Шанданы ентарные.
86. Зеркалы стенные и станок зеркальной.
87. Часы розны дел и наверхше с часов.
88. Глебас.
89. Тулунбас, набаты.
90. Затворы и замки дверные, и ключи, и скобы что бывает в колодах.
91. Взвод медной водяной. /Л. 21/
92. Ремни и крюки карабинные.
93. Кожы лосинные и телятненные, и буйловые и лоскутья коженые золотные.
94. Трубы фетильные.
95. Банделеры мушкетные.
96. Подъемцы костяные.
97. Седло и стремена, и тебеньки, и войлоки под седел, узды и удела муштушные, и колца потешные, и подсошки.
98. Каблучки хозовые и бархотные и отласные.
99. Ушки рогатенные, подсошек.
100. Синожи фернабуковые.
101. Усы китовы. /Л. 21 об./
102. Голова воловая с паникадиллом.

103. Налой.
104. Сундуки медные.
105. Ящик потешной.
106. Кофтаны розных цветов и штаны.
107. Плахи чипрасовые и сандальные и станки пищальные, и пики салдацкие.
108. Литавры и шурупы литавренные.
109. Сундуки и коробки, и ящики, и коробы, и кадушки з замками мушкетными и с пищальными, и шпажными крыжи, и с колчадаными, и з драгунскими трубками, и с крюками конскими, и со всяким железом ломаным. /Л. 22/
110. Клетки птичьи и решетки железные.
111. Котлы медные.
112. Книги Евангелие толковое и Прологи, и иные розные, и переписные Оружейной казне.
113. Крюки дверные медные.
114. Личины и туловища львовые медные и сковоротка и четвертины.
115. Телешки потешные и колеса маленкие.
116. Борабаны.
117. Апоки железные.
118. Сундуки деревянные еловые и кади. /Л. 22 об./
119. Фурма железная.
120. Сундук да скрына да ящик да шесть коробей с письмами.
121. Крылья.
122. Змеи.
123. Клеймы железные.
124. Каптурцы копейные тафтяные и киндячные и лопасти китайчегые.
125. Трубочки и кольца, и наконешники медные.
126. Перевизи карабинные.
127. Гранат железной.
128. Органы. /Л. 23/
129. Шесть мест снасти немецкой.
130. Чепи серебряные и цветы и завесы тафные⁸ и суконные и обручь серебряной, что бывают на Иордани.
131. Крушки медные, что бывают у крыльев, да крюк маленкой железной.
132. Бахрама шелковая.
133. Польняки пушкарские.

134. Доска медная, что печатают кожи золоченые да в трех кулях раковины.
135. Доски что делают стволы пищальные.
136. Крест медной да цепь железная поникодильные.
137. Подсвечники железные. / Л. 23 об./
138. Цепи колодничьи.
139. Скобели плотничьи.
140. Резцы что режут салому.
141. Пилы.
142. Свирло.
143. Терези.
144. Гвозди приборные.
145. Доски и зубцы медвежьи.
146. Доски железные.
147. Згибки решеточные и столбики и обоймицы что бывают около раки.
148. Решетки железные к трубам и к лампаде.
149. Прутья железныя. /Л. 24/
150. Сталь немецкая и уклад тульской.
151. Меха кузнечные поддувальные.
152. Шестерня деревянная.
153. Терка железная.
154. Сашники и палицы.
155. Кровать и доски краватные.
156. Доска ореховая.
157. Столбики и пряжки и мсты и колеса и столбы дубовые коретные.
158. Пятно лошединое.
159. Караблик.
160. Полотно писаное. /Л. 24 об./
161. Столбы перильные.
162. Штучки медные и липовые.
163. Ванны.
164. Рог лосинной⁹.

А.Е. Викторов справедливо считал, что главы 66–164 Переписной книги «имеют значение дополнительной ее части». Однако и в этих главах среди предметов гражданского назначения постоянно встречается оружие, его детали и воинское снаряжение. Так в «дополнительной» части Переписной книги описаны, например, «чемоданы»

(глава 68), «ремни и крюки карабинные» (92), «пушкарские пальники» (133).

В целом выделение оружия из числа прочих вещей представляет немалую сложность. Например, последняя 164 глава включает единственную вещь – «рог лосиной», возможно, пороховницу, вырезанную из основания лосиного рога. С другой стороны, все прочие пороховницы были включены в главы 34 и 35 – «роги пороховые» и «натруски». Главы 121 и 122 с названиями, которые никак не ассоциируются с оружием, «крылья» и «змеи», тем не менее, включают описания декоративных деталей, проходящих по ведомству воинского снаряжения. «Крылья» – снаряжение «крылатых всадников», по всей видимости, заимствованное у польских крылатых гусаров, а «змеи» или драконы на древках «составляли прапорцы сокольников с крыльями»¹⁰. Материалы, необходимые для изготовления оружия (главы 107 «плахи чипрасовые и сандалные и станки пищальные...» и 135 «доски что делают стволы пищальные») чередуются с материалами общехозяйственного назначения (главы 149 «прутья железные» и 150 «сталь немецкая и уклад тульской»). А для некоторых глав мы не можем даже примерно определить, относятся ли упомянутые в них предметы к оружию, оружейному снаряжению, или это вещи бытового назначения, или даже исходный необработанный материал.

Рассматривая классификацию оружия, мы сосредоточимся только на комплектном вооружении (без учета снаряжения и отдельных деталей) – холодном, огнестрельном и защитном, включенном в главы 2–56. Воинское снаряжение в этой части Переписной книги обычно описывается в отдельных главах сразу после оружия, к которому оно прилагается (садачные покровцы после садаков, лядунки после пищалей), в этом смысле оно подчиняется классификации не как отдельный предмет, а, скорее, как оружейная деталь.

Помимо явного уровня классификации, заданного разделением оружия на главы, имеются и другие – как более общие, так и прослеживающиеся внутри глав. Порядок перечисления глав позволяет выделить базовый принцип разделения оружия на наступательное (главы 2–42) и защитное (43–56), этот принцип нарушается лишь в одном случае: «шитые» (глава 26) помещены среди описаний холодного оружия. На следующем уровне деления учтен тип используемой энергии, а именно: наступательное оружие разделено на холодное, использующее мускульную силу человека (главы 2–31), и огнестрельное (32–41). При этом глава 42 «самострелы» (арбалеты)

как бы примыкает к огнестрельному оружию, что, с современной точки зрения, является весьма прогрессивным классификационным актом¹¹.

Далее выделенные общности – холодное (главы 2–31), огнестрельное (32–42) и защитное (43–56) вооружение – в свою очередь, могут быть разделены на группы статей, в которых описано оружие близкой конструкции. На этом «ярусе» классификации выделяются, например, длинноклинковое оружие (главы 2–8), ударное (9–13), шлемы (43–45), доспех (46–51).

Нижний уровень классификации оружия в Переписной книге в большинстве случаев совпадает с главами, представляющими отдельные виды оружия. Однако главы типа «мушкатаны и аркабуз» (37) и «колантырь... да юшманы и бахтерцы» (48) показывают некорректность классификации, при которой несколько классификационных единиц включено в одну главу с составным названием. А, например, в главе «ножи» (22) описаны, по всей видимости, два вида ножей, один из которых – «ножи подсаадашные»¹². Таким образом, для «ножа подсаадашного» из Переписной книги 1687 г. можно реконструировать следующую классификацию: нож подсаадачный – нож – короткоклинковое оружие – холодное оружие – наступательное оружие. Помимо названия главы «ножи» все остальные классификационные группы присутствуют в описи 1687 г. в неявном виде.

Очевидно, что основным признаком при делении оружейного массива на главы служила «типологическая»¹³ принадлежность. Национальные и региональные особенности оружия принимались в расчет лишь в тех случаях, когда они непосредственно отражались на форме или конструкции вещи.

Можно ожидать, что в число первых номеров в главах входили предметы Большого наряда, который может быть определен как царские воинские регалии¹⁴. Однако в настоящий момент круг таких предметов очерчен весьма приблизительно, и относящиеся к Большому наряду оружие выявлено далеко не в полном объеме. Статус и символическое значение оружия влияет на размещение предметов в описи, по крайней мере, в одном месте: булавы, пернаты и чеканы расположены в порядке убывания их церемониального статуса. Однако в целом учет церемониальной значимости оружия и выделение такого оружия из числа прочего в описи не прослеживаются. В конечном счете, церемониальное оружие в Переписной книге рассредоточено и включено в главы, сформированные по «типологическому» признаку.

Внутри каждой главы оружие расположено в порядке убывания оценочной стоимости. Например, первый из государевых карабинов оценен в шестьсот сорок рублей¹⁵, а записанные последними «четыре карабина потешных... замки бараборские и з жагрою»¹⁶ – по восемьдесят копеек. Кроме того, в каждой главе вначале описывалось оружие «государевой статьи», а после «расхожее» боевое оружие, хранившееся, например, на дворе боярина Никиты Ивановича Романова вне Кремля на Варварке. Второй критерий, регулирующий размещение предметов внутри глав (и напрямую связанный с оценочной стоимостью), – наличие в них драгоценных камней и металлов, а также покрытия драгоценными металлами – золочения и серебрения: такие предметы регистрировались в начале, не содержащие драгматериалов и недекорированные – в конце. Мемориальная ценность оружия, информация об обстоятельствах его изготовления или поступления в государеву казну, по всей видимости, не учитывались при группировке вещей внутри глав.

Выявив структурные достоинства Переписной книги 1687 г., отметим ряд несообразностей в классификации оружия. В главах 2–31 чистота классификации несколько раз нарушается: в числе холодного оружия описаны щиты, луки, стрелы, саадаки и их снаряжение. Клинковое оружие разделено на две независимые группы, перемежающиеся снаряжением метательного оружия, а саадаки оторваны от луков стрел, что с точки зрения современного исследователя выглядит нарушением логики. Древковое оружие также разбито на две несмежные группы, причем во вторую из них входят неоружейные предметы – детали знамен; при этом, однако, первая группа древкового оружия имеет объединяющий признак, это коротко- и длиннодревковое оружие, имеющее функцию ударного или рубящего, в отличие от второй группы (копий).

Главы 10–12 (буздыханы, пернаты, шестоперы) описывают один и тот же вид парадного ударного оружия. При этом буздыханы конструктивно ничем не отличаются от пернатов, а целесообразность разделения последнего оружия на подвиды по числу ударных элементов подвергает сомнению сам текст описи: «пернат железной о шти перах»¹⁷ по логике вещей должен именоваться шестопером.

Огнестрельное оружие, на первый взгляд, сгруппировано наиболее логично. За вычетом деталей снаряжения, его классификация выглядит так: пищали (глава 32), карабины (36), мушкатаны (37), мушкеты (38), пистолы (39), тюфяки (40). Не слишком понятно раз-

мещение мушкетов, выпадающих из ряда оружия, выстроенного по убыванию длины ствола. Действительно, мушкеты имели стволы заведомо более длинные, чем карабины (и мушкатаны, к которым мы вернемся ниже), следовательно, длинноствольное оружие было упорядочено с поправкой на иные соображения. Скорее всего, мушкеты, представляющие в основном тип строевого пехотного оружия, имели низший статус по сравнению с пищалями и карабинами, которые могли выступать как кавалерийское, охотничье, парадное и жалованное оружие.

Наиболее общее наименование ручного огнестрельного оружия, охватывающее самые разные его виды, – пищаль. В общем пищалью мог быть назван любой образец длинноствольного оружия, даже мушкет («пищаль немецкая мушкет...»¹⁸) и карабин (что показывает сравнение описаний оружия в Переписной книге 1687 г. и Росписи походной казны 1654 г.). Уменьшительное название пищали «пищалка» могло прилагаться и к короткоствольному оружию («пара пищалок съезжих в станках железных»¹⁹). Различные варианты длинноствольного оружия именовались с помощью уточняющих слов: «пищаль винтовальная (винтованная)», «пищаль дробовая», «пищаль птичья» «пищаль долгая» (с относительно длинным стволом), «пищаль недомерок» (с укороченным стволом), «пищаль скорострельная» (казнозарядная). Таким образом, «пищаль» как наименование классификационной единицы не представляется хоть сколько-то определенным и по сути означает родовое определение длинноствольного оружия.

Наиболее сложной представляется классификация защитного вооружения. Все многообразие шлемов XVI–XVII вв. подразделяется на три группы: «шапки ерихонки... и калмыцкие» (глава 43; в оглавление не вошли «шапки немецкие», также описанные в этой главе), шеломы и колпаки (44) и шишаки (45). При этом главы 43 и 44 в самой описи разбиты на подглавы с отдельной нумерацией (ерихонки, к которым причислены просто «шапки», с одной стороны, и немецкие и калмыцкие шапки – с другой, а также отдельно шеломы, отдельно колпаки). Из самих описаний предметов можно понять, что в одной главе могут быть описаны боевые наголовья совершенно разных типов. Так, например, перед «шапками калмыцкими» значится «шапка мерекляная киризная», очевидно, являвшаяся боевым наголовьем западноевропейского типа. Доспех подразделяется на пластинчатый доспех западноевропейского типа (глава 46),

русский пластинчатый доспех (зерцала, 47), кольчато-пластинчатый (48) и кольчатый доспех (48), а также куяки (49). На первый взгляд, классификация проведена удачно, в полном согласии с современными представлениями. Однако почти в каждой из этих глав имеется разделение на отдельные виды доспехов, названия, конструкция и характерные черты которых не вполне ясны.

Так, глава 46 разбита на две подглавы «латы» и «кирисы» (при этом, судя по текстам, оба названия прилагаются к кирасам). Однако в числе «кирис» описаны и «трои латы кирисные малеванные с шапками», что позволяет считать латы и кирисы синонимическим названиями. В число «кирис» также было включено единичное зеркало²⁰. Кроме того, в 46-й главе описи часто нарушается правило однозначности классификации в связи с исходной комплектностью доспехов: шлемы описываются не в вышеуказанных главах, а как части комплектов защитного вооружения: Так, в число «кирис» входит, например «кирис мерекляной с шапкою и с нарамками, и с наколенками, две рукавицы, два сапога...»²¹. Также не слишком логичным выглядит включение в главу с европейскими «латами и кирисами» фантазийного трансшейного рондаша, описанного как «тарч стальной... с левою рукою с шпагою»²². Провальным с точки зрения классификационных правил выглядит описание шлемов, вклинивающееся в описания пластинчатых доспехов: «шапка стальная с ушами» и «шапка железная с ушми» среди лат²³, «шапка железная через грань золочена» среди зеркал²⁴. И совсем неуместным в этой главе кажется наличие среди европейских лат описания одного из знаменитых восточных шлемов с маской: «шапка железная с личиною»²⁵.

Комбинированное оружие, представлявшее гибрид холодного и огнестрельного, в Переписной книге 1687 г. было описано в числе холодного оружия, послужившего, так сказать, ложей для ствола: шпага-пистолет включена в главу 7 «шпаги»²⁶, а топор-пистолет – в главу 18 «топоры»²⁷. К комбинированному оружию можно отнести и вышеупомянутый щит «тарч», который в Переписной книге был зачислен в главу с доспехами западноевропейского типа.

Итак, основным результатом нашего исследования является выделение в Переписной книге 1687 г. сложной и разветвленной оружейной классификации. При том, что в явном виде опись не содержит иерархии соподчиненных множеств и единственный непосредственно представленный уровень классификации задается названиями глав и отдельных видов предметов, группировка глав Переписной кни-

ги 1687 г. показывает, что создатели описи сумели в максимальной степени систематизировать оружие. Составители Переписной книги исходили из вполне современных принципов классификации, хотя и не прибегали к обобщающим наименованиям типа «клинковое» или «длинноствольное оружие», «кольчатый доспех».

Конечно, с точки зрения логики классификация не была безупречной. Оружие одного вида иногда разносилось по нескольким статьям с разными названиями (при неясности классифицирующих критериев), при этом допускалось несоответствие названия отдельного предмета и наименования классификационной статьи. Причин этих несообразностей может быть несколько. Первая из них – инерция учетной документации, хорошо известная и современным музейным работникам. Помимо повторений устаревших наименований оружия вслед за прежними описями можно предположить и более сложные случаи. Например, шлемы, описанные в числе доспехов, вполне могли первоначально являться частями комплектов, которые с полным основанием были описаны как доспехи; в дальнейшем собственно доспехи выбыли из царской казны, однако оставшиеся в ней шлемы продолжали числиться среди доспехов как своеобразное воспоминание об их исходной комплектности. Заметим, что инвентаризация оружейных комплектов или гарнитуров и сегодня вызывает немалые трудности в музейной практике.

Вторая причина ошибок и несообразностей классификации более очевидна. Это сложность оружейной номенклатуры, наличие в наименованиях оружия явлений синонимии и омонимии. Здесь мы подходим к теме, далеко выходящей за рамки нашего исследования, – о соотношении наименования оружия в письменном источнике XVII в. и его актуальной типологии. Эта задача может быть решена только при точной идентификации в документе 1687 г. оружия из современного собрания Оружейной палаты. Выявление музейного оружия в Переписной книге активно велось еще в XIX в., например, для значительной части вооружения, опубликованного в третьем томе фундаментального издания «Древности Российского государства...» с иллюстрациями Ф.Г. Солнцева, были даны цитаты с описаниями из описи 1687 г. Так, скипетр, записанный в первой главе Переписной книги, входил в число регалий царя Алексея Михайловича²⁸. В главе 57 записан другой важный предмет «царского чина», который долгое время приписывался Ивану III, а затем и Ивану IV Грозному, а именно: трон, обложенный резными пластинами из сло-

новой кости²⁹. Наконец, в эту же опись включен еще один относительно случайный предмет, имеющий непосредственное отношение к царскому церемониальному оружию. Это $\frac{3}{4}$ -фунтовое орудие³⁰ весом около 28 кг, описанное как «пушка железная длиною полтора аршина с лишком, у запалу и у дула, и у переи четыре решотки железные прорезные розцвечены красками; у запалу орел двоеглавой... цена ей пятьдесят рублей»³¹. Скорее всего, эта пушка, откованная замечательным мастером Оружейной палаты Ермолаем Федоровым, участвовала в парадных выездах во главе царского поезда. В любом случае, это единственное сохранившееся в Кремле железное кованое орудие XVII в.

Несмотря на многочисленные точечные атрибуции предметов в Переписной книге 1687 г. эта работа далеко не завершена. А проблема системного соотнесения исторических и современных названий оружия в явном виде даже не сформулирована. Непредвзятое рассмотрение этого вопроса и обязательное соотнесение наименований оружия с Переписной книгой 1687 г. позволяют по-новому взглянуть не только на проблемы классификации, но и на сложившуюся оружейную терминологию.

Так, известная сабля 1618 г. с прорезным булатным клинком работы Ильи Просвита³² в Переписной книге определена как «тесак»³³. Вряд ли это название должно заменить традиционное в современных публикациях, но, с нашей точки зрения, информация об исходном названии может оказаться ключевой в исследовании истории русских сабель.

Так называемый «подсадачный нож Андрея Старицкого» 1513 г.³⁴ в Переписной книге назван кинжалом³⁵, и с точки зрения современной типологии также не является ножом. Никаких оснований для именованя этого предмета как «ножа», тем более «подсадачного» не имеется.

Булава царя Михаила Федоровича с лазуритовым навершием в выставочных проектах последнего времени носит название «булава» «брус»³⁶. Однако уточняющее наименование «брус» или «брус», которое в действительности могло относиться к подвиду булав, к этой булаве не прилагалось ни в одном документе, в том числе в Переписной книге 1687 г., где она названа «булава самфирная граненая»³⁷.

Западноевропейская строевая алебарда, представленная ныне в экспозиции Оружейной палаты³⁸, в XVII в. хранилась на Бархатном

дворе и входила в группу, описанную как «двадцать семь протазанов»³⁹. Разумеется, это не обязывает нас корректировать современное название экспоната, но показывает, что классификация предмета в документе XVII в. может радикально расходиться с нынешним определением.

Среди уникальных наименований пистолетов в Переписной книге отметим «тюфяки» работы мастера Оружейной палаты Тимофея Лучанинова⁴⁰. Другое редчайшее название ручного огнестрельного оружия «мушкатаны» (глава 37 «мушкатаны и аркабуз»), скорее всего, прилагалось к хранившимся в Оружейной палате голландским дробовым карабинам. Ничем не отличаясь от традиционного кавалерийского ружья XVII в. с погонным кольцом, эти карабины имели калибр 24–25 мм⁴¹. При этом выявить в собрании музея «аркабуз» пока не удалось.

Боевое наголовье боярина Никиты Ивановича Романова, датированное XVI в., традиционно публикуется с наименованием «шапка ложчатая»⁴². Наименование шлема, на первый взгляд, взято из Переписной книги: «шапка лощатая, верх у шапки и нос, и лошки, и венец полка золочены...»⁴³. Но определение «ложчатая» относится лишь к декору шлема, а вовсе не определяет его типологическую принадлежность. Таким образом, эпитет «ложчатая» не должен входить в современное наименование шлема.

Часто экспонируемый на выставках панцирь в музейном инвентаре и публикациях носит название «панцирь “вострой гвоздь”»⁴⁴. Однако «вострой гвоздь» не является «собственным» именем этого кольчатого доспеха. Его описание в документе 1687 г. – «пансырь, вострой гвоздь, весь на гвозди»⁴⁵ – нужно читать как «панцирь [склепаный на] острый гвоздь»; здесь мы имеем дело с уточнением конструкции, но не с появлением нового вида защитного вооружения. Аналогичным образом в описаниях «панцирь узловой», «панцирь хрещевой»⁴⁶ к наименованию нужно относить лишь значимое слово «панцирь», а определения «узловой» и «хрещеватый» лишь детализируют технологию изготовления доспеха.

В заключение выразим надежду, что все исторические наименования хранящегося в музеях древнерусского будут согласованы с оружейной номенклатурой Переписной книги 1687 г. с учетом идентифицированного в ней оружия из собрания Оружейной палаты⁴⁷. Так, наименования для хранящегося в музеях длинноствольного оружия типа «самопал» или «ручница» неприемлемы, так как в настоящий

момент ни один сохранившийся предмет огнестрельного оружия не сопоставлен с документами XVI–XVII вв., где бы он упоминался с таким названием. Те же соображения можно отнести к доспехам, которым в настоящее время присваиваются названия «колонтарь» и «куяк». Такие доспехи числились в Оружейной палате XVII в., однако кольчато-пластинчатый колонтарь, имевшийся в единственном числе, не сохранился до нашего времени, а единственный сохранившийся фрагмент куюка⁴⁸ представляет собой скорее ламеллярный доспех и явно не достаточен для аналогизирования.

---

¹ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям, 7172 и 7190 гг., думным дворянином Арт. Фед. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 (1687) г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Далее – Переписная книга 1687. См. также: Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Вып. 2. М., 1883. С. 377–391.

² [Вельтман А.Ф.] Московская Оружейная палата. Печатано по высочайшему повелению. М., 1844. Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты.

³ Савваитов Павел. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1865.

⁴ Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. С. 391.

⁵ Яковлев Лукиан [П] Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М., 1865. С. 114.

⁶ Переписная книга 1687. Л. 16–24 об.

⁷ Описка, должно быть «шапки».

⁸ Описка, должно быть «тафтяные».

⁹ Помимо 164 статей в оглавлении не указаны три записи, помещенные в конце Переписной книги: «Шесть ломпад стекляных; два яблока стекляных, в том числе одно разбито...; скрыдло резное». См.: Переписная книга 1687. Л. 707 об.

¹⁰ [Вельтман А.Ф.] Там же. Словарь. С. 17.

¹¹ Тот же подход позволяет классифицировать осадные метательные машины как артиллерию.

¹² Переписная книга 1687. Л. 165, № 1; Л. 166, № 5.

¹³ В Переписной книге 1687 г. типология предметов почти полностью совпадает с их классификационной принадлежностью.

¹⁴ «...Мы имеем дело не просто с оружием, предназначавшимся для украшения торжественных церемоний, а с государственными боевыми регалиями России XVI–XVII столетий». Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 84.

¹⁵ Переписная книга 1687. Л. 330 об. – 332, № 1.

¹⁶ Там же. Л. 363 об., № 7.

- ¹⁷ Там же. Л. 118 об., № 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 215, № 7.
- ¹⁹ Там же. Л. 429, № 85. Описаны в одной главе с пистолетами.
- ²⁰ Там же. Л. 495 об., № 10. В тексте описи приведена полемика о типологической принадлежности данного доспеха.
- ²¹ Там же. Л. 492, № 1.
- ²² Там же. Л. 497, № 13. Этот предмет почти два столетия интригует отечественных оружейников. О «тарче» см.: Орленко С.П. Тарч из собрания Оружейной палаты. История и легенда // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Четвертая международная научно-практическая конференция 15–17 мая 2013 года. Ч. IV. СПб., 2014. С. 378–390.
- ²³ Там же. Л. 487 об., № 42, 43.
- ²⁴ Там же. Л. 506 об., № 18.
- ²⁵ Там же. Л. 282 об., № 23. Идентификация шлема в описи принадлежит Л.П. Яковлеву (см.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4404), в настоящий момент эту идентификацию нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.
- ²⁶ Там же. Л. 95, № 2.
- ²⁷ Там же. Л. 137.
- ²⁸ Музеи Московского Кремля. Инв. № Р-19. Древности российского государства. Отделение II. Древний чин царский, царские утвари и одежды. М., 1851. №. 39; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. I. М., 1884. № 89.
- ²⁹ Музеи Московского Кремля. Инв. № Р-27. Древности российского государства. Отделение II. Древний чин царский, царские утвари и одежды. № 87; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. I. № 409.
- ³⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № Арт-783. Мастерство русских оружейников. Из собрания Музеев Московского Кремля. Каталог выставки. Самара, 2011. Кат. № 45.
- ³¹ Переписная книга 1687. Л. 643–643 об.
- ³² Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-136. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. № 35.
- ³³ Переписная книга 1687. Л. 72 об – 73, № 1.
- ³⁴ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-64. Государева Оружейная палата. № 49.
- ³⁵ Переписная книга 1687. Л. 167, № 1.
- ³⁶ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-130. Государева Оружейная палата. № 53.
- ³⁷ Переписная книга 1687. Л. 107 об. – 108, № 11.
- ³⁸ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-1833. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. I. Холодное оружие. М., 1885.
- ³⁹ Переписная книга 1687. Л. 130 об.
- ⁴⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-156, 157. Государева Оружейная палата. № 72. В этой публикации приведена неверная ссылка на Переписную книгу 1687 г. О пистолетах см.: Чубинский А.Н. Тюфяки как ручное огнестрельное оружие. Анализ собрания и описей Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 г. Ч. III. СПб., 2012. С. 390–409.
- ⁴¹ Яблонская Е.А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»] М., 2012. Кат. № 137–141.
- ⁴² Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-2060. Государева Оружейная палата. № 9.

⁴³ Переписная книга 1687. Л. 464 об., № 8.

⁴⁴ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-4708. Государева Оружейная палата. № 16.

⁴⁵ Переписная книга 1687. Л. 515 об., № 6.

⁴⁶ Переписная книга 1687. Л. 514 об., № 1; Л. 515, № 4.

⁴⁷ Это относится к русскому и восточному оружию, в меньшей степени к оружию европейского происхождения. Например, современный термин «арбалет» «выглядит более подходящим для оружия XVII в., чем наименование из Переписной книги «самострел».

⁴⁸ Опись Московской Оружейной палаты. Броня. М., 1884. № 4384.

Р.Н. Чумак (Санкт-Петербург)

О ПРОИЗВОДСТВЕ СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ БЛОКАДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВИМАИВиВС)

Обычным порядком обеспечения снабжения войск вооружением в войне с древнейших времен и до настоящего времени является его изготовление в районах, удаленных от линии фронта, и подача к линии боевого соприкосновения сторон. Великая Отечественная война в этом плане не стала исключением.

Отдельным вопросом в этом плане является боевое снабжение группировок войск, действующих в окружении противника. Как правило, их снабжение осуществляется за счет подачи вооружения извне кольца окружения, путем проводки конвоев с вооружением через боевые порядки осаждающей стороны. В том случае, если подача вооружения прерывается на значительное время или совсем отсутствует, осажденная сторона со временем исчерпает средства вооруженной борьбы и неминуемо потерпит поражение.

Исключением из указанного порядка является боевое снабжение войск, оборонявших Ленинград, который с начала сентября 1941 г. по январь 1944 г. находился в кольце блокады. Окружение Ленинграда не позволило осуществлять снабжение защищавших его войск вооружением и боеприпасами обычным порядком, и угроза падения города стала реальной. Тогда, оценив возможности городской промышленности, а также объемы запасов материальных средств, военное и политическое руководство Ленинграда пришло к заключению о возможности налаживания собственного производства вооружения, практически не зависимого от поставок с «Большой земли».

Потенциальная возможность для этого имелаась. До Великой Отечественной войны Ленинград был вторым по величине военно-промышленным центром страны¹. В городе изготавливались боевые ко-

рабли, танки, артиллерийские орудия и минометы, оптические прицелы и т. д. Однако в городе не производилось остро необходимые фронту стрелковое оружие, ручные гранаты, патроны, практически не выпускались артиллерийские боеприпасы, без которых эффективная борьба с врагом невозможна. Выпуск именно этих видов вооружения пришлось налаживать в течение первых месяцев блокады.

Особую страницу в истории деятельности ленинградской промышленности в период блокады занимает производство стрелкового оружия. Как уже упоминалось, этот вид вооружения накануне войны в Ленинграде не производился, а единственный близкий к городу оружейный завод – Сестрорецкий – прекратил производство оружия в 1922 г., т. е. задолго до начала Великой Отечественной войны. Таким образом, культура производства стрелкового оружия к началу войны в Ленинграде отсутствовала, и эти навыки пришлось форсированно нарабатывать уже в тяжелейших условиях блокады.

Начало производству стрелкового оружия было положено еще до блокирования города, в июле–августе 1941 г., с изготовления станковых пулеметов типа Максим путем переделки запаса устаревших авиационных пулеметов ПВ-1. Эта работа осуществлялась с 1 августа 1941 г. заводом подъемно-транспортного оборудования им. Кирова по чертежу, разработанному в ОКБ-43². Завод им. Кирова изготавливал станки и прицелы к этим пулеметам, а также сошки к ручным пулеметам ДП³. В дальнейшем переделку пулеметов ПВ-1 в станковые осуществляли инструментальный завод имени С. Воскова НКСС и завод точного машиностроения им. М. Гельца до середины 1942 г. В начале сентября 1941 г. изготовление стрелкового оружия на заводе им. Воскова временно прервалось из-за его переезда из Сестрорецка в Смольнинский район Ленинграда⁴.

Тогда же, в июле–августе 1941 г., промышленностью Ленинграда было начато изготовление пистолетов-пулеметов ППД-40 и винтовок обр. 1891/30 г. Винтовки принимались от завода им. Гельца, но, в отличие от пистолетов-пулеметов ППД-40, они собирались из имеющихся в городе комплектующих.⁵ В конце лета – начале осени 1941 г. изготовление пистолетов-пулеметов ППД-40 в Ленинграде осуществляли завод им. Воскова НКСС и завод № 7 НКВ («Арсенал»)⁶. Эта работа ими велась в кооперации с другими предприятиями: например, возвратно-боевые пружины для завода им. Воскова изготавливал № 196 НКСС («Судомех»)⁷. Всего за август 1941 г. в Ленинграде было изготовлено 350 винтовок и 20 пистолетов-пулеме-

тов ППД-40⁸. Пистолеты-пулеметы принимались с заводов без участия военной приемки и распределялись в войсковые части Ленфронта по указаниям горкома ВКП(б), что было вскоре названо органами артвооружения Ленфронта «бесконтрольным изготовлением оружия» и прекращено – все оружие перед выходом с завода стало проходить проверку военной приемки⁹. На сентябрь 1941 г. имелся план на изготовление заводами города 200 шт. пистолетов-пулеметов ППД-40¹⁰.

Одной из проблем оружейного производства Ленинграда было снабжение стволами – до войны стволы стрелкового оружия в городе не производились, а поставка их с оружейных заводов из глубины страны была затруднена. В этих условиях августе 1941 г. на заводах им. Воскова¹¹ и № 278 была предпринята попытка организовать полный цикл изготовления винтовочных и револьверных стволов по присланным чертежам. Готовые стволы планировали получить к 30 августа 1941 г., но работы были прекращены в связи с эвакуацией завода № 278¹². Из-за этого некоторое время изготовление револьверных стволов в Ленинграде осуществлялось путем переделки запасных винтовочных стволов, полученных из артиллерийской базы вооружения № 75 (АВБ № 75)¹³. В дальнейшем изготовление стволов для пистолетов-пулеметов ППД-40 осуществлялось путем переделки стволов для станковых и ручных пулеметов, запас которых имелся на АВБ № 75, и в таком варианте продолжалось до июля 1942 г., после чего для их изготовления стали отпускаться винтовочные стволы¹⁴. Очередная попытка организовать собственное ствольное производство в Ленинграде относится к июлю – августу 1942 г., когда на одном из заводов были проведены опыты по нарезке стволов протяжкой¹⁵. Их результат неизвестен, но в архивных документах Ленфронта других сведений об этих работах не обнаружено.

Другой проблемой оружейного производства было снабжение деревянными деталями – ложами и прикладами. С ней удалось справиться достаточно быстро – уже в начале осени 1941 г. заводом № 162 и летно-технической академией¹⁶ было освоено изготовление лож для винтовок обр.1891/30 г. и карабинов, винтовок СВТ и АВС, пистолетов-пулеметов ППД-40¹⁷. Изготовленные ложи в основном использовались для ремонта оружия, но приклады к ППД шли, как правило, на заводы Ленинграда, их выпускающие.

В начале осени 1941 г. темп роста выпуска оружия был низкий – в сентябре завод им. Воскова выпускал ППД-40 от 0 до 27 шт./сутки, а завод № 7, который только устанавливал их выпуск, сдавал их еще меньше (от 0 до 19 шт./сутки)¹⁸. Всего за сентябрь 1941 г. заводом им. Воскова было

изготовлено 68 шт. ППД, заводом № 7 – 47 шт.¹⁹ В октябре 1941 г. всеми заводами было выпущено 343 шт. пистолета-пулемета ППД-40, 48 шт. сигнальных пистолетов, а также 62 шт. глушителя для винтовок²⁰.

В ноябре 1941 г. в Ленинграде началось производство станковых пулеметов Максим. Речь идет о налаживании полного цикла изготовления этой модели с некоторыми упрощениями конструкции, не влияющими на боевые свойства, но сокращающими время производства оружия. В документах Ленфронта пулеметы этой модели назывались «Максим-Ленинградец»²¹. Их изготовлением занимался завод им. М. Гельца. Выпуск пулеметов был поручен этому заводу в ноябре 1941 г., в декабре 1941 г. завод изготовил первые 15 шт., после чего прекратил их производство из-за сильных затруднений самого тяжелого периода блокады²². Всего с сентября и до конца 1941 г. предприятиями города было изготовлено 1650 шт. винтовок обр. 1891/30 г⁸, 9755 шт. пистолетов-пулеметов ППД-40²³, 2330 шт. сигнальных пистолетов²⁴, 826 шт. станковых пулеметов (в основном, переделочных систем)¹.

В 1942 г. производство стрелкового оружия в блокадном Ленинграде продолжилось, при этом наблюдался значительный рост объемов его выпуска. В марте 1942 г. заводами Ленинграда было изготовлено 2710 шт. пистолетов-пулеметов ППД-40, 150 шт. пулеметов Максим, 810 штук сигнальных пистолетов²⁵. Это увеличение сопровождалось дефицитом магазинов (часть пистолетов-пулеметов поставлялась с заводов без магазинов и комплектовалась ими силами АБВ № 75) и заметным ухудшением качества изготовленного оружия: в документах артиллерийского управления Ленфронта сохранились неоднократные нарекания из войск на грубую отделку оружия, качку ствола, неудовлетворительную подгонку магазинов²⁶. Тем не менее, потребность в этом виде оружия компенсировала имевшиеся издержки их качества. В сентябре 1942 г. изготовлением ППД-40 занимались три завода: № 7, № 209 НКСП (им. Кулакова) и им. Воскова.

Пистолет-пулемет ППД-40 был достаточно сложным и дорогим в изготовлении оружием, поэтому одной из важнейших задач выпускающих его ленинградских заводов было упрощение конструкции образца. В 1942 г. была предпринята попытка заменить сложный и дорогой в изготовлении барабанный магазин ППД-40 новым простым и дешевым секторным. Первое упоминание о секторных (так называемых «плоских») магазинах к ППД-40 относится к ноябрю 1942 г. Они были освоены в производстве заводом авто-гаражного электрооборудования (АГЭ). Предполагалось изготовить партию таких магазинов и после

ноября 1942 г. провести войсковые испытания в частях Ленфронта²⁷. Этот проект не был завершён по причине принятого в конце 1942 г. решения о прекращении производства pistols-пулеметов ППД-40 и их замены более технологичным оружием. Им стал pistol-пулемет Судаева обр. 1942 г., но, как следует из архивных документов ВИМАИВиВС, при выборе модели нового образца pistols-пулемета имелись некоторые колебания: в «Плане-заявке на изготовление вооружения...» на октябрь 1942 г. имеется пункт о заказе промышленности изготовления 500 шт. pistols-пулеметов ПППШ-41²⁸. В дальнейшем какие бы то ни было упоминания об изготовлении ПППШ-41 в Ленинграде в документах Ленфронта и ленинградской промышленности, хранящихся в архиве ВИМАИВиВС отсутствуют.

Свертывание производства pistols-пулеметов ППД-40 и освоение производства ППС-42 началось в ноябре 1942 г., при этом предполагалось некоторое время изготавливать запасные части к ППД-40 для использования при ремонте, а некондиционные детали пустить на изготовление учебных ППД, сборку которых планировалось организовать на заводе № 7²⁹.

В середине мая 1942 г. артиллерийским управлением Ленфронта из-за больших потерь штыков на фронте был инициирован вопрос об изготовлении суррогатных штыков для винтовок обр. 1891/30 г. по образцу, разработанному Ижорским заводом³⁰. Чертеж этого штыка нигде не утверждался. Решение об изготовлении штыков суррогатного образца было принято на местном уровне, и они выпускались на двух заводах Ленинграда: № 349 НКВ (ГОМЗ им. ОГПУ) и «Красногвардеец»³¹.

Начало возобновления производства станковых пулеметов Максим на заводе № 810 НКМВ (бывший им. М. Гельца) датировано 18 марта 1942 г.³² Пулемет выпускался на трех специально смонтированных линиях, при его изготовлении использовалась широкая кооперация с другими заводами: приемники лент изготавливал завод № 232 НКВ («Большевик»), сборка приемников осуществлялась заводом № 349. План по изготовлению пулеметов заводу № 810 на октябрь 1942 г. составлял 400 штук³³.

Помимо пулеметов Максим, в Ленинграде с 1941 г. на фабрике «Скорород» изготавливали и патронные ленты к ним. В конце года фабрика была вынуждена прекратить производство лент и вновь его восстановила в марте 1942 г. В связи с дефицитом комплектующих элементов фабрикой «Скорород» проводились эксперименты по изготовлению лент из узкой тесьмы, серийно выпускались короткие лен-

ты (емкостью не менее 150 патронов). Металлические наконечники к лентам делал Автоматно-штамповочный завод³⁴. В месяц фабрикой «Скорород» выпускалось 600 пулеметных лент, что считалось недостаточным (фронту требовалось 4000 шт./мес.)³⁵.

Большая потребность фронта в пулеметах привела к продолжению в 1942 г. практики изготовления (переделки) авиационных пулеметов в наземные. Весной и летом 1942 г. завод № 810 переделывал авиапулеметы ПВ-1 в станковые. В «Плане-заявке...» на июль 1942 г. значится изготовление (переделка) пулеметов ШКАС для их установки в ДЗОТ – 40 штук³⁶. В октябре и ноябре 1942 г. артиллерийская база вооружения № 75 имела план на изготовление зенитных пулеметных установок из авиационных пулеметов ШКАС по 150 штук ежемесячно³⁷. В документах артиллерийского управления Ленфронта имеется упоминание об использовании стволов от германских пулеметов МГ-34 для изготовления стволов пулеметов отечественных систем (модель оружия не указана)³⁸.

Изготовление револьверов Наган было организовано в Ленинграде в начале июля 1942 г. на базе Института точной механики и оптики, на начальном этапе – с использованием отдельных готовых деталей, получаемых из АБВ № 75.³⁹ За июль 1942 г. было изготовлено 88 штук револьверов⁴⁰. В сентябре 1942 г. производство револьверов Наган было передано заводу № 349⁴¹.

В 1942 г. заводом № 349 была предпринята попытка восстановить изготовление оптических снайперских прицелов типа ПЕ: в «Плане-заявке на изготовление вооружения... в июле 1942 года» заводу № 349 запланировано изготовление 200 шт. снайперских прицелов⁴². Судя по сохранившимся до настоящего времени прицелам ПЕ, имеющим заводской знак завода № 349 и датированным 1943 годом, этот заказ выполнялся.

За вторую половину 1942 г. (с 5 июля по 31 декабря) в Ленинграде было изготовлено 10 853 шт. пистолетов-пулеметов ППД-40⁴³. За весь 1942 г. предприятия Ленинграда дали фронту 2692 шт. пулемета Максим, 139 шт. ручных пулеметов ДП, 34 936 шт. пистолетов-пулеметов ППД-40, 620 шт. пистолетов-пулеметов ППС-42, 70 шт. револьверов Наган, 21 699 шт. винтовочных штыков, 386 шт. сигнальных пистолетов⁴⁴.

Прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 г. и последовавшее за ним улучшение боевого снабжения Ленинградской группы войск позволили снять дефицит некоторых номенклатур оружия, прекратить изготовление устаревших и трудно «идущих» в производстве

моделей, а также заняться освоением выпуска новых систем. В январе 1943 г. изготовителями пистолетов-пулеметов ППД-40 числились 3 завода: им. Воскова, № 7 и № 209. Но фактически в указанный промежуток времени эти заводы ППД-40 уже не выпускали, а раздавали их остатки – последние 4 пистолета-пулемета были изготовлены заводом им. Воскова в феврале 1943 г.⁴⁵ В январе 1943 г. в Ленинграде началось массовое производство пистолетов-пулеметов ППС-42. В этом месяце на заводе № 209 прошли испытания и приемка первой серийной партии в количестве 1192 штук⁴⁶. В феврале 1943 г. было завершено производство ручного пулемета ДП на заводе № 7⁴⁷ – тогда были собраны последние их 170 штук (с использованием готовых деталей, полученных с АБВ № 75)⁴⁸.

После снятия блокады в начале 1943 г. в Ленинграде продолжалось производство пистолетов-пулеметов ППС, сигнальных пистолетов, штыков к винтовкам обр. 1891/30 г. (заводы № 349 и «Красногвардеец»), пулеметов Максим (завод № 810) и лент к нему (фабрика «Скорород»), изготавливались ложки к пистолетам-пулеметам и винтовкам (завод № 162), ЗИП к стрелковому оружию⁴⁹. За февраль 1943 г. заводами Ленинграда было изготовлено: 236 шт. пулеметов Максим-«Ленинградец», 4 шт. пистолета-пулемета ППД-40, 2370 шт. ППС-42 (только заводом № 209), 93 шт. сигнальных пистолета. В архиве ВИМАИВиВС имеются сведения о стоимости выпускаемого предприятиями Ленинграда стрелкового оружия по состоянию на январь 1943 г.: пулемет ДП изготовления завода № 7 – 768 руб./шт., пистолет-пулемет ППД-40 изготовления заводов № 7, № 209 и им. Воскова – 1000 руб./шт., 26-мм сигнальный пистолет – 66 руб./шт., штыки суррогатные для винтовки Мосина обр. 1891/30 г. – 5,7 руб./шт. На этапе освоения производства пистолета-пулемета ППС-42 цена на него не устанавливалась⁵⁰.

Отдельно следует сказать о производстве в Ленинграде приборов для бесшумной и беспламенной стрельбы (глушителей) для винтовок обр. 1891/30 г. (типа «Брамит»). Первые упоминания об их изготовлении относятся к началу сентября 1941 г. Изготовителями глушителей числятся два завода⁵¹: № 371 им. Сталина НКВ (Ленинградский металлический завод) и штурманских приборов. Заказчиком и потребителем глушителей было разведывательное управление Ленфронта. Глушители не были продукцией штучного изготовления – в сентябре 1941 г. их суточный выпуск на двух заводах составлял от 35 до 50 шт., а иногда и до 100 штук⁵². Всего за сентябрь было изготовлено: заводом № 371 НКВ – 4100 шт.; – заводом штурманских приборов – 1598 шт.⁵³

Наступившие вскоре суровые условия блокады привели к резкому снижению выпуска глушителей – за 10 дней октября их было изготовлено всего 62 шт.⁵⁴, а в планах-заказах на предметы артиллерийского вооружения за первые месяцы 1942 г. и позднее эти изделия уже не значатся.

Патроны для стрельбы из винтовок с глушителями тоже изготавливались в Ленинграде на заводе № 5 НКБ («Краснознаменец») с сентября 1941 г. В техническом плане это были 7,62-мм винтовочные патроны с легкой пулей и уменьшенным зарядом пороха марки «Сокол», навеской 0,5^{+0,016} г. Для отличия от обычных винтовочных патронов, по указанию артиллерийского управления Ленфронта, окраске лаком зеленого цвета подвергались только капсюль и кончик пули⁵⁵. В сентябре 1941 г. заводом № 5 было выпущено 107 950 шт. патронов с уменьшенным зарядом, за 10 дней октября – 80 000 шт. Точная дата прекращения изготовления патронов «Сокол» пока не установлена, но до июля 1942 г. они еще значатся в планах производства артиллерийского вооружения, а с октября и позднее в планах их уже нет.

В архивных документах Ленинградского фронта имеется указание на разработку в блокадном городе прибора для бесшумной и беспламенной стрельбы из ручных пулеметов ДП – глушителя звука выстрела типа СГ-ДП⁵⁶. Этот прибор позволял вести бесшумную автоматическую стрельбу из пулемета ДП, при которой обеспечивалось поражение целей на дальности до 300 метров. Стрельба велась специальными патронами «с окрашенным зеленым цветом кончиком пули и капсюлем или с черным лаковым пояском на шейке гильзы вместо зеленой окраски шляпки»⁵⁷. Сведений о серийном выпуске глушителей СГ-ДП в Ленинграде в архивных документах не обнаружено. Кроме глушителей для ручных пулеметов ДП в Ленинграде велась разработка аналогичных по назначению приборов-глушителей для станковых пулеметов Максим. В документах Ленфронта за июль 1942 г. имеется упоминание об их испытании в Подвижной артиллерийской мастерской № 2 (ПАМ-2), а также о заказе трех экземпляров таких глушителей для проведения войсковых испытаний⁵⁸.

Полное снятие блокады Ленинграда в январе 1944 г. и начало полноценного снабжения войск Ленфронта вооружением и боеприпасами сняло актуальность изготовления большинства их номенклатур непосредственно в городе, из-за чего началось постепенное сворачивание их выпуска. Тем не менее, изготовление в Ленинграде стрелкового оружия востребованных фронтом моделей (пистолетов-

пулеметов ППС-43 и пулеметов Максим) осуществлялось до конца 1944 г., когда близость Победы стала очевидной и промышленность СССР могла удовлетворить любые потребности войск в нем.

Таблица. Перечень промышленных предприятий Ленинграда, изготавливавших стрелковое оружие в годы блокады (1941–1944 гг.)

Наименование предприятия (завода)	Изготавливаемое оружие или его элементы
Завод № 810 НКМВ (Завод точного машиностроения им. Макса Гельца)	Винтовка Мосина обр. 1891/30 г. Станковый пулемет Максим-«Ленинградец»
Завод № 7 им. М.В. Фрунзе НКВ (завод «Арсенал»)	Ручной пулемет Дегтярева ДП Пистолет-пулемет Дегтярева ППД-40 Тумбовые установки для 12,7-мм ДШК
Завод № 209 им. Кулакова НКСП	Пистолет-пулемет Дегтярева ППД-40 Пистолет-пулемет Судаева ППС-42
Артель «Примус» Ленметремсоюза при СНК г. Ленинграда	Пистолет-пулемет Судаева ППС-42
Сестрорецкий инструментальный завод им. С.П. Воскова	Станковый пулемет, переделанный из авиапулемета ПВ-1 Пистолет-пулемет Дегтярева ППД-40 Пистолет-пулемет Судаева ППС-42
Завод № 349 им. ОГПУ НКВ (Государственный оптико-механический завод им. ОГПУ).	Револьвер Наган Штык к винтовке Мосина обр. 1891/30 г. Оптический прицел ПЕ
Завод № 212	26-мм сигнальный пистолет
Завод «Северный пресс»	26-мм сигнальный пистолет
Завод «Красногвардеец»	Штык к винтовке Мосина обр. 1891/30 г.
Фабрика «Скорострел»	Ленты для пулемета Максим
Авиаприборостроительный завод № 278 НКАП	Арматура к винтовочным ложам
Завод № 162	Ложки для винтовок обр. 1891/30 г, АВС-36, СВТ-38 и ППД-40
Завод мореходных инструментов (штурманских приборов)	Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы (глушитель) для винтовок Мосина обр. 1891/30 г.
Завод № 371 им. Сталина НКВ (Ленинградский металлический завод)	Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы (глушитель) для винтовок Мосина обр. 1891/30 г.
Завод подъемно-транспортного оборудования им. Кирова	Станки пехотные упрощенного образца для станковых пулеметов ПВ-1
Завод АГЭ (авто-гаражного электрооборудования)	Магазины к ППД-40, ППС-42 и ППС-43
Артиллерийская база вооружения № 75 (ст. Кушевка)	Зенитно-пулеметная установка из авиапулеметов ШКАС

- ¹ Белянский С.Ю. Петроград-Ленинград как военно-промышленный центр. СПб., 1999. С. 306.
- ² КБ Артиллерийской академии, КБ Кондакова, г. Ленинград.
- ³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 153. Л. 1–2.
- ⁴ Там же. Л. 50.
- ⁵ Там же. Л. 237.
- ⁶ Там же. Л. 191, 276.
- ⁷ «Все для фронта, все для победы». Сборник воспоминаний и очерков. Л., 1986. С. 32.
- ⁸ Демидов В.И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 33.
- ⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 153. Л. 237.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ В августе 1941 г. завод им. Воскова еще изготавливал поверочные калибры для пулеметов и винтовок для оружейных заводов Тулы. Там же. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 153. Л. 13).
- ¹² Там же. Д. 163. Л. 427.
- ¹³ Там же. Д. 153. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Д. 163. Л. 217.
- ¹⁵ Там же. Д. 184. Л. 134.
- ¹⁶ Там же. Д. 153. Л. 221.
- ¹⁷ Там же. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Л. 276.
- ¹⁹ Там же. Л. 307.
- ²⁰ Там же. Л. 340.
- ²¹ Там же. Д. 163. Л. 393.
- ²² Известный и неизвестный «ЛЕНПОЛИГРАФМАШ». СПб, 2010. С. 25.
- ²³ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М.; Тула, 1978. С. 67.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 163. Л. 86.
- ²⁶ Там же. Л. 81, 130, 199, 472.
- ²⁷ Там же. Л. 450, 470.
- ²⁸ Там же. Л. 390.
- ²⁹ Там же. Л. 471, 472.
- ³⁰ Там же. Л. 123.
- ³¹ Там же. Д. 184. Л. 7.
- ³² Известный и неизвестный «ЛЕНПОЛИГРАФМАШ». С. 25.
- ³³ Там же. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 163. Л. 269–270.
- ³⁴ Там же. Л. 132–133.
- ³⁵ Там же. Л. 396.
- ³⁶ Там же. Л. 195.
- ³⁷ Там же. Л. 324, 450.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 198, 210.
- ⁴⁰ Там же. Д. 162. Л. 134.
- ⁴¹ Там же. Д. 163. Л. 427.
- ⁴² Там же. Л. 195.
- ⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2005. С. 25.

⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 184. Л. 7, 88.

⁴⁶ Там же. Л. 62.

⁴⁷ Там же. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Л. 123.

⁴⁹ Там же. Д. 183. Л. 7, 19.

⁵⁰ Там же. Л. 2–6.

⁵¹ Там же. Д. 153. Л. 56, 221.

⁵² Там же. Л. 47.

⁵³ Там же. Л. 253.

⁵⁴ Там же. Л. 340.

⁵⁵ Там же. Д. 163. Л. 317–318.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Д. 162. Л. 134.

Рис. 1. Заводская надпись на винтовке обр.1891/30 г, изготовленной на заводе им. М. Гельца в 1941 г.

Рис. 2. Заводская надпись на станковом пулемете Максим-«Ленинградец», изготовленном на заводе № 810 НКМВ (бывший завод им. М. Гельца) в 1944 г.

Рис. 3. Заводская надпись на пистолете-пулемете ППД-40, изготовленном на заводе № 7 НКВ в 1942 г.

Рис. 4. Заводская надпись на пистолете-пулемете ППД-40, изготовленном на заводе № 209 (им. Кулакова) в 1942 г.

Рис. 5. Заводская надпись на пистолете-пулемете ППС-43, изготовленном артелью «Примус» в 1943 г.

К.В. Шмелев Санкт-Петербург)

ДЕРЕВО-ЗЕМЛЯНЫЕ БАСТИОННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В XVII–XVIII ВЕКАХ. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

Окончание Северной войны закрепило перенос русско-шведской границы на север, в Карелию. Теперь линия границы проходила по территориям, в течение предшествующих ста лет находившимся вне зоны российского влияния, а в ряде случаев никогда ранее не принадлежавшим Российскому государству. В северной части Карельского перешейка находились две мощные крепости – Выборг и Кексгольм (Корела), на которые и опиралась оборона новой границы¹. Однако обширные пространства в центральной части перешейка, в том числе основные дороги из Выборга и Кексгольма на Петербург, также требовали прикрытия. Для достижения этой цели в центре перешейка строится ряд укреплений полевого типа – редуты Мула, Суевек, Кивиниеми и Улла (рис. 1).

Нельзя сказать, что данная тема была достаточно популярна в отечественной или зарубежной историографии. Упомянутые укрепления приведены в ряде общих работ по истории фортификации² и изображены на нескольких картах XVIII в³. Имеются и сводные работы⁴; в настоящее время, к сожалению, часть из них значительно устарела.

Точная датировка строительства укреплений в настоящее время до сих пор не определена. «Народная» традиция относит данные укрепления к петровскому времени⁵, в целом же в литературе устоялось мнение, связывающее постройку этих сооружений с периодом Русско-шведской войны 1741–1743 гг. и инспекциями генерала Ласси, хотя проекты строительства и были разработаны значительно ранее, как, возможно, и более раннее строительство отдельных элементов сооружений⁶. Наиболее ранними укреплениями в таком случае оказываются редуты в Мула и возможно, Кивиниеми, где часть укреп-

Рис. 1. Полевые укрепления в центральной части Карельского перешейка. В качестве топоосновы использована «Часть семитопографической карты, заключающая окрестность Санкт-Петербурга». СПб., 1810

лений предположительно была сооружена в период после окончания Северной войны.

В настоящее время на местности локализована часть сооружений. Это редуты в Кивиниеми, Улла (на современной р. Бурной в восточной части перешейка). В последние годы усилиями историка и краеведа Б. Иринчеева был локализован редут в Мула. Расположение Сувек-шанца в настоящее время не известно. Важно отметить, что современная гидросеть Карельского перешейка сформировалась после образования в 1818 г. р. Бурной (Taivaleenjoki), до этого времени озерная сеть выглядела принципиально иначе и расположение редутов было привязано к ней. Редуты располагались на перешейках между озерами и контролировали основные дорожные направления (рис. 1). Редут Улла контролировал перешеек между Ладожским озе-

ром и озером Суванто (Suvantojärvi, совр. Суходольское) и дороге вдоль западного берега Ладоги. Западнее находился редут Кивиниеми, располагавшийся между озерами Суванто и Вуокса (Vuoksjärvi) и контролировавший дорогу из Кексгольма в Петербург (трасса дороги на данном участке примерно соответствовала современному Приозерскому шоссе. Редуты Мула и Сувек располагались в западной части перешейка на трассе старой дороги из Выборга в Петербург. Мула – на берегу одноименной реки – протоки между озерами Мола (Molajärvi) и Эуропа (Агрипе)⁷, Сувек к юго-востоку от него, у пересечения трассы дороги с берегом безымянного ручья (рис. 2).

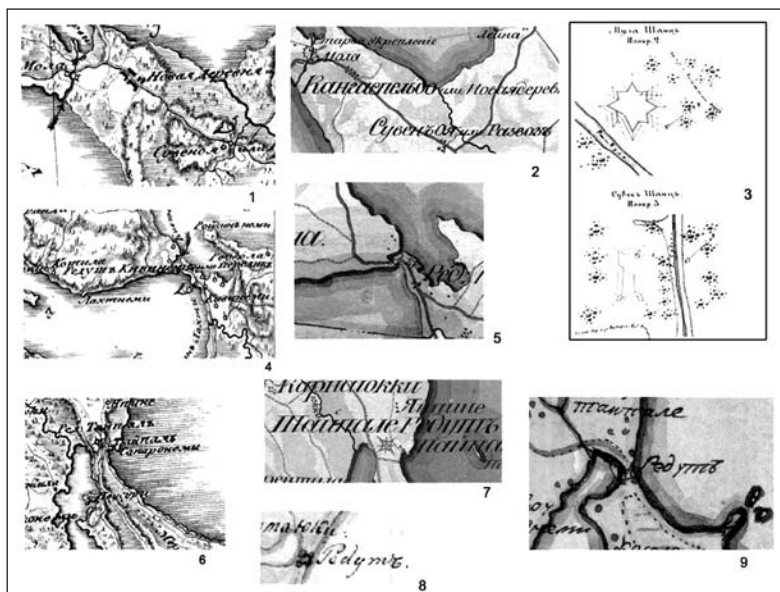

Рис. 2. Планы и изображения редутов на картах и чертежах рубежа XVIII–XIX вв.

- 1–3 – редуты Мула и Сувек; 4–5 – редут Кивиниеми; 6–9 – редут Улла
 1, 4, 6 – «Часть семитопографической карты, заключающая окрестность Санкт-Петербурга». СПб., 1810
 2, 5, 7 – «Карта Выборгской губернии». СПб., 1805
 3. Ласковский Ф. Чертежи к материалам для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб., 1865. Л. 2
 8 – «Карта Выборгской губернии, сочиненная в 1797 году». СПб., 1799
 9 – «Атлас Финляндской губернии с уездами и городами и планами всеми публичными строениями 1803 года». Л. 2. «Карта Выборгской губернии, сочиненная в 1803 году». СПб.

Локализация на местности и современное состояние объектов Редут в Лосево (Кивиниеми)

Первоначальный вид укрепления у Кивиниеми, точно не известен, имеющиеся документы описывают шанцы в Кивиниеми и на Тайпале как «простые четырехугольные укрепления с низким банкетом». В конце 1720-х гг. существовал проект Б.-Х. Миниха о модернизации крепостей, в том числе и на Карельском перешейке⁸. Ныне существующий редут в районе Кивиниеми сооружен, вероятно, в конце 1740-х гг. Военное значение укрепление сохраняло до начала XIX в., когда после войны 1807–1809 гг. и захвата Финляндии граница значительно отодвинулась и потребность в укреплениях на этом направлении отпала. Письменных документов, относящихся к постройке данного сооружения, не известно, имеется ряд планов и изображений редута на картах.

В настоящее время редут у Кивиниеми представляет собой двухчастное укрепление, состоящее из собственно редута подпрямоугольной и ложементов восьмиконечной формы. Укрепление расположено на высоком мысу над протокой, соединяющей озера Вуокса и Суходольское (Suvantojärvi). В XVIII в., когда уровень воды в них был выше на три-четыре метра, Лосевские пороги были покрыты водой, и ширина протоки была значительно больше, так что северная часть ложементов находилась практически на берегу. Здесь проходила дорога из Петербурга в Кексгольм, переправа, вероятно, находилась на трассе современного шоссе Петербург–Приозерск, т. е. к северозападу от укрепления. Длина каждого из валов редута порядка 80 м. Склоны редута имеют значительную крутизну (порядка 40–50 градусов) общая площадь укрепления превышает 1 гектар. В пространстве между валами и ложементом находится ров, глубиной до 3–4 м, общая высота внутренних стенок рва и вала составляет порядка 8 м. На валах редута имелись четыре угловых валганга – площадки для установки артиллерийских орудий. В теле вала, с внутренней стороны расположены остатки помещений, «внутривальных казарм». С западной, северной и восточной стороны находилось по одному помещению размером примерно 4 x 15 м. В южном валу прослежены остатки двух малых помещений (приблизительно 4 x 8 м), расположенных по сторонам от воротного проема. Входные проемы всех помещений имеют следы обкладки валунным камнем. Остальная часть площадки, вероятно, застройки не имела. Ворота редута расположены на южном фасе укрепления, стенки воротного проема имеют

следы каменной обкладки, вместо моста через ров при сооружении укреплений была оставлена небольшая дамба. Воротный проем в ложементе направлен в юго-западную сторону. Ложемент имеет слегка неправильную форму, вероятно, обусловленную формой холма. Размеры внешних границ ложемента – 210 x 203 м. В верхней части вала как редута, так и ложемента находятся банкеты для стрелков, по всей длине ложемента прослеживается прикрытый путь, отдельные участки укрепления разделены противорикошетными траверсами. В настоящее время часть ложемента разрушена строителями дороги Лосево – Каменногорск⁹, остальные части укрепления также имеют следы разрушений, в основном в виде воронок и стрелковых ячеек периода Второй мировой войны.

В 2011–2012 гг. обследования редута производили экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ и ИИМК РАН¹⁰.

Полноценное обследование указанного объекта до настоящего времени не производилось. В начале XIX в. с редутов Муло, Сувек, Кивиниеми и Улиц-шанцев снимались топографические планы¹¹, осмотр и съемка плана производились в 1973 г.¹² (с 1974 г. объект находится на учете в органах охраны памятников), в 1990-х гг. редут осматривался краеведами¹³. Работы 2011–2012 гг. ставили целью произвести топографическую съемку и привязку памятника, выявление внутренних конструкций сооружений, оценку ущерба, нанесенного в результате деятельности строительных организаций, и разработку рекомендаций по сохранению объекта. В ходе работ был снят план восточной части памятника – непосредственно примыкающей к зоне строительства железной дороги. Также выявлено, что в нарушение законодательства часть памятника федерального значения, не попадающая в существующую охранную зону, оказалась в полосе землеотвода строящейся железной дороги. В ходе съемки плана были произведены обмеры полностью сохранившихся частей ложемента шанца и на основании полученных данных были реконструированы размеры поврежденного юго-восточного луча ложемента. Также в ходе работ 2012 г. с целью выявления внутренних конструкций ложемента был заложен разведочный шурф в разрушенной части юго-восточного луча ложемента. Разрушение тела ложемента – практически полное срытие насыпи с последующей засыпкой строительным мусором и крупными камнями. Площадь шурфа – 4 x 3 м. Из опасения повредить конструкции памятника земляной архитектуры в ходе

работ шурф не доводился до уровня материка, были выбраны слои грунта, подвергшиеся деструктивному воздействию, и произведена зачистка вертикального стратиграфического разреза высотой более 1 м по западной стенке шурфа. В ходе работ выяснилось, что основное тело ложемента сложено из желтого крупнозернистого утрамбованного материкового песка с отдельными крупными и мелкими камнями, не образующими каких-либо конструктивных элементов. В насыпи прослежены многочисленные перекопы. В теле насыпи была встречена единственная находка – венчик сероглиняного гончарного сосуда. По материалам раскопок на территории С.-Петербурга подобные сосуды датируются серединой XVIII в.¹⁴ Какие-либо конструктивные элементы крепежа тела вала прослежены не были, что отличает конструкцию ложемента в Кивиниеми от аналогичного ложемента на Улицком шанце, где были прослежены деревянные и каменные крепежные конструкции (рис. 3).

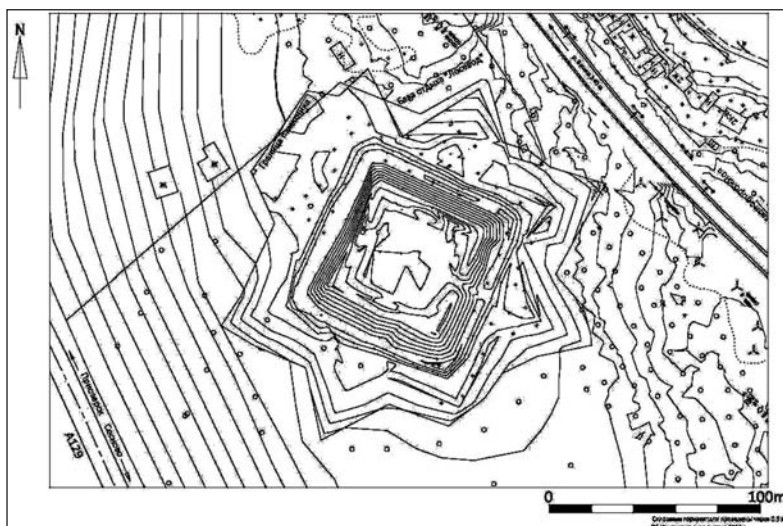

Рис. 3. Редут Кивиниеми (Лусево) топографический план. Съемка 2011 г.

Редут Тайпале (Улицкий шанец, редут Улла)

Укрепления расположены в восточной части Карельского перешейка, в 560 м к северу от р. Бурная (Taipaleenjoki), в 1,1 км к западу от береговой линии Ладожского озера и в 700 м к северо-западу от современного поселка Соловьево. Конструктивно сооружение до-

статочно близко к укреплениям в Кивиниеми и также представляет собой четырехугольный редут с ровом и восьмиугольным ложементом. В центре находится незастроенный плац¹⁵. Размеры редута (по внешним обводам валов) – 64 x 64 м, ложемента – 190 x 190 м. Высота валов от дна рва – порядка 8 м. С редутом в Кивиниеми данное укрепление объединяет характер выполнения отдельных элементов: угловых валгангов, «внутриральных казарм», мостовой дамбы, устройство прикрытого хода, траверсов, воротных проемов¹⁶. Ворота также находятся на юго-западной стороне. Сооружение сильно повреждено воронками и окопами периода Второй мировой войны. Письменных документов, относящихся к постройке данного сооружения, неизвестно, имеется ряд планов и изображений редута на картах.

Данное сооружение никогда не подвергалось полноценному обследованию. Однако в 2002 г. частично разрушенные участки ложемента были осмотрены сотрудниками Приладожской археологической экспедиции МАЭ РАН. В ходе осмотра был выявлен ряд внутренних конструкций, укрепляющих насыпь ложемента, в частности, остатки небольших, менее 1,5 м деревянных клетей, заполненных грунтом – желтым материковым песком, обкладка из гранитных валунов вдоль внешней границы насыпи, облицовка насыпи дерновыми кирпичами¹⁷.

Редут Мула (Мульский ретрашемент)

Данное укрепление локализовано на местности только в последние годы, благодаря усилиям краеведа Б. Иринчеева. Расположено на берегу р. Булатная – протоки, соединяющей современные оз. Охотничье и Б. Раковое. До изменения гидрорежима Карельского перешейка – на берегу реки Мола – между оз. Мола (Molajärvi) и Эуропя (Агрипе). Архивных документов, относящихся к постройке данного сооружения, также не известно, но имеется ряд планов и изображений редута на картах. Есть упоминания в мемуарной литературе, в частности, о закладке «большого окопа» 6 августа 1741 г. корпусом генерала Кейта в начале русско-шведской войны 1741–1743 гг. сообщается в «Записках о России» Х.Г. Манштейна¹⁸. Согласно известным описаниям укрепления состояли из нескольких элементов: «ломаного окопа» на западном берегу протоки, двух малых редутов и центрального многоугольного редута (штершанца)¹⁹. В настоящее время выявлена только часть сильно руинированных укреплений на восточном берегу протоки, вероятно, основная часть укреплений

была уничтожена в ходе боевых действий периода Второй мировой войны.

Редут Сувек

В настоящее время на местности не локализован. Известен ряд планов и изображений на картах. Согласно изобразительным источникам представлял собой прямоугольный шанец без ложемента. Важно отметить, что на многих картах второй половины XVIII – начала XIX в. в точке, где отмечен Сувек-шанец, присутствует также значок почтовой станции; возможно, что данное сооружение представляло собой укрепленную почтовую станцию.

Результаты обследования укреплений в центральной части Карельского перешейка позволяют сделать несколько предварительных выводов. Подтверждается давний тезис исследователей XIX в. о том, что данные укрепления являются именно полевыми, занимаемыми войсками только в случае военной опасности – все известные редуты находятся на значительном расстоянии от населенных пунктов и не имеют следов внутренней застройки, за исключением небольших помещений полуземляночного типа во внутренних валах. Получен ряд данных о внутренних конструкциях земляных сооружений. Также может быть высказан ряд соображений относительно датировки данных укреплений. Строительство редутов в западной части перешейка уверенно, хотя и на основании косвенных источников, может быть связано с периодом войны 1741–1743 гг. Сооружения в восточной части, созданные по схожим строительным планам и объединенные рядом одинаковых конструктивных решений, вероятно, создаются несколько позднее. Дальнейшая перспектива исследования может быть связана с поиском и локализацией Сувек-шанца, полным обследованием выявленных объектов, поиском аналогий прослеженных конструктивных особенностей как на материале с территории бывшей Российской империи, так и стран Северной Европы, прежде всего Швеции.

---

¹ Помимо Выборга и Кексгольма в центральной части перешейка находилась шведская крепость Kivenapra (Kivenebb), однако ее укрепления в период после Северной войны не использовались. См.: П.Е. Сорокин, С.В. Бельский. Крепость Кивеннапа на Карельском перешейке: результаты археологического обследования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. С. 167. Земляные укрепления в северо-восточной части перешейка (Перновские редуты) связаны с укреплениями

Кексгольма, в юго-западной части известны укрепления, прикрывавшие Сестрорецкие заводы (не сохранились), и одиночный редут около Осиновой Рощи.

² Ласковский Ф. 1) Материалы для истории инженерного искусства в России. Т. 3. СПб., 1865. 2) Чертежи к материалам для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб., 1865.

³ Например: Карта Выборгской губернии, сочиненная в 1797 году. СПб., 1799; Карта Выборгской губернии. СПб., 1805; Часть семитопографической карты, заключающая округность Санкт-Петербурга. СПб., 1810; Карта части границы Российской Империи, смежной с королевством шведским. Вт. пол. XVIII в. РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 4. № 1079.

⁴ Назаренко К.В., Смирнов В.И. Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском перешейке // Цитадель. 1998. №1 (6). С. 19–23; Шмелев К.В. Деревяно-земляная полевая фортификация на северо-западе России в конце эпохи средневековья и начале нового времени. Опыт изучения // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 685–687.

⁵ Карельский перешеек, Л., 1962. С. 315–316.

⁶ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 378; Назаренко К., Смирнов В. Указ. соч. С. 19.

⁷ Ныне озеро не существует, после падения уровня воды в начале XIX в. на его территории образовалась группа Раковых озер.

⁸ Назаренко К., Смирнов В. Указ соч. С. 19.

⁹ Редут находится на учете Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия с 1974 г. (Отчет об обследовании фортификационных сооружений на протоке в Лосево 21–23 мая 1973 г. // Б.н., архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия правительства Ленинградской области), однако тогда на охрану была поставлена только центральная часть укрепления – собственно редут. Документы для постановки на государственный учет и охрану ложемента укреплений были подготовлены по результатам работ 2011–2012 гг.

¹⁰ Шмелев К.В. Отчет об археологических разведках на территории Ленинградской области в 2011 году. СПб., 2014; Бессуднов А.А. Отчет по археологическому обследованию территории в зоне строительства железнодорожной линии Лосево – Каменногорск в Выборгском и Приозерском районах Ленинградской области в 2012 г. СПб., 2012.

¹¹ Ласковский Ф.. Чертежи к материалам для истории инженерного искусства в России. Л. 2.

¹² Отчет об обследовании фортификационных сооружений на протоке в Лосево 21–23 мая 1973 г.

¹³ Назаренко К., Смирнов В. Указ. соч. С. 19.

¹⁴ Михайлова Е.Р. Петербургская керамика // Древние культуры центральной Азии и С-Петербурга. СПб., 1998. С. 279.

¹⁵ В центре площадки находятся остатки бетонного фундамента площадью 2,8 x 3 м, вероятно, это остатки небольшой часовни, ее изображение есть на ряде карт рубежа XIX–XX вв.

¹⁶ Важно отметить, что такое же технологическое исполнение указанных элементов характерно еще для одного укрепления к северу от Петербурга – редута в Осиновой Роще, имеющего, впрочем, пятиугольную форму. Датировка данного сооружения

неизвестна, самые ранние документы относятся к 1780-м гг. Некоторые косвенные источники, в частности, сообщение Манштейна об организации лагерей для войск летом 1741 г. в Осиновой роще, позволяют предположить, что данное укрепление также связано с периодом войны 1741–1743 гг (Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб., 1875. стр. 215). Важно отметить, что данный редут так же привязан к сети дорог Карельского перешейка и может контролировать южную оконечность дороги из Выборга в Петербург.

¹⁷ Устное сообщение научного сотрудника отдела археологии МАЭ РАН канд. ист. наук С.В. Бельского.

¹⁸ Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. С. 216.

¹⁹ Назаренко К., Смирнов В. Указ. соч. С. 20.

Ю.В. Щербаков (Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ОБОРОННЫХ УСИЛИЙ В СССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921 – ИЮНЬ 1941 г.)

После того, как молодое Советское государство ценой огромных потерь от войны, эпидемий и голода, благодаря, прежде всего, Рабоче-крестьянской Красной Армии, потери которой составили 939 755 красноармейцев и командиров, победило иностранную военную интервенцию и покончило с Гражданской войной, оно приступило к мирному строительству и осуществлению тех огромных задач в социальной, экономической, культурной и других областях, которые перед ним стояли¹. Решая эти задачи, политическое и военное руководство советской страны осуществляло поиск новых форм и методов дальнейшего совершенствования боевой готовности Вооруженных Сил, укрепления обороноспособности государства. Это становилось особенно актуальным в условиях враждебного отношения к стране Советов ведущих капиталистических государств. Настоятельно возникла необходимость проведения военной реформы РККА.

Анализ военно-политических взглядов того времени у нас и за рубежом, военных доктрин государств свидетельствует о том, что возможная новая война – столкновение Советского Союза с коалицией империалистических государств – могла приобрести не меньший размах, чем Первая мировая война (1914–1918). Опыт последней свидетельствовал о том, что вооруженную борьбу в новых условиях невозможно вести ранее накопленными мобилизационными запасами. Настоятельной и неотложной необходимостью становились заблаговременная разработка действий по поддержанию Красной Армии на соответствующем уровне боевой готовности, а также успешное решение многих задач, связанных с мобилизационным раз-

вертыванием соединений в приграничных районах, созданием и накоплением соответствующих резервов тыла.

Среди военного и политического руководства страны, среди широких кругов советской общественности в межвоенный период преобладало убеждение, что любая развязанная империалистами война против СССР быстро перерастет в гражданскую войну трудящихся против эксплуататоров. Небезынтересную трактовку этой проблемы дал начальник штаба РККА М.Н. Тухачевский: «Предстоящая нам война будет происходить в условиях, совершенно отличных от условий ведения войны империалистами, благодаря расширению политического базиса борьбы по ту стороны фронта. Прочному осуществлению рабоче-крестьянской смычки, несмотря ни на какие затруднения, будет противопоставлена ожесточенная классовая борьба в лагере империалистов. Эта борьба по мере развития войны империалистов против Советского Союза будет превращаться из империалистической в гражданскую»².

Понимание неизбежности мобилизации всех экономических ресурсов страны и поэтапного развертывания перестройки народного хозяйства, а также всестороннего обеспечения военных действий обусловило принятие «военного пятилетнего плана» на 1926–1931 гг., ставшего, по сути, предшественником первому пятилетнему плану развития народного хозяйства страны³. Расчеты штаба РККА, связанные с промышленной мобилизацией и военными поставками, из-за невозможности опереться на долгосрочные народнохозяйственные планы работы экономики в военное время оказались «построенными на песке»⁴. Здесь следует согласиться с выводами современного российского исследователя О.Н. Кена, который считает, что утверждение пятилетнего плана строительства РККА стало толчком к пересмотру системы планирования оборонных усилий в масштабе страны⁵.

Окончание восстановительного периода сопровождалось складыванием разветвленной системы подготовки государства к войне, приоритетное положение в которой занимали Народный комиссариат по военным и морским делам и штаб РККА.

В ходе военной реформы середины 1920-х гг., которая установила относительное равновесие составных элементов Вооруженных сил мирного времени, определила структуру и основные функции их руководящих органов, стали закладываться теоретические основы мобилизации. Определенная система мобилизационной готовности

в СССР сложилась в конце 1920-х годов, но только в 1930-е годы она была в целом отработана и на основе этого продолжала совершенствоваться далее. Теоретические основы мобилизации функционировали до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. при незначительных изменениях в мобилизационном планировании, исходя из опыта советско-японских вооруженных конфликтов на Дальнем Востоке и войны с Финляндией.

Советское мобилизационное планирование осуществлялось с учетом оценки внешних угроз, которые изучало IV (разведывательное, информационно-статистическое) управления штаба РККА, разрабатывало его I (оперативное) управление, а направлялось оно совокупными усилиями военного ведомства и всех хозяйственных наркоматов, и прежде всего решениями высших политических и государственных органов – Политбюро ЦК ВКП(б), Совета Труда и Оборона СССР и его распорядительных заседаний (1927–1930), Комиссией Оборона СССР (1930–1937).

Теория и практика мобилизации обуславливали развитие системы советского мобилизационного планирования, между сегментами которого в вопросах планирования военных действий на начальном этапе войны имелись противоречия, в том числе и из-за внутренней борьбы в военном руководстве, «ибо понимание внутренних и внешних задач СССР, пронизанное идеологией, тяготело к беспредельно широкому определению потенциального противника»⁶.

Первое «Наставление по мобилизации» было разработано и введено в действие в 1922 г. В «Наставлении по мобилизации» в значительной степени использовался дореволюционный опыт органов государственного и военного управления бывшей Российской империи. Взяв его за основу, советские военные комиссариаты приступили к организации плановой мобилизационной работы. Первый оперативный план «О стратегическом развертывании Красной Армии на случай войны на Западе по варианту ПР» был принят в 1924 г.⁷

8 августа 1923 г. Декретом ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных войсковых частей и проведения военной подготовки трудящихся» были заложены законодательные основы смешанной территориально-кадровой системы комплектования армии, существовавшей до середины тридцатых годов.

Согласно декрету воинская обязанность переменного состава территориальных частей складывалась из 4-летней военной службы в форме ежегодных краткосрочных (не более 2 месяцев) сборов и со-

стояния в запасе до 40-летнего возраста. Декретом предусматривались и другие формы выполнения воинской обязанности: предварительная военная подготовка (с юношами в возрасте от 16 до 18 лет); допризывная военная подготовка (с лицами, достигшими 19 лет); вневойсковая военная подготовка (с лицами, по различным причинам не проходившими действительную военную службу). Вопросами организации допризывной и вневойсковой подготовки, осуществления призывов военнообязанных на сборы и на службу в территориальных частях, а также налаживания воинского учета на местах предписывалось заниматься военным комиссариатам. Территориальная система комплектования войск расширила функции окружного военкомата. Из аппарата, ведавшего, прежде всего, лишь учетно-мобилизационными делами, он превратился в организатора всей военной работы на территории округа, а губернские военкоматы оказались лишь промежуточной инстанцией.

Переход на кадрово-милиционную систему устройства Вооруженных сил страны позволил охватить боевой подготовкой большую часть населения, поддерживать на необходимом уровне боеспособность войск при минимальных экономических затратах на их содержание в обстановке, когда народное хозяйство страны только начало восстанавливаться.

9 января 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О реорганизации местных органов Народного комиссариата по военноморским делам». В соответствии с данным постановлением в 1925 г. была произведена реорганизация органов местного военного управления в интересах развернувшегося территориально-милиционного строительства советских Вооруженных сил. Административные функции возлагались на Главное управление РККА, которое должно было руководить учетом и призывом военнообязанных, штатным устройством, комплектованием частей, перемещением командного состава. Для более тесной связи с населением и местными органами власти в мае 1925 г. были созданы территориальные войска.

Большое значение в деле упорядочения деятельности по укомплектованию войск личным составом имел Закон об обязательной военной службе, принятый 18 сентября 1925 г., поскольку предусматривал прохождение службы призываемых в армию на должности рядового и младшего командного состава, как в кадровых, так и в территориально-милиционных частях. Указанный Закон определял задачи по допризывной подготовке молодежи, порядок проведения

призыва граждан на действительную военную службу и предоставление льгот и отсрочек, прохождение действительной военной службы и пребывание в запасе, права и обязанности граждан, призванных на действительную военную службу и т. д. Основные принципы и формы реализации воинской обязанности были сохранены в последующих редакциях закона, изданных в 1928 и 1930 гг.

В августе 1926 г. начальник штаба РККА М.Н. Тухачевский представил в СТО обширный доклад «Оборона Союза Советских Социалистических Республик»⁸. Главный тезис его доклада сводился к примату немедленного перевооружения РККА и накопления мобзапасов перед расширением экономического базиса мобилизации⁹. Тезисы своего доклада о военно-политическом положении страны, анализ оборонительных ресурсов страны и состояние Вооруженных Сил СССР. М.Н. Тухачевский изложил 26 декабря 1926 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), после чего высшее политическое руководство страны приняло два важных решения: 1) заняться вопросами «об опасности войны и плане обороны на случай войны» и «о состоянии военной промышленности с точки зрения ее соответствия обороне»; 2) восстановить расформированные в 1926 г. Мобилизационно-Плановое Управление НКВМ и мобилизационные отделы при Управлениях начальников снабжений военных округов¹⁰.

Важным шагом в деле укрепления обороноспособности страны явилось майское постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 1927 г., в котором был подведен итог пятимесячных подготовительных работ. Решением Политбюро «...основные функции по координации оборонных приготовлений были переданы Распорядительному заседанию Совета Труда и Оборона. Создавались мобилизационные органы союзных и республиканских наркоматов, Мобилизационно-Плановое Управление ВСНХ как орган мобилизации промышленности и Сектор Оборона Госплана – “специальный аппарат”, “который обязан при всяком планировании хозяйства учитывать нужды обороны”. На Реввоенсовет СССР были возложены обязанности по составлению плана ведения войны, постановке перед всеми наркоматами задач по обеспечению мобилизации РККА и координации мобпланов административных и экономических ведомств Союза»¹¹.

20 декабря 1927 г. начальник штаба РККА М.Н. Тухачевский представил наркому Ворошилову докладную записку «О радикальном перевооружении РККА», в которой впервые был конкретно постав-

лен вопрос о реконструкции и перевооружении Советской армии. По оценке отечественного исследователя С.Т. Минакова эта докладная записка являлась основой концепции развития страны и государства¹².

В 1927 г. в обиход Красной армии был введен «Показной мобилизационный план 18-го стрелкового полка», который впоследствии стал использоваться как образец разработки мобилизационных планов в войсках. Говоря о существовании оперативных планов, отметим наличие таковых, имевших название «Записка об обороне СССР» (1927) и «Оперативный план» (1927–1928)¹³.

Положительный опыт мобилизации людских ресурсов, накопленный к этому времени, лег в основу декрета «Об обязательной воинской повинности всех граждан РСФСР мужского пола», изданного ВЦИК и СНК СССР 22 сентября 1927 г.¹⁴. Тем самым было положено начало персональной приписке к воинским частям лиц рядового и начальствующего составов. В 1930 г. было издано «Наставление по мобилизационной работе в воинских частях», где помимо образцов формализованных документов даются соответствующие рекомендации по организации и ведению мобилизационной работы¹⁵. В 1936 г. принимается «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе»¹⁶.

Обострение международной обстановки в тридцатых годах, рост военных бюджетов, гонка вооружения в крупнейших развитых странах, увеличение численности и технической оснащенности их армий, явная подготовка новой мировой войны – все это настоятельно требовало новых серьезных изменений в советском военном строительстве. В условиях нарастания угрозы войны территориально-милиционная система, на основе которой комплектовалась личным составом значительная часть соединений и частей Советского Союза, не отвечала складывавшейся обстановке и не обеспечивала решения оборонных задач. Назрела необходимость перехода на новый принцип комплектования войск с хорошо обученным личным составом. В связи с этим стали приниматься энергичные меры по постепенному переходу армии на кадровую основу путем постепенного уменьшения количества территориально-милиционных частей и соединений. К 1937 г. численность Красной армии достигла 1 млн 433 тыс. человек, и в ее составе до 77 процентов всех стрелковых дивизий уже были кадровыми, хотя еще год назад примерно такая же цифра характеризовала наличие территориальных дивизий.

С учетом нового административного деления территории СССР, принятого в 1938 г., были созданы военные комиссариаты во всех районах, областях, городах, краях, автономных и некоторых союзных республиках¹⁷. Это коренным образом изменяло порядок и качество учета людских ресурсов, транспортных средств и тягловой силы. В 1939 г. первичный учет военнообязанных запаса был передан в сельской местности – в сельские советы, а в городах – в отделения милиции. Таким образом, военнообязанные учитывались вместе с пропиской по месту жительства. В это же время были приняты нормативные правовые документы по бронированию рабочей силы за промышленными предприятиями.

В предвоенный период шел постоянный поиск наиболее рациональных форм, способов и методов воинского учета. В течение четырех месяцев 1940 г. на всей территории СССР в соответствии с «Руководством по учету» был проведен переучет мобилизационных ресурсов. В результате выполненной работы на общий учет было поставлено 20,3 млн человек (младших командиров и рядовых) и 2,1 млн человек – на специальный учет (забронированных)¹⁸.

Теоретическим и практическим комплексным документом являлся Мобилизационный план № 22, или МП-39, введенный в действие в 1938 г.¹⁹. МП-39 был достаточно реальным планом, однако по некоторым причинам (в частности, из-за излишней засекреченности) в войне с Финляндией он не был применен в полном объеме. Отмобилизование соединений и воинских частей проводилось в распорядительном порядке, выборочно, вне мобилизационного плана²⁰.

С учетом этого в апреле 1940 г. Генеральным штабом были отданы указания об уточнении Мобилизационного плана № 22 с присвоением ему наименования МП-40, который был принят (в 1940 г.) в условиях нарастания военной угрозы с готовностью к 1 января 1941 г. Одновременно с «МП-40» с августа 1940 г. в СССР разрабатывался новый план «МП-41», который был утвержден в феврале 1941 г. В процессе его разработки была достигнута тесная связь войсковых частей с комплекующими их военными комиссариатами.

В связи с большими изменениями и немалым объемом организационных мероприятий в августе 1940 г. Главным Военным Советом было принято решение о разработке нового мобилизационного плана — МП-41, с расчетом его ввода в действие с мая 1941 г. Исходными руководящими документами для разработки МП-41 служили: «Наставление по мобилизационной работе войсковых частей,

управлений и учреждений Красной Армии», введенное в действие в 1940 г.; «Временные указания по составлению мобилизационных планов военных комиссариатов»; «Наставление по мобилизационной работе для местных органов военного управления», введенное в действие в марте 1941 г.; «Инструкция о порядке оповещения о мобилизации».

В Генеральном штабе, в штабах видов Вооруженных сил, родах войск, иных органах военного управления и в войсках военных округов было разработано большое количество методических рекомендаций и пособий, раскрывающих порядок и способы выполнения тех или иных мероприятий мобилизационных планов на разных уровнях. Проводилась научная и методическая работа по военно-сборовой подготовке. Был разработан большой объем научно-методической документации о порядке проведения различного вида сборов в тесной увязке с программами боевой подготовки. В частности, в 1941 г. планировалось призвать на военные сборы более 840 тыс. сержантов и солдат, а с учетом дополнительных решений правительства – 1,2 млн человек. В Генеральном штабе были проведены расчеты по внутриокружным и межокружным мобилизационным перевозкам с началом войны. При этом планировалось перевезти около 900 тыс. человек, автомашин – 78 тыс., тракторов – 16 тыс., лошадей – 46 тыс. единиц.

Проведенные практические мероприятия на базе разработанных теоретических положений обеспечили внесение ряда особенностей в мобилизационный план МП-41. К основным из них относились: единственный способ комплектования армии военного времени – по персональной приписке военнообязанных, находящихся в запасе; по мобилизации войска комплектовались в основном обученными мобилизационными людскими ресурсами; военным округам разрешалось осуществлять небольшие переброски людских ресурсов призыва граждан на военную службу, однако она широкого применения в войсках не нашла. Вместе с тем, учитывая сложную экономическую ситуацию в стране и нарастание пацифистских настроений, Генеральный штаб ВС СССР был вынужден сократить объемы призыва граждан на военные сборы.

Начало Второй мировой войны потребовало дальнейшего развития имеющейся системы, и в августе 1940 г. Главный Военный Совет РККА (С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и Г.А. Щаденко) принял решение о разработке единого мобилизаци-

онного плана, реализация которого намечалась с мая 1941 г. Ввиду задержки согласования с промышленностью, календарный план работ был утвержден только в конце 1940 г., а план в целом, получивший шифр МП-41, представлен правительству и утвержден в феврале 1941 г. Разработки документации по плану начались немедленно и планировались к завершению в первом полугодии 1941 г. Согласно плану намечалось развертывание 303 дивизий (198 стрелковых, 61 танковой, 37 моторизованных и 13 кавалерийских), 346 авиационных полков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад, 94 корпусных артиллерийских полка и 72 артиллерийских полка РГК. Общая численность войск в перечисленных выше частях должна была составлять 8,9 млн. человек²¹. Реализация приведенных выше плановых цифр позволила бы СССР при традиционном начале войны (т. е. при ее объявлении) благополучно завершить ее начальный период.

Таким образом:

– в ходе военной реформы 1924–1928 гг. в основу был положен принцип сокращения численности РККА в соответствии с условиями мирного времени и экономическими возможностями страны; была принята система комплектования вооруженных сил, позволяющая при меньших затратах иметь небольшую кадровую армию, способную обеспечить безопасность границ государства, а в случае войны – быстро отмобилизовать соединения и воинские части с приведением их в полную боевую готовность; одновременно проводилось военное обучение трудящихся из числа военнообязанных; были упорядочены боевой состав и численность Вооруженных сил; регламентирована система комплектования, качественно обновлен командный состав, реорганизована система снабжения войск, заложена система плановой боевой подготовки, созданы и внедрены в войска новые уставы, начато техническое переоснащение РККА, расширена система подготовки военных кадров в военно-учебных заведениях и военных школах;

– практическая реализация основных направлений (элементов) военной реформы в советском обществе способствовала осуществлению кардинальных преобразований военной организации Советского Союза, выводу ее на качественно новый уровень развития;

– в межвоенный период в СССР, особенно в 1930-е гг., была проведена огромная всесторонняя работа по повышению обороноспособности страны, включая вопросы мобилизационного и стратегического планирования;

– последующий опыт военного строительства в межвоенный период, начиная с 1929 г. вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., свидетельствует о том, что военные реформы в стране больше не проводились, а осуществлялись лишь преобразования (перестройка) Вооруженных сил;

– в предвоенные годы военный потенциал советского государства, находящийся в прямой зависимости от количества его населения и подготовки его к ведению войны, количества и качества вооружения и военной техники, оптимальности структуры Вооруженных сил и их мобилизационной готовности, находился на необходимом и достаточном уровне для того, чтобы обеспечить не только победу в войне, но и в конечном итоге после разгрома фашистской Германии и ее капитуляции позволить добиться выгодного для себя нового передела мира.

---

¹ Некоторые источники называют цифру в 8 млн человек потерь непосредственно от войны, эпидемий и голода, включая не родившихся. (Например см.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население. М., 1986. С. 127–128). РККА потеряла 939 755 человек (См.: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993, С. 54). Белая армия погибшими имела примерно то же количество, что и Красная; согласно другой статистике и разным методикам вычисления – значительно меньше.

² См.: Тухачевский М. В. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964. С. 22–23.

³ См.: Захаров М. Коммунистическая партия и техническое перевооружение армии и флота в годы предвоенных пятилеток // ВИЖ. 1972. № 2. С. 2; Glantz D.M. The military strategy of the Soviet Union: A history. Ft. Leavenworth (KS), 1992. P. 30.

⁴ Записка V управления штаба РККА, июнь 1927 (цит. по: Samuelson L. Soviet defence industry planning: Tukhachevskii and military-industrial mobilization. 1926–1937 / Stockholm, 1996. P. 60).

⁵ См.: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 20.

⁶ Цит. по: Кен О. Н. Указ. соч. С. 9.

⁷ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 481.

⁸ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 55.

⁹ См.: Доклад начальника штаба РККА в СТО, август 1926 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 671. Л. 141.

¹⁰ Протокол № 78 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 13.01.1927 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 42; Постановление РВС СССР по докладу Начальника снабжения РККА, 16.01.1927 (копия) // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 32. Л. 191.

- ¹¹ Цит. по: Кен О.Н. Указ. соч. С. 22.
- ¹² Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 481.
- ¹³ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁴ История государства и права СССР. Учебные материалы. Ч.2. М., 1985. С. 62.
- ¹⁵ А.В. Осетров Опыт развития системы мобилизационной подготовки и мобилизации отечественных вооруженных сил (с середины XIX до 90-х гг. XX в.) // Военно-исторический журнал № 9. 2008. С. 19–22.
- ¹⁶ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁷ Подр. см.: Смирнов В. Военные комиссариаты: 90 лет на службе Отечеству // Российское военное обозрение. 2008. № 4. С. 14–18.
- ¹⁸ А.В. Осетров. Опыт развития системы мобилизационной подготовки... С. 19–22.
- ¹⁹ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 40.
- ²⁰ А.В. Осетров. Опыт развития системы мобилизационной подготовки... С. 19–22.
- ²¹ Горшков Г.И. Мобилизация – есть война. // Военно-исторический журнал. 1999. № 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов Денис Иванович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Пивоварчик Сергей Аркадьевич – Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, заведующий кафедрой, доктор исторических наук, доцент.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, заведующий отделом, кандидат исторических наук.

Приходько Михаил Анатольевич – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, старший преподаватель, кандидат юридических наук.

Пронин Алексей Олегович – Музей города Новосибирска, ученый секретарь, кандидат исторических наук.

Прямыцын Владимир Николаевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, заместитель начальника отдела, кандидат военных наук.

Рахимов Рамиль Насибуллович – Российский институт стратегических исследований (Уфа), кандидат исторических наук, доцент.

Рогожин Александр Александрович – Орловский музыкальный колледж, преподаватель.

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина», старший научный сотрудник.

Рябухин Иван Васильевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник

Сабуров Леонид Давыдович – Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации, главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Самгин Сергей Владимирович – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, преподаватель, кандидат политических наук.

Селезнев Анатолий Александрович – Военный институт физической культуры Медицинской академии им. С.М. Кирова, доцент.

Славнитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Смирнов Андрей Анатольевич – Московский архитектурный институт (Государственная академия), доцент, кандидат исторических наук.

Стрельников Виктор Алексеевич – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент

Суханов Игорь Павлович – историк-исследователь, кандидат военно-морских наук.

Тихомирова Елена Владимировна – Галерея «Русские палаты» (Москва), ведущий эксперт.

Улизко Павел Вячеславович – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника научно-исследовательского отдела.

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. преподобного Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, кандидат исторических наук.

Федулов Сергей Валентинович – Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, кандидат исторических наук, доцент.

Филатов Олег Васильевич – Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург), заведующий сектором, старший научный сотрудник.

Финченко Александр Евгеньевич – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Хохлов Владимир Сергеевич – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Худяков Юлий Сергеевич – Институт археологии и этнографии СО РАН, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

Целорунго Дмитрий Георгиевич – Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (Московская область), главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Цесельски Томаш – Институт истории Опольского университета (Польша), доктор исторических наук, профессор.

Цехановская Ольга Константиновна – Центральный Военно-морской музей, научный сотрудник.

Цуканов Игорь Павлович – Курский государственный университет, руководитель Центра патриотического воспитания молодежи, кандидат исторических наук.

Чернухин Виктор Андреевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор.

Чigareва Наталия Григорьевна – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук, доцент.

Чубинский Александр Николаевич – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», научный сотрудник.

Чумак Руслан Николаевич – ВИМАИВиВС, начальник отдела, кандидат технических наук.

Шмелев Кирилл Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет, научный сотрудник.

Щербаков Юрий Вадимович – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пивоварчик С.А.</i> Осовецкая крепость накануне и в годы Первой мировой войны	3
<i>Пинк И.Б.</i> Меч или кинжал? К вопросу атрибуции и назначения некоторых видов холодного клинкового оружия	21
<i>Приходько М.А.</i> Генеральный кригерехт в 1804–1805 годах (организационно-структурный аспект).....	27
<i>Пронин А.О.</i> Иранское холодное оружие из частных собраний в новом музейном проекте	29
<i>Прямыцын В.Н.</i> Отечественная метеорология в годы Гражданской войны в России.....	45
<i>Рахимов Р.Н.</i> От Варшавы до Евфрата: судьба российского военнопленного – муллы.....	60
<i>Рогожин А.А.</i> «Engagement a la Russe»: практика вербовки иностранцев генералов на русскую службу в начале VIII века	68
<i>Родионов Е.А.</i> Саксонское охотничье оружие 1-й половины XVIII века в собрании Гатчинского дворца-музея.....	82
<i>Рябухин И.В.</i> Боеприпасы и приборы Германии в период Второй мировой войны (в коллекции ВИМАИВиВС)	94
<i>Сабуров Л.Д.</i> Советско-финляндская война 1939–1940 годов.....	101
<i>Самгин С.В.</i> Научное наследие Эдуарда Эдуардовича Ленца: краткая историография	124
<i>Селезнев А.А.</i> Ленинградская битва, ее периоды. Неизвестные факты.....	133
<i>Славницкий Н.Р.</i> Воинские праздники и салютационная пальба в Санкт-Петербурге в царствование Анны Иоанновны	150
<i>Смирнов А.А.</i> Защитная униформа русской армии в Первую мировую войну: морально-психологический аспект.....	160

<i>Стрельников В.А.</i> Укрепление морального духа русской армии в ходе совершенствования ее тактической подготовки (вторая половина XIX века)	173
<i>Суханов И.П.</i> К истории 70-летнего юбилея победы России в Великой Отечественной войне	185
<i>Тихомирова Е.В.</i> Неизвестная реликвия – драгунская офицерская шашка обр. 1881 года. Золотое оружие, принадлежавшее императору Александру III	193
<i>Улизко П.В.</i> Образ врага в советской карикатуре в годы Великой Отечественной войны	203
<i>Ульянов О.Г.</i> Древнейший арсенал в Московском Кремле – место рождения русской артиллерии	220
<i>Федулов С.В.</i> Военно-техническое сотрудничество Российской империи с зарубежными странами в области судостроения накануне Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и предложения по усилению российского флота	244
<i>Филатов О.В.</i> Дипломатическая служба императорских яхт	252
<i>Финченко А.Е.</i> Кустарные охотничьи ружья с пижемской росписью ложи в собрании Кунсткамеры	268
<i>Хохлов В.С.</i> Промышленные предприятия связи СССР в Великой Отечественной войне	274
<i>Худяков Ю.С.</i> Роль применения огнестрельного оружия, артиллерии и защитного вооружения русскими казаками в ходе военных действий с сибирскими татарами во время похода отряда Ермака в Сибирь в конце XVI века	289
<i>Целорунго Д.Г.</i> Сражения при Ножан-сюр-Сене и Мормане в феврале 1814 года – этапы тернистого пути союзных войск в Париж	297
<i>Цесельски Томаш.</i> Барская конфедерация на Подолии и первый период Русско-турецкой войны в зеркале переписки коменданта Каменец-Подольской крепости Иосифа де Витте (зима 1768 – лето 1769 года)	306
<i>Цехановская О.К.</i> Из истории формирования изображения орла на кораблях русского императорского флота	321
<i>Цуканов И.П.</i> О роли смотров общественных военно-исторических музеев в изучении и сохранении историко-культурного наследия (на материалах областей Центрального Черноземья)	334

<i>Чернухин В.А., Карпов Д.И.</i> За строкой наградных листов рядового Великой Победы Андрея Филатова	342
<i>Чигарева Н.Г.</i> Незаслуженно забытые женские имена Первой мировой войны	349
<i>Чубинский А.Н.</i> Классификация оружия в переписной книге Государевой оружейной казны 1687 года	362
<i>Чумак Р.Н.</i> О производстве стрелкового оружия промышленностью Ленинграда в годы блокады (по материалам архива ВИМАИВиВС)	380
<i>Шмелев К.В.</i> Дерево-земляные бастионные укрепления на территории Карельского перешейка в XVII–XVIII веках. Опыт изучения и новые данные	392
<i>Щербаков Ю.В.</i> Формирование системы планирования оборонных усилий в СССР в межвоенный период (1921 – июнь 1941 года).....	402
Сведения об авторах	413

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *В.И. Хоронко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 30.04.2015.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13,25.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок ====

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====